

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В Е С Т Н И К БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 6

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Улан-Удэ

2013

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
И.К. Шаранхаев, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя); *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Базарова, канд. пед. наук, доц.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.;
А.В. Гаськов, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.;
Ц.З. Доржиев, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р филол. наук, проф.;
Л.П. Ковалева, канд. филол. наук, проф.; *К.Б-М. Митупов*, д-р ист. наук,
проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук,
проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

И.И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (гл. редактор); *А.Н. Постников*, д-р филос.
наук, проф. (зам. гл. редактора); *Э.Д. Дагбаев*, д-р социол. наук, проф. (зам. гл.
редактора); *Л.Л. Абаева*, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
Д.Ш. Цырендоржиева, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора); *П.А. Чукреев*,
д-р социол. наук, проф.; *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.; *Л.Е. Янгутов*,
д-р филос. наук, проф.; *В.И. Коваленко*, д-р филос. наук, проф.; *О.Н. Козлова*,
д-р филос. наук, проф.; *В.Л. Кургузов*, д-р культурологии, проф.; *В.В. Мантатов*,
д-р филос. наук, проф.; *П.Ю. Саух*, д-р филос. наук, проф.; *Ц.Ц. Чойропов*,
д-р социол. наук, проф.; *А.М. Кузнецова*, д-р филос. наук, доц. (отв. секретарь)

**ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 6

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Неисключительные права переданы авторами
Бурятскому государственному университету*

ВЕСТНИКУ 15 ЛЕТ

Прошло полтора десятилетия с тех пор, как вышел первый номер журнала «Вестник Бурятского университета. Серия 5. Философия, социология, политология, культурология». За это время издано 30 номеров журнала. Данной статьей открывается тридцать первый. За годы функционирования «Вестника» возросло количество номеров, выпускаемых в год. В течение нескольких первых лет издавалось по одному номеру в год, в последнее время выпускается по 4 номера. Увеличился формат журнала, его объем и тираж. Первые номера журнала издавались форматом 60x84x1/16, в настоящее время – 60x84x1/8. Объем первого номера «Вестника» (1997) равнялся 9,36 условных печатных листов, объем выпуска «Вестника» №84 (2012) составил 36,0 условных печатных листов, т.е. увеличился в 3,8 раза. Журнал закрепил за собой прежний научный статус. Он включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук». Сегодня «Вестник» – это солидный профессиональный научный журнал с ярко выраженными чертами общегуманитарного, а точнее общекультурного издания. Он пользуется спросом у ученых, в т.ч. других государств. Его получает библиотека Конгресса США.

За время существования «Вестника» на его страницах опубликовано 1 374 статьи объемом 790,0 печатных листов, в т.ч. за последние пять лет – 993 статьи (без 2013 г.), объем которых составил 527,0 печатных листов.

По мере издания журнала расширялась география авторского состава. Так, если в первом номере было опубликовано 12 статей, авторами которых являлись только работники вузов и НИИ г. Улан-Удэ, то в 2012 г. в его четырех номерах количество статей составило 191. Их авторами являются 213 человек, представляющих 26 городов России и несколько зарубежных вузовских центров таких стран, как Китай, Монголия, Украина, США, Польша. Большую часть статей журнала составляют материалы обществоведов вузов и НИИ г. Улан-Удэ. Их доля равняется 54-55%. Активно участвуют в качестве авторов «Вестника» представители Москвы, Иркутска, Читы, Томска, Барнаула, Хабаровска, Санкт-Петербурга, Красноярска,

Новосибирска и других городов. Это свидетельствует о том, что по своей географии «Вестник» стал по существу общероссийским изданием. Да и его содержание является достаточно представительным отражением тех проблем, которые разрабатываются исследователями России.

«Вестник» – многопрофильное издание. В нем материалы тематически формируются по разделам: философия, социология, политология и культурология. Наибольшее количество статей в журнале публикуется по философским проблемам. Они, по подсчетам за последние 5 лет, составляют 42,6%. Доля социологических материалов равняется 27,7%, культурологических – 19,5%, политологических – 10,2%.

Анализируя тематику философских статей, нельзя не отметить широкий круг вопросов, которые разрабатываются исследователями. Это проблемы истории философии, вопросы единства и многообразия социальных систем, объективности знаний в синергетике, философское понимание феномена коррупции, это и классические и неклассические стратегии решения проблемы сознания, современные тенденции развития российского общества и др. По-прежнему важное место среди материалов, освещающих глобальные философские вопросы, занимают статьи об итогах Всемирных философских конгрессов. Знакомство с этими проблемами, их актуальностью, степенью осмысления мировым сообществом дает возможность исследователю четче определить свои мировоззренческие позиции.

Традиционно большое место в журнале занимает востоковедческая философская проблематика, в частности, вопросы буддизма, даосизма, конфуцианства, других учений, их гуманистические ценности, традиции, влияние на культуру народов Восточной и Центральной Азии, а также представления восточной философии о проблемах общества, личности, этики и др. Эти вопросы освещаются в статьях И.С. Урбанаевой, Л.Е. Янгутова, С.Ю. Лепехова, Е.С. Лепеховой, А.К. Хабдаевой и др.

В разделе «Социология» помещаются статьи, раскрывающие различные стороны социальной структуры общества, его регионов, национальных общностей. Центральное место здесь занимает анализ условий, факторов и механизмов изменения социального строя, выявление основ-

ных тенденций данного процесса. Опубликовано ряд статей, посвященных осмыслению социального статуса сельского населения, интеллигенции, студенчества, одиноких женщин. Значительное место в журнале занимают материалы о проблемах современной семьи, миграции населения, пенитенциарной девиантности, бездомных, людях пожилого возраста и др.

Пятая часть публикаций журнала знакомит читателей с результатами исследований в области культурологии. Каждая шестая статья посвящена решению тех или иных политологических проблем. Прошедшее двадцатилетие было сложным периодом в сфере политических отношений. Была разрушена прежняя советская политическая система, создана новая, включая все ее основные элементы, в т.ч. в региональных образованиях. За эти годы были опубликованы материалы, раскрывающие становление новой политической системы, формирование института президентства в республиках Сибири, образование партийной системы, связь бизнеса и власти в регионах, даны типологические характеристики современных политических режимов в национальных районах Сибири и др.

За время своего существования журнал постоянно оказывал помощь соискателям ученых степеней кандидата и доктора наук. На его страницах помещались материалы диссертационных работ, без этого невозможно получить искомую ученую степень. В некоторых выпусках доля таких публикаций составляла 35-40%. Возможности издания своих статей в «Вестнике» использовали прежде всего исследователи Сибири, где реферируемых журналов очень мало. Вместе с тем, как уже отмечалось, в нем печатались представители других регионов, а также ближнего и дальнего зарубежья.

Говоря о задачах редколлегии «Вестника» на будущее, в числе главных можно было бы на-

звать – актуальность, новизну и качество публикуемых материалов. Каждая статья должна содержать новые знания, решать ту или иную научную задачу, обогащать методы исследовательского поиска. Журнал будет всячески поддерживать новые темы, новые подходы к решению значимых философских, социальных проблем, а также попытки анализа старых проблем с новых методологических позиций. Будут приветствоваться статьи, в которых рассматриваются общие значимые вопросы обществоведения. В то же время журнал заинтересован (может быть, даже в первую очередь) в материалах, посвященных анализу региональных сибирских проблем, выявлению особенностей протекания тех или иных процессов в специфических местных условиях. По-прежнему большое внимание будет уделяться востоковедческой проблематике. Наряду с публикациями статей историко-философского характера, буддизма на страницах «Вестника» важно помещать материалы, освещающие социологические, политологические и культурологические проблемы Востока.

Одной из актуальнейших задач редколлегии журнала остается разнообразие форм и методов представления в журнале нового знания. Необходимо, на наш взгляд, чаще практиковать проведение круглых столов по тем или иным актуальным проблемам, интервью с известными учеными, дискуссий. Важно помещать обзоры научных симпозиумов, конференций, рецензии на опубликованные монографии, информацию о вышедших книгах.

В заключении данной статьи хотелось бы выразить признательность заместителям главного редактора журнала, профессорам Л.Л. Абаевой, Э.Д. Дагбаеву, А.Н. Постникову, П.А. Чукрееву, а также научному сотруднику А.В. Доржиевой за их добросовестную общественную работу в «Вестнике». Спасибо Вам, коллеги.

И.И. Осинский, главный редактор

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

А.Д. Орлов, А.Л. Сафонов

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЭТНИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Идентичность рассматривается с позиций структурализма как субъективное отражение одновременного участия индивида в ряде объективно существующих социальных групп и структур.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, этнос, нация, социальная группа.

A.D. Orlov, A.L. Safonov

SOCIAL NATURE OF THE ETHNICAL IDENTITY IN THE GLOBALIZATION CONTEXT

The identity is considered by the means of structuralism as a subjective reflection of simultaneous participation of individual in a number of objectively existing social groups and institutions.

Key words: globalization, identity, ethnicity, nation, social group.

Как показывает практика последних лет, проблема идентичности национальной, этнической и религиозной и ее влияние на ход социальных процессов становится одной из ключевых в мире, определяющих устойчивость политических образований и локальных сообществ. Несмотря на возникновение глобального рынка, этнорелигиозные различия не нивелируются, а усиливаются и, все чаще перерастая в конфликты, сначала латентные, а со временем – и явные, оказывают все большее влияние на мировую политику.

В предшествующих работах, посвященных проблеме разграничения сфер этнического и национального, авторы обосновали тезис, что наблюдаемый в глобальном масштабе «ренессанс» этничности, необъяснимый с точки зрения конвергентных моделей глобализации и распротраненных теорий этногенеза, объективно связан с кризисом гражданской нации как системообразующей социальной группы, ослабление и деактуализация которой ведет к росту этнического и религиозного сознания.

Превращение постиндустриального государства в открытую социальную систему, переток ресурсов в транснациональный сектор экономики ведет к тому, что государство и его институты теряют свою роль центра экономической и политической жизни общества. А это нарушает систему воспроизводства социальных структур и отношений, ведет к системному социальному регрессу.

Повсеместное ослабление национального государства как следствие глобализации экономики и снижение роли нации как социальной группы, все больше утрачивающей свое значение для индивида, ведут к актуализации альтернативных социальных групп, наиболее устойчивыми и значимыми из которых являются этнические и религиозные группы с характерной для них идентичностью и другими атрибутами группового сознания.

По мнению авторов, продуктивные подходы к проблеме этнической и национальной идентичности следует искать не в сфере психологии, а в области социальных явлений, формирующих сознание, но при этом поддающихся объективному анализу в рамках современной социологии. В частности, различие феноменов этноса и нации заключается в механизмах их воспроизводства и функционирования как различных социальных групп [1; 2]. Была высказана гипотеза, что в условиях индустриального общества этносы не «отмирают» и не трансформируются в гражданские нации, а продолжают латентное (скрытое) функционирование, уходя в тень наций, и вновь проявляются при кризисе локальном или глобальном институтов национального государства.

Подчеркнем, что в этих работах авторы концентрировались на объективно существующих социальных группах, уходя от психологических подходов к идентичности, связанной с такой субъективной и трудно поддающейся изучению

сферой, как общественное и индивидуальное сознание.

Данный подход создает, на наш взгляд, хорошую методологическую основу для анализа такого субъективного, изменчивого и ускользающего от анализа явления, как идентичность.

Вытекающее из нашего подхода определение таково: идентичность есть субъективное отражение принадлежности индивида к объективно существующей социальной группе и его социальный статус в ней.

Также предпосылкой предлагаемого подхода является хорошо известный в социологии принцип одновременного участия индивида в ряде социальных групп, с каждой из которых связана определенная социальная роль и социальный статус. Иначе говоря, набор социальных статусов (статусный набор) индивида соответствует его одновременному участию в нескольких группах, причем групповая идентичность связана с соответствующим социальным статусом.

Из этого с необходимостью следует, что по своей природе идентичность всегда множественна, поскольку, обладая набором социальных ролей и статусов (статусным набором), индивид одновременно участвует в ряде социальных групп (принцип одновременного участия).

Учитывая, что социальные статусы индивида, связанные с участием в группах, неравноценны по своей значимости и затратам социального времени, идентичность индивида представляется как иерархия идентичностей, выстроенная в зависимости от субъективной значимости для него отдельных социальных статусов, причем второстепенные идентичности не «исчезают», а переходят в латентную форму.

Таким образом, идентичность – осознанная принадлежность индивида не к единственной социальной группе, а иерархия или даже более сложная структура, отражающая соотношение социальных групп, в которых участвует индивид.

Из этого следует, что структура идентичности как ключевого элемента индивидуального и общественного сознания, определяющего социальные действия индивида и группы, произвольно формируется политической надстройкой, как полагают сторонники конструктивизма, и не возникает на уровне индивидуального сознания, как привычно полагают психологи, а объективна и отражает принадлежность индивида к определенным социальным группам.

Таким образом, идентичность отражает социальную структуру общества через призму индивидуальных интересов и ценностей.

Очевидное следствие множественной природы идентичности – наличие ведущей, доминирующей идентичности, обычно воспринимаемой как единственной и неизменной. Однако при ее утрате или деактуализации, в частности при кризисе государства, институты которого обеспечивают воспроизводство гражданской нации, на первый план выходят альтернативные групповые идентичности, прежде всего этнические и религиозные.

Субъективность идентичности носит двойственный характер. С одной стороны, это групповая идентичность, связанная с массовым и групповым сознанием, которое в значительной степени формируется политической и культурной сферой социума. В этом отношении идентичность, включая национальную и этническую, действительно во многом является политическим конструктом, формируемым элитами. Однако даже в этом качестве идентичность приобретает устойчивость, инерционность и самодостаточность: при определенных условиях «искусственный конструкт», становясь явлением группового сознания, обретает независимость от создателей, обретая социальную плоть в лице реальных, объективно существующих общностей.

Однако абсолютизация конструктивистами политической, субъективной стороны идентичности приводит их к неспособности понять ключевые социальные процессы, связанные с национальной и этнической идентичностью.

С одной стороны, многие видные социологи и этнологи, констатируя отсутствие общепринятых и однозначных определений этноса и нации, предлагают исключить из научного дискурса само понятие нации как неоднозначное и субъективное [3]. С другой стороны, современную активизацию этничности и этнической идентичности зачастую упрощенно объясняют исключительно политическим заказом локальных и маргинальных элит [4]. При этом игнорируется очевидный факт избирательности действия этнической пропаганды, прямо указывающей на объективное существование соответствующих социальных общностей, изначально обладающих выраженным этническим самосознанием.

Несомненная эффективность политической пропаганды, якобы «конструирующей» этническое сознание чуть ли не с чистого листа, обусловлена именно тем, что она целенаправленно апеллирует к наиболее острым интересам реальной социальной группы, успешно пережившей череду социальных трансформаций и периоды латентного существования. Соответственно, фактором, объединяющим локальные элитные

группы для «конструирования» этничности, также является сама этническая идентичность целевых групп.

В результате «политическое конструирование» этнического самосознания на поверку оказывается не более чем управлением уже существующим этносом, активизацией группового сознания, групповой идентичности объективно существующей этнической группы, в результате чего латентный «этнос в себе» превращается в «этнос для себя».

Таким образом, конструктивизм абсолютизирует субъективную составляющую идентичности, не рассматривая ее отношения к объективно существующей социальной структуре и ее объективным, измеримым методами социологии, особенностям.

В конечном счете, конструктивизм не способен объяснить ключевую особенность реальной глобализации – неожиданную для теоретиков активизацию этничности и этнической идентичности на фоне кризиса гражданских наций.

С другой стороны, иерархия идентичностей индивида зависит как от значимости социальных групп, так и от занимаемой в группе социальной позиции: более высокий статус в социальной группе существенно повышает ранг соответствующей групповой идентичности.

В настоящее время в мире наблюдается снижение социальной значимости национально-гражданской идентичности, и как следствие, происходит актуализация этнической и религиозной идентичности. В условиях социальной нестабильности проявлением этого феномена становится конфликт социальных статусов, связанных с участием в различных группах [5].

Механизм формирования идентичности можно представить следующим образом.

На объективном уровне ведущую идентичность формирует та социальная группа, которая обеспечивает жизненные потребности и наиболее значимые социальные роли и статусы.

Так, в традиционном обществе бесспорно доминирует этническая идентичность. В условиях индустриального общества, когда основные жизненные потребности и наиболее привлекательные социальные статусы и права опосредованы государством и его институтами, ведущей становится национальная идентичность, в то время как этническая безусловно сохраняется (что показывают современные переписи и опросы), но отходит на второй, латентный, план.

В условиях глобализации, когда социальные функции государства сокращаются, а ресурсы распределяются через транснациональный биз-

нес или неформальные связи, на первый план вновь выходит этническая и религиозная принадлежность, связанная с повышением роли общин, этнического и религиозного сознания. Внешне это проявляется как «ренессанс» этноса.

Так, для исламских диаспор в Европе ведущую роль играет иммигрантская община (особенно при анклавном расселении), ставшая монопольным посредником между своими членами и принимающим социумом. Для этих общин характерна безусловно ведущая этнорелигиозная идентичность.

Принадлежность к нации принимающего государства для членов иммигрантской общины значима, но, как правило, не является ведущей. В результате интеграция иммигрантов в принимающее общество, которую часто смешивают с изменением идентичности, обычно носит инструментальный характер и ограничивается внешней адаптацией, минимально необходимой для получения доступа к ресурсам и социальным возможностям, при сохранении этнической и религиозной принадлежности в качестве ведущей. Возникает ситуация «двойной лояльности» и конфликта социальных статусов, в чем объективно заинтересованы элиты как иммигрантской общины, так и страны происхождения, для которых диаспоры становятся источником внешних ресурсов.

Примером несостоятельности модели гражданской нации как «плавильного котла», растворяющего этнические меньшинства, могут служить США, породившие как термин «плавильного котла» (melting pot), так и саму идею полиэтничной («мультикультурной») «нации иммигрантов». Собственно говоря, «плавильный котел» не работал, начиная с миграционной волны конца XIX в., размывшей англосаксонскую основу США, в результате чего американский социум состоит из устойчивых этнических (ирландская, итальянская, китайская, афроамериканская и др.) общин, сохраняющих свою обособленность в городской среде, вплоть до анклавного расселения. Этническая неоднородность американского общества сохраняется и нарастает, несмотря на гораздо более высокую, чем в Старом Свете, территориальную мобильность рабочей силы. Фактически уже в конце 1960-х гг. под давлением ряда общин, в первую очередь афроамериканской, произошел вынужденный отказ от идеи «плавильного котла» и переход к модели «мультикультурализма».

По мнению Эдуарда Лозанского, автора монографии «Этносы и лоббизм в США» (2004), этнические диаспоры и меньшинства США все

больше обособляются и конкурируют, формируя в органах власти влиятельные лоббистские группировки, сопоставимые с корпоративным лобби (ТНК) и партийной системой.

«Ориентация Америки на формирование не единого сплава в «тигле» многих национальностей, а на формирование пестрого многоцветья мультикультурализма привела к логическим результатам – к закреплению позиций этническими меньшинствами» [6]. Более того, Э. Лозанский отмечает озабоченность других исследователей перспективами этнической фрагментации американской политической нации, вплоть до угрозы «балканизации».

Так, Сэмюэль Хангтингтон подчеркивает усиление влияния «цивилизаций» в мировой политике и неожиданную устойчивость сохранения иммигрантами связей со странами происхождения. «Соединенные Штаты и Советский Союз напоминают друг друга в том, что не являются нацией-государством в классическом смысле этого слова. Обе страны в значительной степени определили себя в терминах идеологии, которая, как показал советский пример, является более хрупким основанием единства, чем единая национальная культура... Если мультикультурализм возобладает и если консенсус в отношении либеральной демократии ослабнет, Соединенные Штаты присоединятся к Советскому Союзу в грядущем историческом пепле» [7].

Учитывая, что Соединенные Штаты являются центром силы в глобальной мир-системе и могут рассматриваться как достаточно корректная модель постиндустриального мирового социума, мы имеем еще одно доказательство того, что тенденции к регенерации этничности и превращению диаспор в акторов мировой политики – не случайный парадокс, а одна из ведущих тенденций глобализации.

С другой стороны, определенные страты, связанные с транснациональным бизнесом, внешне космополитичны («новые номады» Ж. Аттали), но при этом устойчиво сохраняют национальную и этническую принадлежность в качестве вторичных идентичностей.

Таким образом, идентичность и ее иерархическая структура отражают участие индивида в социальных группах и ее эволюцию.

Однако идентичность является лишь отражением социального бытия в общественном и индивидуальном сознании, а отражение имеет свойство сохранять соответствие, но менять пропорции.

Ярким проявлением субъективной стороны идентичности является ее зависимость от конфликтов. Так, межгосударственные конфликты

существенно укрепляют, а часто – и формируют национально-государственную идентичность населения. Формирование национально-гражданской идентичности через политический конфликт с внешним врагом – скорее правило, чем исключение. Пример этому – войны за независимость и их выдающаяся роль в массовом сознании и идеологии.

В то же время межэтнические и религиозные конфликты, актуализируя этническую идентичность, деактуализируют национальную, яркий пример чему – инициированный по этнополитическому сценарию распад Югославии или Советского Союза. Под влиянием психологических потрясений, связанных с конфликтами, смена ведущей национальной идентичности на этническую может происходить массово, одномоментно, в форме катастрофической инверсии массового сознания.

Так, прекрасно интегрированные в советскую гражданскую нацию и академическую среду московские армяне отмечают, что после погромов в Сумгаите и Баку, которые, благодаря вялой позиции союзного правительства и запоздалому вводу войск, состоялись и остались фактически безнаказанными, они сразу же изменили ведущую идентичность, почувствовав, что в первую очередь они – армяне, и лишь во вторую – граждане СССР. Безусловно, свой вклад внесли СМИ, формирующие общественное сознание. Таким образом, ряд спланированных межэтнических конфликтов психологически разрушил полиэтничную гражданскую нацию, вызвав инверсию идентичности у целого ряда титульных этнических групп в республиках, что вскоре завершилось политическим распадом Советского Союза.

Характерно, что приоритет национальной идентичности, имеющей политический генез, свидетельствует о высокой устойчивости, управляемости социума, наличии сплачивающих общество национальных интересов, в том числе – привлекательного для всех страт общенационального проекта развития, общей для нации исторической перспективы.

Утрата же национально-государственной, гражданской идентичностью ведущей роли, актуализация этнического и религиозного самосознания обычно связаны с политическим и идеологическим кризисом политического режима, исчерпанием принятой модели развития общества, регрессом социальных структур и институтов.

В результате кризис нации как ведущей, наиболее рационально и системно организованной социальной группы сопровождается конфлик-

том социальных статусов, связанных с национальной и этнической принадлежностью, нарастающей этнической фрагментацией общества, а в случае компактного расселения этнических меньшинств – ведет к сепаратистским тенденциям.

По мнению авторов, наблюдаемая сегодня глобальная тенденция к актуализации этнической идентичности, особенно на уровне элит, является несомненным признаком деградации гражданских наций как системообразующих социальных групп и должна рассматриваться не только как диагностический признак, но и как значимый фактор нарастания внутренней нестабильности отдельных государств, эскалации системного кризиса в глобальном масштабе.

Литература

1. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – №4. – С. 218-232.
2. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – №6. – С. 17-23.
3. Тишков В.А. Забыть о нации (пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. – 1998. – №9. – С. 3-29.

4. Тишков В.А. Этнос или этничность? / Этнология и политика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.

5. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – С. 199-201.

6. Лозанский Э.Д. Этноты и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. – М.:Международные отношения, 2004. – 272 с.

7. Huntington S. The erosion of American national interests // Foreign affairs. – 1997. – Sept./Oct. – p.35.

Орлов Александр Дмитриевич, кандидат технических наук, доцент кафедры гуманитарных наук филиала Московского государственного индустриального университета, г. Москва, e-mail: aorlov2004@rambler.ru.

Сафонов Андрей Леонидович, кандидат технических наук, проректор по международным отношениям Московского государственного индустриального университета, доцент кафедры истории и социологии, г. Москва, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

Orlov Alexandr Dmitrievich, candidate of technical sciences, associate professor, department of humanitarian sciences, Moscow State Industrial University, Moscow, e-mail: aorlov2004@rambler.ru.

Safonov Andrey Leonidovich, candidate of technical sciences, vice-rector for international relations, associate professor, department of history and sociology, Moscow State Industrial University, Moscow, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

УДК 1:316.64

А.В. Сабадуха

ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье проанализирован механизм функционирования дискурсивно-коммуникативных практик и проблема формирования социального капитала. Доказано, что только индивид высокого уровня развития существенных сил способен продуцировать ответственные, доверительные и справедливые взаимоотношения в обществе.

Ключевые слова: дискурсивно-коммуникативные практики, социальный капитал, ответственность, доверие, личность.

A.V. Sabadukha

DISCURSIVE AND COMMUNICATIVE PRACTICES AS A MECHANISM OF DEVELOPMENT OF SOCIAL CAPITAL IN A MODERN WORLD

In the article a mechanism of functioning of discursive and communicative practices and a problem connected with development of social capital have been analyzed. It has been proved that only individual at a high level of development of essential powers is able to produce responsible, trustworthy and fair relationship in society.

Key words: discursive and communicative practices, social capital, responsibility, trust, personality.

В условиях глобализации мира актуальной становится проблема социального капитала – меры взаимного доверия между субъектами деятельности, их способность сохранять в обществе принципы равенства и справедливости. Социальный капитал в обществе является результа-

том функционирования дискурсивно-коммуникативных практик с целью принятия решений на основе доверия, равенства, справедливости, публичности и ответственности. Такой тип отношений получил название «горизонтальные связи», где все члены равны и доверяют

друг другу. Считаем, что причина неразвитости дискурсивно-коммуникативных практик на постсоветском пространстве – это отчужденность, эгоцентризм и безответственность как государственных институтов, политических партий, так и рядовых граждан. Проблема социального капитала и ответственности носит взаимообусловленный характер. С одной стороны, личная ответственность всех субъектов социальной и политической деятельности обуславливает функционирование дискурсивно-коммуникативных практик, а с другой – последние воспитывают чувство ответственности.

Проблему дискурсивно-коммуникативных практик как важнейшей предпосылки формирования социального капитала исследовали как отечественные (Т. Алексеева, В. Графский, М. Доган, А. Зотов, Б. Капустин, О. Кожемякина, И. Кравченко, О. Таран, Б. Топорнин), так и зарубежные (П. Бурдьё, Ю. Габермас, О. Геффе, Ф. Фукуяма) философы. Однако общим существенным недостатком их исследований, на наш взгляд, является то, что они рассматривают дискурсивно-коммуникативные практики и социальный капитал абстрактно, в отрыве от социальных качеств субъектов деятельности. Одним из таких фундаментальных качеств является чувство ответственности. Личность, осознавая свой долг перед обществом, способствует развитию дискурсивно-коммуникативных практик, продуцирует ответственные взаимоотношения в социуме, способные формировать чувство ответственности у других сограждан.

Целью этой статьи является исследование дискурсивно-коммуникативных практик как механизма формирования социального капитала, что предполагает решение нескольких задач. Во-первых, проанализировать имеющиеся подходы к функционированию дискурсивно-коммуникативных практик; во-вторых, выяснить, какой тип человека способен быть ответственным и развивать дискурсивно-коммуникативные практики в обществе; в-третьих, сформулировать условия функционирования дискурсивно-коммуникативных практик и формирования чувства ответственности у субъектов деятельности.

Одним из основоположников понятия «социальный капитал» является французский социолог П. Бурдьё. Так, в работе «Социальное пространство и генезис классов» он выделяет четыре вида капитала: экономический, культурный, социальный и символический. Социальный капитал – это доверие между различными субъектами деятельности. Сохранить доверие, по его мнению, можно лишь «ценой непрерывного

труда, который необходим для накопления кредита (доверия – А.С.) и для того, чтобы избежать его утраты» [1, с. 210]. Безусловно, в основе такого труда лежит чувство ответственности индивида за продукт своей деятельности и за общественные отношения в процессе этой деятельности. В концепции П. Бурдьё рассмотрено три варианта утраты социального капитала: потеря связей, статусов и дружбы [2, с. 351]. Именно эти факторы разрушают социальный капитал и препятствуют его формированию. Считаем, что основной причиной отсутствия социального капитала на постсоветском пространстве является, как уже было замечено, безответственность субъектов государственной и политической деятельности. Ориентация на собственную выгоду не позволяет им принимать решения в интересах целого, а потому в социуме не формируется атмосфера доверия.

Известно, что функционирование дискурсивно-коммуникативных практик в гражданском обществе предполагает сотрудничество граждан, общественных организаций, политических партий и государственных институтов на основе доверия, равенства и справедливости. Для формирования и развития дискурсивно-коммуникативных практик необходимо, чтобы субъекты деятельности руководствовались интересами общества. Так, известный немецкий философ Ю. Хабермас, ссылаясь на Дж. Мида, пишет, что в обществе должно происходить вообразимое освоение ролей, индивид должен побуждаться интересом тех, кого касается та или иная ситуация в обществе, принятие закона или решения [3, с. 328]. Дискурсивно-коммуникативные практики он определяет как «процесс взаимопонимания, который по своей форме побуждает одновременно всех участников к идеальному освоению ролей» [3, с. 328-329].

Следует обратить внимание на то, что руководствоваться интересами общества и другого человека способен только тот, кому присуща личная ответственность за принятие решений. Безответственный, эгоцентричный субъект деятельности, которому на данный момент принадлежит приоритет в обществе, наоборот, не способен к освоению ролей и организации дискурсивно-коммуникативных практик. Он только имитирует их функционирование.

Развивая свою точку зрения, Ю. Хабермас обращает внимание на то, что основой функционирования дискурсивно-коммуникативных практик в обществе являются принципы справедливости и солидарности. Конструктивна мысль философа о том, что понятие «справедли-

вость» следует употреблять, когда речь идет о защите и уважении прав конкретного человека, а не только общества в целом. Справедливость возможна только при условии неприкосновенности индивида, уважения к его достоинству и правам [3, с. 330].

В то же время принцип солидарности, по мнению Ю. Хабермаса, характеризует процесс защиты прав и свобод одного субъекта деятельности другим субъектом. Философ утверждает, что солидарность – это сочувствие (эмпатия) и забота о благополучии ближнего. «Солидарность <...> относится к благу соединенных тесными связями членов сообщества, которые имеют общую intersубъективную жизненную форму» [3, с. 331]. Ю.Хабермас подчеркивает, что дискурсивно-коммуникативные практики представляют собой волеизъявление, в котором учитываются интересы каждого индивида, проявляется доверие ко всем участникам дискурса и «не рушится социальное целое, в котором осуществляется объективная связь каждого со всеми» [3, с. 332].

Таким образом, философ стоит на той позиции, что индивид должен побуждаться интересом общества и нести ответственность перед ним за продукт собственной деятельности и общественные связи. Он отмечает, что качество общественной жизни «измеряется не только уровнем благосостояния, но и тем, насколько равноценно во всеобщем интересе учитываются интересы каждого отдельного гражданина» [3, с. 332]. Учитывая многочисленные факты нарушения интересов и прав человека на постсоветском пространстве, отметим, что качество общественной жизни находится на низком уровне. Причина этого кроется, на наш взгляд, в деятельности отчужденного и безответственного индивида.

О. Кожемякина, исследуя взаимосвязь функционирования дискурсивно-коммуникативных практик и развития гражданского общества, приходит к выводу, что в их основе должно быть доверие. Так, она говорит о социальных детерминантах, которые могут усилить тенденции позитивного развития социума, – его демократизацию и формирование гражданского общества. «Такой ценностной детерминантой может выступить <...> культура доверия, которая и есть условие и следствие гражданского общества» [4, с. 93]. В целом можно согласиться с этим утверждением, однако заметим, что одной из первооснов формирования и функционирования дискурсивно-коммуникативных практик и гражданского общества является чувство ответ-

ственности граждан. Доверие между различными субъектами возможно лишь в том случае, если каждый из них несет ответственность перед другим субъектом за продукт собственной деятельности и за характер воспроизводимых общественных отношений.

О. Кожемякина отмечает, что доверие должно быть не только между гражданскими организациями и государственными институтами, но и внутри них самих. Действительно, эффективность функционирования гражданских организаций зависит от уровня доверия между ними. Развивая свою мысль, она пишет, что доверие является базовым элементом гражданского общества, которое состоит из системы различных организаций, существующих независимо от государства [4, с. 93]. Уточним мысль о том, что же является базовым элементом гражданского общества. На наш взгляд, основа функционирования дискурсивно-коммуникативных практик и гражданского общества – ответственный индивид, который способен продуцировать доверительные и справедливые взаимоотношения в обществе и которому, увы, пока не принадлежит приоритет на постсоветском пространстве.

Исследуя механизмы функционирования дискурсивно-коммуникативных практик в гражданском обществе, О.Кожемякина отмечает, что в основе доверия лежит чувство ответственности: «Основой культуры доверия является условие соучастия, взаимопонимания, которое реализуется через принципы уважения, порядочности, честности, ответственности» [4, с. 96]. Однако она не указывает, какой именно тип человека способен быть ответственным, что является, на наш взгляд, методологической ошибкой. Функционирование дискурсивно-коммуникативных практик должно происходить в рамках конституционного права, а их участники должны руководствоваться внутренним нравственным законом.

Размышляя о базовых принципах функционирования гражданского общества и формирования социального капитала, О. Кожемякина уточняет представление о принципах солидарности и субсидиарности. Солидарность – это способность индивида осознавать чувство единства с другими субъектами деятельности, сопереживать и оказывать реальную поддержку. Субсидиарность – это осознание личной ответственности за результаты собственной деятельности. О. Кожемякина пишет, что «и солидарность, и субсидиарность базируются на принципе ответственности, но солидарность предусматривает общую ответственность всех за каж-

дого и каждого за всех, а субсидиарность отражает уровень личной ответственности за качество собственных действий» [4, с. 97]. Подытоживая свои рассуждения, она отмечает, что культура доверия, социальный капитал, дискурсивно-коммуникативные практики базируются на принципах солидарности и субсидиарности, а те в свою очередь – на принципе ответственности. Отметим, что чувство ответственности присуще только индивиду личностного уровня развития сущностных сил.

О. Кожемякина, пытаясь определить то начало, благодаря которому возможно развитие социального капитала и дискурсивно-коммуникативных практик, отмечает, что таковым является постконвенциональная мораль¹. Постконвенциональная мораль как раз предусматривает наличие в сознании человека чувства ответственности даже тогда, когда отсутствует правовой контроль, что обуславливает развитие социального капитала, чувства доверия. Основанная на чувстве ответственности постконвенциональная мораль предусматривает стремление сохранить справедливость, свободу, достоинство во взаимоотношениях с различными субъектами деятельности. Но возникает вопрос: «Откуда может возникнуть постконвенциональная мораль в постсоветском обществе?». Ответа у О. Кожемякиной мы не находим.

Для того чтобы выяснить, какой тип индивида способен быть ответственным и развивать дискурсивно-коммуникативные практики в обществе, следует обратиться к концепции сущностных сил человека [5]. Исходя из этой концепции, характер деятельности индивида обусловлен одним из четырех видов побуждений: стимул, мотив, интерес, идеал. В зависимости от вида побуждений выделяются четыре типа индивида как субъекта деятельности: зависимый, репродуктивный, личность и гений [5]. Только личность, которая побуждается социальным интересом, способна на личную ответственность перед обществом за принятие решений. Мы убеждены, что именно индивид личностного уровня развития сущностных сил является системообразующим элементом в процессе формирования и функционирования дискурсивно-коммуникативных практик. Человек среднего уровня развития сущностных сил в противовес личности порождает такие взаимоотношения,

которые характеризуются недоверием, несправедливостью и неравенством. Если личность способна укреплять связи, взаимоотношения внутри социального целого, то человек среднего уровня развития сущностных сил, наоборот, их разрушает.

Таким образом, основой формирования дискурсивно-коммуникативных практик, постконвенциональной морали является индивид личностного уровня развития сущностных сил. Это обращение к личности как к системообразующему фактору общественной жизни вполне согласуется с экзистенциальной философией Н. Бердяева. Так, по его мнению, общество и отношения в нем – это продукт деятельности личности. Философ пишет, что «не личность есть часть общества, а общество есть часть личности, одно из ее качественных содержаний на путях ее реализации» [6, с. 141]. Из этого утверждения становится понятным, что дискурсивно-коммуникативные практики и социальный капитал в обществе являются результатом продуктивной деятельности личности, которая побуждается социальным интересом и несет ответственность перед обществом.

Утверждение о том, что вопрос о личности – это вопрос об иерархии сущностных сил человека, также согласуется с философскими взглядами Н. Бердяева. Философ обращает внимание, что «идея личности аристократична в том смысле, что она предполагает качественный отбор, не допускает смешения, есть качественное возвышение и восхождение» [6, с. 133]. В продолжение этих размышлений скажем, что аристократичность личности, ее интеллектуально-моральное совершенство заключается в том, что она способна побуждаться социальным интересом и нести перед обществом полную ответственность как за качество продукта деятельности, так и за характер воспроизводимых отношений. К сожалению, большинство граждан на постсоветском пространстве побуждаются только материальными потребностями и выгодой, рассматривая общество как способ своего обогащения. Н. Бердяев в свое время отмечал, что все более актуальным становится «вопрос не о личности вообще, а о личности, имеющей особенное призвание и предназначение в мире, о личности, обладающей творческим даром, замечательной, великой, гениальной» [6, с. 133]. В то время как приоритетное положение в обществе человека среднего уровня развития сущностных сил может «нивелировать личность, сводить всех к среднему уровню, может вырабатывать безличные личности» [6, с. 133]. Ключевые положения концепции сущностных сил позволяют

¹Заметим, что постконвенциональной морали предшествует конвенциональная, которая характеризуется соответствием поступков граждан реальным существующим правовым нормам. Т.е. человек поступает нравственно, согласно закону, лишь потому, что боится быть наказанным, а не потому, что испытывает чувство ответственности.

сделать вывод о том, что приоритет в обществе должен принадлежать именно индивиду личностного уровня развития, способному решать актуальные общественные проблемы и формировать доверительные, справедливые и ответственные взаимоотношения в обществе – социальный капитал.

Итак, личность, являясь источником и основой функционирования дискурсивно-коммуникативных практик, формирования социального капитала, продуцирует ответственные и доверительные отношения в обществе, создает базу для развития сущностных сил других его членов. Напротив, продуцентом недоверия, безответственности, несправедливости и социально-психологического хаоса в обществе является человек массы, приспособленец, человек среднего уровня развития сущностных сил, который побуждается мотивом выгоды. Такой индивид отчужден от общества, никому не доверяет и не вызывает доверия к себе. Его деятельность разрушительно влияет на общественные отношения между различными субъектами.

Проблему недоверия между членами гражданского общества исследовал российский философ М. Доган. Для характеристики его сущности он использует понятие «эрозия доверия» как нечто среднее между разочарованием и кризисом в отношениях между субъектами деятельности. Философ выделяет четыре основные характеристики данного явления. Первая: недоверие может носить устойчивый характер и формироваться в результате систематического обмана государственными структурами своих сограждан. Вторая: недостаточность доверия во всех странах, даже в тех, где успешно функционирует гражданское общество. Третья: дефицит доверия имеет структурный характер, проявляясь в государственных институтах, а не только между субъектами гражданских отношений. Четвертая: недоверие имеет прагматическую, а не идеологическую основу [7, с. 86]. Считаем, что данный анализ носит формальный характер. Выводы философа имеют определенный смысл, но существенным недостатком его взглядов является то, что он не связывает проблему недоверия с определенными социальными качествами субъекта деятельности. А между тем причина недоверия в

обществе – деятельность человека массы, приспособленца – остается вне поля внимания исследователя.

Таким образом, основа функционирования дискурсивно-коммуникативных практик, формирования социального капитала – индивид личностного уровня развития сущностных сил. Доверие, ответственность, чувство равенства, справедливость – вот те социальные качества личности, которые способствуют организации дискурсивно-коммуникативных практик и формированию социального капитала. В свою очередь, сам процесс функционирования дискурсивно-коммуникативных практик и имеющийся социальный капитал способны воспитывать у членов общества ответственность и доверие. В этом и заключается диалектика взаимосвязи социальных качеств субъекта деятельности и дискурсивно-коммуникативных практик как механизма формирования социального капитала.

Литература

1. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Соціологічна енциклопедія / укладач В.Г. Городяненко. – К.: Академвидав, 2008. – 456 с.
3. Габермас Ю. Мораль і моральність. Чи стосуються гегелівські заперечення Канта також і дискурсивної етики? // А.М. Єрмоленко Комуникативна практична філософія: підручник. – К.: Лібра, 1998. – С. 395–412.
4. Кожем'якіна О.М. Культура довіри як цінність громадянського суспільства // Практична філософія. – 2008. – №1. – С. 93-99.
5. Гречаний А.Ф. Философия способностей в контексте приоритета духовного над материальным. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ukr-way.com.ua/108-ukrainsk-naukovc-pro-duhovne-ta-materalne.html>.
6. Бердяев Н.А. Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 679 с.
7. Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – №5. – С. 85-93.

Сабадуха Алексей Владимирович, аспирант кафедры философии Житомирского государственного университета им. И.Франка, г. Житомир, e-mail: ukr.alexey@gmail.com.

Sabadukha Alexey Vladimirovich, postgraduate student, department of philosophy, Zhytomir State University named after I.Franko, Zhytomir, e-mail: ukr.alexey@gmail.com.

УДК 141

В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова

СИНЕРГИЙНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Предметом анализа являются «позитивные синергии» – выигрышные стратегии для окружающей среды и человеческого развития. Авторы отмечают высокобытийный, экзистенциальный смысл концепции человеческого развития, поддержанный Конференцией ООН по устойчивому развитию «Рио+20».

Ключевые слова: синергийные стратегии, окружающая среда, эосоциализм, Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20».

V.V. Mantatov, L.V. Mantatova

SYNERGIC STRATEGIES FOR THE MANKIND DEVELOPMENT AND ENVIRONMENT

The subject for analysis is «positive synergies» – advantageous strategies for environment and mankind development. The authors underline highly in being, existential sense of the mankind development concept, supported by the UN Conference on Sustainable Development Rio+20.

Key words: synergic strategies, environment, ecosocialism, UN Conference on Sustainable Development Rio+20.

Было бы величайшим насилием над принципом универсализма, если бы мы ломали голову над межпоколенческим равенством и не занялись одновременно проблемой внутривоколенческого равенства.

Амартия Сен

В течение последних 20 лет произошло ускорение экономического роста и существенное повышение уровня жизни людей во всем мире, особенно в странах Запада. Между тем за это же время ухудшилось состояние окружающей среды и резко возросло неравенство по доходам. Эксперты ООН отмечают прямую зависимость между экономическим ростом, с одной стороны, и экологической деградацией, а также ростом социального неравенства, с другой.

Экономическое процветание капиталистического Запада сопровождается хищнической эксплуатацией человеческих и природных ресурсов всего мира, что неизбежно ведет к вопиющему неравенству и ухудшению жизненных условий в эксплуатируемых странах. Приведем несколько примеров. Сегодня в США на 1000 человек, способных по возрасту управлять автомобилем, приходится более 900 машин, в Западной Европе это количество составляет более 600, а в Индии – менее 10 машин. На одно американское домохозяйство приходится в среднем более двух телевизоров, тогда как в Либерии и Уганде телевизор имеется меньше чем в одном домохозяйстве из десяти. Бытовое потребление воды на душу населения в странах с очень высоким Индексом человеческого развития (ИЧР) составляет 425 л в день, что в 6 раз больше, чем в странах с низким показателем ИЧР, где оно в среднем равняется 67 литрам в день. Модели потребления варьируются даже среди стран с очень высоким ИЧР. Например, на долю потребления в Великобритании приходится 79%

ВВП, а в Сингапуре – 34%, несмотря на почти идентичный ИЧР в этих двух странах.

Стремительный рост потребления среди богатых людей в западном мире оказывает беспрецедентное давление на окружающую среду. Один человек в стране с очень высоким Индексом человеческого развития в среднем несет в четыре с лишним раза большую ответственность за выбросы диоксида углерода и в два раза большую ответственность за выбросы метана и оксида азота, чем человек в стране с низким, средним или высоким ИЧР – и почти в 30 раз большую ответственность за выбросы диоксида углерода, чем человек, живущий в стране с низким ИЧР [1].

Потеря биоразнообразия на мировом уровне происходит все быстрее, особенно на пресноводных заболоченных землях, среди обитателей морских льдов, коралловых рифов и солончаков. В докладе «Глобальные перспективы в области биоразнообразия-3» (в рамках Конвенции ООН) указывается на многочисленные признаки продолжающегося ухудшения биоразнообразия во всех трех его основных составляющих: гены, виды и экосистемы. Согласно этому докладу в большей части мира сжимается естественная среда обитания, почти четверть видов растений находится под угрозой исчезновения. Зафиксирован факт стремительного массового исчезновения видов, – при этом около половины из 10 млн видов, населяющих планету, исчезнет в этом веке. Главной причиной экологической деградации является превращение природных рай-

онов в сельскохозяйственные земли и использование их под городскую застройку. К другим причинам относятся вторжение чуждых агрессивных видов, чрезмерная эксплуатация природных ресурсов, загрязнение и воздействие климатических изменений. Под угрозой исчезновения находится около 30% видов млекопитающих, птиц и амфибий, а в бедных странах их еще больше. Последствия потери биоразнообразия для человеческого развития в тропических развивающихся странах очень серьезны; бедные сообщества находятся в значительной зависимости от природных ресурсов. Например, пища, добываемая в дикой природе, является источником витаминов и минералов для многих африканских сообществ. Экологическая деградация ведет к неравенству возможностей, ибо от нее страдают прежде всего бедные страны. Следовательно, защита окружающей среды имеет для них бытийный смысл. Вполне понятно, что бедные страны (в частности страны Латинской Америки) поддерживают концепцию экологического социализма. Ведь сегодня социалист является и голосом природы, и «голосом обездоленных» (Пьер Бурдьё).

Как разорвать пагубную связь между экономическим ростом, экологической деградацией, ростом неравенства в доходах и обеспечить устойчивое человеческое развитие?

Капиталистический Запад в целях обеспечения конгруэнтности экономического роста и экологической устойчивости внедряет парадигму «зеленой экономики». Эта парадигма концентрируется на методах, с помощью которых экономические стратегии могут привести к созданию устойчивых (сбалансированных) моделей производства и потребления. Стратегия развития «зеленой экономики» была в центре внимания Конференции ООН «Рио+20». В результате острых дискуссий было признано, что данная стратегия должна предоставлять возможности и приносить блага для всех, повышать уровень благосостояния местных общин, коренных народов и этнических меньшинств, сохраняя и уважая нерыночные подходы, способствующие ликвидации нищеты.

Конференция ООН «Рио+20» признала, что каждая страна может выбирать свой подход к устойчивому человеческому развитию в соответствии с национальными традициями и философией ответственности. Спектр выбора достаточно широк, и здесь могут быть весьма неожиданные варианты. Например, Бутан стал пионером в постановке экологической консервации в центр стратегии устойчивого развития, что от-

ражает традиционные нормы и дух местной культуры. В Конституции Бутана сказано, что все бутанцы несут ответственность за защиту окружающей среды, сохранение биоразнообразия и предотвращение экологической деградации. Конституция также предусматривает, что не менее 60% страны будет оставаться покрытой лесами на постоянной основе. Такой выбор Бутана представляет собой нравственный императив высокого духовного порядка, восходящий к буддийским представлениям о счастье человека и гармонии мира. Этот императив позволяет выстроить позитивные синергии, которые не дадут разойтись настоящему движению к большей экологической устойчивости с будущим идеалом человеческого развития (стремлению людей к счастливой жизни).

Современный Китай пытается максимизировать синергии между экономическим ростом, человеческим развитием и здоровой окружающей средой средствами централизованной политики. Экономический бум в Китае привел к резкому имущественному расслоению населения, к усилению неравенства в доходах, загрязнению окружающей среды, особенно в городах. Автотранспортные выбросы – возможно, самый быстрорастущий источник загрязнения воздуха в городах, и по оценкам Агентства по охране окружающей среды Китая, транспортные средства являются источником 70% содержащейся в воздухе серы. С 1990 г. по мере повышения доходов и улучшения дорог автомобильный парк страны ежегодно увеличивается на 20%.

Правительство Китая сделало разработку новых автотранспортных средств, использующих экологически чистую энергию, приоритетной задачей автомобильной промышленности на ближайшие десять лет. Страна взяла на себя обязательство сократить к 2015 г. потребление энергии и выбросы углекислого газа на 18% в пересчете на единицу добавленной стоимости промышленной продукции, а также увеличить к 2020 г. потребление ископаемого топлива с нынешних 8 до 15%, что должно также сократить загрязнение атмосферного воздуха. Как известно, XVIII съезд Коммунистической партии Китая главной целью устойчивого развития страны признал построение социалистической экологической цивилизации, в результате которой будут решены, в частности, и проблема неравенства, и проблема окружающей среды.

Швеция пытается решить вышеназванные проблемы средствами демократической политики с опорой на сообщества (коммьюнити). Сегодня страна занимает одно из первых мест в рей-

тинге по Индексу человеческого развития (ИЧР) и экономическим показателям. Уровень загрязнения воздуха в Швеции является самым низким в группе стран с очень высоким ИЧР, а в мире она занимает по этому показателю четвертое место. Успехи Швеции коренятся в высокой экологической информированности населения и в традиции эгалитаристской и демократической политики. Например, Комитет по сохранению и использованию природных ресурсов Швеции постоянно работает над повышением общественной осведомленности об экологических вопросах. Исследования выявляют мощную поддержку населением идеи замедления экономического роста ради предотвращения ухудшения состояния окружающей среды и готовность к повышению местных налогов для борьбы с загрязнением окружающей среды. Право на общий доступ глубоко укоренено в социальной психологии шведов и в их многовековых традициях. Современное состояние осведомленности отразилось в результатах опроса Гэллапа, показавших, что 96% шведов знают о климатических изменениях, а почти половина считают их серьезной угрозой. Достижения Швеции в области равенства возможностей и образования способны трансформироваться в сильный политический голос, что частично объясняет, почему массовая экологическая грамотность и сознательность находят выражение в экологически ориентированной политике.

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна созданы инклюзивные политические институты, которые внедряют принципы экосоциализма. Мы привели ряд примеров успешных синергичных стратегий устойчивого развития, ориентированных на достижение единой цели – общего блага. К сожалению, реальная ситуация такова, что многие попытки синергичного подхода к решению проблемы устойчивого развития столь же успешно блокируются различными глобальными и национальными структурами.

Что мешает продвижению идеи устойчивого развития? Во-первых, – капиталократия (корпоративизм), во-вторых, – зеленый экстремизм, в-третьих, – национальный эгоизм. Тот факт, что представители именно этих сил и движений попытались объявить итоги Конференции ООН в Рио-де-Жанейро «провалом», свидетельствует об обратном (противоположном), то есть об успехе «Рио+20», связанном именно с преодолением узконациональных, узкокорпоративных, сектантско-экстремистских подходов к проблемам развития и окружающей среды. Для обеспечения устойчивого развития мира уже недостаточно призывов в защиту окружающей среды.

Конференция ООН «Рио+20» признала приоритетное значение развития человеческого потенциала, обратив особое внимание на укрепление системы социальной защиты, обеспечивающей устранение неравенства, изоляции и нищеты. Конференция ООН «Рио+20» смогла дать человечеству всеобщий язык – язык практического гуманизма, на котором можно обсудить цели устойчивого развития и проекты будущего. Она стала стартовой площадкой для новой модели развития. «Наступило время пересмотреть сами основы наших взглядов на то, что мы считаем развитием, благосостоянием и зажиточностью», – таково справедливое суждение одного из организаторов Конференции Антонио Патриота, министра внешних отношений Бразилии.

Одним из главных успехов Конференции ООН «Рио+20» является достижение консенсуса о глобальных действиях во имя будущего человечества на основе новой парадигмы устойчивого развития. Ядром этой парадигмы является концепция человеческого развития, разработанная экспертами ООН на основе идей лауреатов Нобелевской премии Махбубо уль Хака и Амартии Сена. Ценность данной концепции в том, что она выявляет «позитивные синергии – выигрышные стратегии для окружающей среды, равенства возможностей и человеческого развития».

Выдающийся вклад в формирование новой парадигмы Sustainability внесли доклады о человеческом развитии, которые ежегодно издаются Организацией Объединенных Наций, начиная с 1990 г. Особый интерес в данном контексте представляют два последних доклада, приуроченные к «Рио+20»: 1. «Реальное богатство народов: пути к развитию человека» (2010); 2. «Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех» (2011). Главная задача этих докладов заключалась в том, чтобы подчеркнуть, что развитие по своей сути предназначено для всех людей. Эта мысль стала лейтмотивом итогового документа Конференции ООН «Рио+20». «Мы признаем, – сказано в нем, – что устойчивое развитие ориентировано прежде всего на человека, и в этой связи мы выступаем за построение мира на основе принципов справедливости, равноправия и инклюзивности».

Доклад 2010 г. начинается с четкого определения понятия «развитие человека» [2]. Оно представляет собой процесс расширения спектра выбора для людей, включение в число человеческих свобод права людей на долгую, здоровую и творческую жизнь, на активное участие в обеспечении справедливости и устойчивости разви-

тия на нашей планете. Развитие человека также предполагает противодействие процессам, ведущим к обнищанию людей, усилению гнета и структурной несправедливости. Одновременно подчеркивается, что «необходимы особые усилия для того, чтобы результаты развития человека были долгосрочными, то есть чтобы оно было устойчивым» [2, с. 3].

За последние 20 лет во всем мире наблюдался существенный прогресс в человеческом развитии. С 1990 г. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) вырос на 18%, что отражает значительное улучшение показателей продолжительности жизни, охвата школьным образованием, грамотности и доходов. Основная группа лидеров в области ИРЧП включает в себя такие страны, как Китай, Южная Корея, Индонезия, Непал, Япония и др. Однако, по мнению авторов доклада 2010 г., прогресс был неодинаков, и население некоторых регионов – таких как Юг Африки и республики бывшего Советского Союза, включая Россию, – переживало периоды регресса, особенно в области здравоохранения.

К сожалению, в минувшие годы в мире происходил рост неустойчивости многих моделей производства и потребления. Одним из наиболее неожиданных результатов исследований в области человеческого развития в последние годы – что подтверждается в докладе 2010 г. – явилось отсутствие существенной корреляции между экономическим ростом и улучшениями в области здравоохранения и образования. Главный итог доклада 2010 г. состоит в демонстрации положения о том, что «развитие человека отличается от экономического роста и что существенных достижений можно достигнуть даже без существенного роста» [2, с. 7].

Авторы доклада 2010 г. приводят в качестве примера такие страны, как Куба, Коста-Рика, Непал, индийский штат Керала и т.д. Эти достижения свидетельствуют о том, что не существует единственной модели развития или универсального рецепта успеха, что есть огромное многообразие путей устойчивого человеческого развития. «Сегодня почти повсеместно признано, – пишет администратор ПРООН Хелен Кларк, – что успех страны или благосостояние индивида не могут измеряться только в деньгах. Доход, разумеется, имеет огромное значение: без ресурсов любой прогресс будет затруднен. Тем не менее мы должны оценить, имеют ли люди возможность вести долгую и здоровую жизнь, могут ли они получить образование и вольны ли они использовать свои знания и та-

ланты для формирования собственной судьбы» [2, с. 11]. Верно и то, что ежегодно появляются новые проблемы и заботы. «Тем не менее концепция развития человека достаточно сложна, – замечает лауреат Нобелевской премии Амартия Сен во Введении к докладу 2010 г., – чтобы вместить в себя новые заботы и учесть будущие перспективы» [2, с. 5].

С точки зрения перспектив устойчивого развития заслуживает внимания следующий вывод доклада 2010 г.: «Прогресс возможен даже без привлечения большого количества ресурсов: жизнь людей может быть улучшена с помощью средств, которыми уже располагает большинство стран» [2, с. 11]. Современные экономические концепции, как правило, исходят из того, что люди озабочены только потреблением. В отличие от этого, концепция человеческого развития исходит из того, что благополучие не сводится к деньгам и потреблению. Она поддерживает идею справедливого и всеобъемлющего прогресса, при котором все люди становятся активными участниками перемен. «Отсюда призыв к созданию новой экономической концепции развития человека» [2, с. 12]. Одной из важных проблем устойчивого развития является то, как организованы отношения между государством и рынком. Рынки могут быть необходимы для обеспечения устойчивого экономического роста, однако они не приносят прогресс автоматически в другие измерения человеческого развития. Обычно рынки плохо справляются с выполнением общественных задач – таких как безопасность, стабильность, здравоохранение, образование. «Динамика может быть положительной, когда страны одновременно переходят к инклюзивным рыночным и инклюзивным политическим институтам. Но это трудно осуществимо и наблюдается редко. Олигархический капитализм имеет тенденцию двигаться к собственной гибели» [2, с. 7]. Эти наблюдения и выводы экспертов ООН подтверждают мысли о нетождественности рынка и капитализма, высказанные такими блестящими теоретиками капитализма, как В.И. Ленин, Ф. Бродель, Дж. Арриги, К. Полани и др.

Доклад 2011 г. [3] развивает новые подходы и методы осмысления общественного прогресса. Основное внимание сосредоточено на проблеме взаимоотношения экологической устойчивости и равенства возможностей. Авторы доклада показывают, как деградация окружающей среды усиливает неравенство людей и как неравенство в человеческом развитии, в свою очередь, усиливает экологическую деградацию. «Мы указы-

ваем пути, – замечают авторы доклада, – двигаясь по которым, люди, сообщества, страны и все международное сообщество могли бы содействовать устойчивости и равенству возможностей таким образом, чтобы они усиливали друг друга» [3, с. 1].

До сих пор многие споры о Sustainability обходят тему равенства, рассматривая ее как отдельную и не связанную с экологией проблему. Такой взгляд является контрпродуктивным. Схожесть понятий экологической устойчивости и равенства возможностей, по мнению авторов доклада, заключается в том, что они предполагают соблюдение справедливости при распределении. «Мы ценим устойчивость, – пишут авторы доклада, – поскольку будущие поколения должны иметь, по меньшей мере, такие же возможности, что и наши современники. Точно так же несправедливы и все процессы, не обеспечивающие равенства возможностей: шансам людей на лучшую жизнь не должны препятствовать факторы, находящиеся вне их контроля» [3, с. 16].

В докладе 2011 г. приведены сценарии, демонстрирующие влияние экологических рисков на перспективы человеческого развития. Наблюдая за связью между экологическими рисками и Индексом человеческого развития (ИЧР), авторы доклада пришли к следующим заключениям: экологическая депривация домохозяйств носит более тяжелый характер в странах с низким Индексом человеческого развития и снижается по мере роста ИЧР; экологические риски, воздействующие на сообщество – такие как загрязнение воздуха в городах, – демонстрируют тенденцию к росту и затем к падению по мере развития в целом; экологические риски с глобальными последствиями – особенно выбросы парниковых газов – обычно растут вместе с экономическим ростом. Выбросы в атмосферу на душу населения намного выше в развитых странах, чем в развивающихся. Однако последние испытывают наибольшие потери от глобальных климатических изменений. Парадоксальность ситуации заключается в том, что во многих случаях люди, находящиеся в самом неблагоприятном положении, несут и будут нести на себе наибольшее бремя ухудшения состояния окружающей среды, несмотря на то, что они меньше всего ответственны за эту деградацию. «Мы стремимся к тому, – пишут авторы доклада 2011 г., – чтобы при движении к большей экологической устойчивости в полной мере учитывались надежды бедных людей на лучшую жизнь» [3, с. 1].

Новаторская ценность доклада 2011 г. заключается в исследовании подходов, которые благоприятствуют позитивной синергии экологической устойчивости, равенству возможностей и человеческого развития. Ключевой темой данного доклада является необходимость полной интеграции вопросов равенства в политические стратегии, оказывающей влияние на окружающую среду на местном и национальных уровнях. Авторы доклада указывают на необходимость выделения значительных ресурсов бедным странам и финансирования борьбы с экологическими депривациями. Действительно, существование нищеты и бедности на нашей планете – это просто позор; это проявление бесчестия богатых людей, купающихся в роскоши, когда миллионы детей умирают от голода, миллионы бедных людей страдают от двойной-тройной депривации. Выводы очевидны – необходимо создание эффективной в социальном и экологическом отношении глобальной системы экосистемного управления, работающей в интересах всех людей, прежде всего бедных слоев населения.

На уровне сообществ многие проблемы окружающей среды возникают из-за властного дисбаланса, отсутствия экологической грамотности и осведомленности населения. Олигархи, промышленники и банкиры обладают, несомненно, большей властью, чем местное население. Владельцы горнопромышленных компаний могут получать дополнительную прибыль за счет неприемлемого загрязнения воздуха и воды, потому что местное население не в состоянии эффективно против него протестовать. Лес может быть уничтожен избыточной вырубкой, потому что торговцы древесиной обладают большим влиянием, чем местные жители. Таковы факты. А факты – «упрямая вещь». Из всего этого следует необходимость повышения дееспособности политических институтов и гражданских сообществ.

В основе нарастающего разрыва между экономическим ростом, экологическим императивом и человеческим развитием лежит отсутствие чувства личной ответственности и моральной устойчивости крупных бизнесменов, финансовых менеджеров, местных чиновников и т.д. Исследования в области экспериментальной экономики дают отрезвляющие результаты. В имитационных моделях, демонстрировавших, как группы бизнесменов реагируют на просьбу коллективно инвестировать в предотвращение изменения климата, многие участники занимались «фрирайдингом», то есть действовали безответственно. В сценариях, где вероятность разрушительных климатических сдвигов была невелика,

на эти цели не было выделено почти никаких средств. Даже когда их вероятность составляла 90%, лишь около половины из 30 изученных групп пообещали сделать достаточно большие инвестиции. Как показывают исследования в разных странах мира, огромное значение для продвижения устойчивого человеческого развития имеет система демократического управления, включающая общественный контроль, гласность, подотчетность и ответственность [1].

Мы все несем всеобщую, но дифференцированную ответственность за судьбу человечества и состояние окружающей среды, и эта ответственность придает смысл нашему существованию. «Устойчивое человеческое развитие, – пишут авторы доклада 2011 г., – заключается в расширении значимых свобод и возможностей людей уже сегодня, одновременно с приложением разумных усилий, чтобы не допустить серьезного уменьшения таких свобод и возможностей для будущих поколений <...>. Для реализации этой идеи решающее значение имеет организация аргументированного общественного обсуждения, жизненно необходимого для определения рисков, которые общество готово на себя принять» [3, с. 2].

Концепцию устойчивого человеческого развития можно рассматривать как адаптацию теории социализма к современным условиям, когда резко возросли риски катастроф. Наряду с природными и техногенными рисками, наибольшую опасность представляет капиталистическое общество потребления. Опасность этого общества – следствие невозможности поддерживать высокий уровень материального потребления в западных странах, приводящий к экологической и социальной депривации огромных масс людей во всем мире. Такая ситуация, как убедительно показали многие зарубежные и отечественные исследователи современности, предвещает начало войн за перераспределение планетарных ресурсов (А. Фурсов, А. Дугин, З. Бауман, Х. Вельцер и др.). Предотвратить риски катастроф можно – но только, если человечество найдет ключ к открытию новых путей строительства глобальной экосоциалистической цивилизации. Сегодня многие политики и ученые во всем мире готовы внедрять принципы социалистической справедливости, чего не было десять лет тому назад. Раньше на Западе, особенно в США,

пугали людей социализмом: «Вот придут левые и...». Теперь это не действует, «все размылось» (Ф. Лукьянов). Возникает ощущение, что только российские обществоведы псевдолиберального толка продолжают неблагодарную работу по дискредитации идеалов социализма. Под социализмом мы имеем в виду «практический гуманизм» (К. Маркс и Ф. Энгельс), то есть справедливое общество, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

В заключение еще раз отметим: в центре внимания концепции человеческого развития, поддержанной Конференцией ООН «Рио+20», находятся прежде всего бедные и уязвимые люди. Это относится и к тем людям в будущем, кто будет страдать от последствий рисков, предпринимаемых сегодня. Этот высоконравственный и гуманистический дух Конференции ООН «Рио+20» заслуживает восхищения и всяческой поддержки.

Литература

1. Human development reports. – [Электронный ресурс]. – URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Complete.pdf.
2. Доклад о развитии человека 2010. – М.: Весь Мир, 2011.
3. Доклад о человеческом развитии. – М.: Весь мир, 2012.

Мантатов Вячеслав Владимирович, доктор философских наук, профессор, директор Института устойчивого развития, руководитель кафедры ЮНЕСКО по экологической этике при Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: mantatovalarisa@mail.ru.

Мантатова Лариса Вячеславовна, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: mantatovalarisa@mail.ru.

Mantatov Vyacheslav Vladimirovich, doctor of philosophical sciences, professor, head of Institute of Sustainable Development, chair of the department of UNESCO on ecological ethic, East-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: mantatovalarisa@mail.ru.

Mantatova Larisa Vyacheslavovna, doctor of philosophical sciences, head of the department of philosophy, East-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: mantatovalarisa@mail.ru.

УДК 316.6

С.Г. Пилецкий

ЭТОЛОГИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ

Автор ставит своей задачей проанализировать тему животной агрессии вообще и человеческой в частности в работах выдающегося этолога и философа Конрада Лоренца.

Ключевые слова: *этология, теория естественного отбора, агрессия, эволюционные сдерживатели, меры цивилизованного обуздания агрессивности.*

S.G. Piletsky

ETHOLOGICAL VISION OF HUMAN AGGRESSIVENESS

The author undertakes the task to analyze a theme of animal aggression on the whole and human aggression in particular in the works of outstanding ethologist and philosopher Konrad Lorenz.

Key words: *ethology, the theory of natural selection, aggression, evolutionary restraints, measures of civilized coercion of aggressiveness.*

Чрезвычайная актуальность темы обоснована всей историей рода человеческого. Века шли за веками, эпоха шла за эпохой, мирные эпизоды жизни чередовались с кровавыми, менялись правители, рушились империи, происходила даже смена целых общественно-экономических формаций, а проблема человеческой агрессивности и ее сдерживания как была экзистенциально важна и остро значима, так остается и до сих пор. Без сомнения, она затрагивает самые основы нашего миробития, самые глубины нашего эмоционально-психологического восприятия и нравственного осознания своего места в этом мире и своих взаимоотношений с другими представителями рода человеческого. И в сомне попыток истолкования человеческой агрессивности на особом месте стоит концепция выдающегося философствующего этолога, лауреата Нобелевской премии, Конрада Лоренца.

В самом начале Конрад Лоренц задает простой вопрос: «А в чем, собственно, польза агрессивности?» Дарвиновское выражение «борьба за существование» иногда ошибочно интерпретируется как борьба между различными видами. В действительности же, Ч. Дарвин имел в виду то, что действительно движет эволюцию, – это конкуренция между близкими биологическим видами. Что на самом деле приводит вид к исчезновению либо его трансформации в иной вид, так это дающая преимущества «новация», которая волею случая выпадает на одного или нескольких его членов в ходе извечной игры наследственных изменений. Потомки этих «баловней судьбы», превосходя всех остальных в выживании и воспроизводстве, постепенно доводят свое господство до такого уровня, что данный вид будет состоять исключительно из особей, наделенных этой «новацией». Речь идет о благоприобретенных мутациях, разумеется.

Что же касается вредоносных мутаций, то с ними, в принципе, то же самое, но с точностью до наоборот.

Ценность межвидовой борьбы для выживания и развития гораздо более очевидна, нежели в случае внутривидовой конкуренции. Влияние хищника и его жертвы на их обоюдную эволюцию – классический пример того, как селективное давление определенной функции вызывает соответствующую адаптацию. Скорость убегающего копытного заставляет его кошачьих преследователей эволюционировать в сторону огромной силы прыжка и вооружения острыми когтями. Палеонтологические исследования вскрыли впечатляющие примеры подобного эволюционного состязания между оружием нападения и оружием защиты. Но эта борьба между едоком и съедобным никогда не заходит настолько далеко, чтобы хищник вызвал вымирание жертвы: постоянно сохраняется устойчивое равновесие между ними, терпимое для обоих видов. Последние львы вымрут от голода куда раньше, нежели забьют последнюю антилопу или зебру. Что действительно угрожает существованию вида – это не враг, который может съесть, а конкурент. Лоренц приводит следующий пример. В доисторические времена человек завез динго, примитивную одомашненную собаку, в Австралию. Она распространилась на воле и при этом отнюдь не уничтожила ни одного вида своей дичи, а совсем наоборот, стала причиной истребления крупных сумчатых млекопитающих, питавшихся теми же животными, что и она. Крупные сумчатые хищники – «тасманский дьявол» и сумчатый волк – намного превосходили динго по силе, но методы охоты этих относительно беспомощных и медлительных созданий значительно уступали пришельцам. В результате ныне сумчатые хищники существуют только

на Тасмании, куда динго не проникла [1, с. 22-23].

Итак, первое, что мы должны отметить для себя, что существенно, согласно Лоренцу, для понимания феномена агрессивности – это то, что подлинной агрессией можно считать отношения, складывающиеся между представителями одного и того же вида.

Второй важный момент заключается в территориальности агрессии. Кроме интересов социальной организации, требующей единения своих членов, существует явная целесообразность распространить особей данного вида по наличествующей зоне обитания столь равномерно, насколько это возможно. Опасности же перенаселения популяции, обосновавшейся на части данного биотопа, истощения всех его ресурсов, а следовательно, и голода можно избежать лишь взаимным неприятием и отталкивающим действием в отношении животных одного вида, производя регулярные пространственные расстановки наподобие того, как электрические заряды равномерно распределяются по сферической поверхности проводника. В этом, собственно, и есть наибольшая ценность для выживания от внутривидовой агрессивности.

Кстати, видотипические песни птиц играют ту же роль. Из напева определенной птицы другие, еще не имеющие своей территории, узнают, что на это место самец предъявляет свои права. Примечательно, что у многих видов песня показывает, насколько силен и, возможно, насколько стар певец, другими словами – насколько слушателю следует его опасаться.

Конрад Лоренц высвечивает любопытный аспект территориальности. Даже у тех животных, отмечает он, чья территория обусловлена только пространством, их охотничьи угодья не нужно представлять как собственность, определяемую лишь географическими рубежами. Она также детерминируется тем фактом, что у каждой особи готовность к схватке наивысшая в наиболее знакомом месте, т.е. в центре своей территории. По мере того как дистанция от «штабов» возрастает, пропорционально этому снижается и готовность к бою, т.е. по мере того, как окружение становится все более незнакомым и пугающим.

Территория, которой животное неоспоримо владеет, представляет собой, таким образом, по сути, вариацию готовности к схватке, зависящую от места и различных локальных факторов, сдерживающих боевой порыв. Во внутренней территориальной зоне агрессивный побудительный импульс усиливается в геометрической прогрессии по мере приближения к центру. И

этот рост агрессивности настолько велик, что компенсирует все различия у взрослых особей вида. Так что если нам известны территориальные центры двух конфликтующих животных, то при всех остальных равных условиях мы можем с большой долей уверенности предсказать, исходя из места их столкновения, кто из них победит, а именно – тот, кто ближе к дому.

Когда побежденный спасается бегством, инерция реакции обоих животных приводит к тому явлению, которое происходит, если сдвиг фаз входит в режим саморегулирующегося процесса – к колебанию. Отвага возвращается к беглецу по мере его приближения к своему «штабу», в то время как преследователь, напротив, все более и более втягивается вглубь вражеской территории. В конце концов беглец поворачивает и решительно атакует бывшего преследователя, и уже тот в свою очередь побит и изгнан. Все это представление может повторяться по нескольку раз, пока оба бойца в некоторой точке баланса не приходят к определенному затишью, когда они угрожают друг другу, но уже без борьбы.

Третье, что существенно важно, по Лоренцу, для понимания агрессивности – это ее спонтанность. Знание того факта, замечает Лоренц, что импульс агрессивности – значимый видосохранительный инстинкт – позволяет нам уяснить в полной мере и его опасность: спонтанность инстинкта – вот что делает его столь опасным. Будь он просто реакцией на определенные внешние факторы, то положение человечества не было бы столь угрожающим, чем оно есть на самом деле, поскольку вызывающие реакцию стимулы с приличной долей успеха можно было бы элиминировать. Центральная нервная система не нуждается в ожидании стимула (в том же смысле, как электрический звонок требует нажатия кнопки), она сама способна продуцировать стимулы, которые и дают естественное, физиологическое, объяснение спонтанности агрессивности.

Если стимул долго отсутствует, организм начинает приходить в состояние общего волнения и беспокойства и приступает к активному поиску недостающего стимула. Этологи называют этот тип целенаправленного поиска «аппетентным поведением». Они подчеркивают, что буквально каждый инстинктивный моторный образец, даже простейшая координация движения, дает начало своему собственному, автономному, «аппетиту», как только в адекватной стимуляции ему отказано.

Существует не так уж много таких поведенческих образцов, где бы порог понижения был

столь наглядно и мощно выражен, как это, к сожалению, проявляется во внутривидовой агрессивности. Лоренц приводит любопытные примеры из жизни рыб. Пороговое понижение у рыбы-бабочки заставляет ее в отсутствие членов своего собственного вида находить себе «заместителя», «заместителя» среди членов ближайшего родственного ей вида, а у голубых триггеровых рыб – лишь по одному с ними общему признаку – по голубой окраске. У аквариумных цихлид запал агрессивности, который в естественных условиях был бы излит на враждебных территориальных соседей, с легкостью может привести к убийству партнера. Практически все содержатели аквариумов, имеющие этих рыб, замечает Лоренц, допускают следующую общую грубейшую ошибку: молодняк этого вида возвращают в большом аквариуме, чтобы дать им возможность к спариванию более естественным образом. Но когда это происходит, аквариум вдруг становится слишком мал для большинства его обитателей. Он начинает содержать одну единственную восхитительно окрашенную пару в их счастливом союзе, вытеснившую при этом всех остальных. А поскольку остальные не имеют возможности никуда скрыться, они вынуждены нервно кружить по углам ближе к поверхности. Хвосты и плавники их превращаются в лохмотья, и вообще все это представляет собой весьма жалкое зрелище. Содержатель аквариума, сострадав не только преследуемым «горемыкам», но беспокоясь также и о той великолепной чете победителей, успевшей к тому времени уже отметать икру, благоразумно изымает беглецов и оставляет игривую супружескую пару в их одиночном владении резервуаром. Полагая, что на этом его долг выполнен, он, в общем-то, прекращает серьезно волноваться об аквариуме и его содержимом. Однако через несколько дней он, к своему ужасу, обнаруживает мертвую самку, разорванную в клочья, и никаких следов от икры и молодняка.

Этого печального события, повторяющегося с предсказуемым удручающим финалом, в особенности у восточно-индийских желтых цихлид и бразильской перламутровой рыбы, можно избежать либо за счет внедрения в аквариум некоего «козлика отпущения», т.е. рыбешки того же вида, либо при помощи более милосердного метода – использования резервуара, достаточно по объему для двух пар и разделенного надвое перегородкой, в каждое из отделений которого и нужно поместить по паре. Теперь каждая рыбка может изливать свой здоровый гнев на соседа одного с ним пола (почти всегда самец против самца, самка против самки) и не «по-

мышлять» о нападении на своего супруга. Как ни странно, но становящаяся все более замутненной, все менее прозрачной от роста водорослей перегородка оказывается непосредственной причиной того, что самец вдруг становится груб к своей «жене». Но как только перегородка, отделяющая апартаменты, очищается, немедленно начинается неистовая, но безвредная для соседа обоюдная стычка, после чего атмосфера внутри каждого из отсеков заметно проясняется.

Не требуется большой смекалки, чтобы догадаться, что подобного рода поведение – не редкость и у людей. Вот еще из воспоминаний Конрада Лоренца по тому же поводу. «В старые добрые времена, когда была еще Габсбургская монархия и была еще домашняя прислуга, мне довелось быть свидетелем следующего, с постоянством предсказуемого поведения моей вдовой тетушки. Она никогда не держала у себя горничную дольше 8-10 месяцев. Поначалу она восторгалась новой служанкой, чуть ли не возносила ее до небес и клялась, что наконец-то нашла ту, которую искала. По прошествии нескольких месяцев оценки становились прохладнее. Она уже находила в ней небольшие изъяны и провинности, затем – все более значительные, а ближе к концу указанного срока она обнаруживала уже совершенно отвратительные качества у бедняжки, которая в итоге после очередной яростной ссоры увольнялась без какой-либо рекомендации. После этого взрыва эмоций старая леди вновь была готова найти «совершеннейшего ангела» в своей следующей служанке» [1, с. 55].

Лоренц, правда, тут же дважды оговаривается. Во-первых, по поводу того, что у него вовсе не было намерения насмешничать над своей давно почившей и высоко им чтимой тетушкой, а во-вторых, у него была возможность, скорее даже – вынужденная возможность, наблюдать точно такой же феномен у серьезных, уравновешенных, вполне владеющих собой мужчин, к которым он, кстати, причислял и себя, когда был в лагере для военнопленных. Так называемая «полярная болезнь», также известная как «экспедиционная желчь», проявляется у людей, волею обстоятельств собранных вместе в замкнутом пространстве, отчего вынужденных как-то сосуществовать друг с другом, совершенно лишенных возможности каких-либо ссор и выплеска эмоций на людей вне их собственного круга. Ясно, что из-за этого накопление агрессивности будет тем сильнее и опасней, чем ближе члены группы друг к другу, чем теснее они друг с другом знакомы. В подобной ситуации агрессивность протекает с предельным понижением оце-

ночного порога. Внешне это выражается в том, что человек начинает чрезвычайно обостренно, нервно, болезненно реагировать на всякие мелочи в манерах своих лучших друзей, – например, на их чих или кашель, – причем, в такой форме, будто этим нанесено ему страшной силы личное оскорбление. Понимание законов этого явления предотвращает убийство, но не облегчает мук. Сообразительный человек найдет ему выход тем, что покинет барак (кубрик, палатку, землянку), пнет со всего маху пустую консервную банку или разобьет вдребезги какой-нибудь не очень дорогой предмет, причем с такой силой удара, которая соответствует его состоянию духа. Данная процедура способствует высвобождению некоторого количества негативной энергии. Психологи называют это сублимацией. Человек же без осознания сего «предательского» аффекта вполне способен убить друга.

И эта опасность отнюдь не призрачная, а действительная и весьма осязаемая, если учесть следующее замечание Конрада Лоренца. В главе о поведенческих механизмах, функционально аналогичных морали, он говорит о сдерживателях, контролирующих агрессивность у различных животных, уберігающих их от увечья либо убийства своих сородичей. Эти эволюционные сдерживатели не просто важны, а архиважны и, следовательно, наиболее строго фиксированы и явно выделены именно у тех животных, которые в состоянии убивать живые существа примерно одного с ними размера. Ворон одним ударом клюва способен выклевать глаз другому, а волк разорвать яремную вену одной хваткой. Так что не было бы ни одного ворона, ни одного волка, если бы надежные сдерживатели не препятствовали подобным действиям. Ни голубь, ни заяц, ни шимпанзе не способны убивать представителя своего рода одним клевком или укусом, а поскольку в естественных условиях возможность нанесения серьезного ущерба одному из своих сородичей минимальна, то и не было никакого эволюционного селекционного давления для выработки и установления сдерживателей убийства.

Между прочим, отсутствие подобных сдерживателей может стать совершенно очевидным для содержателей, казалось бы, абсолютно безвредных питомцев, серьезно не воспринимающих их внутривидовые схватки. В неестественных условиях неволи, когда поверженное животное никуда не может скрыться от своего победителя, оно может быть убито медленно и жестоко. В своей книге «Кольцо царя Соломона» Лоренц в главе «Нравы и вооружения» красочно описал, как наш символ мира – голубь –

может до смерти, «садистски» истязать одного из своих сородичей без пробуждения какого-либо сдерживателя. Именно медленно и жестоко [2, с. 184-185].

В антропогенезе не было необходимости в запретительных механизмах, препятствующих внезапной человеческой бойне, поскольку быстрое убийство было маловероятным. Во-первых, из-за отсутствия естественных вооружений, и, во-вторых, у потенциальной жертвы имелась масса уловок и приемов вызвать жалость у агрессора жестами покорности и умиротворения. Так в итоге и не возникло никакого эволюционного селективного давления в предыстории человечества, уберігающего от убийства своих сородичей. Но с изобретением и прогрессом искусственных вооружений положение человека стало схожим с положением голубя, внезапно обретшего благодаря чудному капризу природы клюв ворона. Можно содрогнуться, представив, что такое вспльчивое, неуравновешенное создание, как дочеловеческий примат, размахивает остро заточенным топором. Человечество действительно уничтожило бы самое себя, не будь, к счастью, инженерные изобретения и нравственная ответственность одновременно достижениями единой специфически-человеческой способности концептуального мышления.

Со временем положение человечества усугублялось тем, что по мере бесспорного роста нравственной ответственности более быстрыми темпами возрастали легкость и безнаказанность убийства. Дистанция применения любого огнестрельного оружия укрывает убийцу от той стимульной ситуации, которая могла бы активировать его чувственные сдерживатели убийства. Глубинные эмоциональные пласты нашей индивидуальности просто не в состоянии реагировать на тот факт, что нажатие на спусковой крючок вызывает разрыв внутренностей другого человека.

Схожий «уберегающий» принцип, только еще на более высоком уровне, используется при применении современных дистанционно-управляемых вооружений. Человек, нажимающий на кнопку запуска, настолько полно, плотно укрыт от созерцания, слышимости либо иного эмоционального восприятия последствий своего деяния, что только этим и можно объяснить, что, в общем-то, вполне добродушные люди, не способные даже отшлепать непослушного ребенка, оказываются способными к запуску ракет и ковровому напалмовому бомбометанию по спящим городам, обрекая на жуткую, чудовищную смерть сотни и тысячи детей. Тот факт, что

это делают в принципе хорошие, нормальные люди – дьявольская хитрость и мерзость современной войны!

Скверно, но положение человечества усугублялось еще и тем, что культурная ритуализация конструирует как бы два полюса, из которых один столь же спасителен, сколь пагубен другой. Спасительный мы уже упоминали – это функция нравственной ответственности, пока оберегающая человечество от самоистребления, и, к счастью, ее рост в ходе культурной эволюции. Второй, пагубный, также культурно ритуализирован и, к сожалению, обрядами и табу столь мощно наделен мотивирующей силой, что сравним с автономными социальными инстинктами.

Не только высокоразвитые обряды и церемонии, но также и более простые и менее приметные нормы социального поведения могут принять после ряда поколений характер священных ритуалов, которые воспринимаются как незыблемые ценности и чье несоблюдение сурово порицается общественным негодованием. Священный ритуал обязан своей мотивирующей силой филогенетически эволюционирующим образцам поведения, два из которых особенно важны. Первый – это реакция боевого энтузиазма, посредством которой всякая группа защищает свои социальные нормы и обычаи от всех других групп, ими не располагающих и их не признающих. Другой – это жестокое третирование группой тех ее членов, кто демонстративно не подчиняется установленной, принятой форме «хорошего», должного поведения. Что касается второго, то достаточно вспомнить, насколько школьные классы и взводы солдат, которые могут быть рассмотрены как модели примитивной групповой структуры, изоэтно издеваются в своих напаках на чужака.

Неприятие индивида, отличного в социальных нормах, характеризующих группу, и групповая иступленная готовность защищать эти нормы и обряды – хорошая иллюстрация того способа, по которому культурно детерминированные ситуации высвобождают активность, которая в своих истоках инстинктивна. Она также превосходный пример типичных сложных поведенческих образцов, чья первичная ценность для выживания столь же очевидна, как и опасность их осечки в условиях современного общественного порядка.

Процесс объект-фиксации имеет следствия, важность которых трудно переоценить. Он определяет то, ради чего человек живет, борется и при особых обстоятельствах, не раздумывая, идет на смерть. Он конструирует ситуацию, вы-

свобождающую мощный заряд филогенетически эволюционирующего поведения, которое Лоренц и предлагает наречь «боевым энтузиазмом». Он представляет собой специализированную форму общественной агрессивности, функционально связанную с более примитивными формами индивидуальной агрессивности. Любой человек с нормально развитыми эмоциями знает из своего опыта тот субъективный феномен, когда рациональные соображения, какие-либо разумные аргументы, идущие вразрез поведению, диктуемому боевым энтузиазмом, затмеваются. Люди могут испытывать чувство абсолютной правоты, совершая чудовищные зверства. Тут концептуальное мышление и нравственная ответственность капитулируют, что подтверждается известной поговоркой: «Когда знамена развернуты, все доводы уходят в звуки трубы».

Следуя сократовской заповеди «Познай самого себя!», мы непременно должны углублять наши знания тех моторных механизмов и мотивационных импульсов, что управляют нашим поведением. Прикладная наука о человеческом поведении, по всей видимости, будет развиваться в следующем русле. Одна из тем – это объективное этологическое изучение всех возможностей выхода агрессивности на те или иные «сменные объекты» (возможно более веские, нежели пинок пустой консервной банки). Вторая – это психоаналитическое изучение так называемой сублимации. Можно ожидать, что более глубокое исследование этой специфически человеческой формы катарсиса позволит дальше продвинуться в деле смягчения не нашедших выхода агрессивных импульсов. Третий путь «канализации», сторонения агрессивности, при всей своей очевидности, все же заслуживает упоминания – это содействие личным контактам, знакомству и по возможности дружбе между представителями разных культур, религий, идеологий и наций. Не последнее в этом деле – разумное, ответственное и чрезвычайно осторожное отношение к феномену боевого энтузиазма – этой «гремучей смеси» нашего социального бытия.

Подводя итог рассмотрению концепции толкования агрессивности Конрада Лоренца, остается лишь указать, что импульс агрессивности, без всякого сомнения, биологичен по своей природе. При его аккумуляции нарастает напряжение, требуя выхода, и при отсутствии оногo психика «взрывается» с максимальным понижением порогового стимула. Форма выражения этого биологического по своему статусу импульса вполне культурно детерминирована. Бо-

лее того, именно на обществе, по мысли Лоренца, лежит ответственность по сублимированию и канализации сего естественного потенциала в более конструктивное или, по крайней мере, в менее деструктивное русло.

Литература

1. Lorenz K. On aggression. Tr. by Majory Kerr Wilson. – N.Y., 1967.

2. King Solomon's ring. New light on animal ways. Tr. by Majory Kerr Wilson. – N.Y., 1971.

Пилецкий Сергей Григорьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии, г. Ярославль, e-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru.

Piletsky Sergey Grigorevich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of history and philosophy, Yaroslavl State Medical Academy, Yaroslavl, e-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru.

УДК 316.165.54

В.А. Сабадуха

Я-КОНЦЕПЦИЯ УЧЕНОГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследована эволюция взглядов ученых на предназначение науки и смысл их деятельности. Доказывается исчерпанность действующих мировоззренческих и методологических принципов деятельности ученых. Сформулированы принципы деятельности ученого в условиях антрополого-глобальной катастрофы.

Ключевые слова: Я-концепция, наука, смысл, мировоззрение, методология, парадигма, эволюция.

V.A. Sabadukha

SELF-CONCEPT OF A SCIENTIST IN THE WORLD OUTLOOK AND METHODOLOGICAL PURPOSE OF SCIENTIFIC ACTIVITY

In the article the evolution of views of scientists on destination of science and sense of their activity has been studied. The exhaustion of ideological and methodological foundations of scientists' activity is being proved. The principles of scientist's activity are formulated in the conditions of anthropological and global catastrophe.

Key words: self-concept, science, sense, world outlook, methodology, paradigm, evolution.

Проблема роли ученого в обществе (в ее современном понимании) возникает вместе с зарождением экспериментальной науки, а именно – с началом деятельности Г. Галилея. В XX–XXI вв. ее исследуют М. Вебер, Э. Гуссерль, Т. Кун, И. Лакатос, Х. Ортега-и-Гассет, А. Пуанкаре, Ю. Хабермас, Дж. Холстон, а также отечественные философы П. Копнин, С. Крымский, В. Лекторский, Л. Маркова, В. Степин, А. Силин и др. Постепенно, благодаря общественному заказу, сформировалось отношение к науке как к непосредственной производительной силе.

Сегодня очевидно, что природа стала объектом эксплуатации человека, а наука превращена в инструмент насилия над природой. К сожалению, современная наука развивается в рамках идеологии господства человеческого «Я» над окружающим миром, что и стало причиной глобальной катастрофы. Ее преодоление требует выяснения истоков и причин сложившихся мировоззренческо-методологических установок, фундаментального переосмысления места и роли ученого в жизнедеятельности общества в контексте социальных, этических и аксиологи-

ческих функций. Сегодня естественнонаучная деятельность не может осуществляться в рамках устаревших мировоззренческих представлений о теоретическом, социальном и технологическом предназначении науки. Поэтому целью нашего исследования является переосмысление господствующих мировоззренческо-методологических установок деятельности ученого, его места и роли в условиях глобальной катастрофы, что предполагает разрешение следующих задач: 1) проанализировать эволюцию взглядов на место и роль науки в обществе и определить основные постулаты господствующей Я-концепции ученого; 2) сформулировать основные положения Я-концепции ученого в условиях антрополого-глобальной катастрофы. За методологическую основу исследования принята концепция четырех уровней развития сущностных сил человека [1].

Проанализируем эволюцию взглядов ученых на предназначение науки в обществе со времени ее возникновения в XVI в., акцентируя внимание на том, как формировалось в их сознании положение о господстве над природой. Причины научной революции XVI в. историк науки

А. Койре (1892–1964) объясняет изменением фундаментальных установок человеческого ума, а именно «деятельная жизнь (*vita aktiva*) замещает жизнь созерцательную (*theoria, vita contemplativa*), которая до этого рассматривалась как его наилучшая форма» [2, с. 128]. Разделяя подход А. Койре к объяснению причин научной революции, заметим, что философские истоки господствующей сегодня деятельной установки были заложены еще Р. Декартом, считавшим, что человек должен стать властелином природы [3, с. 305]. В эпоху Просвещения эти взгляды окончательно овладевают общественным сознанием, и человек настойчиво стремится к господству над природой.

Деятельность ученых XIX–XX вв. нашла философское обоснование у И. Фихте. Энергия фихтеанского «Я» не имеет границ, делая все и вся предметом своего активного исследования. Авторитет науки становится настолько высоким, что И. Фихте подчиняет ей философию. Безусловно, такой подход не мог не понравиться ученым, ведь он позволял им чувствовать себя демиургами общественного бытия.

А. Пуанкаре в работе «Ценность науки» (1905) разделяет подход французского философа Э. Леруа (1870–1954): наука – это совокупность «правил действий», но уточняет: совокупность, ведущая к успеху [4, с. 254] (в то время, когда жил А. Пуанкаре (1854–1912), можно было говорить об успехах науки. Сегодня ее «достижения» обернулись для человечества антропологической глобальной катастрофой). Ценность науки, считает ученый, состоит в том, что она способна предвидеть, а поэтому полезна [4, с. 255]. А. Пуанкаре пытается развить идеи Э. Леруа и доказывает, что целью науки является не только создание совокупности «правил действий», но и знание. В продолжение этих размышлений заметим, что современная наука способна предвидеть новации только в границах той формы движения материи, которую она исследует, или в смежных.

Взгляды на науку были у А. Пуанкаре предметом размышлений на протяжении всей жизни. Так, в «Последних мыслях» перед нами предстает иной Пуанкаре, который уже не ищет интеллектуального наслаждения от научных занятий, а пытается с их помощью найти гармонию мира. «Она (наука – *V.C.*) все более и более стремится показать нам солидарность различных частей Вселенной и выяснить ее гармонию» [4, с. 512]. Несмотря на усилия ученого, в его поисках гармонии отсутствует человек. В «Последних мыслях» философ снова возвращается к анализу

взаимосвязи нравственности и науки, но нравственность он все равно подчиняет науке, и в частности логике. Законы морали ученый пытается вывести на основе законов логики [4, с. 513].

Исследованию философских проблем науки значительное внимание уделял М. Вебер. Пытаясь постигнуть смысл науки, ученый признает, что она непосредственно участвует в развитии общества как движущая сила [5, с. 134–135]. С некоторым сожалением ученый констатирует: высочайшие непреходящие ценности ушли из сферы публичной жизни [5, с. 148]. Вывод философа: наука уже не подвластна этическим и философским установкам. В то же время М. Вебер не хочет, чтобы наука использовалась только в практических целях. Таким образом, веберовскому ученому не остается ничего другого, как занять позицию «наука ради науки». Конечно, возникает вопрос: перед кем должен нести ответственность ученый? М. Вебер оставляет ученого наедине с его совестью и заключает, что он должен быть честным перед самим собой и своими коллегами [5, с. 149].

Обращение М. Вебера к совести ученых не было услышано, что свидетельствовало о начале кризиса европейской гуманитарной науки. Веберовский ученый освобожден от обязательств перед «землей» (нужды практики) и «небом» (нужды духовного развития человека). К сожалению, философ не увидел, что наука в XIX–XX вв. оказалась под контролем среднего человека, основная черта которого, на наш взгляд, – безответственность. Вот почему обращение М. Вебера к индивидуальной совести ученого не имело отклика, как и не был реализован моральный императив И. Канта, направленный на ограничение разума нравственностью.

А. Пуанкаре и М. Вебер идеализировали статус ученого в обществе. Они не учли того факта, что наука оказалась под контролем человека из массы, а сам ученый, как это ни парадоксально, был ее типичным представителем [6, с. 106]. На самом же деле значение науки определялось ее практической пользой, то есть тем, насколько она могла служить инструментом материальной деятельности. Проблема взаимоотношений науки и нравственности у А. Пуанкаре и М. Вебера осталась неразрешенной. Наука оказалась неподконтрольной морально-этическим нормам и потребностям духовного развития человека. После А. Пуанкаре и М. Вебера уже почти никто не говорил о высоких идеалах ученого. С возникновением социализма и началом борьбы двух политических систем деятельность ученых была

в основном подчинена политическим и военно-техническим целям.

Вместе с дальнейшими успехами науки позиция ученых и методологов науки становится все более дерзкой. Так, Г. Башляр в работе «Философское отрицание» (1940) пишет: «Именно научная мысль задает принцип и для классификации философских систем, и для изучения прогресса разума» [7, с. 174]. Свою методологическую установку на взаимоотношения философии и науки он формулирует категоричным выводом: «В конце концов, наука наставляет разум. Разум должен повиноваться науке...» [7, с. 280]. В этом утверждении зафиксирована «победа» науки над философией и этикой.

Развивая взгляды А. Пуанкаре, М. Вебера, Г. Башляра на науку, К. Поппер в работе «Логика научного исследования» (1959) доказывает, что научные теории способны лишь приближаться к сущности явлений природы, а потому «представляют собой подлинные предположения – высокоинформативные догадки относительно мира...» [8, с. 317]. Иначе говоря, наука, приближаясь к сущности, не способна познать ее.

К. Поппер доказывает необходимость расширения научного знания, но вопрос, какое это имеет отношение к смыслу бытия человека, не считает важным. Если сравнить взгляды А. Пуанкаре, М. Вебера, Г. Башляра и К. Поппера, то можно увидеть, что их позиции подобны: ученые исследуют реальность, в которой нет места человеку и его духовным потребностям, а значит, наука познает мир, но имеет антиантропологический характер. В их позициях много общего, что фиксируем в Я-концепции: 1) ученый смотрит на себя как на реализатора деятельно-практической установки, которая сложилась в общественном сознании, а на науку – как на ее инструмент; 2) ученый занимает отчужденную позицию по отношению к природе и механизмам ее эволюции; 3) наука рассматривается учеными как абсолютная ценность, способная без помощи религии и философии положительно изменить жизнь человека; 4) безграничная вера ученых в человеческий разум и возможности науки.

Сформулированная Я-концепция ученого полностью вписывается в позитивистскую философию. Считаем, что такой взгляд ученых на науку и собственную деятельность – закономерный результат картезианского противопоставления субъекта и объекта, когда природа рассматривается как пассивный объект, а ученый позиционирует себя не просто субъектом деятельно-

сти, а демиургом бытия. В этой связи приведем выводы И. Пригожина и И. Стенгерс о том, что в основе деятельности ученых XX в. лежало «представление о науке как способе воздействия на окружающий мир» [9, с. 80], целью которого было получение материальных благ. Таким образом, разделение науки на классическую и неклассическую вовсе не принципиально, оно правомерно только с точки зрения содержания исследуемых объектов и средств познания, а не мировоззренческой позиции ученого. В данном вопросе мы идем за И. Кантом и ставим под сомнение беспристрастный характер современной науки.

Относительно взаимосвязи науки и философских теорий Э. Гуссерль, А. Койре, А. Уайтхед занимают противоположную позицию относительно взглядов М. Вебера, Г. Башляра, К. Поппера и других представителей сциентизма. Так, например, А. Уайтхед в работе «Приключения идей» (1933) пишет: «Наши научные концепции находятся под контролем общепринятых метафизических понятий эпохи» [10, с. 555], то есть констатирует подчиненность науки философским теориям. Он утверждает, что изменение философских взглядов приводит к перестройке естественнонаучных концепций и делает существенный шаг к переосмыслению взаимосвязи между ценностями, полученными на основании научных открытий, и ценностями вечными, отмечая, что научный прогресс должен быть подчинен идеалам общественного бытия [10, с. 433].

Ощущая кризис европейского общества и проблемы, возникшие в результате абсолютизации науки, Э. Гуссерль в работе «Кризис европейского человечества и философия» (1935) выступил против «устранения» человека из научных исследований. «Поскольку наблюдаемый окружающий мир – это сугубо субъективное – было изъято из научной тематики, *то и сам действующий субъект был предан забвению* (курсив – В.С.), и сам ученый так и не стал темой» [11, с. 90]. В итоге философ заключает, что человек оказался на обочине бытия, а ученый и его деятельность не стали предметом серьезного философского осмысления и публичного обсуждения. Э. Гуссерль, наверное, первым высказал критические замечания относительно научных истин, а именно, что они условно самостоятельны [11, с. 91].

Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки пробудила нравственную ответственность А. Эйнштейна и Б. Рассела. Они опубликовали манифест (1955), в котором обратились к науч-

ному сообществу с позиции здравого смысла, но в мире безраздельно царил «инструментальный разум» (М. Хоркхаймер), а поэтому достойной реакции на это обращение в принципе не могло быть. Манифест Рассела-Эйнштейна мы расцениваем как протест выдающихся ученых против позитивистской концепции ученого, но, к сожалению, он не был услышан. Позитивистская Я-концепция ученого не подверглась каким-либо существенным изменениям. Наука по-прежнему находилась под контролем среднего человека.

М. Хоркхаймер в работе «Критика инструментального разума» (1947) ищет истоки идеологии господства человека над природой и находит их в философии И. Фихте. «Весь университет становится инструментом «Я», хотя «Я» не имеет субстанции или значения, кроме своей собственной неограниченной деятельности» [12, с. 101]. Науки о духе не смогли предложить программу совершенствования человека, а поэтому предметом своей деятельности «Я» сделало внешний мир. Человек не был готов к тому, чтобы познавать себя, и свою интеллектуально-психическую энергию направил на покорение природы. М. Хоркхаймер четко называет причину неограниченной практической активности современного человека – его несовершенные качества.

Осмысливая место и роль науки в эпоху модерна, Ю. Хабермас подытоживает: «Науки эпохи модерна отказались от притязаний разума, характерных для философской традиции <...> Естественные науки, которые создают, производят знания <...> превратились в рефлексивную форму практики, стали *первой производительной силой*» (курсив – В.С.) [13, с. 79]. Наука взяла на себя рефлексивные функции, но не смогла с ними справиться.

Итак, в европейской философской мысли XX в. происходил диалог между сторонниками абсолютизации роли науки (Г. Башляр, К. Поппер и другие представители позитивизма) и учеными, философами, стремившимися направить науку на решение гуманитарных проблем и подчинить ее этике (М. Хоркхаймер, Э. Гуссерль, А. Эйнштейн, А. Койре, Б. Рассел). В диалоге между этими группами ученых и философов мы на стороне последних и считаем, что именно философские и этические концепции должны определять направление развития науки. В этой связи проанализируем взаимовлияние философии, науки и культуры.

Разделение наук, предложенное В. Дильтеем, на естественные и науки о духе себя исчерпало. На наш взгляд, в основе такого подхода лежала

дихотомия: рассудок – разум. Науки о духе не смогли предложить гуманитарных критериев для оценки результатов деятельности естественных и технических наук, а естественные науки по своей сути не предполагают саморефлексии, поэтому за цель научных исследований они приняли «совокупность действий», а за критерий истины – полезность. На философском уровне этот факт мы обобщаем в утверждении: рассудок победил разум. Наука оказалась в кризисном положении, что является логическим продолжением кризиса философии, а именно отказа от таких фундаментальных идей, как принцип тождества мышления и бытия и иерархии индивидов по уровню духовных побуждений. Это в свою очередь привело к господству концепта «каждый человек – личность» [1], на основе которого человек массы возомнил себя демиургом общественного бытия и, собственно, стал таковым.

Проанализируем гносеологические причины кризиса науки. На наш взгляд, первой причиной, существенно влияющей на развитие науки, является мировоззренческо-методологическая позиция ученого. В классической науке исследователь пребывает вне границ исследуемого объекта (мира). Вынесение субъекта за границы объекта считалось необходимым условием получения объективно-истинного знания. Объект исследовался сам по себе, без взаимосвязи со средствами познания. Положительным здесь было то, что ценностные критерии ученого не выходили за пределы познания. Ярким примером такой установки могут служить взгляды А. Пуанкаре и М. Вебера. Однако исследователь при такой мировоззренческой позиции пребывает вне границ мира. Именно эта позиция ньютоновского наблюдателя предоставляла ученому ничем не ограниченную свободу. Познание с точки зрения абсолютного времени привело к тому, что на природу стали смотреть как на вечную и неизменную субстанцию, причем только с позиции настоящего, которое подчиняет себе прошлое и будущее. Абсолютизация настоящего ориентировала человека преимущественно на физическое существование. Сегодня превосходство телесного бытия угрожает как настоящему существованию человека, так и бытию в целом. Анализируя взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим, Ж. Делез пишет: «Прошлое и будущее, освободившись от кандалов, берут реванш в той самой бездне, которая угрожает настоящему и всему сущему» [14, с. 198]. Итак, следствием позиции внешнего наблюдате-

ля стало отчужденное и потребительское отношение к природе.

В неклассической науке XX в. гносеологическая позиция ученого существенно изменилась. Средства познания, которые он помещает между собой и действительностью, определяют видение исследуемого объекта. Необходимым условием познания выступает требование четкой фиксации особенностей наблюдателя и средств познания. Ученый не находится вне границ мира, а является частью исследуемого объекта [15, с. 625]. Неклассическая наука продемонстрировала парадоксальную для классической науки ситуацию, когда один и тот же объект можно описывать разными понятиями в зависимости от позиции наблюдателя, и поставила проблему онтологических критериев науки.

В постнеклассической науке, с точки зрения В. Степина, исследователь осуществляет рефлексивный контроль и над средствами познания, и над объектом исследования. Впрочем, социальные потребности и ценности продолжают оставаться вне границ научной рефлексии [15, с. 634]. В действительности ученый постнеклассической науки полностью оказался под влиянием потребностей материального производства, что его вполне устраивает.

Очевидно, что конструктивный анализ гносеологической позиции ученого сегодня невозможен без целостного осмысления современной экологической ситуации. Под воздействием нарастающей потребительской стихии и неконтролируемого развития промышленности планета оказалась под угрозой экологической катастрофы, говоря языком физики, в точке бифуркации, то есть в таком состоянии, когда нет ни постоянных траекторий, ни развития, а поэтому и понятие времени здесь как таковое не работает [16, с. 131]. Глобальные изменения климата заставляют констатировать, что влияние человека на процессы, происходящие в природе, перешло определенные границы, и это может привести к необратимым изменениям климата. По этому поводу И. Пригожин и И. Стенгерс замечают: «необратимость начинается тогда, когда сложность эволюционирующей системы, превосходит некий порог» [9, с. 373]. Действительно, структура общественного бытия настолько усложнилась, что современная политическая и интеллектуальная элита оказалась психологически растерянной. В ситуации экологической катастрофы ученые тоже оказались не готовыми предложить эффективные пути ее преодоления. Современные философы не могут прийти к едино-

му мнению о том, какой должна быть позиция естествоиспытателя.

И. Пригожин и И. Стенгерс существенно приблизились к осмыслению гносеологической позиции ученого. Они утверждают, что «природу невозможно описать «извне», с позиции зрителя, как это происходило в классической и неклассической науке. Описание природы – живой диалог, коммуникация, и она подчинена ограничениям, свидетельствующим о том, что мы – макроскопические существа, погруженные в реальный физический мир» [9, с. 371]. Опираясь на выводы И. Пригожина и И. Стенгерс, скажем, что в современной ситуации ученый должен находиться в точке бифуркации. Только эта позиция позволит ему неотчужденно, а значит, ответственно исследовать процессы, происходящие в природе.

Для преодоления кризисной ситуации в науке необходимо пересмотреть и ключевое понятие «субъект». Классическая наука ввела такие абстракции, как материальная точка, абсолютно твердое тело и пр. Человек тоже был сведен к точке, то есть к нулю. Такое понимание субъекта в XIX в. имело право на существование. Человека действительно можно было принять за ноль, ведь его влияние на окружающую среду было минимальным. В начале XX в. такое понимание субъекта было разрушено, с одной стороны, материально-практической деятельностью человека, а с другой – открытиями в физике (теория относительности, квантовая механика и др.).

Классическая парадигма (абсолютное время, пространство, ученый как искатель истины, человек-точка и др.) была переосмыслена с учетом квантовой теории. По выводам Л. Марковой, в рамках неклассической науки «естествознание становится многосубъектным» [16, с. 229], что позволяет исследовать и объяснять естественные явления с разных позиций и очень часто с позиции выгоды. Кстати, этот вывод снова доказывает, что наука никогда не была ценностно-нейтральной. В постнеклассической науке преобладает тенденция к окончательному «размышлению» гносеологической и нравственной позиции ученого: естествоиспытателей интересует не поиск истины, а удовлетворение материальных потребностей. Ученый теряет четкую как гносеологическую, так и нравственную позицию.

Ситуация антрополого-глобальной катастрофы поставила чрезвычайно актуальный и судьбоносный вопрос: «Каким должен быть субъект научного познания и его гносеологическая и

нравственная позиция в начале XXI в.?». В современной философии уже начался процесс переосмысления понятия «субъект». Происходит переход от субъект-центрированного к субъекту коммуникативного разума [13, с. 311]. По мнению Ю. Хабермаса, этот подход предоставляет «познающему субъекту возможность ориентироваться как на самого себя, так и на сущности в этом мире...» [13, с. 307]. В этом процессе переосмысления понятия «субъект» нужно сделать следующий шаг. Современное человечество стало планетарным субъектом деятельности, существенно влияющим на энергетические, геологические, биологические процессы. Если в классической физике человек – это точка на траектории движения, то современного антропокосмического субъекта лишь условно можно рассматривать как точку. Это «точка», которая вместе с тем «присутствует» почти во всех формах движения материи (механической, физической, химической, геологической, биологической, социальной) и существенно на них влияет. Человек нарушил равновесие во всех сферах: физической (нарушен энергетический баланс обращения материи и энергии), химической (изменен характер обращения химического вещества, в первую очередь углерода и кислорода, задействованных в сфере материального производства), геологической (нарушена целостность планеты в результате интенсивной добычи природных ресурсов, возникли искусственные рельефы, парниковый эффект, озоновые дыры, кислотные дожди), биологической (осуществлено вмешательство в механизмы функционирования гена). Причины этих изменений имеют антропогенный характер, а именно: нарушено равновесие между личностным и безличностным началами бытия человека и общества.

Итак, человек как субъект деятельности не находится вне границ мира, а присутствует во всех формах движения материи. Следовательно, ученый как исследователь и как человек не может быть посторонним наблюдателем, а должен быть частью ноосферы: «он перестает быть чужестранцем и становится другом, членом семьи, равным среди равных» [9, с. 377]. Человек должен сознавать себя частью механических, энергетических, физических, химических, геологических, биологических, экологических процессов.

Несмотря на достижения науки конца XX в., Я-концепция ученого качественно не изменилась. Она остается позитивистской и обезличенной. Сегодня на повестке дня стоит проблема синтеза естественных наук и наук о духе, однако

этому объединению препятствуют устаревшие мировоззренческо-методологические установки. Необходимо восстановить единство философии и науки, разума и рассудка. Считаем, что подход А. Пуанкаре к науке («наука как система отношений») [4, с. 277] не использован в полной мере и его нужно логически развить. Что касается этого определения, заметим: наука исследовала взаимосвязи между явлениями в границах отдельных форм движения материи, ориентируясь на практическую полезность. Считаем, что естественные и технические науки должны иметь двойную подчиненность: с одной стороны, механизмам эволюции природы (любое естественное явление необходимо исследовать во взаимосвязи с другими формами движения материи), а с другой, – в контексте бытия человека как антропокосмического субъекта.

Сделаем попытку найти философскую концепцию, которая помогла бы сформулировать новую парадигму научной деятельности. За основу предлагаем взять философию Ж. Делеза, считающего, что в центре общественного бытия, и в частности философии, должна быть категория смысла. Смысл – это первичная категория, которая объединяет божественный и человеческий аспекты бытия. «Как только смысл становится первичным <...>, ему уже не важно, идет речь о божественном смысле, забытом человеком, или о человеческом смысле, отчужденном в Боге» [14, с. 136]. В свою очередь смысл формируется на поверхности, которая трактуется как центр глубины. На наш взгляд, антрополого-глобальная катастрофа – это и есть поверхность, на которой отобразился глубинный кризис личностного начала человеческого и общественного бытия.

Ж. Делез и Ф. Гваттари сформулировали концептуальное положение о предназначении науки в современном мире: она должна уменьшать уровень хаоса в обществе [17, с. 261]. Современное состояние хаоса мы осмысливаем как проявление безличностной парадигмы бытия человека. В условиях этой парадигмы наука оказалась под контролем среднего человека, а потому была оторвана от нравственности, что поставило человечество на грань антрополого-глобальной катастрофы. Ценность научного открытия в условиях безличностной парадигмы бытия измеряется его экономической эффективностью. Экологические, биологические, нравственные, антропокосмические следствия этого открытия почти никого не интересуют. Нравственность окончательно вытеснена за пределы научной деятельности, а поэтому наука имеет не

только заслуги перед человечеством, но и грехи. Первый: надежды на науку как на движущую силу общественного прогресса, сложившиеся в эпоху Просвещения, себя не оправдали. Наука не сделала человека счастливым. Второй: наука усугубила хаос в обществе, приведя его к апогею – антрополого-глобальной катастрофе.

Для того чтобы преодолеть состояние антрополого-глобальной катастрофы, необходимо изменить жизненные и мировоззренческие установки человека. Мировоззренческую (практически-деятельную) установку, которая возникла в эпоху Возрождения и стала господствующей в Новое время, необходимо преодолеть, отдав приоритет внутренней, а не внешней деятельности. Новой мировоззренческой установкой должно стать личностное бытие. Без этой переориентации все усилия ученых, инженеров, направленные на преодоление антрополого-глобальной катастрофы, будут напрасными. Как вариант ответа на вызовы времени предлагаем постнеклассическую Я-концепцию ученого:

1) ученый в процессе исследования должен находиться в точке бифуркации и руководствоваться принципом экономии энтропии, сознавая, что не имеет права вмешиваться в механизмы эволюции природы. Экологические, биологические, географические процессы – это табу;

2) ученый должен постоянно рефлексировать: какой смысл имеют научные открытия для эволюции природы и бытия человека;

3) ученый должен нести ответственность и за весь предыдущий процесс эволюции природы, и за будущее состояние развития природы, что должно получить законодательное закрепление;

4) деятельность философов и ученых должна быть направлена на исследование антропокосмических условий бытия человека;

5) масштабы производственной деятельности должны определять эколог, а не потребительская стихия среднего человека, т.е. экономический рост.

Ж. Делез предлагает смотреть на бытие как на уникальное событие, возможное лишь тогда, когда и философия, и наука будут исходить из антропокосмических условий жизнедеятельности человека [14, с. 216]. Эти выводы заставляют переосмысливать мировоззренческо-

методологические взгляды ученых на свое предназначение, на место и роль науки, объединить философию смысла с наукой.

Литература

1. Гречаный А.Ф. Философия способностей в контексте приоритета духовного над материальным. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ukr-way.com.ua/108-ukrayinsk-naukovc-pro-duhovne-ta-materalne.html>.
2. Койре А. Очерки истории философской мысли: о влиянии философских концепций на развитие научных теорий. – М.: Прогресс, 1985. – 285 с.
3. Декарт Р. Рассуждение о методе // Избранные произведения. – М., 1950. – С. 257–318.
4. Пуанкаре А. О науке: сб. / под ред. Л.С. Понтрягина. – М.: Наука, 1983. – 560 с.
5. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Само-сознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 130–149.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избр. тр. – М.: Весь мир, 2000. – 704 с.
7. Башляр Г. Новый рационализм / под ред. А.Ф. Зотова. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с.
8. Поппер К. Логика и рост научного знания: избр. раб. / под ред. В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983 – 606 с.
9. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
10. Уайтхед А. Избранные работы по философии / под ред. М.А. Кисселя. – М.: Прогресс, 1990. – 716 с.
11. Гуссерль Е. Криза европейского людства і філософія // Сучасна зарубіжна філософія. Течії і напрями. – К., 1996. – С. 62–94.
12. Горкгаймер М. Критика інструментального розуму. – К.: ППС-2002, 2006. – 282 с.
13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: сб. лекций. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.
14. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
15. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
16. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж.Делез и постмодернизм в философии, науке, религии. – М.: Канон +, 2004. – 384 с.
17. Делез Ж. Что такое философия? – СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.

Сабадуха Владимир Алексеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Восточноукраинского национального университета им. В.Дала, г. Луганск, e-mail: ukr.alexey@gmail.com.
Sabadukha Vladimir Alexeevich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of social work, East Ukrainian State University named after V.Dahl, Lugansk, e-mail: ukr.alexey@gmail.com.

УДК 101.1:316

А.Л. Сафонов

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КОНЕЦ ИСТОРИИ ИЛИ КОНЕЦ ЭРЫ ПРОГРЕССА?

Атрибут глобализации – объективное исчерпание системного прогресса индустриальной эпохи, обусловленное ресурсно-демографическим кризисом. Результат перехода мир-системы к тотальному переделу ограниченного ресурса – повсеместная деградация и десоциализация массовых социальных групп.

Ключевые слова: глобализация, прогресс, регресс, нация, этнос, десоциализация, атрибут.

A.L. Safonov

GLOBALISATION: THE END OF THE HISTORY OR THE END OF THE PROGRESS ERA?

The attribute of globalization is an objective exhaustion of systematic progress of industrial era, due to resource and demographic crisis. The result of a world-system transition to a total redistribution of limited resource is the widespread degradation and desocialization of mass social groups.

Key words: globalization, progress, regress, nation, ethnic group, desocialization, attribute.

Со времен эпохи Просвещения прогресс, понимаемый как объективный, необратимый процесс совместного восходящего развития производительных сил, научного знания и общественных отношений, внутренне сходный с биологической эволюцией, стал одной из базовых идеологием европейской философской и общественной мысли, универсальным критерием полезности и желательности любых социальных процессов. Представления же об объективном характере прогресса, который при отсутствии «помех», «автоматически» регулирует, гармонизирует и гуманизирует всю систему общественных отношений, сделали его светским аналогом божественного провидения.

Важнейшими атрибутами прогресса как высшего общественного блага были всеобщность и необратимость: все перемены к лучшему рассматривались как его результат, весь негатив – как торможение развития цивилизации; сколько-нибудь длительный и распространенный регресс считался «невозможным», так как противоречил принципу необратимости.

Именно идеализирование концепции прогресса надолго обеспечили невидимость угроз и вызовов новой эпохи, которая запоздало открылась как «западная глобализация» [1]. Сквозь привычные шаблоны экономического детерминизма важнейшие социальные тренды глобализации (например, этнизация, клерикализация массового сознания, другие явления архаизации) воспринимаются как локальные флуктуации («глокализация») [2]. Таким образом, глубинные качественные отличия новой эпохи не осознаются, воспринимаясь массовым сознанием в лучшем случае как второстепенные детали.

Характерно, что идея прогресса была изначально тесно связана с идеей глобальной экспансии западноевропейской экономики и культуры,

в результате чего все локальные пути и особенности развития, отличные от западноевропейской модели, рассматривались исключительно как препятствия для прогресса.

Конечным пределом прогресса мыслилась глобальная экономическая, культурная и политическая конвергенция на основе западной модели развития и продолжения научно-технического прогресса (индустриализма) на новом, «постиндустриальном», уровне – то есть глобализация в ее западном восприятии как очередная форма воплощения всепобеждающего прогресса, приносящего благо даже побежденным и аутсайдерам мирового развития.

Таким образом, несмотря на известную неопределенность, идеологизацию и даже мифологизацию понятия, до конца XX в. концепция прогресса вполне адекватно отражала ход и особенности исторического развития. Причина в том, что технологический прогресс наращивал производство материальных благ не сам по себе, но путем расширенного вовлечения в оборот небесконечных природных запасов материи и энергии. И если до середины XX в. рост ресурсной базы опережал темпы роста производства, что позволяло считать их «условно-неограниченными», то завершение «эпохи великих геологических открытий», истощение доступных запасов материи и энергии качественно изменили ситуацию. В новых условиях социальный прогресс оказался крайне дорогой и негибкой в эксплуатации машиной, исчерпавшей запасы сырья и начинающей приносить убытки.

Создание глобального рынка и устранение, казалось бы, последних препятствий на пути прогресса совпало с давно ожидаемым моментом, когда мировая экономика вышла на линию пределов роста и стала замкнутой физической системой. В итоге прогресс в прежнем смысле

этого понятия стал возможен только на локальном уровне, за счет перераспределения как единственного пути высвобождения ресурсов. На первый план вышли процессы расслоения, перетока, перехвата как ресурсов, так и разного рода «негативных ресурсов» – расходов, конфликтов и издержек.

Впервые с эпохи Просвещения регресс – экономический и социальный – стал равновеликой, если не преобладающей, стороной мирового развития, атрибутом новой эпохи.

Но если порожденный глобализацией экономический регресс, пусть и под маской «мирового экономического кризиса», достаточно очевиден, то формы, масштабы и механизмы социального регресса не осознаны.

Нарастающие проявления социального регресса все еще воспринимаются как «парадоксы», «издержки», «катастрофы», «западни глобализации», «экономическое убийство», «рост социальной дифференциации», локальные аномалии («глокализация»), за которыми не просматривается целое – социальный регресс как важнейший атрибут глобализации.

«Классический» прогресс XIX–XX вв. был связан не столько с развитием технологий и ростом объемов производства, сколько с прогрессом социальных отношений и институтов, сформировавших нового – массового – человека индустриальной эпохи, ставшего объективно необходимым условием прогресса.

Растущая промышленность втягивала в свою орбиту все новые массы людей, ранее связанных с деревенской общиной. Однако индустриальный рост требовал не просто рабочих рук как мускульной силы, а лояльных, социально адаптированных и мотивированных граждан, сплоченных в гражданскую нацию как системообразующую социальную группу. Соответственно, задачи национального строительства и расширенного воспроизводства человеческого капитала потребовали небывалых в истории инвестиций в опережающее развитие социальной сферы (образования, науки, медицины, социального обеспечения и коммунальной инфраструктуры), по обороту и численности занятых сопоставимой с производственным сектором. Во второй половине XX в. в индустриальных странах, когда человеческий ресурс оставался лимитирующим звеном экономического роста, в сфере расширенного воспроизводства человеческого капитала было задействовано от четверти до половины трудоспособного населения. Это означало, что в XX в. локомотивом развития был социальный прогресс, основным проявлением

которого был опережающий рост человеческого потенциала.

Уровень и качество жизни, набор социальных позиций индивида определялись характером, уровнем и степенью социализации – вовлеченности индивидов и групп не только в систему товарного производства, но в деятельность национального государства и его социальной инфраструктуры. Государством и его социальными институтами определялись не столько текущие доходы, сколько почти вся система социальных лифтов, определяющих будущее индивида и группы. При этом главным социальным «мега-лифтом» было само инкорпорирование индивида из традиционного общества (сельской общины) в систему отношений и институтов нации-государства.

Вполне естественно, что центральная роль государственных институтов как механизма социально-экономического прогресса не могла не сопровождаться небывалой в истории консолидацией общества, превращением гражданской нации в интегрирующую социальную группу, оттесняющую этническую и религиозную идентичность на второстепенные позиции.

Достигнув максимального темпа роста в середине XX в., к его концу научно-технический прогресс исчерпал свой социальный потенциал. Отчасти это связано с объективным исчерпанием потенциала модернизации базовых индустриальных технологий, перехода от массового освоения революционных технологий (электрификация, авиация, ядерная энергия и т.д.) к их улучшению. Однако гораздо важнее, что сегодня НТП утратил роль лимитирующего звена, определяющего возможности производства и потребления материальных благ, что связано с выходом производительных сил на уровень природно-ресурсных ограничений и началом глобального ресурсно-демографического кризиса [3].

Выход на уровень природно-ресурсных ограничений привел к тому, что дальнейший рост производительности труда вел к нарастающему высвобождению работников из сферы производства, их массовому переходу в непроизводственную сферу и в конечном счете – к превращению населения из ресурса развития в источник затрат, а индивида – из потребителя и заказчика социально-экономического развития в неуклюжую «демографическую нагрузку».

Исчерпав себя как источник прогресса, НТП превратился в свою противоположность, став объективной предпосылкой дистанцирования, отчуждения, выталкивания масс и крупных со-

циальных групп из прежней системы социальных отношений, то есть предпосылкой системной десоциализации. Снижая потребность в живом труде и тем самым дистанцируя массы от непосредственного участия в производстве, постиндустриальный научно-технический прогресс повсеместно проявляется как маргинализация «среднего класса» и неуклонный рост страты «застойной бедности», маргинализации и десоциализации, где отчуждение от всей системы общественных отношений приобретает устойчивый и социально наследуемый характер. Выйдя за «пределы роста», производительные силы начали «поедать» людей как ресурс, ставший для системы избыточным.

И если с начала XX в. уровень потребления удваивался за время жизни одного поколения, создавая ощущение неограниченных возможностей ресурсной базы для компромисса интересов элит и масс, поднятых на качественно новый уровень жизненных стандартов («средний класс»), то к середине 1970-х гг. экономический (и, как следствие, социальный) прогресс в индустриальных странах исчерпал свои возможности. Соответственно, исчерпал себя и социальный компромисс, лежавший в основе «государства благосостояния» как высшей формы развития национального государства. Еще одним фактором регресса стал опережающий экономический рост населения в третьем мире, что с 1970–1980-х гг. дало снижение среднедушевых показателей ресурсообеспеченности, прежде всего – продовольственной.

К концу XX в. прогресс как всеобщее, системное поступательное развитие, при котором темпы роста производства существенно опережали рост населения, был исчерпан. Дальнейшее развитие было возможно только за счет перераспределения внутренних ресурсов мир-системы, за счет их изъятия у аутсайдеров.

Таким образом, с конца XX в. научно-технический прогресс, продолжая повышение производительности труда на фоне исчерпания источников сырья и энергии, становится причиной социального регресса, принимающего системный характер и глобальный масштаб.

Глобальные и локальные элиты были поставлены перед необходимостью социального реванша, позволяющего сохранить социальные позиции и сконцентрировать ресурсы для успешной конкуренции в условиях простого, а потенциально – и суженного материального воспроизводства.

В условиях нулевого роста единственным источником накопления может быть только та или иная форма изъятия ресурсов из базовых соци-

альных институтов воспроизводства человеческого потенциала: образования, здравоохранения, социальной сферы.

Суженное воспроизводство социальных институтов национального государства – не что иное, как регресс соответствующих групп, члены которых, лишены своей социальной ниши, либо маргинализируются и вытесняются на социальную периферию, либо переходят в другие, негосударственные (неправительственные) сферы деятельности, либо покидают данный социум (эмиграция). При этом негативные последствия сворачивания кадрового воспроизводства, в особенности – кадров высшей квалификации, носят отсроченный, необратимый характер, связанный с инерционностью демографических процессов.

Процесс изъятия ресурсов из сферы воспроизводства населения носит не столько субъективный, сколько объективный характер: нарастающий ресурсно-демографический кризис заставляет бизнес и правительство сокращать социальные расходы, тем самым разрушая воспроизводство ключевых социальных групп и институтов, в том числе – объективно необходимых для функционирования общества в долгосрочной перспективе.

В условиях ресурсно-демографического кризиса продолжение прогресса в одних областях стало возможно почти исключительно за счет регресса в других, более массовых и инерционных, сферах. Управляемость такого регресса, инструментом и регулятором которого становится постиндустриальное государство, не отменяет и не смягчает его долгосрочных последствий. Более того, ликвидация социальных институтов в качестве источника ресурсов с особой остротой ставит проблему «пределов падения» – предела устойчивости социума, поставленного в условия суженного воспроизводства.

И если к середине XX в. развитые государства (как Востока, так и Запада) нашли социальный компромисс на основе развитой системы социальных гарантий, то в условиях глобального рынка с перетоком капиталов и рабочей силы вне цикла экономического воспроизводства оказываются не только социальные страты, но и население целых государств.

Но если на пике индустриального роста люди, высвобождаемые из сферы производства, перемещались в сферу услуг, то в условиях сужения ресурсной базы «государства благосостояния» происходит выталкивание населения за пределы системообразующих, включенных в цикл экономического воспроизводства социальных групп, наблюдается их маргинализация и люмпенизация. Внешне это проявляется как

расширение зон «застойной бедности», в рамках которых пребывание индивида становится устойчивым, вплоть до пожизненности и наследования.

Характерно, что разрушаются социальные институты и группы, связанные с государством и, соответственно нацией, как общностью его граждан. Альтернативные социальные институты, прежде всего институты традиционного общества, связанные с этносом, религией, переживают период бурного роста, экспансии в сферы, еще недавно монополизированные государством [4].

Вместе с тем даже частичное замещение сложившихся к середине XX в. институтов национального государства архаичными – не что иное, как системный социальный регресс, имеющий далеко идущие последствия. Успешно возрождаясь в новых условиях как инструмент межгрупповой конкуренции, институты традиционного общества сами по себе не способны даже к простому воспроизводству социальной среды и интеллектуального потенциала, адекватного сложности техносферы – хотя бы в силу фрагментации общества.

Выход мировой системы на «пределы роста» был своевременно и однозначно оценен на уровне западных элит, заявивших об угрозе «демографического взрыва», ресурсного и экологического кризиса (Р. Макнамара, Г. Киссинджер), необходимости перехода к стратегии «нулевого роста» («Пределы роста» и другие доклады т.н. Римского клуба).

Однако «бунт элит» не стал «бунтом» в прямом смысле этого слова, а приобрел форму глобализации, превращающей закрытые и регулируемые национальные экономики в неподконтрольные государству-нации открытые системы, позволяющие локализованным и денационализированным экономическим субъектам (корпорациям) и, соответственно, корпоративным элитам манипулировать ресурсами в обход государственного регулирования кейнсианского типа.

Таким образом, уже с конца 1970-х началось создание и расширение глобальной экономики на основе не столько роста и кооперации производства как доходной части бюджета ресурсов, сколько за счет идеи «экспорта издержек» на геополитическую и социальную периферию, то есть передел расходной части. Экспорт издержек приобрел много различных форм, из которых наиболее известны экспорт капитала под заведомо некупаемые проекты «развития» периферийных стран (связанные кредиты МВФ И

МБРР), а также сырьевая модель экономики. Создание транснационального, оффшорного, сектора экономики обеспечивало и другую технологию перераспределения – уход бизнеса и корпоративных элит от «социальной ответственности», перехват ими прибылей и ресурсов социального государства – «приватизация государства благосостояния».

Другим направлением перераспределения ресурсов в пользу корпоративных элит и «верхне-среднего класса» стала глобализация национальных рынков труда – перевод производства в «новые индустриальные страны» и массовый завоз условно-бесплатной рабочей силы.

Таким образом, глобализация стала не новым этапом всемирного прогресса, а началом регрессивного развития, при котором видимость процветания определенных социальных групп и страт в государствах-лидерах оплачивается целенаправленной маргинализацией государств и социальных групп (в том числе и самих странах «ядра»), неуклонно дистанцируемых, отчуждаемых от ресурсных потоков.

Общепризнанными реалиями глобализации являются, с одной стороны, кризис гражданской нации, а с другой, – «ренессанс» этничности и религиозности, что часто не находит достаточного объяснения в рамках известных теорий этноса.

По мнению авторов, различие феноменов этноса и нации заключается в механизме их воспроизводства и функционирования как устойчиво сосуществующих, но качественно различных групп, связанных с различными социальными позициями (ролями), имеющими разный генезис и динамику развития.

Механизм воспроизводства этноса – непосредственная социальная наследственность, транслирующая этничность через образ (способ) жизни и структуры повседневности. Это означает, что и в эпоху глобализации этнос составляет повседневную социальную среду большинства населения и не исчез в ходе трансформации, а был обратимо вытеснен на бытовую, латентный, уровень, в сферу частной и семейной жизни.

Механизм воспроизводства нации – сфера политики и государственного управления, взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов.

Из этого следует, что этнос и нация – не смежные друг друга стадии развития, но параллельные, сосуществующие и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминиру-

вание этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот. Являясь субстратом для политического строительства, государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, уходя в тень наций, и вновь проявляются в условиях социального регресса.

Однако в любом случае повсеместная актуализация религиозного сознания и архаичного, восходящего к неолиту этноса и на фоне кризиса нации как института, обеспечивавшего социально-экономический прогресс последних двухсот лет, является как индикатором регресса, так и действенным фактором его ускорения и генерализации.

Ослабление институтов национального государства и нации как интегрирующей социальной группы объективно ведет к их стихийному замещению архаичными формами социальной организации, несовместимыми с современными формами общественного производства, и это несоответствие приобретает все более явные формы.

Важнейшим индикатором глобального социального упадка стал кризис национальных государств. Если раньше напряжение локальных социумов носило изолированный характер, то глобализация превратила их в неравновесные открытые системы, создав между ними мощные каналы (финансовый, миграционный, информационный и др.) целенаправленного экспорта нестабильности, что качественно снизило устойчивость мировой системы в целом. Характерно, что деградация отдельных национальных государств идет как повсеместный, почти синхронно протекающий, глобальный процесс, имеющий сходные социальные механизмы. Вместе с тем само по себе превращение государства в открытую систему и синхронизация процессов в мировом масштабе не объясняют вопроса движущих сил кризиса национального государства.

Смена содержания мирового развития – от прогресса к переделу ограниченных ресурсов в условиях суженного воспроизводства – не могла не привести к изменению функций и формы государства.

Сохранив и даже расширив инструментарий воздействия на общество, количественно расширив государственный аппарат как инструмент тотального воздействия на общество и отдельного индивида, государство эпохи глобализации отнюдь не самоустранилось, но сменило приоритеты в сторону элит.

Видимость «отмирания» государства в ходе ультралиберального реформирования обуслов-

лена его отказом от позитивных стимулов и функций расширенного воспроизводства человеческого потенциала, игравших ключевую роль в прогрессе индустриальной эпохи. Государство «отмерло» для нации, равно как и национальные интересы перестали быть социальной основой, смыслом и целью постиндустриального государства, узурпированного элитами.

Однако кризис нации отнюдь не означает исчезновения государства. Новое, постиндустриальное, государство становится инструментом последовательного отделения ресурсных потоков от ресурсоемких по своей природе институтов государства «всеобщего благосостояния», механизм. Постиндустриальное государство не самоустраняется, превращаясь в «ночного сторожа», а активнейшим образом участвует в демонтаже институтов предшествующей эпохи, становясь локомотивом социального регресса.

Процесс перерождения, начавшийся на рубеже 80-х гг. прошлого века, зашел настолько далеко, что сегодня можно говорить о новом типе государства, с качественно иными социальными функциями и приоритетами источником развития которого является демонтаж системообразующих институтов всеобщего социального обеспечения («welfare state») индустриальной эпохи, «избыточных» с точки зрения правящих элит в условиях объективно достигнутых «пределов роста».

Образно говоря, в условиях, когда «мотор» индустриального прогресса исчерпал горючее, единственной возможностью двигаться вперед и сохранять управляемость является движение под уклон, за счет накопленной энергии.

В итоге под видом «только» смены экономического курса произошло качественное изменение основ государства индустриальной эпохи [5] – более эволюционное в странах Запада и более катастрофическое – в странах бывшего соцлагеря.

Хотя название не устоялось, вполне корректным и при этом нейтральным термином будет «постиндустриальное государство», что подчеркивает его качественное отличие от государства нации индустриальной эпохи. Что же касается социальных трендов, то расслоение, поляризация гражданской нации как интегрирующей общества социальной группы позволяет говорить и о «постнациональном государстве».

«Постиндустриальное государство», «общество 20:80» – качественно иная социальная реальность, иные приоритеты и цели по сравнению с индустриальным «государством большинства». А также – принципиально иная иерархия вызовов и угроз, включая более низкий и

гораздо более дифференцированный по регионам и стратам уровень безопасности и стабильности. Более того, «небезопасность», конечность во времени субъектов мирового процесса становится важнейшим атрибутом новой реальности, поскольку в условиях ресурсно-демографического кризиса основным ресурсом развития становится та или иная форма демонстрации, утилизации, ликвидации, распада существующих социальных структур (сверху – со стороны государства, извне, а часто – изнутри), позволяющая перехватить питающие их финансовые и ресурсные потоки.

Иначе говоря, поскольку к началу XXI в. фактически не осталось ресурсных потоков, не канализированных той или иной социальной структурой, их перенаправление в иное русло неизбежно связано с разрушением ресурсной базы, то есть либо с конфликтом, либо с катастрофой, гибелью социального субъекта.

В постиндустриальном государстве видимость продолжения прогресса все более ограничивается отдельными анклавами и стратами и обеспечивается за счет создания и расширения деградирующей социальной периферии – как заграничной, так и внутренней. Периферийное население отсекается не только от денежных потоков, но, что важнее, от социальных институтов «государства благосостояния» и гражданского общества, прежде всего – от гражданской нации как базовой интегрирующей общности. И если на фазе подъема индустриализма развитие общества обеспечивалось за счет создания целой системы социальных лифтов, то есть массового инкорпорирования индивидов и групп в быстро прогрессирующие социальные институты, связанные с городской средой и промышленным производством, то характерная черта глобализации – формирование и институализация широкого круга форм и механизмов социальной деградации, маргинализации, дауншифтинга, высвобождающих ресурсы для процветания верхних страт общества (наркокультура и др.).

Действие инструментов перераспределения обычно иллюстрируется ростом экономического неравенства. Однако, на наш взгляд, ведущим механизмом распада является прогрессирующая деградация социальных институтов и отношений, прежде всего – механизма воспроизводства человеческого потенциала, достаточного для преодоления неизбежных кризисов. Собственно, именно системная десоциализация, «атомизация», разрушение сколько-нибудь организованных социальных групп, способных противостоять

элитам в конкуренции за ресурсы, и является ведущим механизмом социального регресса.

Фактически одной из основных функций постиндустриального государства, сросшегося с «постнациональными» элитами, стал последовательный демонтаж социальных институтов и десоциализация населения, поэтапно дистанцируемого, отчуждаемого от благ и гарантий. Это государство с качественно иной энергетикой, живущее за счет техносферы и социальной среды, построенной в индустриальную эпоху, социальный аналог ядерного реактора, «растягивающего» взрывной распад материи (в данном случае – социальной) во времени, однако порождает не менее фундаментальную, чем проблема ядерных отходов, глобальную проблему накопления «продуктов социального распада» уничтожаемых социальных структур.

По мере генерализации регресса и нестабильности нарастающий распад прежних социальных структур ведет не к упрощению и конвергенции, а напротив, порождает громадное разнообразие дивергентных процессов, возникновение широкого спектра новых нестабильных социальных форм, характерных для любых открытых неравновесных систем. Вместе с тем синергетический подход к социальным системам, объясняя всплеск метастабильного структурообразования в потоке «энергии распада» прежнего мироустройства, не может дать ключей к конкретным явлениям локального порядка.

Важными индикаторами (и ведущим механизмом) социального распада являются деактуализация нации как интегрирующей социальной группы и глобальная регенерация институтов традиционного общества – прежде всего этнических и религиозных, приобретающих все больший вес в политической жизни.

Совершенно необъяснимым для науки прошлого века с ее постулатом о «необратимости» прогресса, всеобщности конвергентных процессов и необратимым преобразованием этносов в нации стало повсеместное, глобальное возрождение этнического и религиозного сознания, которое еще недавно считалось полностью утраченным.

Таким образом, эпоха глобализации качественно изменила направление, характер и механизмы мирового развития, что связано со сменой фундаментальных ограничений, определявших ход исторического процесса в течение последних столетий.

Ситуация глобального конфликта интересов, в котором необходимым условием развития и самосохранения становится передел ограничен-

ных ресурсов, означает, что немислимый в XX в. масштабный социальный регресс во всех его формах и проявлениях объективно становится не только атрибутом, но и доминантой мирового развития.

Литература

1. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. – М.: Альпина, 2001. – 335 с.
2. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – №6. – С. 17-23.
3. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Россия в глобальном ресурсно-демографическом кризисе: миграционные вызовы // По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал фундаментального образования, науки и культуры. Материалы конференции 19-20 апреля 2010 года / под ред. А.Колганова, Р.Крумма. – М., 2010. – С. 321 – 325.

риалы конференции 19-20 апреля 2010 года / под ред. А.Колганова, Р.Крумма. – М., 2010. – С. 321 – 325.

4. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 4. – С. 218-232.

5. Фурсов А.И. Кошмар светлого будущего. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article16920.htm>.

Сафонов Андрей Леонидович, кандидат технических наук, проректор по международным отношениям Московского государственного индустриального университета, доцент кафедры истории и социологии, г. Москва, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

Safonov Andrey Leonidovich, candidate of technical sciences, vice-rector for international relations, associate professor, department of history and sociology, Moscow State Industrial University, Moscow, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

УДК 111.8

О.В. Никулина

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ Б.В. ЯКОВЕНКО

В статье анализируется философская теория трансцендентального плюрализма выдающегося представителя русского неокантианства Б.В. Яковенко.

Ключевые слова: философия, трансцендентализм, неокантианство, критицизм, догматизм, плюрализм, интуитивизм, скептицизм.

O.V. Nikulina

TRANSCENDENTAL PLURALISM OF B.V. YAKOVENKO

The article analyzes a philosophical theory of transcendental pluralism of B.V. Yakovenko, the outstanding representative of Russian neo-Kantianism.

Key words: philosophy, transcendentalism, neo-Kantianism, criticism, dogmatism, pluralism, intuitionism, skepticism.

Борис Валентинович Яковенко (1884–1949 гг.) принадлежит к тому направлению отечественной мысли, которое принято называть русским неокантианством [1, с. 216]. Его основные работы посвящены истории философии, а также вопросу о сущности и назначении философии.

Изучение историко-философского процесса, отмечает Яковенко, выявляет большое разнообразие подчас противоположных идей, систем и концепций. Создается впечатление, что существует не одна наука философия, а множество учений. Однако такое мнение является поверхностным, при более глубоком рассмотрении обнаруживается существование общей мировоззренческой тенденции, единой философии, имеющей один и тот же предмет исследования. «Философия едина в своем историческом явлении, – пишет русский исследователь. – Тем единым предметом философских исканий является

Сущее во всем своем целом, во всех своих деталях, во всех своих обнаружениях, – значит, Сущее как Сущее» [7, с. 94-95].

Три главных момента единства философии – в ее предмете, методе и проблеме – обуславливают целостность ее системного развития и определяют специфику философского знания. Но поскольку Сущее в своих формах и проявлениях множественно, т.е. плюралистично, то истинная философия в идеале сама должна быть плюралистичной. Таким образом, в истолковании Сущего как фундамента бытия – идеальной основы жизни, культуры и философии – Яковенко стоит на позиции плюрализма, точнее, трансцендентального плюрализма, программа которого может быть сформулирована следующим образом: проникая в Сущее, плюрализм должен действовать совершенно недогматично. «Свое направление Яковенко называет критическим или трансцендентальным интуитивизмом, а также

философским абсолютизмом в противоположность всякому релятивизму и агностицизму, – отмечал Н.О. Лосский. – Указывая на односторонность монизма и даже дуализма, сводящего весь состав мира только к материальному и психическому бытию, Яковенко отстаивает плюрализм, т.е. учение о существовании многих видов бытия, не выводимых друг из друга» [4, с. 928-929].

Однако плюрализм не может быть плюралистичным в смысле теории или системы абстрактно субстанциализованных сущностей или монад (как например у Г.В. Лейбница), подчеркивает Яковенко. «Трансцендентальный плюрализм» прежде всего обнаруживает себя как феноменологическая критика познания, поскольку выдвигает критическую и рациональную интуицию в качестве единственного источника истины. Он также противостоит любому виду чувственной интуиции и интеллектуальному конструированию. В гносеологии такой плюрализм допускает абсолютность и разнообразие истин; в онтологии он признает многообразие и равную абсолютность сущностей; в этике он утверждает многообразие и правомерность нравственного самоутверждения личности; в учении о красоте плюрализм одновременно защищает разнообразие и абсолютность проявлений прекрасного; наконец, в области религии он признает многообразие и одинаковую абсолютность всех проявлений и форм святого, отклоняя только традиционные понятия Бога и Церкви [8, с. 428-429].

Носителем интеллектуальной интуиции в «критическом плюрализме» является человек, который, пройдя курс историко-философского воспитания, также проходит курс мировой истории и мировой культуры и своим существованием в Истине, Добре и Красоте увенчивает действительную жизнь Сущего, являясь его единичным представителем. В личности философа, как и в любой другой, происходит самоупражнение философии во имя осознанной Жизни.

Трансцендентализм и критицизм, воспринятые от немецкого неокантианства, с некоторой примесью феноменологии Э. Гуссерля, были для Яковенко той методологической платформой, которая позволяла построить философию как «строгую науку». По его мнению, разработка этих принципов представляет собой основное достижение И. Канта, открывшее новую эру в развитии мировой мысли и впоследствии творчески обогащенное немецкими неокантианцами [3, с. 22-26, 38-40].

Разграничивая вслед за И. Кантом критически-пропедевтическую и систематически-

сущностную философию, Яковенко усматривал основной смысл трансцендентального плюрализма в реализации трансцендентальной пропедевтики как метода критики гносеологического дуализма и трансцендентальной систематики как онтологической системы Сущего во всех его многообразных формах и проявлениях.

Трансцендентальный принцип обеспечивает «чистоту» философской мысли, освобождая ее от влияния «хаоса жизни», и придает ей объективный и всеобщий характер. «Мы обозначаем, – писал Яковенко, – собственно философский метод, т.е. вопрос о принципах трансцендентальности, об условиях возможности последнего» [7, с. 46]. В свою очередь, философский критицизм, противостоящий теологическому и философскому догматизму, требует рассмотрения средств познания прежде построения философской системы: «...Критицизм берет знание как знание, как состав и раскрывает на любом его примере все его основные формы и все его существенные элементы, имеющие значение также и по отношению к тому знанию, которое знаменует само критическое исследование» [7, с. 694-695].

Основная слабость догматизма, пояснял Яковенко, состоит в том, что он ставит в центр исследования предмет познания, не изучая понятий и условий, посредством которых оно происходит. Суть «критического метода», напротив, состоит не в изучении вещей и их свойств, а в исследовании самого познания и его форм, т.е. априорных условий возможности опыта. Следовательно, перед «трансцендентальной философией» прежде всего стоит задача изучения самих «видов познания».

Русский философ стремился раскрыть значимость и плодотворность неокантианства как естественного продолжения немецкого идеализма (в частности правильно понятой и проясненной системы И. Канта), подчеркнуть, как ему казалось, свойственный неокантианству онтологизм, показать в каком направлении может и должно развиваться это направление мысли. Принципиальное оправдание Яковенко трансцендентального идеализма как гносеологической метафизики осуществлялось с помощью сравнительного анализа проблемы Логоса, проходящей через всю историю философии, что позволило рассматривать трансцендентализм как «критический интуитивизм» [7, с. 852-853].

Яковенко – убежденный сторонник научной философии. Философия должна иметь свои опеределенные предмет, метод и задачи. Поэтому истинная философия прежде всего есть транс-

цендентальнология, учение об основаниях и возможностях познания, и только в таком виде она может быть самостоятельной наукой.

Так называемая «религиозная философия», отмечал отечественный мыслитель, является господством языческой хаотичности и фантастичности над просвещенным мышлением. Философское познание Сущего в том виде, как оно есть, является длительным и многотрудным итогом развития науки. Яковенко не отрицал религию, но считал, что такое мировоззрение основывается на эмоционально-волевом, а не на рационально-научном типе познания, и ничего не может дать для истинного познания Сущего. В противоположность критицизму, свойственному научной философии, религии присущ теологический догматизм.

Поэтому всякое соединение философии и религии неправомерно, как в том случае, когда религия превращает философию в свою служанку, так и тогда, когда религия впадает в наибольшую рационализацию и оказывается в зависимости от философии. Наглядным примером такого бесплодного соединения религии и философии является средневековая схоластика [7, с. 274-275, 569].

Философия, утверждал Яковенко, должна исходить из проблем Жизни, выявлять ее смысл, постигать Сущее во всех его формах. Являясь системой мировоззрения, философия обнаруживает себя в качестве трансцендентальной сущности жизни и культуры и осознает себя в своей истории как фиксирование моментов Абсолютного Сущего. Но для этого философия должна очистить себя от догм сознания, т.е. встать на позиции трансцендентального скептицизма. Это можно сделать посредством самоограничения философии, т.е. через ее отделение от иных форм проявления человеческого сознания – науки, искусства, религии, политики – по психологическим, гносеологическим и методологическим основаниям, что позволяет преодолеть предрассудки натурализма, антропоморфизма, психологизма, интенционализма и т.п., а также все формы монизма и дуализма.

В своем творчестве Яковенко испытал влияние не только теоретиков Марбургской школы – Г. Когена, П. Наторпа, «раннего» Э. Кассирера, – но и представителей Баденской школы – В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Ласка, – в учениях которых философия в качестве нормативной науки о должном понимается как теория «ценностно-телеологического критицизма». Сущность, считал русский неокантианец, может быть определена как совокупность ценностей и смыслов, которые сознание и душа несут в себе

как данное, но принципиально отличная от них и самостоятельная в своем значении: «В безграничном океане наивно-догматических наличностей философская критика путем беспощадного сомнения и разложения открывает твердые и более или менее определенные пункты культурных ценностей» [7, с. 256].

Именно поэтому философия трансцендентализма должна быть противопоставлена всем формам релятивизма и иррационализма. Иррациональность жизни снимается культурой, которая находит свое выражение в рационалистической философии плюрализма. Истинная философия есть познание Сущего во всех его формах и проявлениях, исторические этапы и периоды которого фиксируются в единстве понятий и категорий систем мировоззрения.

Философия, по мнению Яковенко, возникла тогда, когда человек почувствовал разницу между собственным бытием вещи и ее данностью в восприятии. Так в философии появилась проблема трансцендентного, выступающая как отношение сущности и явления, единого и множественности, чувственного и сверхчувственного. Избежать дуализма и преодолеть разрыв субъекта и объекта, сущности и явления возможно на пути истолкования Сущего не трансцендентно, не за пределами познания, а имманентно, внутри этих пределов. Поэтому философское познание имеет две стороны: научно-критическую, обращенную к субъекту, и интуитивно-мистическую, обращенную к самому Сущему, которое в концепции «трансцендентального плюрализма» обнаруживается как система множества самостоятельных ценностей [2, с. 652-654].

Для Яковенко развитие философской мысли в целом носит прогрессивный поступательный циклический характер. Оно проходит следующие мировые циклы: космоизм (греческая философия), гносеологизм (западноевропейская, в особенности немецкая философия) и трансцендентализм. До трансцендентализма человеческая мысль пережила в истории философии две основные эпохи: натуралистическую и гносеологическую. Для греческих мыслителей мир представлялся в виде некоторой совокупности вещей и сил, в виде космоса, конкретной природы. Западноевропейская философия, в особенности немецкая классика, взяла своим исходным пунктом объективную сторону познания и отказалась от космического мирозерцания. Тем самым были заложены предпосылки для перехода к трансцендентальному этапу познания Сущего.

Этот этап философского развития имеет свои ступени, начиная с учения И. Канта, в основных чертах продолженного И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шел-

лингм и Г.В.Ф. Гегелем, а затем и неокантианцами. Но все же главными пунктами на пути самоопределения философии, осознания ею своей самостоятельности и самодостаточности является трансцендентализм И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Самым перспективным направлением трансцендентальной философии Яковенко считал Марбургское неокантианство (особенно учение Г. Когена), хотя он также испытал влияние некоторых идей Баденской школы [7, с. 166-172, 427-428].

Трансцендентализм, понятие которого имеет большое значение в кантианстве и неокантианстве, Яковенко трактует как стремление представителей этих течений преодолеть противопоставление ума и «вещей в себе». Этим термином отечественный ученый называет такую философскую систему, которая охватывает все Сущее, его внешнюю для человека сторону (т.е. трансцендентное) и внутренне ему присущее (т.е. имманентное). Трансцендентализм – магистральное направление европейской и мировой мысли, преодолевающее как «объективизм», так и «субъективизм», как «трансцендентизм» (абсолютизацию внешнего), так и «имманентизм» (абсолютизацию внутреннего) [6, с. 306-310].

«Оригинальная и исключительная мощь философской мысли <...> восходит критически до разумного трансцендентального <...> созерцания, в котором предстает и наличествует сама сущностная феноменология Сущего, – поясняет Яковенко суть «трансцендентального плюрализма». – Жизнь, культура и история, и в том числе также и сама философия в ее исторических обнаружениях суть лишь подготовительные фазы, сферы, ступени, по которым и через которые философская мысль <...> восходит к конечному разумному озарению, к полному критическому самоугашению в чистом предмете, к свободной и всецелой мудрой жизни в Сущем» [7, с. 280]. Следовательно, непосредственный синкретизм жизни, преодолеваемый в культуре, окончательно снимается в философии, когда она осмысливает данность жизни и культуры как полноту самостности отдельных сфер бытия. Философия выступает высшим продуктом культуры, а высшим типом философии является трансцендентальнология.

Само Сущее при такой интерпретации представляет собой не простую логическую абстракцию, идеальный объект теории познания, но некий онтологический Абсолют, цельное, «живое» единство объективности и субъективности, по-

стигаемое рационально и интуитивно. Современная философия, говорил русский неокантианец, должна взять Абсолютное так, «как если бы оно не бралось, а просто было» [5, с. 813]. Последовательно применяя трансцендентально-плюралистический метод ко всем сферам философского исследования, можно осуществить всеобъемлющее познание Сущего как оно есть, не теряя его многообразия и не нарушая целостности [3, с. 27-28, 37, 42].

Социально-политической проекцией философского плюрализма Яковенко считал демократию. «...В сфере нравственной философии плюрализм непременно должен выступить как система чистой свободы, как мысленно-интуитивная кристаллизация последовательного демократизма, – писал он. – <...> Подлинная человеческая личность <...> выявляет наличие всецелой Свободы» [7, с. 921].

Таким образом, своим исследованием вопроса о сущности и назначении философии, постигающей многообразные формы и проявления Сущего, Яковенко сыграл большую роль не только в разработке проблем трансцендентализма, но и в повороте отечественной мысли к онтологической проблематике.

Литература

1. Абрамов А.И., Сулова Л.А. Кант в России // Русская философия: словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995.
2. Ермичев А.А. Яковенко Борис Валентинович // Русская философия: словарь / под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995.
3. Ермичев А.А. О неокантианце Б.В. Яковенко и его месте в русской философии // Б.В. Яковенко. Мощь философии. – СПб.: Наука, 2000.
4. Лосский Н.О. Памяти философа Б.В. Яковенко. // Б.В. Яковенко. Мощь философии. – СПб.: Наука, 2000.
5. Степун Ф.А. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» // Ф.А. Степун. Сочинения. – М.: РОССПЭН, 2000.
6. Столович Л.Н. История русской философии: очерки. – М.: Республика, 2005. – 495 с.
7. Яковенко Б.В. Мощь философии. – СПб.: Наука, 2000. – 974 с.
8. Яковенко, Б.В. История русской философии. – М.: Республика, 2003. – 510 с.

Никулина Ольга Вячеславовна, кандидат философских наук, доцент Нижневартковского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск, e-mail: ra.nvarta@gmail.com.

Nikulina Olga Vyacheslavovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, Nizhnevartovsk State Humanities University, Nizhnevartovsk, e-mail: ra.nvarta@gmail.com.

УДК 316.258

И.В. Мацкевич

ТОЛКОТТ ПАРСОНС И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению места и роли социальной организации в «Общей теории действия и социальной системы» Т.Парсонса. Обсуждается оценка вклада Т.Парсонса в развитие теории организации в современной отечественной научной литературе.

Ключевые слова: социологическая теория, общая теория действия и социальной системы, социальная структура.

I.V. Matskevich

TALCOTT PARSONS AND THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF ORGANISATION

The article is devoted to consideration of the place and role of social organization in «General theory of action and social system» by T.Parsons. The evaluation of T.Parsons' contribution to the development of the organizational theory is discussed.

Key words: sociological theory, general theory of action and social system, social structure.

Имя Т. Парсонса прочно вошло в историю мировой социологии. Сегодня этот ученый почти приравнивается к классикам (М. Вебер, К. Маркс, Э. Дюркгейм). Вклад Т. Парсонса в развитие социологической теории, да и социологии трудно переоценить. Его влияния не избежал ни один крупный социолог, даже если он не столько восхищался им, сколько критиковал его подход. Идеи Т. Парсонса воздействовали не только на англо-американскую социологию (что не удивительно). Они повлияли и на европейскую социологию, причем парадоксальным образом. Так, для послевоенной Европы Т. Парсонс заново открыл европейскую же классику: М. Вебера и Г. Зиммеля. Его подход оказал определенное влияние и на развитие социологии в Советском Союзе [1]. Н.Луман оценивает работу Т. Парсонса как одну из действительно плодотворных попыток построения системной теории общества в социологии [2]. Короче говоря, Т. Парсонс создал одну из наиболее значительных и влиятельных общесоциологических теорий в XX в. Правда, ее размах, попытка охвата общества во всех его многообразных проявлениях и поиска единых оснований для этого, стремление к терминологическому единству, высокий уровень абстрактности привели к тяжеловесности и сложности построений. Это позволило некоторым социологам иронически оценивать «Общую теорию социального действия и социальных систем» как «величественную», а не «великую», полагая, что она запутанно и многоречиво говорит о простых вещах, которые можно выразить гораздо проще [3]. Мы не будем далее углубляться в проблемы оценки вклада Т. Парсонса в развитие социологии, тем более что попытка выявить значение структурного аспекта его теории была уже предпринята нами

[4]. Цель данной статьи гораздо скромнее: выявить роль и место явлений, «схватываемых» понятием «организация» в созданной им теории.

В современной отечественной научной литературе по теории организаций, социологии организаций и экономической социологии вклад Т. Парсонса достаточно велик. Большинство исследователей сходится в том, что Т. Парсонс определяет организацию как социальную систему, что, в общем-то, является отражением его методологии, согласно которой действие рассматривается как система (Action is a system) [5], а общество (и, соответственно, все его составляющие) описывается как система действия. При этом некоторые исследователи (например Ф.И. Шарков) предлагают считать такой подход «естественным», полагая, что в данном случае организация рассматривается не как инструмент рационального управленческого (искусственного) воздействия для упорядочения социальных процессов, а «как объективный, самосовершающийся процесс, в котором субъективное начало хотя и присутствует, но не преобладает» [6]. Насколько это справедливо, мы постараемся показать в дальнейшем, а пока отметим, что в данном случае присутствует смешение понимания общества как организованной социальной системы (говоря языком Т. Парсонса, социетальной) и социальной организации, например коммерческой фирмы, университета и т.д. К слову, сам Т. Парсонс эти понятия никогда не смешивает. Относительно общества оценка Ф.И. Шаркова верна, чего нельзя сказать относительно социальной организации.

Большинство исследователей также справедливо обращает внимание на самую яркую и известную часть «Общей теории социального действия и социальных систем» – знаменитую схе-

му функционально необходимым условий (LIGA или AGIL) [7]. Согласно этой схеме каждая система действия для продолжения своего существования (т.е. для того чтобы оставаться системой) должна:

- приспособляться к внешнему окружению (адаптация);
- ставить перед собой цели и определять способы их достижения (целестремление);
- формировать нормативные образцы как для упорядочивания процессов внутри системы, так и для адаптации и целестремления (интеграция);
- накапливать, систематизировать и передавать нормативные образцы с целью поддержания «стандарта» системы, чтобы она могла сохранять свою идентичность (латентность) [8].

В соответствии с этими требованиями в каждой системе действия возникают дифференцированные функциональные подсистемы, специализирующиеся на удовлетворении каждого из необходимых условий. Для социального взаимодействия – это: биологический организм (адаптация); личность (целестремление); социальная система (интеграция); культура (латентность). Для общества – это: экономика (адаптация); политика (целестремление); социальное сообщество (интеграция); система воспроизводства образца или фидуциарная (латентность) [9].

Эта схема была распространена Т. Парсонсом на организации. В статье «Социологический подход к теории организации» [10] он определяет организацию как социальную систему, фокусирующуюся на достижении специфических целей, являющихся в свою очередь вкладом в достижение целей более широкой социальной системы (вышестоящая организация и даже общество в целом).

Исходя из вышеописанной функциональной модели, Т. Парсонс предлагает анализировать социальную организацию с помощью четырех основных категорий:

- адаптивные механизмы, концентрирующиеся на мобилизации ресурсов (адаптация);
- оперативный код, механизмы, определяющие процесс осуществления целей организации (целестремление);
- интегративные механизмы (интеграция);
- система ценностей, определяющая и легитимирующая цели организации (воспроизводство образца).

Адаптивные механизмы решают проблему мобилизации ресурсов и представляют собой главный аспект взаимоотношения организации и ее внешнего окружения. Т. Парсонс выделяет

четыре типа таких ресурсов, добавляя к классическим земле, труду и капиталу организацию, рассматривая ее как соединение остальных факторов производства, обеспечивающее эффективное достижение организационных целей.

Оперативный код – механизм, концентрирующийся на принятии решений о политике организации, порядке распределения ресурсов и интеграции. Политические решения определяют организацию как целостность, преследующую собственные цели во внешнем окружении. Такое определение означает принятие организацией обязательств по отношению к более широкому сообществу. В организации происходит распределение персонала (власть и ответственность) и материальных и финансовых средств (возможности и вознаграждения). Оперативный код также предполагает принятие решений, направленных на координацию работы организации.

Интегративные механизмы организации – это ее собственные институализированные образцы, соединяющие структуру организации со структурой общества в целом. Проблема состоит в совместимости институционального порядка с деятельностью совокупности взаимодействующих организаций и других элементов социальной системы.

Ценностная система определяет социальные ожидания, от которых зависят цели и функционирование организации. Она является подсистемой, в силу чего организация всегда является частью более широкого сообщества. Вследствие этого организационные ценности предполагают принятие базовых ценностей общества. Они обеспечивают легитимацию места и роли организации в более широком сообществе.

Некоторые ученые упоминают и так называемые «стандартные» или «образцовые» переменные. Эта модель занимает важное место в теории Т. Парсонса [11]. По сути, она является основой для понимания процесса социального структурирования и определения типологических моделей. «Образцовые» переменные обычно представляются в виде пяти дихотомических пар, образующих крайние значения в пределах данной оси. Каждая переменная является независимой. Первые две определяют типологию ценностных ориентаций. Третья и четвертая – мотивационных ориентаций. Пятая – ортогональна по отношению к остальным.

Универсализм – партикуляризм. Ориентация на общие (универсальные) стандарты ценностных ориентаций (преобладают когнитивные интересы). Либо ориентация на частные (партику-

лярные) стандарты (преобладают катектические интересы).

Достижение – приписывание. Ценностная ориентация на действия социального объекта (достижение). Либо ценностная ориентация на свойства социального объекта (приписывание).

Аффективность – аффективная нейтральность. Допустимость или недопустимость удовлетворения действующим лицом своих интересов с помощью экспрессивной активности.

Специфичность – диффузность. Определение степени заинтересованности в объекте. Объект интересен в одном или некоторых определенных социальных контекстах (специфичность). Либо объект интересен во многих и разнообразных социальных контекстах (диффузность).

Ориентация на себя – ориентация на коллектив. Допустимость или недопустимость преследования действующим лицом любых интересов не общих ему с другими членами данной группы.

Сочетание этих осей, с точки зрения Т. Парсонса, показывает возможные способы структурирования статусов/ролей в социальной системе, возможные способы ориентации действующих лиц, а главное – возможное соединение ценностных и мотивационных ориентаций, делающих каждую социальную систему отчасти неповторимой. В отечественной литературе, к сожалению, преимущественно подчеркивается аспект ориентации действующего лица, а не структурирования социальной системы [12].

В ряде случаев Т. Парсонс определяется как ученый, впервые указавший на важность ценностно-нормативного компонента организаций и тем самым заложивший основы дисциплины «Организационная культура» [13].

Самую высокую оценку вкладу Т. Парсонса дает В.И. Франчук. Он считает, что ученый разработал общую организационную теорию, рассмотрев как организацию и общество, так и собственно социальные организации и группы. Правда, В.И. Франчук считает, что эта попытка «оказалась неудачной, так как он исходил из неверных, на наш взгляд, методологических посылок» [14]. Мы не будем здесь оспаривать заключение о бесплодности и непрактичности системной методологии. Отметим лишь, что оценка В.И. Франчука является противоположной вышеупомянутой нами позиции, согласно которой организация у Т. Парсонса – это социальная система. В данном случае исследователь говорит об обратном: социальная система – это организация, что, в общем-то, и не оспаривается.

Таким образом, организация в теории Т. Парсонса – это социальная система, вынужденная структурироваться одним и тем же образом для своего сохранения. Соответственно, каждая организация должна иметь четыре функциональные подсистемы (адаптационную, целедостиженческую, интеграционную, воспроизведения образа). Т. Парсонс предложил типологию способов выбора поведения индивида в организации в виде «образцовых» переменных. Он продемонстрировал важность организационной культуры для функционирования организации.

В целом такая оценка вполне обоснована и справедлива. Однако, на наш взгляд, у нее имеется существенный недостаток. Вне поля ее зрения остается вопрос о том, какое место занимает организация в социальной структуре общества. Ниже мы попытаемся ответить на него, опираясь на работы Т. Парсонса.

Наиболее полной и глубокой экспозицией теории общества Т. Парсонса, безусловно, является его знаменитая работа «Социальная система» [15]. В этой работе понятие «организация» в том смысле, в котором оно употребляется в современной теории, появляется впервые в контексте обсуждения проблем интеграции индивидуальных инструментальных действий. Ученый обсуждает различные формы интеграции, выделяя такие из них, как обмен и кооперация. С его точки зрения, последняя является более тесным способом интеграции, поскольку накладывает на участников этого отношения больше обязательств, чем процесс обмена. Результатом кооперации становится появление «целостности, которая как единица может вступить в процесс обмена» [15, с. 72]. Таким образом, социальная организация в первом приближении понимается Т. Парсонсом как система кооперативных отношений.

Возникает проблема различения организации и коллектива вообще, поскольку и то и другое предполагает наличие солидарности «в том смысле, что участники определяют некоторые действия как необходимые в интересах интеграции данной системы, а другие действия – как несовместимые с этой интеграцией, потому и санкции организуются с учетом этого определения» [15, с. 97]. Эта проблема решается различением коллективов, экспрессивно ориентированных (*Gemeinschaft* – община) и ориентированных инструментально (*Gesellschaft* – организация) [15, с. 100]. Организация – это система кооперативных отношений, нацеленных на инструментальное достижение.

Какое же место занимает организация в общей классификационной схеме внутренней

дифференциации социальных систем, предлагаемой Т. Парсонсом?

Во-первых, она определяется как коллективное действующее лицо (коллективный актор), являющееся объектом ориентации для других лиц (индивидуальных и коллективных). В этом смысле она обладает следующими классификационными характеристиками: размер (число участвующих индивидуальных действующих лиц); состав (типы социальных статусов/ролей, распределение индивидуальных действующих лиц по этим статусам/ролям); соответствующие ролевые ориентации (на что ориентируются исполнители данных ролей); черты организации как целостности (эмерджентные свойства коллектива как системы). Классификационные характеристики дополняются отношенческими: пространственное расположение (связаны ли члены коллектива территориально или нет); временная длительность (превышает ли время существования коллектива время жизни индивида или нет); инклюзивность/эксклюзивность (предполагает ли членство в данном коллективе отказ от членства во всех остальных или нет, либо коллектив А является частью коллектива Б). Наконец, коллективные действующие лица различаются по преобладающей ориентации в деятельности на:

- инструментальные (например, производственная организация, воинская часть);
- экспрессивные (например, театральная труппа);
- моральные (например, церковь) [15, с. 142-143].

На первый взгляд здесь возникает противоречие с предыдущим определением организации как инструментально ориентированного коллектива. То, что это противоречие кажущееся, мы постараемся показать ниже.

Во-вторых, организация – это коллективное действующее лицо, имеющее свои собственные ролевые ориентации. В этом смысле она характеризуется преобладанием интересов и обязательств отдельного коллектива по отношению к более широкой социальной системе. Преобладание интересов проявляется в том, что другие действующие лица рассматриваются с точки зрения увеличения возможностей и усиления влияния коллектива (инструментальный аспект); увеличения вознаграждений и усиления престижа коллектива (экспрессивный аспект); возможной солидарности или конфронтации с другими коллективами (моральный аспект). Преобладание обязательств проявляется в том, что инструментальные, экспрессивные и моральные ори-

ентации рассматриваются как обязанности коллектива по отношению к более широкой системе [15, с. 144-145]. Иначе говоря, организация как коллективное действующее лицо стремится продемонстрировать свое превосходство по отношению к другим, рассматривая такого рода демонстрацию как проявление обязательств по отношению к организации более высокого уровня.

В-третьих, организация – это тип коллектива, доминирующий в сфере инструментального взаимодействия. В этом смысле она определяется как система дифференцированных инструментальных ролей. Среди них прежде всего выделяются: технические роли, являющиеся вкладом индивидуальных действующих лиц в кооперацию в процессе деятельности; политические роли, отвечающие за принятие решений в соответствии с целями деятельности организации; административные роли, осуществляющие непосредственное руководство, контроль и представление интересов организации во внешней среде [15, с. 146].

Последнее определение очень похоже на веберовский подход к организации как к бюрократической структуре, основанной на разделении труда, власти, ответственности и соответствующей дифференциации возможностей и вознаграждений. Отличие состоит в том, что для Т. Парсонса бюрократическая организация (в веберовском смысле) – это частный случай инструментально ориентированного коллектива, который он называет «формальной организацией». «Формальная организация» означает распределение и определение ожиданий и охранительных функций дифференцированных ролей. Занимающие эти роли не могут по определению состоять в тесных «первичных» отношениях с более чем незначительным меньшинством тех, для кого их решения и действия представляют собой важные определения ситуации и санкции. В целом они должны прийти к принятию силы экстенсивно генерализованного господства обобщенных нормативных структур как таковых и приемлемости статусных определений независимо от личности сотрудника» [15, с. 279].

Таким образом, первое и второе определение сближают организацию с коллективами вообще. Они показывают, что организация – частный случай коллектива, обладающий всеми его характеристиками как коллективного действующего лица и как объекта ориентации других, и как единицы, обладающей своими собственными ролевыми ориентациями. Третье определение демонстрирует специфику организации как

коллектива, направленного на инструментальное достижение. Именно в этом смысле организация определяется как *Gesellschaft* и противопоставляется *Gemeinschaft*. В первом случае (организация как объект ориентации других) вводится различие индивидуальных и коллективных действующих лиц (к которым относятся организации и другие коллективы). Во втором случае (организация как единица, имеющая собственные ролевые ориентации) это различие продолжается в другом аспекте. Организация (как и другие коллективы) имеет ролевые ориентации, отличающие ее от индивидуального действующего лица. В третьем случае вводится различие организации в собственном смысле этого слова и других коллективов. С точки зрения Т. Парсонса, данные различия представляют общую универсальную (инвариантную) классификацию категорий структуры социальной системы.

Литература

1. Судьбы теории Талкотта Парсонса в России / Т. Парсонс. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – С. 740-871.
2. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – С. 19.
3. Mills C.W. The Sociological imagination. – N.Y.: Oxford University Press, 1975. – P. 25-50.
4. Мацкевич И.В., Осинский И.И. Социальная структура в теории Т.Парсонса. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – 130 с.
5. Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – С. 19.
6. Шарков Ф.И. Теория организации: учеб.-метод. комплекс. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://demografia.viperson.ru/wind.php?ID=581896>.

7. Орчаков О.А. Теория организации: учеб. пособие. – М.: МИЭМП, 2007; С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова, О.В. Бусыгин. Факторы организационного развития предприятий. – М.: Академия естествознания, 2009; С.С. Фролов. Социология организаций: учебник. – М.: Гардарики, 2001. – 384 с.
8. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология: учеб. пособие для вузов. – СПб.: ДНК, 2003. – С. 384-401.
9. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект пресс, 1997. – С. 16-24.
10. Parsons T. A sociological approach to the theory of organizations // *Administrative science quarterly* – June. – 1956. – pp. 63-85 – 2; September. – 1956. – pp. 225-239; Reprinted Parsons T. Structure and process in modern societies, 1960. – pp. 16-58.
11. Parsons T. The social system. – N.Y.: The free press, 1964 (1951). – 575 p.
12. Фролов С.С. Социология организаций: учебник. – М.: Гардарики, 2001. – 384 с.
13. Шивверских М. Р. Социальная адаптация американской модели ведения бизнеса к российским условиям / автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 1998.
14. Франчук В.И. Общая теория социальных организаций. — М.: Союз, 2001. – С.2.
15. Parsons T. The social system. – N.Y.: The free press, 1964 (1951). – 575 p.

Мацкевич Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: mazkevich@yandex.ru.

Matskevich Irina Vladimirovna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of state and municipal management, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: mazkevich@yandex.ru.

УДК 141

А.Э. Ковров, Э.Л. Ковров

ГАРРИ ФРАНКФУРТ И ПРИНЦИП АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Статья посвящена анализу аргументов Гарри Франкfurта в пользу совместимости моральной ответственности и детерминизма. Рассмотрены современные споры о «контрпримерах в стиле Франкfurта».

Ключевые слова: аналитическая философия, детерминизм, моральная ответственность, свобода воли.

A.E. Kovrov, E.L. Kovrov

HARRY FRANKFURT AND THE PRINCIPLE OF ALTERNATE POSSIBILITIES

The article is devoted to the analysis of Harry Frankfurt's evidences of moral responsibility and determinism compatibility. Modern polemic on «Frankfurt-style counterexamples» is considered.

Key words: analytical philosophy, determinism, moral responsibility, free will.

Одной из важных проблем, связанных с философией науки, является вопрос о детерминизме. Многие считают его необходимой предпосылкой научного исследования. Однако он по-

рождает множество проблем, когда речь заходит о поведении человека и особенно о его моральной ответственности.

В ходе дискуссии о том, свободен ли человек в своем поведении, представители аналитической философии раскололись на два лагеря: детерминистов (determinists), считающих, что человеческие решения и действия каузально предопределены, и либертарианцев (libertarians), считающих, что человек в той или иной мере свободен в своих решениях и действиях.

Либертарианцы зачастую ссылаются на то, что если поступки человека предопределены, то нельзя признать его ответственным за них. Детерминисты, как правило, не решаются сделать такой радикальный вывод из своей теории, пытаясь вместо этого показать, что детерминизм вовсе не исключает ответственности. Философов, отстаивающих такую позицию, называют компатибиристами (compatibilists). Соответственно, тех, кто считает ответственность и детерминизм несовместимыми, называют инкомпатибиристами (incompatibilists).

Один из важнейших инкомпатибилистских аргументов в его наиболее простом варианте называется «принцип альтернативных возможностей» (the principle of alternate possibilities) и звучит следующим образом: «Человек морально ответственен за свой поступок в том случае, если он мог поступить иначе»¹. В таком виде в ходе полемики он был сформулирован американским философом-компатибистом Гарри Франкфуртом.

Принцип альтернативных возможностей (ПАВ) может быть использован в следующей цепочке аргументации: если весь мир каузально детерминирован, то действия человека предопределены; следовательно, он не может поступать иначе; следовательно, не отвечает за свои поступки.

В 1969 г. Гарри Франкфурт опубликовал статью под названием «Альтернативные возможности и моральная ответственность», в которой подверг ПАВ критике [1]. Он выдвинул свой знаменитый аргумент против ПАВ – мысленный эксперимент, в котором деятель не имеет альтернативных возможностей, но все же является морально ответственным. Примеры, составленные по этому образцу, получили название «контрпримеров в стиле Франкфурта» (Frankfurt-style counterexamples) и широко распространились в англоязычной литературе, посвященной проблеме свободы воли.

В данной статье мы подробно рассмотрим вышеупомянутую работу, а также современные споры о контрпримерах в стиле Франкфурта

(КФ). Мы также попытаемся показать, что аргументация Гарри Франкфурта построена на софизме, использующем двусмысленность истолкования человеческого действия.

Для опровержения ПАВ в работе «Альтернативные возможности и моральная ответственность» рассматриваются два пути. Можно анализировать значение выражений «моральная ответственность» и «возможность поступить иначе» и показать, что в ПАВ эти термины употребляются неверно. А можно, не определяя понятий и ссылаясь на здравый смысл, привести пример ситуации, в которой человек был бы морально ответственным, несмотря на отсутствие альтернативных возможностей. Именно так и поступает Гарри Франкфурт.

Приводимые им примеры описываются следующей схемой. Пусть деятель выбирает между А и \bar{A} . Пусть есть некая причина С, по которой возможность выбрать \bar{A} оказывается для него закрыта. Пусть он выбирает А, но не по причине С, а по своему собственному мотиву D. В этом случае он ответственен, поскольку совершил выбор по своему собственному мотиву, а не из-за внешней причины. При этом у него была только одна возможность А. Следовательно, у нас есть пример ситуации, в которой деятель ответственен за свое действие, несмотря на то, что он не мог поступить иначе².

Сначала Франкфурт рассматривает ситуацию, в которой деятель, Джонс, по своим мотивам решил сделать нечто, а затем ему приказывают под угрозой очень жестокого наказания (такого ужасного, что любой разумный человек подчинился бы) сделать как раз то же самое, и он делает.

Существует три крайних варианта развития событий:

1. Если угроза лишит Джонса способности трезво рассуждать, и он в ужасе, забыв о своих прежних замыслах, выполнит то, что от него требуют, то его нельзя будет считать ответственным, ведь он будет действовать не по своей воле.

2. Если Джонс, будучи неразумным человеком, не обратит на угрозу никакого внимания, и сделает то, что задумал, то его можно будет считать ответственным, ведь он действовал по своим собственным мотивам, но в этом случае нельзя сказать, что имело место принуждение, ведь Джонс не учитывал угрозу, когда принимал решение.

¹A person is morally responsible for what he has done only if he could have done otherwise.

²Эта схема не прописана в явном виде в работе Франкфурта, однако логика рассуждения и у него, и у его последователей именно такая.

3. Если Джонс, сохранив способность трезво мыслить, оценит ситуацию и, не упуская из виду своего прежнего решения, сделает то, что от него требуют, то его можно будет считать ответственным, ведь он будет действовать в соответствии с собственными замыслами. При этом у него нет альтернативной возможности, ведь он как разумный человек подчинился бы угрозе, даже если бы сам не собирался сделать то же самое.

Здесь принуждение¹ играет роль причины С, блокирующей возможность \bar{A} . В последнем рассмотренном случае Джонс выбирает А, но не по причине С, а по своим собственным мотивам. Следовательно, его можно считать ответственным, а описанная ситуация является контрпримером к ПАВ.

Однако этот пример, как отмечает сам Франкфурт, недостаточно убедителен, поскольку в нем сохраняется некоторая двусмысленность. Во-первых, Джонс, строго говоря, может проигнорировать угрозу и принять наказание, а значит, у него остается альтернативная возможность. Во-вторых, если Джонс действует, принимая во внимание как угрозу, так и свое предыдущее решение, то его действие сложно описать однозначно. Франкфурт и сам понимает слабость своего первого примера и приводит второй, лишенный этих недостатков.

Второй пример в целом похож на первый, но есть два существенных отличия.

Принуждающий (Блейк) наблюдает за Джонсом, и если Джонс выбирает А, то Блейк не вмешивается.

Если Джонс хочет выбрать \bar{A} , то Блейк вмешивается и любыми средствами (угроза, зелье, гипноз или прямой контроль над функциями мозга) заставляет Джонса выбрать А.²

¹Франкфурт неслучайно начинает именно с ситуации принуждения. Тем самым он направляет мысль в сторону самостоятельности и несамостоятельности действия. Для компатибилистов характерно понимание ответственности по принципу «сам – не сам». В этом случае можно не обращаться к проблеме свободы воли вообще – достаточно говорить о характере, как о совокупности устойчивых черт, и о внешних раздражителях [2, с. 32-86]. Вопрос о свободе хотения и о власти над своим характером при этом можно отодвинуть в сторону как маловажный.

²«Какие шаги Блейк предпримет, чтобы увериться, что Джонс решит и будет действовать так, как Блейк хочет? Любой, у кого есть теория, что значит «мог поступить иначе», может для себя ответить на этот вопрос, описав, какие меры он признает достаточными, чтобы, в соответствующем смысле, Джонс не мог поступить иначе» [1, с. 835]. То есть сторонник ПАВ сам должен будет определить, при каких условиях Джонс не может поступить иначе в зависимости от того, какой смысл он вкладывает в слова «мог поступить иначе». Предполагается, что Блейк достаточно силен для того, чтобы создать подобные условия.

Блейк выступает здесь в роли причины С, блокирующей выбор \bar{A} . Если Джонс по своим мотивам выбирает А, то он ответственен за это, хотя не имеет возможности поступить другим образом. Следовательно, описанная ситуация является контрпримером к ПАВ.

Важное преимущество этого примера в том, что Джонс не подозревает о Блейке, если не выбирает \bar{A} , а значит нет никаких сложностей с анализом ситуации, в которой Джонс выбирает А. Кроме того, пример очень гибок и устойчив против возможных возражений, ведь его условия можно варьировать в достаточно широких пределах.

Далее Гарри Франкфурт делает из своего примера выводы. Мы часто извиняем людей, говорит он, когда они утверждают, что не могли поступить иначе. Это случается потому, что мы полагаем, что то, что они говорят нам, служит для достаточным основанием объяснения их поступков. Мы не думаем, что они нечестны наподобие того человека, который приводит в свое оправдание тот факт, что не мог поступить иначе, хотя прекрасно сознает, что поступил бы так же и в любом другом случае.

Сказанное выше, продолжает Франкфурт, может навести на мысль, что ПАВ нужно переделать следующим образом: человек морально не отвечает за те действия, которые он совершил *потому* (курсив мой – А.К.), что не мог поступить иначе³. Такая правка, по сути, не скажется на аргументации тех, кто считает, что детерминизм несовместим со свободой воли. Ведь если человек был каузально предопределен к каким-то действиям, то он совершил их, потому что не мог поступить иначе. При таком определении ПАВ будет выглядеть так: «...человек не является морально ответственным за действия, если он был каузально определен к ним» [1, с. 828].

Но, возражает философ, мы принимаем слова «я не мог поступить иначе» за извинение, потому что рассматриваем их в строго буквальном смысле. Мы подразумеваем, что человек имеет в виду, что он сделал нечто *только* (курсив Г.Ф.) потому, что не мог поступить иначе. В частности, мы понимаем его так, что он сделал нечто не потому, что на самом деле хотел этого. Поэтому ПАВ должен быть переформулирован следующим образом: «человек морально не ответственен за то, что он сделал, если он сделал это только потому, что не мог поступить иначе» [1, с. 837]. А этот принцип, по мнению Гарри

³Первоначальный вариант формулировки ПАВ – «Человек морально ответствен за свой поступок в том случае, *если* он мог поступить иначе»

Франкфурта, не противоречит идее совместимости детерминизма и моральной ответственности.

Неудивительно, что контрпримеры в стиле Франкфурта (КФ) завоевали широкую популярность среди компатибилистов. Они гибки и представляют исключительный простор для фантазии. Особенно популярный кандидат на роль Блейка – блестящий ученый [3] или нейрохирург [4], который при помощи хитрого устройства напрямую влияет на мозг, побуждая свою жертву к тем или иным действиям.

Рассмотрим критику Франкфурта инкомпатибилистами. Восстановим всю цепочку рассуждений по опровержению ПАВ при помощи КФ. Пусть у Джонса есть выбор между А и \bar{A} , причем вариант \bar{A} заблокирован причиной С, и Джонс выбирает А в соответствии с собственным мотивом D. Если Джонс выбрал А в соответствии с собственным мотивом D, то он ответственен за А. Если выбор \bar{A} заблокирован, то Джонс не может поступить иначе. Следовательно, хотя Джонс не может поступить иначе, он ответственен за А. Значит, неверно, что если некто не может поступить иначе, то он не ответственен за свой поступок. Отсюда, неверно, что если некто каузально предопределен, то он не ответственен за свой поступок.

У КФ, несмотря на всю их наглядность, есть одно слабое место. Франкфурт пытается доказать совместимость детерминизма и ответственности, при этом наличие моральной ответственности предполагается им с самого начала. Но тогда Франкфурт не имеет права одновременно предполагать наличие детерминизма, ведь тогда совместимость детерминизма и ответственности уже не ставилась бы под вопрос, а задавалась самими предпосылками мысленного эксперимента, и образовался бы круг в доказательстве.

Некоторые инкомпатибилисты, например Кейн [5], Уайдеркер и Гетц [6], пытаются опровергнуть КФ, доказывая, что в них детерминизм используется в качестве скрытой предпосылки.

Действительно, Блейк вмешивается в ход событий, если видит, что Джонс склонен выбрать \bar{A} . Если Джонс показывает склонность к выбору А, Блейк не вмешивается. Тут есть два варианта:

1. Детерминизм ложен. Тогда из склонности к решению еще не следует само решение. Так, Джонс может показывать склонность выбрать А, но неожиданно выбрать \bar{A} . Поэтому Блейк не может заранее узнать, что выберет Джонс, и ему придется вмешаться еще до того, как Джонс совершит выбор (если он не вмешается заранее, то у Джонса будет возможность поступить иначе). Значит, Блейк совершит выбор за Джонса, и

Джонс не будет ответственным за то, что он выбрал. Он не сможет поступить иначе и не будет отвечать за свой поступок, что соответствует ПАВ.

2. Детерминизм истинен. Блейк может предугадать, что выберет Джонс, и вмешаться, если он выберет \bar{A} . Но в этом случае, даже если Джонс выберет А, мы не сможем сказать, что Джонс ответственен за свои действия, ведь мы еще не доказали, что при детерминизме возможна ответственность.

Следовательно, для осуществления КФ необходим детерминизм. В индетерминированном мире Блейк не сможет лишить Джона альтернативных возможностей. Однако в КФ с самого начала предполагается моральная ответственность. Значит, КФ не может служить доказательством совместимости детерминизма и ответственности, ведь их совместимость уже предполагается самими условиями мысленного эксперимента. Таким образом, КФ предполагает круг в доказательстве.

Компатибилисты признают за этими аргументами некоторую силу [7]. Так, Джон Мартин Фишер пишет, что КФ не доказывают, что детерминизм и моральная ответственность совместимы. Однако они показывают, говорит он, что если субъект и не ответственен за свои действия, то не по причине отсутствия альтернативных возможностей. В таком случае КФ могут стать первым аргументом для более сложной цепочки доводов в пользу компатибилизма [7, с. 7-8].

С Фишером полемирует Стюарт Гетц. В своей статье он показывает, что КФ только «...создает видимость того, что устройство Блейка в альтернативной цепи событий делает Джонса в этом случае неспособным поступить иначе». Без детерминизма в действительной цепи событий устройство не может помешать Джонсу сделать альтернативный выбор, а при наличии детерминизма в действительной цепи событий Джонс не может совершить альтернативный выбор не из-за устройства. Короче говоря, если Джонс не свободен совершить другой выбор, то из-за каузального детерминизма в действительной цепи событий, а не из-за устройства Блейка в альтернативной» [6, с. 85]¹.

¹ Гетц рассматривает тот вариант КФ, в котором злобный нейрохирург встраивает своему пациенту в мозг устройство, которое принудит его голосовать за Рейгана, если тот захочет голосовать за Картера. Под действительной цепью событий он имеет в виду выбор А, а под альтернативной цепью событий – выбор \bar{A} .

Далее Гетц уточняет смысл ПАВ. Сторонники ПАВ полагают, что «если агент морально не ответствен, поскольку не способен поступить иначе, то на нем нет моральной ответственности не просто потому, что он не способен поступить иначе, но потому, что он не способен поступить иначе из-за каузального детерминизма» [6, с. 88]. Более того, по мнению Гетца, единственное, что может исключить альтернативные возможности – это каузальный детерминизм.

Компатибилисты откликнулись на критику Гетца. Так Иштиякве Хаджи и Майкл МакКена опубликовали статью, в которой защищали аргумент Фишера. По их мнению, инкомпатибилисты в своей критике исходят из предположения, что если детерминизм объясняет невозможность поступить иначе для Джонса, то возможное вмешательство Блейка никак не помогает понять, необходима ли для моральной ответственности способность поступать иначе. «Наличие контрфактического вмешательства (counterfactual intervener's presence) в детерминистическом сценарии хотя и не необходимо для исключения альтернативных возможностей, но достаточно для этого. Более того, это присутствие не имеет отношения ни к суждению, что агент не свободен, ни к суждению, что он морально не ответствен» [6, с. 93]. Хаджи и МакКена хотят сказать, что если бы детерминизм не имел места, то отсутствие альтернативных возможностей обеспечивалось бы возможным вмешательством Блейка.

Гетц отвечает на эту критику. Допущение инкомпатибилистов, на которое указывают вышеупомянутые авторы, предполагает еще одно допущение: «Если нет свободы выбрать иначе (отсутствие альтернативных возможностей), то в действительной цепи событий имеет место детерминизм» [6, с. 93]. Условное вмешательство Блейка не может объяснить отсутствия альтернативных возможностей. Впрочем, угрозы вмешательства Блейка достаточно для отсутствия альтернативных возможностей. Происходит это, однако, потому что сама возможность того, что Блейк полностью контролирует ситуацию, предполагает детерминизм, а он и служит гарантией того, что Джонс не имеет альтернативных возможностей. Таким образом, КФ предполагают и детерминизм и ответственность заранее, а потому содержат круг в доказательстве.

Не все инкомпатибилисты выступают против КФ. Например, Питер ван Инваген считает, что они составлены корректно и опровергают ПАВ. Однако ПАВ, по его мнению, вообще не имеет смысла из-за неверной интерпретации ответственности. «Для него [ван Инвагена] всегда было

вполне очевидно, что мы ответственны не за действия, а за их последствия, или, точнее, за некоторые из их последствий – потому что никто не будет утверждать, что кто-то может быть ответственным за все последствия своих действий [8, с. 220]. ПАВ же говорит об ответственности человека за свое действие. Ван Инваген переформулирует ПАВ следующим образом: «человек ответственен за некоторое положение дел, только если это положение дел имеет место, и было время, в которое он мог действовать так, чтобы это положение дел не возникло [8, с. 221]. По мнению ван Инвагена, эта формулировка не подвержена действию КФ¹. Такое понимание ответственности также разделяют некоторые философы, считающие КФ ошибочными, например Роберт Кейн [9].

Как же относиться к КФ? Нам представляются достаточно убедительными вышеприведенные аргументы Стюарта Гетца. Благодаря им мы можем выделить важную для Франкфурта предпосылку: всеобщий детерминизм. Однако, на наш взгляд, главный изъян КФ не в этом, а в ошибочном понимании действия. Мы попытаемся показать, в чем заключается эта ошибка и какой софизм из нее проистекает.

Характерной чертой КФ является своеобразная интерпретация действия. Оно понимается как некий факт, существующий отдельно от мотивов. Действие по своей воле, действие под угрозой, действие под гипнозом, действие под влиянием некоего снадобья оказываются одним и тем же действием. Однако Франкфурт не игнорирует мотивацию. Наоборот, как раз на ее основе выносится конечный вердикт: виновен или не виновен. Но именно в этом и заключен софизм.

Мы полагаем, что действия, совершенные с разными мотивами, при всем своем внешнем сходстве различны. В качестве иллюстрации мы позволим себе привести слова одного из крупнейших советских психологов, основоположника грузинской психологической школы Д.Н. Узнадзе: «Для нее [психологии] поведение как физическая данность, как комплекс определенных движений вовсе не является поведением. Психоло-

¹Рамки статьи не позволяют нам подробно разбирать тему ответственности. Однако стоит заметить, что в позиции ван Инвагена наибольшие сомнения вызывает тезис о том, что мы отвечаем не за сами поступки, а за их последствия. Отрицать ответственность за поступки, значит пренебрегать тем важнейшим аспектом нравственности, о котором говорит Кант: нравственный смысл действия лежит в нем самом и не связан с возможными последствиями. Ведь действие может вовсе не возыметь никаких последствий, но от этого оно не станет более нравственным или безнравственным.

логически данный комплекс может считаться поведением лишь в том случае, когда он переживается как носитель определенного смысла, значения, ценности. В поведение его превращает именно этот смысл, эта ценность, это значение <...> есть столько поведений, сколько и мотивов, придающих им смысл и значение» [10, с. 148, 149].

Чтобы КФ был корректным, необходимо, чтобы Блейк мог принудить Джонса действовать по тем же самым мотивам, по которым Джонс действовал бы самостоятельно¹. В противном случае действие будет другим.

Конечно, эти рассуждения не опровергают КФ – ведь никто не мешает оппонентам приписать прямому воздействию на мозг сколь угодно фантастические свойства, в том числе и возможность полностью контролировать процесс мотивации. Но нам представляется, что вышеприведенные доводы, с одной стороны, указывают на ограниченность понимания действия у Гарри Франкфурта, а с другой – в значительной степени снижают наглядность КФ.

С мотивами связана еще одна проблема. Как пишет Гетц, сторонники КФ склонны понимать мотивы как причины. Сам он считает возможным рассматривать мотив как телеологическое, а не каузальное объяснение действия [6]. С этим, безусловно, следует согласиться. Разрыв между действием и мотивом, характерный для КФ, во многом следует из каузального понимания мотива. В самом деле, предложение рассматривать следствие в отрыве от причины выглядит куда более разумно, чем рассмотрение целенаправленного действия в отрыве от цели². А ведь телеологическое понимание мотива как смысла действия гораздо более адекватно.

Вообразим музыканта, играющего сложное музыкальное произведение. От него требуется не просто грамотное исполнение, но и интерпретация. Почему музыкант определенным образом касается клавиши? Потому что хочет хорошо сыграть произведение? Нет, не только. Он касается клавиши определенным образом, чтобы возникший звук получил определенный смысл в рамках музыкальной фразы и произведения в целом.

¹«Действует ли он по своему усмотрению, или в результате вмешательства Блейка, он выполняет одно и то же действие» [1, с. 836]. Характерно, что Франкфурт описывает ситуацию с точки зрения Блейка. Ведь это для Блейка мотивы Джонса не имеют значения, важен только результат, а самому Джонсу не может быть безразлично, какой смысл он придаст своему действию.

²Подробнее о телеологическом и каузальном понимании мотива в [11, с. 83-89].

Нам могут возразить, что этот случай очень сложен, а начинать рассмотрение надо с простых. На это можно ответить, что даже совершая самые простые действия, мы с необходимостью придаем им смысл³. Например, такое элементарное действие, как выставление галочки в избирательном бюллетене напротив фамилии того или иного кандидата, может быть разным по смыслу: поддержкой демократии, исполнением гражданского долга, жестом безразличия, выражением симпатии к конкретному кандидату, стремлением преодолеть расовые предрассудки – свои или общественные.

Все вышесказанное может служить для иллюстрации следующего тезиса: мотив следует понимать не как безразличную причину действия, а как неотделимый от него смысл, который и делает действие тем, что оно есть.

ПАВ и смысл действия. Если мы попытаемся переформулировать ПАВ в соответствии с этим тезисом, то он примет вид: «субъект морально ответственен за свои действия, только если он способен придавать им смысл» (1). Такая формулировка выглядит очень странно, непонятно, к чему она может быть применена. Однако она всего лишь выводит на свет странность, которая изначально заложена в ПАВ.

Обратимся к вышеприведенной дискуссии между Гетцем и Фишером. Гетц утверждает, что детерминизм – единственное, что может лишить деятеля альтернативных возможностей. Можно было бы задать Гетцу вопрос: а какой тогда смысл имеет ПАВ, если он требует такой тесной связи с этим тезисом? Ведь если бы детерминизм был частным случаем отсутствия альтернативных возможностей, можно было бы попробовать показать истинность ПАВ на примерах, не касающихся детерминизма. Но если отсутствие альтернативных возможностей равносильно детерминизму, то ПАВ не может следовать из каких-либо наблюдений над соотношением между ответственностью и возможностью поступить иначе.

Откуда же на самом деле проистекает ПАВ? Вспомним еще одно выражение, которое часто употребляют либертарианцы: *to be up to somebody* – зависеть от кого-либо. Для того, чтобы я был ответственен за что-либо, эта вещь должна зависеть от меня.

³Чтобы говорить о смысле действия, необязательно обращаться к интроспекции. Достаточно сослаться на тот факт, что любое наше действие не является самоцелью и получает свое значение лишь в контексте более обширных цепочек действий, называемых практиками.

С этим может согласиться и компатибилист, но для него «я» – один из объектов детерминированного мира, хотя и очень сложный. Можно отождествить это «я» с мозгом, телом, характером. Но при подобном отождествлении не может соблюдаться ПАВ, ведь «я» не может поступить иначе, чем это задано причинными связями и положением дел. Таким образом, ПАВ означает требование особого рода причинности для морально ответственного субъекта – свободной причинности. «Субъект морально ответственен за свои действия, только если он способен быть для них причиной, свободной от естественного ряда причин» (2).

Мы проанализировали основные положения статьи Гарри Франкфурта «Альтернативные возможности и моральная ответственность», которая на протяжении уже многих лет сохраняет свое влияние в современной англоязычной философии.

Гарри Франкфурт очень ярко обозначил проблему ответственности. Принцип альтернативных возможностей действительно заслуживает критики. Главный его недостаток – расплывчатость формулировки. «Возможность поступить иначе» может быть истолкована множеством способов, тогда как единственно верное толкование ускользает от понимания. Именно уточнение смысла ПАВ, по нашему мнению, и было главным положительным результатом более чем тридцатилетних споров. Тезис, озвученный Гетцем в его полемике с Фишером, Хаджи и МакКенной (Если нет свободы выбрать иначе <...>, то <...> имеет место детерминизм), вносит в ПАВ существенную ясность. Мы попытались показать, что с такой поправкой ПАВ имеет смысл только как требование для морально ответственного субъекта свободной причинности, или способности придавать своим действиям смысл.

Конечно, контрпримеры в стиле Франкфурта можно по многим причинам определить как софизмы. Либертарианцы выдвинули сильное и тонкое возражение против них, указав на круг в доказательстве, однако главная методическая ошибка Гарри Франкфурта и его последователей – искусственный разрыв между действием и мотивом – до сих пор остается в тени. Видимо, предложение мыслить действие в отрыве от мотива не вызывает у либертарианцев вопросов. Этому способствует распространенное в современной аналитической философии понимание мотива как причины действия. В конце концов, какая разница, в чем причина, если нам нужно

указать, что именно произошло? Однако именно мотив придает действию смысл, и рассматривать их по отдельности недопустимо. Понимание сущностной связи между мотивом и действием, а также глубокий анализ понятия смысла действия могли бы существенно обогатить современную аналитическую философию.

Литература

1. Frankfurt H.G. Alternate possibilities and moral responsibility // The journal of philosophy. – Vol. 66. 1969. – №23. – P. 829-839.
2. URL: http://www.unc.edu/~dfrost/classes/Frankfurt_PAP.pdf [Электронный ресурс] (дата обращения 12.02.11).
3. Виндельбанд В. О свободе воли. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 208 с.
4. Nelkin D.K. Sense of freedom // Freedom and determinism, ed. Campbell J.K. – Cambridge, 2004. – P. 105-134.
5. Fisher J.M. Responsibility and control // Journal of philosophy. – Vol. 79. – P. 24-40.
6. Kane R. Free will and values. – Albany: SANY Press, 1985. – 312 p.
7. [Электронный ресурс]. – URL: <http://books.google.com>.
8. Goetz S.C. Frankfurt-style counterexamples and begging the question // Midwest studies in philosophy. – 2005. – №29(1). – P. 83-105.
9. Fisher J.M. Frankfurt-style compatibilism // Contours of agency: essays on themes from Harry Frankfurt ed. Sarah Buss and Lee Overton. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – 361 p.
10. Van Inwagen P. Van Inwagen on free will // Freedom and determinism, ed. Campbell J.K. – Cambridge, 2004. – P. 213-230.
11. Kane R. Agency, esponsibility and indeterminism: reflection on libertarian theories of free will // Freedom and determinism, ed. Campbell J.K. – Cambridge, 2004. – P. 70-88.
12. Узнадзе Д.Н. Общая психология. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
13. Рикер П. Я-сам как другой. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

Ковров Александр Эдуардович, кандидат философских наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института космических и авиационных материалов, г. Переславль-Залесский, e-mail: qualisrex@gmail.com.

Ковров Эдуард Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде), г. Вологда, e-mail: edkovrov@rambler.ru.

Kovrov Alexander Eduardovich, candidate of philosophical sciences, researcher, Scientific-Research Institute of Space and Aviation Materials, Pereslavl-Zalessky, e-mail: qualisrex@gmail.com.

Kovrov Eduard Leonidovich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin (Vologda branch), Vologda, e-mail: edkovrov@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭТИКА НОРБЕРТА ВИНЕРА

В статье рассмотрены основные труды Н. Винера, посвященные социальным и этическим последствиям использования информационно- компьютерной технологии. Отражены взгляды ученого на принципы решения этических проблем применения информационных технологий, а также вклад в становление информационной этики в целом.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная этика, безопасность, человек, ответственность.

O.M. Manzhueva

NORBERT WEINER'S INFORMATION ETHICS

In the article the N. Viner's main works, devoted to social and ethic consequences of information-computer technology use were considered. The scientist's views on principles of solution of ethic problems in information technologies use and also on the whole his contribution to information ethics have been highlighted.

Key words: information technologies, information ethics, security, man, responsibility.

Норберт Винер (1894–1964) – выдающийся ученый первой половины XX столетия, математик и философ, разработчик статистических основ современной теории информации, основатель кибернетической философии. Его инновационные разработки в науке и философии в середине 40-х гг. прошлого века привели к созданию новой ветви этики, которая позднее будет названа «информационная этика». В своих научных исследованиях он предвидел формирование этой новой области философского анализа задолго до ее появления. Предсказанные Винером этические и социальные проблемы современного общества, связанные с созданием и использованием информационно-компьютерных технологий, являются объектом актуальных научных исследований в области философии, социологии, техники и т.д.

Сегодня насущные вопросы реализации стратегии развития информационного общества, выработка соответствующей политики в данной сфере для всех стран мирового сообщества требуют глубокого осмысления этических последствий применения информационных технологий. Оттого формирование информационной этики как прикладной науки – это сложное динамическое поле исследований, охватывающее ценности, политику, различные концепции в контексте бурного роста технологий современного общества. В связи с этим весьма интересным и актуальным является вопрос, раскрывающий истоки возникновения новой этики информационного общества, анализ основных работ и идей автора, предвидевшего ее появление, что, в свою очередь, возможно, поможет найти ответы и решения, способствующие элиминации

негативных эффектов внедрения информационно-компьютерных технологий.

В период Второй мировой войны профессор математики и инженерии Массачусетского технологического университета Норберт Винер совместно с коллегами из Америки и Великобритании, разрабатывая электронные компьютеры, создает новую ветвь прикладной науки – кибернетику. Уже тогда, на заре эпохи информационных технологий, Винер предвидит огромные социальные и этические последствия, которые придут за развитием и внедрением электронных компьютеров и какое значение на этом фоне будет иметь кибернетика. Он предсказывает, что после войны мир подвергнется «второй индустриальной революции» – «автоматизированному веку» с «огромными потенциалами зла и добра», что произведет ошеломляющее количество новых этических проблем и возможностей [1].

В своей первой книге «Кибернетика», посвященной перечисленным проблемам, Винер описывает новую ветвь прикладной этики и идентифицирует некоторые социальные и этические последствия использования электронных компьютеров [1]. Два года спустя он издает книгу «Человек использует человека» [2], в которой исследует возможные этические вопросы, порожденные внедрением компьютерной и информационной технологии. Его третья книга «Бог и глиняный робот» [3], так же как и первые две, определяет круг вопросов, актуальных в наше время: компьютеры и безопасность, компьютеры и безработица, ответственность компьютерных профессионалов, компьютеры для инвалидов, компьютеры и религия, информационная сеть и глобализация, виртуальные сообщества, дистанционное управление, синтез машин и че-

ловеческого организма, этические вопросы создания роботов, искусственный интеллект и другие темы.

Сейчас уже очевидно, что Винер заложил начало новой науки, но в то же время он не видел себя творцом новой ветви этики. Широко применяемые в наши дни термины «компьютерная этика», «информационная этика» появились спустя несколько десятилетий. Труды Винера заложили фундамент и основали эффективную методологию в области изучения применения компьютеров и информационной этики в целом. Его мышление и выводы опережали взгляды своего времени, а многие современники находили его эксцентричным ученым, жившим в своих фантазиях. Никто – даже сам Винер, убежден Т.У. Бинэм, – не отдавал отчет в глубокой важности его этических достижений, должно было пройти примерно два десятилетия, прежде чем появились первые социальные и этические последствия применения информационных технологий, которые Винер предсказывал в 1940-х гг. XX века и стали предметом научного исследования и интереса широкой общественности [4, с. 20].

Винер в своих трудах исследовал возможные влияния информационной технологии на главные ценности человека, такие как жизнь, здоровье, счастье, его способности, знания, свобода, безопасность и перспективы будущего. Используемые им метафизические идеи и аналитические методы настолько глубоки и масштабны, что вполне могли бы эффективно применяться для характеристики, анализа и разрешения социальных и этических проблем, связанных со всеми видами применения информационной технологии, включая компьютерную технику, компьютерные сети; радио, телевидение, телефонию; средства массовой информации, журналистику; даже книги и библиотеки. Бинэм предполагает, что термин «компьютерная этика» – наиболее подходящее название для новой области этики [5, с. 6-13]. В то же время термин «компьютерная этика», теперь вполне привычный для современного общества, отражает только одну подобласть из всех интересов Винера. Его информационные этические интересы, идеи и методы охватывали не только темы в определенной области «компьютерной этики», но еще вопросы «агент-этики», «интернет-этики» и «нанотехнологической этики», а также этики журналистики и биоинженерии. Беря во внимание широкий спектр научных интересов исследователя, а также не исключая возможность применять его идеи и методы в изучении различных видов информационной технологии,

стоит признать следующий факт: Н. Винер заложил основу информационной этики, этики будущего информационного общества.

В стремлении определить методологию решения этических вопросов, возникающих в процессе применения информационной технологии, Винер в своем этическом докладе о цели человеческой жизни раскрывает основные позиции кибернетического взгляда на природу человека и общества. Базируясь на данных позициях, он определяет «великие принципы справедливости», которым, по убеждению Винера, должно следовать общество. Эти фундаментальные этические концепции позволили Винеру анализировать многие информационно-этические вопросы. Как передает Бинэм, кибернетическое понимание природы человека, по Винеру, подчеркивает физическую структуру тела человека и удивительный потенциал для обучения и творчества, что предполагает возможным физиология человека. Объясняя интеллектуальный потенциал человека, он регулярно сравнивает тело человека с физиологией менее интеллектуальных существ, таких как насекомые: в кибернетике придерживаются мнения, что структура машины или организма – это показатель производительности, которого можно ожидать от них. Тот факт, что механическая жесткость насекомого определяет предел его интеллекту, в то время как механическая плавность человека дает ему почти неограниченную интеллектуальную экспансию, очень важен, по мнению автора. «Преимущество человека над природой в том, что он имеет физиологическое и, следовательно, интеллектуальное снаряжение для приспособления к радикальным переменам в ее среде. Человек силен только в той мере, в какой он пользуется своими внутренними приспособляющимися, обучающимися способностями, как позволяет ему его физиологическая структура» [2, с. 57-58]. Физиология человека дает возможность ему схватывать различную информацию из внешнего мира, иметь доступ к информации о режиме и проявлениях внутри собственных тел и обрабатывать всю информацию путем рассуждения, вычисления, размышления, обдумывания, решения и многих других интеллектуальных процессов. Винер пришел к заключению, что цель человека – процветать как вид информационно-обрабатывающего организма, каким естественно является человек: «Я хочу показать, что человек, способный к широкому познанию и обучению, которые могут занимать его всю жизнь, физически оснащен, тогда как муравей не является таковым. Разнообразие и возможность присущи сенсориуму человека (in the human sensorium) –

и на самом деле ключ ко многим благородным полетам человека, так как разнообразие и возможности принадлежат самой структуре человеческого организма» [2, с. 51-52].

Доклад Винера о природе человека предполагает метафизический взгляд на мироздание, который предполагает, что мир и все в нем существующее, включая человека, является комбинацией материи – энергии и информации. Все, что в мире, – это смесь обоих, и мышление, согласно Винеру, – фактически вид информационной обработки. Следовательно, мозг не выделяет мысль «как печень желчь», как раньше считали материалисты, но также не выпускает его в форме энергии, как мышцы вырабатывают свою активность. Информация есть информация, это не материя и не энергия. Материализм, который не признает этого, не сможет выжить в наши дни [1, с. 155]. Согласно метафизическому взгляду Винера, все во Вселенной обретает свое существование, продолжает быть и затем исчезает из-за постоянного смешивания и перемешивания информации и материи-энергии (matter-energy). Живые организмы, включая людей, – фактически и есть модели информации, которые проходят через непрерывный обмен материи-энергии. Винер говорит о людях следующее: «Мы как в водовороте постоянно текущей реки. Мы не являемся чем-то, которые выживают, но модели, увековечивающие себя» [2, с. 96]. «Индивидуальность тела – это своего рода пламя... форма, чем вещество» [2, с. 102]. Используя язык «информационного века» сегодня, возможно передать смысл слов Винера в следующем виде: люди являются «информационными объектами»; их интеллектуальные способности так же, как и их индивидуальные способности, более зависят от существующих моделей информации и информационной обработки внутри тела, чем от специфических частиц все порождающей энергии.

Согласно Винеру, для процветания человечества необходимо, чтобы люди были свободно вовлечены в творческую позитивную деятельность, максимально используя свой потенциал, как разумные существа, принимающие решения, несущие ответственность за свои жизни. В этом видел цель человеческой жизни Н. Винер. Исследователь предполагал, что поскольку все люди индивидуальны, то соответственно накладывающиеся различия на возможности и таланты каждого, несомненно, повлияют на разнообразие достижений. Перед человечеством существуют неограниченные возможности вести достойную человеческую жизнь, ведущую к про-

цветанию. Каждый может реализовать эти возможности в качестве дипломата, ученого, учителя, врача, медсестры, солдата, домохозяйки, акушерки, музыканта, художника, торговца, ремесленника и т.д. [4, с. 19]. Подобное понимание цели человеческой жизни привело Винера к принятию «великих принципов справедливости», находящихся в основании формирующегося общества [2, с. 105-106]. Он верил, что соблюдение обществом таких принципов максимально увеличит способность человека процветать, реализовывая свои возможности через разнообразие человеческой деятельности. К сожалению, Винер, заявив о своих «великих принципах», не назвал их. Бинэм самостоятельно определяет их: «Принцип Свободы», «Принцип Равенства» и «Принцип Благожелательности» [6, 7, 8].

Принцип Свободы основывается на справедливости, обеспечивающей «свободу каждому человеку для развития в полной мере человеческих возможностей, заключенных в нем». Принцип Равенства предполагает «равенство, по которому что справедливо для А и В, остается справедливым, даже когда позиции А и В сменяются». Принцип Благожелательности пропагандирует «доброжелательность между человеком и человеком».

Из кибернетического доклада Винера о природе человека и общества следует: люди – существа социальные, полностью реализовать свой потенциал они могут только тогда, когда являются частью сообщества им подобных. Общество, следовательно, необходимо для нормальной человеческой жизни. Деспотичные общества в действительности подавляют свободу человека: они нарушают все три «великих принципа». Исходя из вышесказанного, Винер принял четвертый принцип справедливости для уверенности, чтобы предыдущие три не были нарушены. Бинэм прописывает этот принцип как «Принцип минимального нарушения свободы». Данный принцип гласит: «любое принуждение, исходящее от самого общества и государства, должно осуществляться таким образом, чтобы не нарушать свободу» [2, с. 106].

Принятие и понимание основных принципов Винера о хорошем обществе и природе человека предполагает, что существующее разнообразие культур в мире – различие обычаев, языков, религий, ценностей и практик – может обеспечить контекст, в котором люди будут иметь возможность процветать. В некоторых случаях этические релятивисты используют существование разных культур как доказательство, что нет и не

может быть базового этического основания для обществ по всему миру. В ответ на такой релятивизм Бинэм предполагает, что Винер поспори́л бы с данным убеждением: в его понимании о природе человека и цели человеческой жизни каждый, придерживаясь «великих принципов справедливости», может понять и приветствовать богатое разнообразие культур и практик. Эти принципы являются своего рода межкультурным основанием для формирующейся этики, предполагающей существование огромного культурного разнообразия. Единственное ограничение, которое Винер налагает на общество, принявшего провозглашенные этические принципы, – это то, что оно должно обеспечить условия, при которых люди могут реализовать полностью свой потенциал как сложные информационно-обрабатывающие агенты (information-processing agents), принимающие решения и несущие ответственность за свои жизни. Винер искренне верил, что это возможно при значительной свободе, равенстве и превалирующей сострадательности человека.

Основываясь на практике, что в любом обществе существует сеть принятых законов, правил и принципов, регулирующих поведение человека, которые составляют «общепризнанный свод правил» [9], методология Винера состоит в том, чтобы синтезировать этот общепризнанный свод правил общества с великими принципами справедливости. В справедливом обществе данные «стратегии» [10] могут служить в качестве хорошего начала для решения любого информационного этического вопроса. Винер был убежден в том, что в справедливом обществе, т.е. в обществе, где «общепризнанный свод правил» достаточно справедлив, предложенный метод анализа и разрешения информационных этических вопросов приведет к этически верным решениям, которые могут быть ассимилированы в общество:

1. Выделяя этические вопросы, возникающие в процессе интеграции информационной технологии в общество, необходимо фокусировать внимание на последствиях, которые оказывают влияние в первую очередь на жизнь, здоровье, безопасность, счастье, свободу, знание, возможности или на другие значимые ценности человека.

2. Грамотно и всесторонне взвешивать применяемые идеи и принципы процесса внедрения информационных технологий, значение и результаты которых могут оказать неоднозначное влияние на развитие человеческого общества.

3. Всякий раз использовать возможность в решении возникающих этических вопросов

применить уже существующие моральные принципы, законы, правила или этические практики, регулирующие поведение человека в обществе.

4. В том случае, если этически принятые прецеденты, традиции и политические курсы недостаточны для урегулирования вопроса или разрешения ситуации, Винер призывал, руководствуясь целью жизни человека, использовать великие принципы справедливости, чтобы найти решение, которое бы насколько возможно подходило этическим традициям данного общества.

Норберт Винер обращает внимание на то, что такой способ работы информационной этики не требует эксперта, профессионального философа (хотя такой эксперт может оказаться полезной фигурой во многих ситуациях). Любой взрослый мыслящий человек, функционирующий в достаточно справедливом обществе, так или иначе ознакомлен с существующими обычаями, практиками, правилами и законами, которые регулируют поведение человека в обществе и дают возможность предполагать, насколько совершаемое действие или стратегия будут этически допустимы. Таким образом, столкнувшись с введением новой информационной технологии, будь это компьютерные профессионалы, бизнесмены, рабочие, учителя, родители, чиновники и т.д., могут и должны быть вовлечены в информационную этику, помогая интегрировать новую информационную технологию в общество этически принятым путем. Информационная этика в широком смысле слова слишком важна, чтобы оставить их на рассмотрение только информационным профессионалам или философам.

В конце 1940-х гг. Винер ясно говорил о том, что интеграция в общество изобретенных вычислительно-информационных технологий приведет к координатным изменениям – ко «второй индустриальной революции» – «автоматизированному веку», что повлияет на все сферы жизни человека, понадобятся десятки лет постоянных усилий для формирования и утверждения осмысленной системы ценностей нового общества. Нельзя допустить, чтобы новая информационная технология снабдила людей социальными ориентирами, «не слышавшими о важности добра и зла» [1, с. 27]. Сегодня информационная этика представляет собой область междисциплинарного исследования и включает рассмотрение технических, моральных, юридических, социальных, политических и философских вопросов [11]. Ее главная задача по-прежнему, со времен Н. Винера, заключается в конкретизации моральных норм с целью регулирования

человеческого поведения в сфере создания и использования информационно-компьютерных технологий. Заложено Винером метафизическое и научное основание для информационной этики продолжает быть глубоким и эффективным руководством для понимания и решения этических проблем, вызванных информационной технологией всех видов. Правда великого Мастера в том, что какой бы ни была совершенной техника, использовать ее будет человек, потому что именно он есть та мера всех вещей, которая создает его дерзновенный разум и неумную фантазию. Оттого нормы общественно бытия с применением информационной технологии должны быть заданы исходя из системы ценностей, которая, прежде всего, сохраняет духовные, нравственные, общечеловеческие ценности и общественные идеалы. Основы подобного общества базируются на таких фундаментальных понятиях, как свобода, равенство, солидарность, толерантность и общая ответственность.

Литература

1. Wiener N. Cybernetics: or control and communication in the animal and the machine. – New York: Technology press/John Wiley & Sons, 1948. – 360 p.
2. Wiener N. The human use of human beings: cybernetics and society. – Boston: Houghton Mifflin, Second Edition Revised; NY: Doubleday anchor, 1954. – 344 p.
3. Wiener N. God & golem, inc.: A comment on certain points where cybernetics impinges on religion. – Cambridge, MA: MIT Press, 1964. – 99 p.

4. Bynum T. Norbert Wiener and the rise of information ethics, in J. van den Hoven and J. Weckert (eds.), Information Technology and Moral Philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 173 p.

5. Bynum T. The foundation of computer ethics // Computers and society. – 2000. – №30 (2). – P. 6-13.

6. Bynum T. Ethical challenges to citizens of the automatic age: Norbert Wiener on the information society // Journal of information, communication and ethics in society. – 2004. – №2(2). – P. 65-74.

7. Bynum T. Norbert Wiener's vision: the impact of the «Automatic age» on our moral lives, in R. Cavalier (ed.), The impact of the Internet on our moral lives. – NY: SUNY Press, 2005. – P. 11-25.

8. Bynum T. Flourishing ethics, ethics and information technology. – 2006. – №8 (4). – P. 157-173.

9. Bynum T., Schubert P. How to do computer ethics – A case study: the electronic mall bodensee, in J. van den Hoven (ed.), computer ethics – philosophical enquiry. – Rotterdam: Erasmus University Press, 1997. – P. 85-95.

10. Moor J. What is computer ethics? // Metaphilosophy. – №16(4)/ – 1985. – P. 75-266.

11. Информационная этика. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org>.

Манжуева Оксана Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ, e-mail: ocydenova@yandex.ru.

Manzhueva Oksana Mikhailovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of information and communication technologies, East-Siberian State Academy of Culture and Art, Ulan-Ude, e-mail: ocydenova@yandex.ru.

УДК 141.32:1(091)

А.Р. Бурханов

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР ОБ ЭКЗИСТЕНЦИИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В статье анализируются экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в философской концепции Мартина Хайдеггера.

Ключевые слова: антропология, бытие, мир, онтология, сущность, присутствие, человек, феномен, философия, существование, экзистенция, экзистенциал.

A.R. Burkhanov

MARTIN HEIDEGGER ON EXISTENCE AND EXISTENTIALS OF HUMAN BEING

The article analyzes existence and existentials of human being in the Martin Heidegger's philosophical concept.

Key words: anthropology, being, world, ontology, essence, presence, people, phenomenon, philosophy, existent being, existence, existential.

Стремясь создать фундаментальную онтологию, Мартин Хайдеггер (1889–1976 гг.) ставит вопрос о смысле бытия. Он считает, что вопрос о бытии, который является основным философским вопросом, оказался незаслуженно забыт в истории западной мысли, начиная еще с Плато-

на и Аристотеля. Бытие трактовалось неправильно, поскольку не имело конкретного «человеческого» измерения. Немецкий мыслитель стремится придать теме бытия новое понимание. Бытие было и остается главным делом философии, поскольку постановка и решение вопроса о

нем являются важными для человеческого существования.

На почве греческих подходов к пониманию бытия, рассуждает философ, сложилась догма, объявляющая вопрос о смысле бытия излишним. Согласно традиционному подходу, бытие есть наиболее общее понятие, а потому не поддается никакой попытке определения. Рассмотрение этого «заблуждения» в вопросе о бытии подводит Хайдеггера к задаче построения новой онтологии, которая предполагает прояснение наиболее значимых антропологических смыслов [1, с. 129-134]. Бытие не должно предпосылаться анализу сущего как нечто само по себе разумеющееся. Вопрос о смысле бытия как фундаментальный вопрос должен быть поставлен и решен во всей своей прозрачности: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?» [7, с. 87].

При этом Хайдеггер стремится рассуждать о «бытии бытующего», а не просто о бытии. Анализ онтологических проблем он осуществляет через интерпретацию конкретного человеческого бытия. Непосредственное бытие индивидов (здесь-бытие, тут-бытие, вот-бытие) Хайдеггер обозначает термином «Dasein». Это слово в немецком языке также означает «жизнь», «существование», причем в аспекте временности, конечности – как «время жизни». Термин «Dasein» содержит в себе корень «Sein», т.е. «бытие», что дает возможность его онтологической интерпретации [3, с. 546].

Экзистенциальная антропология Хайдеггера делает акцент на анализе непосредственно-чувственной жизни и реальной ситуации, в которой находятся индивиды. По его мнению, расщепляющая сила абстракций ведет к игнорированию ценности существования индивида, между тем отдельный человек есть его конкретное бытие-в-мире. Специфика человека должна определяться не через разум или сознание, не через специфику деятельности, а через особое положение человеческого сущего в бытии – его присутствие. «Это сущее, которое мы сами всегда суть и которое среди прочего обладает бытийной возможностью спрашивания, – пишет немецкий мыслитель, – мы терминологически схватываем как присутствие» [6, с. 364]. Фундаментальным условием анализа человеческого бытия является нахождение в ситуации: не в той или иной отдельной ситуации, а в ситуации в мире в целом.

Вот почему существование предшествует сущности, подчеркивает Хайдеггер. При этом уразумение, осмысление бытия само есть определенность Dasein. «Экзистенциальное существо человека есть основание того, что человек умеет

представить сущее как таковое и иметь сознание о представленном» [9, с. 55]. И так, Dasein – это бытие, наделенное сознанием, здесь-бытие, тут-бытие, т.е. человеческое присутствие. Но такое здесь-присутствие, через которое «говорит» само бытие [2, с. 39].

Отправной пункт исследований Хайдеггера – человек, понятийно выраженный как Dasein, поскольку его бытие, соотнося себя с бытием как таковым, отличается пониманием бытия. Более того, человек как единственное сущее, обладающее пониманием бытия, есть своего рода медиум для обнаружения самого этого бытия: «Экзистирующее сущее просматривает, проникает взором “себя” только постольку, поскольку оно, равнозначальное с собою в своем бытии при мире, в со-бытии с другими, проникло взором их как конститутивные моменты своей экзистенции» [5, с. 7].

Мир и Dasein взаимополагают друг друга. Однако «мир» в онтологическом плане, уточняет философ, не является определением бытующего, где Dasein предстает наряду с вещами. Напротив, наш мир – это характер самого Dasein. «Окружение мира», «окружающая среда» (Umwelt) относится к Dasein как его экзистенциальная характеристика, ибо «мир» не является абстрактным пространством или космосом. «Быть-в-мире» (In-der-Welt-sein) для Dasein – прежде всего означает отношение с внутримировым бытием около бытующего, которое является предметом его заботы [10, с. 299].

Каким же способом должен существовать мир, чтобы он отвечал возможностям человека, чтобы в нем приоритетно было человеческое бытие, Dasein? Это возможно, говорит Хайдеггер, если предположить, что человек экзистирует свой мир [6, с. 364]. Мир и человек – не две автономные сущности; это две половинки одного целого, раскрывающиеся навстречу друг другу. Мир – это потенциально возможное человека, его судьба. «Здесь мир введен в отношение к основным способам, какими фактически экзистирует человеческое присутствие, – пишет философ. – 1. Мир подразумевает скорее некое как бытия сущего, чем само сущее; 2. Этим как определяется само сущее в целом. <...>; 3. Это как в целом остается известным образом предваряющим; 4. Такое предваряющее как в целом само по себе отнесено к человеческому присутствию. Мир принадлежит тем самым прямо к человеческому присутствию, хотя он охватывает в совокупности все сущее, включая и присутствие» [9, с. 189-190]. Следовательно, мир доступен нам только через Dasein.

Присущий человеку способ существования, основополагающей структурой которого является «бытие-в-мире», немецкий мыслитель именуется экзистенцией. Это «...вид бытия, а именно бытие того сущего, которое стоит открытым для открытости бытия, где это сущее стоит, умея в ней устоять» [9, с. 54]. Экзистенция означает бытие Dasein; бытие, которому это сущее (само Dasein) «препоручено», о котором для него «идет речь», до которого ему всегда «есть дело». Existenz, или Existenz, есть бытийный облик конечности человеческого существования, бытийное устройство конечного как конечного [11, с. 406-407, 411].

Человек интенцирует за границы тут-бытия, поскольку «интенциональное устройство отношений Dasein есть именно онтологическое условие возможности всякой трансценденции. Трансценденция, трансцендирование принадлежит сущности того сущего, которое (на ее основе) экзистирует как интенциональное...» [8, с. 83].

По Хайдеггеру, экзистенция – это мы сами. Почему? Потому что у нас, как у сущего, нет что (т.е. наличной вещности), а есть кто (т.е. экзистируют всегда люди). Однако «ближайшим образом кто присутствия не только онтологически проблема, но оказывается скрыто и онтически» [6, с. 116]. Экзистенция – это неналичное, сущностно-несубстанциальное бытие человека в качестве его возможности (человек есть то, чем он может стать), выражение единственности, уникальности индивида и его судьбы, потенциальное, возможное существование (а не просто наличное существование). «Поэтому человек есть способ экзистенции» [4, с. 19].

Экзистенция как феномен бытия переживается, подчеркивает философ. Но поскольку она переживается, она понимается. Более того, она понимается именно в переживании. Если мы захотим отстраниться от переживания, попытаемся посмотреть на нее как на объект, у нас ничего не получится. Следовательно, экзистенцию нельзя всего лишь знать, ее нужно «пропускать через себя» и в такой форме понимать. В единстве понимания и переживания раскрываются экзистенциалы – ключевые индикаторы человеческого бытия.

К проблеме определения человеческого бытия, или Dasein, немецкий мыслитель подходит нетрадиционным способом: не через «состав», а через «способ» существования. Экзистенциалы человеческого бытия, попадающие в поле зрения индивида, составляют «онтологию человеческого бытия», которая, по замыслу Хайдегге-

ра, должна стать «фундаментальной онтологией», предопределяющей «универсальную онтологию». «Поэтому фундаментальную онтологию... надо искать в экзистенциальной аналитике присутствия» [6, с. 13].

Экзистенциалы суть бытийные априорные характеристики человеческой экзистенции, т.е. аналитики присутствия, их надо четко отделять от бытийных априорных определений сущего как такового – категорий. Экзистенциалы и категории – две фундаментальные возможности бытийных черт. Предстающее в них сущее всегда требует разного способа первичного опроса: сущее как кто (экзистенция) и сущее как что (наличность в широком смысле) [6, с. 44-45]. «У Хайдеггера... экзистенциалы суть характеристики внутреннего устройства именно существования, т.е. бытия, а не Dasein. <...> Сущность Dasein следует понимать, исходя из его существования» [11, с. 410-411].

Экзистенциалы имеют сложную структуру: в них сплавлены воедино «теоретическое» и «практическое», мысли и чувства, ценностные ориентиры и действия людей. По мнению Хайдеггера, это «бытийные черты присутствия», «модусы черт бытия», «основоструктуры присутствия», «феноменальная данность», «модусы, в которых экзистирует присутствие», «экзистенциальное определение присутствия», «модусы бытия присутствия», «бытийные модусы», «экзистенциальные основофеномены» и т.п. [6, с. 44, 45, 52, 53, 64, 143-144, 182, 188, 211, 225, 230, 240, 226].

Экзистенциалы человеческого бытия конституируют «способ быть», «экзистенциальное основоустройство» мира и человека. Но, будучи мысле-чувствами, в философской рефлексии экзистенциалы предстают как понятия; вот почему в экзистенциальной аналитике присутствия, поясняет Хайдеггер, «требуется конкретная разработка этих экзистенциалов» [6, с. 145, 148].

Dasein может реализовывать свои возможности, «выбирая себя», или, напротив, не реализовывать свои возможности, «теряя себя». Отсюда два модуса экзистенции Dasein – существование «собственное» и «несобственное» («подлинное» и «неподлинное»).

Отношение между «собственным» и «несобственным» способами существования Dasein – основная проблема феноменологической аналитики Хайдеггера. Он ищет собственный модус для каждого из различных способов бытия Dasein: во-первых, бытие в мире (озабоченность, заброшенность); во-вторых, бытие с другими людьми, со-бытие (кто-люди, заботливость); в-

третьих, бытие с самим собой (собственно кто), бытие-к-смерти [6, с. 130-133].

Dasein изначально присуща фундаментальная конституция «бытия-в», в корне отличная от других видов сущего. Человеческой экзистенции философ противопоставляет «налично сущее» и «подручное», которые целиком и полностью исчерпываются их действительностью и потому могут быть зафиксированы как «факты». Наличные вещи находятся в чем-то лишь пространственно, Dasein же – в силу того, что оно по своей природе «выступает» из себя и «заступает» в окружающий мир. При этом «вещи» не являются у Хайдеггера чем-то наличным, как у позитивистов, или фактами сознания, как у Э. Гуссерля, поскольку в конечном счете принадлежат человеческому способу бытия.

Dasein конституирует вокруг себя смысловую топикку, в которой то, что значимо, то ближе и больше, а то, что не важно, – дальше и меньше. Это смысловое пространство строится Dasein в ходе повседневной деятельности, как универсальная «взаимосвязь отсылок», сеть практических «смысловых связей». Изначальный опыт Dasein – это «несобственное», «потерянное», «падающее» существование, поэтому именно с него начинается аналитика человеческого существования. «Забвение себя» и «падение» сами по себе свойственны Dasein, поскольку конкретное бытие люди заслоняют от себя наличным бытием, стремлением раствориться в сущем, в беспмятстве, в толпе [3, с. 547-549].

Человек на своем опыте ощущает неподлинное существование, главным образом в переживании страха. Страх как состояние есть способ бытия-в-мире, считает Хайдеггер; то, перед чем возникает страх, есть ставшее бытие-в-мире; то, что бояться потерять, есть возможность бытия-в-мире. Поэтому взятое в его полноте явление страха характеризует Dasein как фактически существующее бытие-в-мире [6, с. 140-142], как фундаментальный экзистенциал человеческого существования.

При этом «собственный» способ бытия в мире философ определяет как заботу [6, с. 191-196, 316-323]. Забота – основополагающий феномен Dasein, фундаментальный экзистенциал человеческого существования: «Наше “обобщение”... имеет в виду... одно всегда уже лежащее в основе бытийное устройство, – пишет философ. – Экзистенциально условие возможности “жизненной заботы” и “самоотдачи” должно в исходном, т.е. онтологическом, смысле пониматься как забота» [6, с. 199].

Забота – это прежде всего бытийственная характеристика самого Dasein; именно в состоянии

заботы Dasein наиболее полно включено в мир. Человеческое существование в основе своей – это забота, сущностью которой является «забегание вперед» (sich-vorweg-schon-sein). Как экзистенциал забота априорна, т.е. всегда изначально заложена в любом фактическом отношении. В заботе Dasein становится способным забывать себя и выходить за границы собственной самости – к миру, т.е. трансцендировать.

Dasein всегда остается в пространстве между «собственным» и «несобственным», между бодрствованием и повседневностью; более того, эта двойственность, эта возможность выбора и есть способ экзистенции Dasein, отмечает Хайдеггер. Dasein никогда не может перестать быть сущим, причем таким, которое всегда стоит перед выбором того или иного себя; и все, что может сделать философия, – дать ясное осознание самого этого выбора, т.е. свободы.

Немецкий мыслитель рассматривает бытие Dasein с другими людьми. При этом оказывается, что любая intersубъективность, любое со-бытие и бытие-с-другими есть усредненное, отчужденное бытие, которое Хайдеггер обозначает термином «Man». Бытие-с-другими (Miteinandersein) – такой модус Dasein, для которого философ не находит соответствующего ему «собственного» способа бытия.

Через аналитику смерти Хайдеггер вводит в трактате «Бытие и время» проблему временности Dasein. Человеческое существование берет на себя смерть, коль скоро оно есть. Однако «феноменологическое усмотрение» смерти оказывается невозможным, поскольку своя смерть не может быть предметом опыта, а чужая смерть может, но не в «собственном» смысле: смерть всегда моя и ничья больше. «Подразумеваемое смертью окончание значит не законченность присутствия (Dasein. – А.Б.), но бытие к концу этого сущего. Смерть – способ быть, который присутствие (Dasein. – А.Б.) берет на себя, едва оно есть» [6, с. 245]. Человеческое бытие есть бытие, направленное к смерти, но не бытие во времени, а бытие как время. Dasein обретает целостность не в момент смерти, но имеет эту целостность благодаря присутствию смерти всегда и в каждый момент своей жизни [3, с. 549-550].

Но быть-к-смерти Dasein может либо «собственным», либо «несобственным» образом. «Несобственное» отношение к смерти основано на неопределенности момента смерти и определенности самого факта смерти. Заброшенность в смерть раскрывается в явлении страха перед ней. За этим кроется паническое бегство от собственного конца к тому, что считается бессмертным, или просто к забвению. Но, как и в

других формах «падения», Dasein здесь теряет себя, поскольку страх смерти самый ужасный и самый действенный. «Собственный» подход к смерти, – подчеркивает философ, – диаметрально противоположен: здесь смерть – не ужасное событие, трагически завершающее историю человека как живого существа, но оборотная сторона жизни, т.е. подлинный экзистенциал человеческого существования [6, с. 237-240, 251-252].

Трансцендентальная «всеобщность» заботы и закрепляемых ею фундаментальных экзистенциалов определяет отбор других феноменов, т.е. множество неосновных экзистенциалов как модусов существования людей, и границы продвижения экзистенциального анализа присутствия [6, с. 44, 54-57, 64, 111, 129-130, 143-145, 148, 182, 211, 226, 242, 295-301, 336].

Мир поручен человеку, резюмирует Хайдеггер, он обретает онтологический состав и антропологические смыслы только через конкретное человеческое бытие. Забота о мире и человеке в нем, гуманизация отношений индивидов – вот те основополагающие ценности, которые немецкий мыслитель предлагает современному обществу.

Литература

1. Моторина Л.В. Философская антропология. – М.: Академический Проект, 2009. – 270 с.
2. Мотрошилова Н.В. Экзистенциализм // История философии: Запад – Россия – Восток. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999. – С. 3–93.
3. Фалеев Е.В. Хайдеггер // История философии; под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 544–557.
4. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сб. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27.
5. Хайдеггер М. Бытие и время // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет: сб. – М.: Республика, 1993. – С. 3–45.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
7. Хайдеггер М. Введение в метафизику. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 301 с.
8. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. – М.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 445 с.
9. Хайдеггер М. Что такое метафизика? – М.: Академический Проект, 2007. – 303 с.
10. Хесс Р. 25 ключевых книг по философии. – Челябинск: Урал-LTD, 1999. – 366 с.
11. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 460 с.

Бурханов Александр Рафаэлевич, аспирант кафедры философии и культурологии Уральского государственного университета путей сообщения, г. Екатеринбург, e-mail: byn251@yandex.ru.

Burkhanov Alexandr Rafaelevich, postgraduate student, department of philosophy and cultural studies, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, e-mail: byn251@yandex.ru.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.614

А.В. Махиянова

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ДИСБАЛАНСА ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ КАК МЕХАНИЗМА СОЦИАЛИЗАЦИИ НА МАКРОУРОВНЕ

Представлена методика, позволяющая диагностировать дисбаланс интернализации в различных сферах общественной жизни, изложен материал социологического исследования по ее апробации.

Ключевые слова: дисбаланс, интернализация, ценностно-нормативный комплекс, методика, диагностика.

A.V. Makhyanova

A TECHNIQUE OF INTERNALIZATION IMBALANCE DIAGNOSIS AS A MECHANISM OF SOCIALIZATION AT MACRO STAGE

The article describes a technique which allows to diagnose internalization imbalance in various spheres of public life, given the material of sociological research on its case study testing has been stated.

Key words: imbalance, internalization, value-regulatory complex, methodology, diagnosis.

Интернализация, выступая ведущим механизмом социализации и обеспечивая процесс конструирования социальной реальности, представляет собой основу формирования личности. В самом общем виде она обозначает процесс усвоения принятой в обществе ценностно-нормативной системы в определенном социальном контексте, поэтому основана на субъективном принятии ценностей, норм, стандартов общества и подразумевает приобретение ими статуса принятых.

Многие неотъемлемые процессы и тенденции современного социума являются основополагающими и благоприятными условиями развития интернализационного дисбаланса. К ним относятся разрушение традиционных основ организации повседневной жизни, негативные аспекты распространения массовой культуры, фрагментарность, дисперсность и контекстуальность ценностно-нормативной системы, рост индивидуализма, эгоцентрических основ взаимодействия, трансформация социальных институтов на фоне детерминирующего значения экономических институтов, как следствие – увеличение и усложнение социально-психологических проблем современной личности. Помимо общемировых тенденций в российском обществе происходят собственные трансформационные процессы, которые также способствуют дисбалансу интернализации. Таким образом, дисбаланс интернализации сопровождается нарушением привычного образа мыслей, реконструированием основ повседневных прак-

тик, моделей поведения, глубокой трансформацией в сфере общественного сознания в целом, что в итоге диктует необходимость поиска механизмов его диагностики и путей разрешения.

Для разработки методики диагностики дисбаланса интернализации на макроуровне была использована концепция диспозиционной структуры личности В.А. Ядова и положения теории П. Бурдые об эффективности интернализации. Согласно концепции В.А. Ядова, поведение личности берется как зависимая переменная и рассматривается в качестве внешней исполнительской стороны деятельности, внутренним аспектом которой является диспозиционная система [3, с. 160]. Это, в свою очередь, означает, что интернализированные личностью ценностно-нормативные комплексы определяют ее поведение, служат его регулятором. Верно и обратное, что если личностью не интернализированы те или иные ценности и нормы, то соответственно они не будут реализовываться в ее поведении и повседневной жизни в целом.

Ценности иерархизированы и в общей совокупности разделяются на две большие группы: целевые, которые отличаются большей стабильностью, и инструментальные, которые носят более индивидуализированный характер [3, с. 47, 52]. В авторском исследовании проводится разделение ценностно-нормативных комплексов в соответствии с различными сферами повседневной жизни личности.

В работе В.А. Ядова раскрывается значение интернализации индивидом новых видов дея-

тельности через призму влияния условий деятельности на устойчивость и динамизм ценностных ориентаций личности. И в этом аспекте интерес вызывают два основных положения. Согласно первому положению, стабильность и динамизм условий объясняют меру устойчивости диспозиций различных уровней [3, с. 88]. Соответственно снижение стабильности условий ведет к снижению устойчивости ценностно-нормативного комплекса личности. Это напрямую показывает зависимость интернализованного социального мира личности от воздействия внешних условий, от стабильности социума в целом. Данным положением можно также объяснить большее проявление дисбаланса интернализации у той части общества, которая пережила слом советской системы, так как снижение стабильности спровоцировало потерю устойчивости и частичную смену внутреннего содержания их ценностно-нормативных комплексов (ценностных ориентаций).

Второе положение, которое значимо с исследовательской точки зрения, заключается в том, что любые преобразования должны объективизироваться, осознаваться субъектом, иными словами, интернализироваться. Только после этого происходят изменения в ценностных ориентациях. Приведем пример В.А. Ядова об опытах М. Рокича и Д. Маклеллана, которые путем логического убеждения пытались доказать равенство двух ценностей – свободы и равенства (необходимо учитывать, что у белых американцев ценность свободы значительно превосходит ценность равенства). Только после принятия данных установок испытуемыми результаты эксперимента отразились в их реальном поведении [3, с. 108]. Таким образом, интернализация выступает в качестве механизма изменений ценностных диспозиций личности.

Самое основное положение заключается в том, что между диспозициями и реальным поведением присутствует рассогласование. Причиной диспозиционно-поведенческого рассогласования выступают как социальные, так и индивидуальные факторы (противоречивость социально-нормативных предписаний, препятствия в ходе реализации регулирующих диспозиций, процессы осознания их субъектом и т.д.) [3, с. 193]. При апробации предлагаемой методики учитывалось положение, согласно которому наличие самих рассогласований является показателем того, что определенные ценности и нормы не интернализированы личностью полностью либо интернализированы частично и в результате этого не экстеризируются в повседневной жизни.

И здесь достаточно аргументированно применимы положения П. Бурдые, согласно которым если личность не усвоит социальные структуры, она будет не способна воспроизводить и реализовывать их в своих субъективных практиках. Согласно теоретико-методологическим положениям П. Бурдые, объективные структуры ставятся в ранг условий существования субъективных практик, суть которых можно свести к восприятию, представлению, мышлению, коммуникации и действию. Однако для реализации субъективных практик социальные структуры должны быть интернализированы, иными словами, эффективно усвоены, присвоены агентами. Социальные отношения, в свою очередь, интернализуются в форме схем производства практик агентом, т.е. габитусами, которые функционируют в качестве структурирующих структур, порождающих практики и представления. Таким образом, габитус выполняет роль проводника между социальными отношениями и агентом, являясь результатом интернализации [1, с. 107-121]. Этим он объясняет социальный порядок в социуме, который, по его мнению, поддерживается долго и достаточно просто.

Стоит отметить, что П. Бурдые проводит аналогию между социализацией и процессом формирования габитуса, который также проходит в несколько этапов. Первичный габитус складывается в семье и служит основой восприятия и усвоения школьного образования. Вторичный габитус закладывается в школе и на его основе воспринимаются и оцениваются сообщения средств массовой информации и т.д. по степени усложнения жизни агента. Интернализация в целом формирует габитус в хронологически упорядоченное множество диспозиций [2, с. 55]. Таким образом, нарушение, а именно дисбаланс интернализации, будет приводить к деструктивным последствиям в социуме.

Мы исходим из того, что интернализированный субъективный мир личности имеет свое внутреннее содержание, основным компонентом которого является совокупность ценностей, норм и образцов поведения, которые усвоены личностью и которые в идеальном варианте должны экстеризироваться в процессе повседневной жизни. Однако в качестве основного показателя дисбаланса интернализации, а также его последствий можно рассматривать противоречия между осознанием тех или иных ценностей и норм и их реализацией, осуществлением на их основе определенного поведения и т.д.

Именно данное противоречие служит источником неуспешной социализации, ее девиантным наполнением, отклонением. Несложно про-

следить, как это проявляется на практике. Например, личность осознает, знает моральные и нравственные нормы, но не организует в соответствии с ними свое взаимодействие с другими людьми, нарушает их. Источники неэффективности или «малой отдачи» многих программ и действий по воспитанию подрастающего поколения (антинаркотическая пропаганда, формирование основ здорового образа жизни, бережное отношение к пожилым людям и т.д.) также заложены в последствиях интернализационного дисбаланса, когда нормы и ценности, внедряемые в сознание, не интернализируются, вследствие этого не воспроизводятся в деятельности и повседневной жизни индивидов.

Таким образом, методика диагностики дисбаланса интернализации как механизма социализации на макроуровне основана на изучении степени рассогласования между знанием определенного содержания ценностно-нормативных комплексов и организацией поведения (действия) в соответствии с ними. В ходе апробации методики было осуществлено деление ценностных ориентаций по сферам жизнедеятельности личности: трудовые, политические, религиозные, семейные, духовно-нравственные и этнические.

Социологическое исследование было проведено в 2012 г. в столице, в 9 малых городах, в 8 поселках городского типа и в 23 селах Республики Татарстан. Выборочная совокупность сформирована с использованием метода случайной бесповторной квотной выборки путем многоступенчатого отбора обследуемых единиц. В качестве квот отбирались такие показатели, как пол, возраст и место жительства респондента. Объем выборочной совокупности при 5%-ной ошибке репрезентативности составил 1500 респондентов, что позволило говорить о высокой степени надежности полученных данных.

Первоначально респондентам предлагалось сделать выбор между двумя противоречащими друг другу суждениями, что давало общую картину интернализованных человеком ценностей и норм. Затем данные суждения объединялись в группы и предлагались в виде двух таблиц. В первой респондент осуществлял выбор перечисленных ценностей и норм, а во второй – выбор действий, которые являются показателем их экстерииоризации в повседневной жизни.

В итоге семейные ценности были сгруппированы в три объединяющие ценностно-нормативные группы: семья – это долговечный союз, наличие детей в семье является обязательным и забота о родителях – это долг каждого человека. В совокупности они поддержаны

большинством опрошенных (96,9; 93,4 и 96,8% соответственно). С целью выявления интернализационных рассогласований респондентам был предложен следующий набор действий, характеризующих реализацию данных ценностей и норм на практике: был развод (разрыв отношений в гражданском браке) или не исключают их возможность в будущем; имею детей или обязательно планирую их в будущем; всегда забота о своих родителях. Ответили утвердительно на данный вопрос 33,1; 80,6 и 93,3% населения соответственно.

Таким образом, забота о родителях не только является ведущей ценностью и нормой, но и реализуется большинством населения на практике вне зависимости от гендерных и возрастных различий. Наибольший разрыв между ценностно-нормативным комплексом и его реализацией в повседневной жизни относительно ценностей и норм заботы о родителях зафиксирован у столичных жителей.

Рассогласование показателей увеличивается в отношении детей в семье. Несмотря на то, что подавляющее число считает их обязательным, доля тех, кто реализовал или планирует деторождение в будущем, снижается (93,4 к 88%). Наибольшее расхождение показателей присутствует в ответах горожан, а также в возрастных когортах до 29 лет и в группах с наименьшим уровнем дохода. Отличились в данном вопросе и высокодоходные группы. Они меньше поддерживали ценность детей в семье и меньше реализовывали ее на практике (88,6 к 79% соответственно).

Максимальное рассогласование зафиксировано в понимании семьи как крепости с реальным сохранением семейного союза (96,9 к 72,7%). Данный разрыв увеличивался с ростом дохода респондента, а также принимал максимальное значение в возрастных когортах от 30 до 64 лет и у столичных жителей. Если на селе показатель рассогласованности составлял 12,4%; в других городах – 26,4%, то в мегаполисе – 30,3%.

Трудовые ценности и нормы были объединены в три группы: труд – основа экономического процветания человека; доход должен быть получен только честным, легальным трудом; в основу повышения социального статуса заложен труд человека. Данные ценности поддерживали 88,9; 81,2 и 81,6% населения.

Итоги исследования позволяют констатировать, что ценности труда как основы процветания человека достаточно полно интернализованы в сознании людей и полноценно реализуются на практике (88,9 к 89,1%). Наибольший

показатель рассогласования присутствует в отношении социального статуса как результата трудовой деятельности (81,2 к 62,1%).

Соотношение тех, кто признает необходимость соблюдения честных доходов, с теми, кто реализует это в своей повседневной жизни, составляет 81,6 к 70,4% соответственно. Чаще всего не экстернизируют данную норму мужчины, жители малых городов и сел, а также респонденты с более высоким уровнем дохода.

Выявление характера интернализации этнических ценностей осуществлялось по принципу знания родного языка, литературы, героев, обычаев и традиций своего этноса и с их реализацией в повседневной жизни. О знании своего языка утвердительно заявили 89,3% опрошенных, что превышает долю тех, кто разговаривает на родном языке (75,7%). Незначительное отличие между знанием и практикой сохранилось почти во всех аналитических группах. Исключением стали только респонденты до 29 лет, у которых зафиксирован самый максимальный разрыв – 18%.

Чем старше был респондент, тем больший показатель рассогласованности присутствовал в этническом ценностно-нормативном комплексе. Наибольший процент тех, у кого этнические ценности и нормы не экстернизируются в повседневной жизни, выявлен в мегаполисе, а наименьший – в сельской местности, а также у респондентов с доходом выше 20 тыс. р. в месяц.

Разрыв между показателями увеличился в знании обычаев, традиций и обрядов этноса с их соблюдением (78,6 к 69,3%) и в осведомленности о литературе и героях с их реальным прочтением (75,1 к 64%).

Таким образом, присутствует незначительное рассогласование, что является скорее не показателем интернализационного дисбаланса, а свидетельствует о наличии неполноценной интернализации этнического ценностно-нормативного комплекса у определенной доли населения. Ее источником может выступать, на наш взгляд, либо широкое распространение в нашей республике этнических маргиналов, либо снижение эффективности агентов социализации, в чьи функции входит передача этнических ценностей и норм.

В исследовании ценности и нормы религиозной направленности были поделены на три группы: знание обрядовой составляющей, священных писаний и молитв и правил соблюдения постов. Согласно полученным данным, практически 2/3 опрошенных знают обряды, в то время как информированность о таких основах религии, как священные писания, молитвы и правила

соблюдения постов, значительно меньше (70 к 54,1 и 58,9% соответственно).

Согласно полученным данным, интернализационный дисбаланс присутствует в религиозной сфере. Показателем этого является достаточно большой разрыв между осознанием религиозных ценностей и норм и реализацией их в повседневной жизни (42,3; 42,8 и 32,6%).

Мужчины чаще женщин признавались в незнании религиозных основ. Знакомы с обрядами 67% мужчин по сравнению с 72,7% женщин. В знании молитв и священных писаний гендерный разрыв увеличился с 45,5 до 61,5%, тогда как в знании правил постов уменьшился (53,3 к 63,7% соответственно). В отношении симметрии знания и реализации в повседневной жизни у мужчин и женщин картина идентичная. Можно только отметить тенденцию, согласно которой для женщин характерна большая степень экстернизации религиозного ценностно-нормативного комплекса. Так, они чаще мужчин посещают религиозные службы и выполняют обряды (45,4 к 38,6%), читают молитвы и писания (50,9 к 33,4%), соблюдают посты (63,7 к 53,3%).

В территориальном срезе лидерство в религиозном вопросе закрепилось за сельскими жителями. Они более осведомлены об обрядах (79,9 к 71,3% в других городах и к 59,9% в столице), о священных писаниях и молитвах (64,4 к 52,1 и 48,6% соответственно), а также о правилах соблюдения постов (68,6 к 57,6 и 52,9% соответственно). Однако, несмотря на данное лидерство, соотношение знания с его реализацией в повседневной жизни у населения вне зависимости от места проживания идентично.

Аналогичная ситуация прослеживается и в возрастном аспекте. Чем старше был респондент, чем больше он проявлял информированность о религиозных основах как в обрядах, молитвах, так и в соблюдении постов. В отношении экстернизации религиозных знаний картина во всех возрастных группах схожа с общей динамикой, за исключением небольшой разницы в ответах респондентов старше 65 лет, которые отличаются большей степенью внедрения религиозных основ в свою повседневную жизнь.

У групп по доходам сложилась несколько иная ситуация. С увеличением уровня дохода уменьшалась степень информированности о религиозных основах. Однако стоит отметить, что именно у высокодоходных групп реализация усвоенных религиозных норм и ценностей была на более высоком уровне.

Интересными оказались результаты исследования политического ценностно-нормативного

комплекса. Наименьший разрыв в ответах между политическими ценностями и политическим поведением зафиксирован относительно участия населения в политической жизни страны. С необходимостью данного участия согласилось 68,6%, тогда как реализуют его посредством участия на выборах 60,6% опрошенных. Наименьшее разночтение характерно для женщин (66,6 к 61,2%), тогда как у мужчин оно составляет 70,9 к 59,9% соответственно.

Если в столице и сельской местности разница между заявленной ценностью и ее реализацией составляет около 10%, то в других городах она меньше в два раза (5,6%). В различных возрастных и доходных категориях существенных отличий не наблюдается.

Относительно политической активности граждан картина существенно меняется. С одной стороны, подавляющее число опрошенных согласилось с тем, что каждый человек должен участвовать в политической жизни общества (83,6%). С другой стороны, только 41,2% населения продемонстрировали готовность защитить свои политические права и интересы, тогда как 57,9% категорически ответили «нет». При этом каждый десятый затруднился с выбором (10,9%).

Женщины в этом вопросе оказались более инертны, хотя как женщины, так и мужчины в равном соотношении заявляли о необходимости активного участия в политической жизни страны (83,6% в обеих гендерных группах). Однако только 38,3% женщин продемонстрировали реальную готовность к участию, тогда как у мужчин таких респондентов было 44,6%.

Существенных территориальных различий в данном вопросе не выявлено. Однако стоит отметить следующую особенность у сельчан. Среди них больше процент тех, кто заявляет о необходимости политической активности, и меньший процент тех, кто ее способен реализовать (89,7 к 33,9%). В результате этого произошел рост значения показателя рассогласованности (55,8 к 49,2% в других городах и к 44,3% в столице).

Зафиксированы рассогласования и в доходных группах. Если существенной разницы в ответах о необходимости политической активности не было (83,9% у респондентов с доходом до 10 тыс. р. в месяц, 86,5% – с доходом от 10 до 20 тыс. р., 83,5% – с доходом от 20 до 35 тыс. р. и 70,9% – с доходом свыше 35 тыс. р.), то реально активными в политической жизни можно признать более доходные группы. Именно здесь наибольшее число тех, кто реально способен выйти на защиту своих политических прав и ин-

тересов (29,4; 29,9; 37,7 и 37,9% соответственно).

Интересная картина сложилась относительно ценности России как родины. Признались ей в любви 87,5% опрошенных, тогда как выйти на ее защиту согласился лишь каждый второй респондент (54,7%). Уровень интернализированности данной ценности у мужчин и женщин примерно одинаков (59,9 к 50,4%), однако уровень экстернизации у мужчин выше (26,6 к 38,1% соответственно).

Сельчане чаще выражали любовь к своей родине (92 к 86,8% в других городах и к 84,9% – в столице) и демонстрировали большую степень подтверждения данного чувства в случае необходимости (64,3 к 55% и к 46,3% соответственно). В совокупности полученные данные позволяют утверждать, что патриотические ценности интернализированы в сознании сельских жителей в большей степени по сравнению с горожанами (27,7 к 31,8% и к 38,6% соответственно).

Существенных отличий в возрастных и доходных группах не зафиксировано. Можно только отметить, что респонденты с доходом выше 35 тыс. р. в месяц меньше высказывались о наличии данного чувства, хотя их показатели относительно его подтверждения не отличались от респондентов с более низкими доходами.

Исследование духовно-нравственного комплекса включало в себя суждения о характере взаимоотношений между людьми, проявления терпимости и сострадания. Согласно полученным данным, достаточно большое количество опрошенных поддерживают духовно-нравственные ценности, утверждая необходимость терпимого отношения к людям, проявления сострадания и милосердия к незащищенным слоям населения и моральных принципов (94,3; 96,5 и 93,1%). Однако только каждый второй реализует вышеуказанные ценности в своей повседневной жизни (51,8; 57,9 и 58,5% соответственно). Таким образом, показатель рассогласованности составляет 42,5; 38,6 и 34,6% соответственно.

Ответы мужчин и женщин демонстрируют схожую тенденцию и не содержат в себе существенных отличий. В свою очередь в территориальном срезе вопроса зафиксирована определенная тенденция, согласно которой проявление духовно-нравственных ценностей и норм в повседневной жизни уменьшается пропорционально от города к сельской местности.

С увеличением возраста респондента более явно прослеживалось как осознание духовно-нравственных норм, так и реализация их в повседневной жизни. Сравнительный анализ при

этом свидетельствует, что большая степень интернализации данных ценностей и норм увеличивается пропорционально возрасту.

Таким образом, предлагаемая методика диагностики дисбаланса интернализации на макроуровне основана на следующих положениях теории П. Бурдье и концепции диспозиционной структуры личности В.А. Ядова: 1) ценностно-нормативный комплекс является внутренним регулятором организации повседневной жизни и поведения личности в целом; 2) имеет место иерархизированная структура ценностно-нормативного комплекса личности; 3) интернализация зависима от внешних условий, в частности, от стабильности социума и происходящих в нем процессов; 4) ценностно-нормативный комплекс личности детерминирован интернализацией, которая также выступает механизмом его изменения и организации поведения в целом; 5) присутствует рассогласование между реальным поведением и ценностными диспозициями, которые имеют как социальную, так и индивидуальную природу возникновения и выступают в качестве «измерительного прибора» дисбаланса интернализации.

Семья воспринимается как жизненно важный институт, т.к. в общественном сознании фиксируется достаточно высокий уровень значимости ценности семьи и детности, норм почитания и заботы о своих родителях. Однако в семейном ценностно-нормативном комплексе выявлен ряд рассогласований. Наибольший процент расхождений зафиксирован в отношении семьи как долговременного союза, определенного рода «крепости». Максимальное значение рассогласования присутствует в средних возрастных группах и у городских жителей. Именно данный аспект стал определяющим фактором дисбаланса интернализации в сфере семейного ценностно-нормативного комплекса.

В отношении ценностей и норм детности рассогласование присутствует, но отличается меньшим значением, тогда как в отношении заботы о родителях оно практически отсутствует. Это свидетельствует о том, что ценности и нормы наличия детей в семье у определенной доли либо интернализированы частично, либо их реализация отложена на определенный срок (например, в связи с возрастом, отсутствием семьи и т.д.). В свою очередь можно с уверенностью говорить о полной интернализации ценностей и норм уважения к родителям и заботы о них.

Полученные данные позволяют констатировать, что трудовые ценности и нормы достаточно полно интернализированы в субъективный мир современной личности. Присутствует осоз-

нание труда как основы экономического роста и финансового благополучия, что реализуется на практике. Однако ценности и нормы относительно честности в получении доходов содержат в себе рассогласование. Присутствует доля тех, кто, с одной стороны, признает необходимость соблюдения честных доходов, с другой – не реализует ее в своей повседневной жизни. Однако данное рассогласование не провоцирует развитие интернализационного дисбаланса в трудовой сфере.

В общественном сознании доминируют этнические ценности и нормы толерантности и терпимости к представителям других этносов и стремление передать культуру, ценности и традиции своего народа своим детям. Чем старше респондент, тем больше он проявляет стремление к реализации данного ценностно-нормативного комплекса в своей повседневной жизни, и наоборот. Имеет место определенная доля рассогласованности, но ее минимальное значение позволяет констатировать отсутствие интернализационного дисбаланса в этой сфере.

Фиксируется рассогласованность в религиозном ценностно-нормативном комплексе, которая представляет собой следствие высокого уровня знания об основах и правилах организации религиозной жизни на фоне ее минимальной реализации в повседневной жизни. Это, в свою очередь, предопределило попадание религиозного ценностно-нормативного комплекса в состав тех комплексов, в которых имеют место процессы дисбаланса интернализации.

Картина политических ценностей выглядит следующим образом. Большинство населения испытывает чувство любви к России как к своей родине, однако реальное проявление патриотизма находится на более низком уровне. Стоит также отметить, что, несмотря на наличие политически активной части населения, присутствует весомая политически пассивная доля. Именно ее представители убеждены в том, что в политической жизни страны изменить ничего нельзя, так как все уже решено. В целом по сравнению с религиозной в политической сфере степень рассогласованности увеличивается.

Максимальное значение интернализационный дисбаланс принимает в духовно-нравственной сфере общества. Итоги исследования позволяют утверждать, что в общественном сознании фиксируется достаточно высокая значимость ценностей и норм морали, нравственности и духовности, однако уровень их экстерииоризации в повседневной жизни значительно ниже.

Использование предложенной методики возможно в различных сферах жизнедеятельности личности с целью последующей оптимизации выявленных расхождений. Ее применение позволит минимизировать распространение неуспешной социализации, сократить массовизацию девиантных форм, повысить эффективность воспитательных и образовательных программ и мероприятий в различных направлениях.

Литература

1. Бурдые П. Начало. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.

2. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики / сост., общ. ред. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

3. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.

Махиянова Алина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, e-mail: socavm@rambler.ru.

Makhiyanova Alina Vladimirovna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of sociology, Kazan State Power Engineering University, Kazan, e-mail: socavm@rambler.ru.

УДК 140.8

В.Р. Фельдман

ИДЕОЛОГИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ФУНКЦИИ

В статье рассматривается роль религиозной идеологии в механизмах организации и самоорганизации традиционного общества, в ней также представлена авторская концепция сущности и содержания идеологии.

Ключевые слова: идеология, традиция, традиционное общество, организация, самоорганизация.

V.R. Feldman

IDEOLOGY IN TRADITIONAL SOCIETY: NATURE, CONTENT, FUNCTIONS

The article considers the role of religious ideology in the mechanisms of organization and self-organization of traditional society, it also presents the author's concept of nature and content of ideology.

Key words: ideology, tradition, traditional society, organization, self-organization.

Основными механизмами социальной организации и самоорганизации традиционного общества, как известно, являлась власть, религия, религиозная идеология и этнокультурная традиция. Идеология в традиционном обществе была неотделима от религии, входила в ее содержание в виде качественно определенных компонентов с различной функциональной направленностью. Существовал своего рода религиозно-идеологический синкретизм. Религиозные социально-политические доктрины традиционных обществ осуществляли легитимизацию высшей государственной власти. Они также, с одной стороны, интегрировали общество, выступая в качестве антиэнтропийных элементов, выполняли функцию социального аттрактора, с другой – отделяли, противопоставляли одну общественную систему другой, с иными аксиологическими основаниями его исторического бытия.

В жизни общества идеология существует и функционирует как диалектическое единство сущности и явления. Идеология представляет собой систему ценностей и идеалов, выполняющих в обществе функцию поддержки сущест-

вующей политической системы, придающих цель и смысл бытия как отдельно взятому человеку, так и конкретному социуму, являющихся его духовными механизмами организации и самоорганизации, играющих роль аттрактора на эволюционной стадии развития общества и в синергетических процессах его системных трансформаций.

Сущность идеологии есть система ее фундаментальных ценностей, которые проявляют свое сущностное содержание в виде конкретных функций в общественно-историческом процессе. К фундаментальным ценностям идеологии относятся исторически сформировавшиеся представления о взаимоотношениях власти и общества, их взаимных правах и обязанностях, легитимности и нелегитимности государственной власти и др.

Традиционное общество на всех стадиях своего исторического бытия включало традицию, которая, как и идеология, являлась социальным аттрактором, одним из основных механизмов его организации и самоорганизации.

Традицию, как известно, образует совокупность материальных и духовных ценностей, существующих длительное время, имеющих прочную социальную базу, выполняющих различные антиэнтропийные функции. Традиция является атрибутом общества, одним из основных условий его существования и развития. Без традиции невозможны качественные изменения, сложно-организованных открытых социальных систем. Это относится и к экономическим, и к политическим системам, и к формам общественного сознания. Если исчезает традиция, то исчезает и качественно определенная социальная система.

В зарубежной социологии, а также социальной и культурной антропологии, как правило, когда говорят о традиционном обществе, то имеют в виду доиндустриальные земледельческие общества. Эти формы общества характеризуются как обладающие высокой структурной устойчивостью и способом регуляции социальных отношений и деятельности людей. Обычно к традиционным обществам относят общества с различной степенью социальной дифференциации. Традиционные общества, как правило, отличала громадная инерционность однажды принятых культурных образцов, обычаев, способов действия, трудовых навыков. В них доминировали предписанные модели поведения.

Одну из теоретических моделей традиционного общества предложил английский социолог Э. Гидденс. К важнейшим чертам традиционного земледельческого общества Гидденс относит следующее: наличие городов с резко выраженным неравенством богатства и власти; письменность; наука и искусство; развитая система государственного управления. В традиционном обществе, по Гидденсу, существует простое разделение труда в соответствии с полом человека, население делится на классы, господствующее положение занимает аристократия. Гидденс считает, что в традиционном земледельческом обществе существовали рабство и профессиональная армия с жесткой дисциплиной и хорошей физической подготовкой [1]. На наш взгляд, эти социальные черты можно обнаружить в некоторых древних традиционных обществах, но в целом данная теоретическая модель может быть отнесена не ко всем общественным системам. В древнегреческих демократиях аристократия не занимала господствующего положения. В них также не было профессиональных армий. Определенная логика в описании традиционного земледельческого общества Э. Гидденсом, конечно, имеется, но все-таки его структура, материальные и духовные основы существования и развития, механизмы организации представлены в

существенно упрощенном виде. Одним из главных недостатков анализа традиционного общества, осуществленного Гидденсом, является отсутствие описания традиции, идеологии, материальных, социально-психологических, мировоззренческих факторов его функционирования и воспроизводства.

В 90-е гг. прошлого столетия в России в области социально-гуманитарного познания и философии произошел переход от методологического монизма к методологическому плюрализму. Широкое распространение получил цивилизационный подход, некоторые исследователи в своих работах стали использовать идеи универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева, в научных исследованиях получили распространение понятия и категории синергетики. В исследованиях социально-исторической динамики ученые стали использовать идеи У. Валлерстайна. Например, Н.Н. Крадин использует в своих работах идеи У. Валлерстайна, связанные с образом власти в традиционном обществе (концепция «вождества»). Так, в его исследованиях различные формы вождества рассматриваются в качестве одного из основных механизмов организации традиционных кочевнических обществ Центральной Азии. Он разделяет вождества по степени сложности.

В работах Н.Н. Крадина дается описание простых, сложных и сверхсложных вождеств. К первым он относит группы общинных поселений, иерархически подчиненных вождю. Простые вождества могут состоять из нескольких тысяч человек. Объединение нескольких простых вождеств приводит к возникновению сложных вождеств, которые, как считает Крадин, могли включать десятки тысяч человек. Для сложных вождеств, по Крадину, была характерна этническая гетерогенность, а также исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной управленческой деятельности.

Н.Н. Крадин характеризует сверхсложные вождества как прообраз ранних государственных образований. Он отмечает наличие в сверхсложных вождествах зачатков урбанистического строительства, культуры дипломатии, монументальной архитектуры погребальных сооружений и др. [2].

Т. Парсонс связывает с традиционным обществом следующие черты: неотчетливый, незакрепленный, сам собой разумеющийся характер ролей, групп, социальных отношений; предписание, основанное на наследовании по рождению или родству; партикуляризм; коллективизм (наиболее важно то, к каким группам при-

надлежат люди, а не то, кто они сами по себе); эмоциональность (вторжение эмоций в социальную жизнь) [3]. Этот образ традиционного общества представляется вполне убедительным. В Центрально-азиатском регионе современной России перечисленные черты традиционного общества, за некоторыми исключениями и в разной степени устойчивости, полноты реализации, все еще проявляются.

Важное методологическое значение для исследователей традиционных обществ имеют работы тех ученых, в которых содержатся результаты исследований идеологических механизмов организации социальных систем. С ними, как правило, связываются их устойчивость и развитие. Глубокий интерес к идеологическим механизмам общества проявляется в работах Э. Шилза. Он считает, что любое общество имеет аксиологический центр, центральную систему ценностей, выполняющую функцию социально-интегрирующего механизма. Центральная система ценностей и является идеологией, независимо от того, какую она имеет форму на том или ином этапе общественного развития.

По мнению Шилза, аксиологический центр общества может существовать и выполнять свои функции ценностной ориентации и интеграции только в сакрализованной форме собственного бытия. Он убежден в том, что и в современном индустриальном обществе аксиологический центр является сакральным, даже если его идеологическое содержание презентуется как совершенно свободное от священности, догматизируемости, вечной истинности.

Это убеждение Шилза представляется вполне обоснованным. История показывает, что идеологии содержат в себе культы сформировавшихся социально-политических систем, форм государства, политических режимов, социальных идеалов. Одной из специфических черт идеологии является ее стремление идеализировать общество, представить его бытие в свободе от различных несовершенств, от проявлений дегуманизации. Такого рода отношение к созданию образа общества есть не что иное, как стремление сформировать его культ, придать основным социальным институтам статус святости. Заметим, что представления Шилза об идеологии как механизме социальной организации не свободны от противоречий. Например, он не считает возможным говорить об интегрирующей роли государственных идеологических механизмов в приложении к традиционным, «досовременным» обществам. Шилз считает, что в таких обществах массы населения большей частью были далеки от непосредственного воздействия на них

центральной системы ценностей, что они ориентировались преимущественно на свои групповые ценности [4].

Мы полагаем, что этот вывод Шилза связан с его неприятием идеи развития слабодифференцированных обществ. Если мы будем рассматривать традиционное общество в развитии, вплоть до образования различных форм государственности, то бросается в глаза возрастание организующей роли центральной системы ценностей. Как известно, в имперских формах государства центральная система ценностей, включавшая в себя в качестве необходимого элемента те или иные религиозные системы, являлась эффективным механизмом их организации и самоорганизации. Это было характерно и для кочевнических империй Центральной Азии в период раннего средневековья, о чем вполне убедительно пишет Н.В. Абаев [5].

Заслуживает внимания еще один зарубежный исследователь идеологических механизмов организации и самоорганизации общества. Мы имеем в виду Р. Кулборна. Он обратил внимание на то, что на стадии перехода человеческого общества к цивилизации, когда возникали первые государства, актуализировался вопрос о групповой самодисциплине. Без этого было невозможно поддерживать относительную устойчивость больших полиэтнических социальных систем, классовой структуры общества. Эти задачи в то историческое время, как полагает Кулборн, решало не столько государство, сколько религиозные формы идеологии. Он совершенно правильно отмечает, что религия в традиционном обществе являла собой такое мировоззрение, в котором бытие социального нормативного порядка связывалось с волей сверхъестественного духовного начала, а это есть не что иное, как идеологическая функция, функция поддержки общественного порядка. Р.Кулборн достаточно убедительно показывает, что уже в глубокой древности священники осуществляли деятельность для поддержания устойчивости общества, вводили в сознание темных в культурном отношении масс императивы дисциплины и самодисциплины. Причем священники излагали сложные религиозные идеи в понятиях, вполне доступных широким народным массам. Они нередко сознательно упрощали религиозные учения, подвергали их вульгаризации для того, чтобы сделать их универсально понимаемыми [6].

Таким образом, в традиционном обществе религиозная форма идеологии являлась одним из основных механизмов его организации и самоорганизации, с ней в значительной степени

были связаны устойчивостью этой исторической формы общества, его бытие в своей качественной определенности.

Литература

1. Гидденс Э. Социология. – Челябинск: МППО, 1991. – С. 31–32.
2. Крадин Н.Н. Империя Хунну. – М: Логос, 2002. – С. 248–249.
3. Парсонс Т. Паттерн-переменные // Штомпка П. Социология социальных изменений. – М: Аспект-пресс, 1990. – С. 104.
4. Shils Edward. Center and periphery: essays in macrosociology. – Chicago, 1975. – P. 4–7.
5. Абаев Н.В. Некоторые мировоззренческие и духовно-культурные факторы организации и самоорганизации

«кочевой» цивилизации // Вестник Тувинского гос. ун-та. Сер. Социальные и гуманитарные науки. – 2009. – №1. – С. 5–6.

6. Coulborn R. Structure and process in the rise and fall of civilized societies // Comparative studies in society and history. – 1966. – № 4. – P. 400–417.

Фельдман Владимир Романович, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии Тувинского государственного университета, г. Кызыл.

Feldman Vladimir Romanovich, candidate of political sciences, associate professor, head of the department of philosophy, Tuva State University, Kyzyl.

УДК 39

А.С. Бубеев

ПОНЯТИЕ «ЭТНОС» И «ЭТНИЧЕСТВО»

В статье рассматривается проблема соотношения понятий «этнос» и «этничество». Автор рассматривает формы этнической общности, соотношение понятий «народ», «этнос», «нация».

Ключевые слова: народ, нация, племя, племенные объединения, этничество, этническая общность, этнос.

A.S. Bubeev

THE CONCEPT OF «ETHNOS» AND «ETHNICITY»

The article discusses a problem of correlation between the concepts of «ethnicity» and «ethnology». The author considers forms of ethnic community, the correlation between the concepts of «people», «ethnos», «nation».

Key words: people, nation, tribe, tribal associations, ethnicity, ethnic community, ethnos.

Возросший интерес к проблемам этноса и этничности объясняется прежде всего значительным повышением роли этнических отношений в общественной жизни многих государств и народов. Сама жизнь опровергает утверждение, которое господствовало с начала XX столетия в общественном мнении и этнологической науке, что фактор этничности будет постепенно терять свое значение вследствие процессов модернизации. Однако историческая практика показала, что этничность не только не утратила свои позиции в современной этнической и культурной жизни, но и значительно усилила их. В настоящее время этнические проблемы существуют во многих регионах мира, в том числе в республиках бывшего Советского Союза.

Несмотря на пристальное внимание к современным этническим процессам ученых, в отечественной и мировой этнологии до сих пор нет общепринятого понимания сущности ее основных понятий – «этнос» и «этничество».

Люди, населяющие нашу планету, образуют множество разнообразных общностей. Особое место среди них занимают общности, именуе-

мые в повседневном русском языке «народами», а в научной литературе – «этнотами». Термин «этнос» используется в этнологической литературе довольно давно, однако научное осмысление его как специального понятия для обозначения особой общности людей произошло лишь в последние десятилетия [9]. Это понятие в современной этнологии неразрывно связано с понятием этничности. В 1960–1990-х гг. в связи с этой проблемой в мире появилось большое количество научных публикаций. Благодаря им термин «этничество» прочно закрепился в категориальном аппарате этнологии, политологии, социологии и других социальных науках.

В переводе с греческого понятие «этнос» имеет множество значений, среди которых толпа, группа людей, стадо, народ, племя, язычники. Эти значения объединяет только то, что все они имеют смысл совокупности чем-то похожих существ. Уже к V в. до н.э. выделяется два основных значения этого термина – «племя» и «народ», и постепенно второе вытесняет первое [1].

Термин «этнос» употребляется в узком и широком смысле. В широком смысле «этнос» представляет собой собирательное понятие, которое включает в себя все типы этнических общностей (от крошечного племени до многомиллионной нации). Этноты являются основными единицами этнической классификации человечества. Наряду с ними можно выделить этнические общности большей или меньшей сложности. Такое понимание этноса предполагает, что каждый человек относится к какой-либо этнической общности и к какой-либо этнической культуре.

В узком смысле слова «этнос» – это одна из форм этнической общности; исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная общность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры, психики и самосознанием, позволяющим членам данного этноса отличать себя от всех других этнических образований [2].

Первой формой этнической общности является племя. Они имеют свою территорию, язык, свои верования, собственные имена, воспринимая себя как сородичей, а свое племя – как большую семью, и потому жен берут из соседних племен. Этот факт доказывает, что древние люди уже отличали свою общность от всех подобных. Культура таких племен различалась исключительно в соответствии с природно-климатическими условиями. Но и в этих случаях можно обнаружить сходство. Например, утварь, орудия, наскальные рисунки, найденные в пещерах Казахстана и в пещерах Франции, удивительно похожи. Этнографы предполагают, что соседние племена говорили на понятных друг другу языках и сосуществовали не вполне раздельно, а в виде «соплеменности» [2].

Освоив земледелие и приручив животных, племена стали, с одной стороны, более устойчивыми за счет связи с землей, а с другой – более уязвимыми: ведь если с кочевников нечего взять, то у земледельца всегда есть запасы пищи и домашний скот. Начинаются военные конфликты, грабежи, захват обжитых территорий.

В этот период возникают союзы племен, обладающие общими органами власти. Входящие в них племена продолжают говорить на разных языках и существенно различаются в культурном отношении. Некоторые союзы племен продержались до нашего века, например, группы «братских племен» у бедуинов Северной Аравии. Распространяясь по обширной территории, племенные союзы подчинили себе отдельные племена и целые соплеменности, ассимилировав их. Ассимиляция – этнический процесс, в ре-

зультате которого происходит постепенное поглощение более мелких народов более крупными путем мирного или насильственного усвоения чужого языка и культуры [5].

Таким образом, отдельные племена воссоединились в мощные племенные объединения, обладавшие комплексной земледельческо-скотоводческой экономикой и большим военным потенциалом.

Параллельно с объединением шел и процесс дифференциации. Племенные союзы, которые обладали однородной речью, культурой, верованиями, попав в разные природные условия, начинают впитывать религиозные и культурные представления ассимилированных племен. Возникают новые соплеменности – древнегерманская, кельтская, индоарийская и др. Так возникли цивилизации в долинах Инда и Хуанхэ, Нила и Двуречья. Это были общества, обладавшие городами, государственной структурой, а главное – письменностью [5]. Ее появление знаменует резкий подъем коммуникации: возникает письменная этническая традиция.

Народность становилась основной этнической единицей. Эта форма этнической общности во многом определялась государством: государственные границы обусловили экономические связи между отдельными областями, общие правовые нормы. Ушло родоплеменное деление, уступив место делению населения по территориальному признаку. Постепенно уменьшались и племенные различия, стирались культурные особенности племен, отмирали языки. Все эти факторы упрочили небывалые до сих пор представления людей, принадлежащих к одному государству, об их единстве. Можно говорить о том, что признаками народности являются территориальная общность в рамках одного государства, наличие единого языка и письменности, общность верований, принявших впоследствии форму религии. Для народности характерно гораздо большее единство культуры и социально-психологических особенностей, чем у соплеменности; здесь уже можно говорить о формировании некоего общетнического характера.

Еще сильнее отличительные признаки углубились и проявились на следующей ступени развития этнической общности – при переходе к капитализму. Основной формой бытования этноса становится нация.

Движение от уровня народности к уровню нации осуществлялось неодномоментно и непланомерно. Оно происходило постепенно и скачкообразно, иногда в течение десятилетий, а порой и столетий. Это связано с появлением единого рынка и соответствующих экономиче-

ских связей, распространением общенационального языка, грамотности и единой национальной культуры. Таким образом, большая часть наций западной Европы сформировалась к XVII в., а в России – лишь к XIX в. Некоторые нации (вьетнамская, кхмерская) сложились лишь в XX столетии, а в Лаосе и Индонезии этот процесс тянется до сих пор.

Нация – это многоэтническое социокультурное единство, обладающее государством или стремящееся к его созданию и объединенное интенсивной социальной коммуникацией [6]. Внутри одной нации обычно существуют различные этнические группы. Они либо сохраняют свой язык и особенности самобытной культуры (например, в составе единой швейцарской нации – немцы, французы и итальянцы), либо используют два языка – общенациональный и свой этнический, сохраняющие определенные бытовые и психологические особенности группы (англичане, шотландцы, валлийцы в составе Британии, которые одновременно считают себя представителями нации и осознают себя особой этнической общностью).

Большинство исследователей считают, что существенными признаками, по которым можно распознать этническую общность, являются общая территория, строго очерченный ландшафт и соответствующая ему природная среда, общий язык, происхождение от общего предка, т.е. кровное родство, и общие религиозные либо мифологические верования [5;6;9]. Этнос нельзя искусственно сформировать или произвольно расформировать, поскольку основой любого этноса являются люди, вступающие в разнообразные отношения между собой и осознающие свои этнические признаки и особенности [4]. В связи с этим большое значение приобретает понятие этничности.

Важную роль в изучении этничности сыграли работы норвежского ученого Фредерика Барта. Он обратил внимание на то, что характеристики, используемые для определения этнических групп, не могут сводиться к сумме содержащегося в пределах этнических границ культурного материала [3]. Этноты определяются, прежде всего, теми характеристиками, которые члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания. Таким образом, этничность – это форма социальной организации культурных различий.

Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта, с которым идентифицируют себя сами люди или их идентифицируют другие люди как представители определенной этнической группы. Она основывается

на комплексе культурных черт, которыми члены данной этнической группы отличают себя от всех других групп, даже если они в культурном отношении близки. Различия, проводимые по отношению к другим этническим группам, обычно довольно определены, тогда как внешние представления о группе часто обусловлены стереотипными характеристиками [8]. Кровная родственность или другие объективные критерии при этом не играют определяющей роли. Так, эвенки, проживающие в России и Китае, считаются одним народом, хотя они сами осознают свою принадлежность к различным локальным группам, а цыгане в разных странах мира отличают себя не только от «других», но и от различных групп цыган.

Первым необходимым условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы – они». Этничность предполагает отношение между группами людей, члены которых рассматривают друг друга по каким-либо различающимся культурным характеристикам. Поэтому если такого отношения нет, говорить об этничности бессмысленно.

Первоначально границы этничности проходят по антропологическим признакам самоидентификации людей, имеющих общие родовые корни, уходящие в историческую почву генетического и социального единства. Характерные черты – фенотипические и генотипические, но особенно историческая родина – все это отличает «нас» от «не нас» в этническом отношении.

Кроме того, этничность не может существовать вне сравнения и вне коммуникации. Только в ходе взаимодействия с той или иной этнической группой проявляется своя этническая «индивидуальность».

Этничность включает в себя культурный, идентификационный и символический аспекты [7]. На личностном уровне этничность выступает в качестве особой формы «Я» – концепции, степень выраженности которой зависит от того, как человек определяет самого себя. Этническая принадлежность занимает существенное место в структуре характеристик личности. Значимость этнического «Я» существенно повышается в кризисной, нестабильной ситуации, а в период социальной устойчивости ослабевает, уступая место социальным характеристикам.

Исходя из сказанного, этничность может быть определена как особая характеристика личности, состоящая в ощущении, переживании своей принадлежности к определенной группе или общности людей, формирующаяся на основе их генетической и социального единства и проявляющаяся в форме сравнения «нас» с «не

нами» в ходе группового взаимодействия с другими этносами.

Каждому этносу свойственна совокупность обязательных специфических признаков, которые в своем единстве и образуют понятие «этничность». Ранее термин «этничность» практически не встречался в этнологической литературе. Однако в связи с резким ростом активности этнических меньшинств и обострением межэтнических отношений не только в странах третьего мира, но и индустриально развитых государствах Запада с начала 1970-х гг. вокруг проблемы этничности стала разворачиваться острая дискуссия. В результате появились многочисленные теории, предлагаемые для объяснения природы и сущности этноса, этнической идентичности, дискриминации, этнических конфликтов и т.д.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Человек. Нация. Общество. – М.: Политиздат, 1991.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989.

3. Бажутина Т.О. Национальное сознание в динамике идентификации личности // Известия СО АН СССР. История, философия и филология. – Новосибирск, 1992. – №3. – С. 43-47.

4. Бромлей Ю.В. Этнос и география. – М.: Политиздат, 1972.

5. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991.

6. Здравомыслов А.Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // Социс. – 1996. – №12. – С. 23-33.

7. Исламшина Т.Г. Этнические ценности полиэтничного общества. – Казань: Изд-во КГТУ (КАИ), 1996.

8. Шкляр Л.Э. Этнос. Культура. Личность. – Киев: Наукова думка, 1992.

9. Этническое самосознание (принципы исследования) / под ред. В.В. Володин. – Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. уч. центра, 1996.

Бубеев Александр Сергеевич, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: bubeev1987@mail.ru.

Bubeev Alexandr Sergeevich, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: bubeev1987@mail.ru.

УДК 316.356.4

А.С. Бубеев

ПРОБЛЕМА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИОЛОГИИ

Рассматривается проблема этнополитических процессов в России и роль, которую она играет в исследовании этнополитики в регионе. Автор рассматривает развитие этнополитических процессов в русле двух основных подходов, а также выделяет два типа отношений (между этнической общностью и политическими институтами как взаимодействие самих общностей).

Ключевые слова: *многонациональное государство, национальное сознание, объект этнополитики, политические процессы, полиэтничная республика, Республика Бурятия, этнополитические процессы.*

A.S. Bubeev

A PROBLEM OF ETHNIC AND POLITICAL PROCESSES IN SOCIOLOGY

In the article a problem of ethnic and political processes in Russia is considered and a role, which it plays in the study of ethnic politics in the region. The author considers the development of the ethnic and political processes in the mainstream of two principle approaches, as well as he determines two types of relations (between ethnic community and political institutions, as the interaction of communities themselves).

Key words: *multinational state, multinational consciousness, object of ethnic policy, political processes, poly ethnic republic, Republic of Buryatia, ethnic and political processes.*

Любому многонациональному государству необходимо решить многообразные политические и национальные проблемы, которые тесно связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии как компоненты общественного развития.

Этнические проблемы оказывают определяющее воздействие на политические процессы (например, на распределение властных полномо-

чий, политический режим, институты политической системы) [1]. Национальное сознание, представляющее собой совокупность социальных, политических, экономических, нравственных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития наций и народностей, также оказывает влияние на политическую сферу общества (по-

литическую культуру, политическое сознание, нормы политического поведения и другие) [6].

В свою очередь политическая деятельность является не только объектом, на который воздействует этнический фактор, но и важным инструментом для осуществления потребностей и интересов, которые складываются в области национального, при помощи средств политики [2]. Главную роль в национальном сплочении вокруг национального освобождения, борьбы за суверенное существование и самосознание играют политические соображения, имеющие решающее значение в объединительных этнических процессах.

Таким образом, можно говорить об особой этнополитической разновидности общественных процессов, которые являются реальными и значимыми элементами государственно-организованного и национально-структурированного общества.

Бурятия – республика полиэтническая, отличающаяся сложной этнонациональной структурой. Это обуславливает необходимость глубокого анализа этнических проблем в республике, основанного на реальной ситуации, а также работы на его основе механизма согласования национальных интересов. Нужна грамотная национальная политика, чтобы предотвратить или остановить конфликты на этнической почве. В противном случае под угрозой окажется безопасность Республики Бурятия, ее территориальная целостность.

Институт монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН в течение 15 лет ведет изучение этнополитических процессов в республике. В ходе исследования был выявлен комплекс факторов, оказывающих влияние на направленность и интенсивность этнополитических процессов в регионе: национально-региональное своеобразие формирования политических партий и общественно-политических движений; состояние межэтнических отношений; структурные особенности местной властвующей элиты; особенности региональной политической культуры и ее влияние на электоральный процесс.

Анализ различных аспектов их динамики позволил выявить основные тенденции и закономерности, влияющие на развитие этнополитических процессов в республике. Прежде всего, определяющее влияние оказала демократизация общественной жизни и суверенизация национальных государственных образований. С принятием Конституции Республики Бурятия повысился ее правовой статус. Все это отразилось на

этнополитических процессах и способствовало их оптимизации.

Этнополитические процессы в Республике Бурятия, обладая рядом общих черт, свойственных подобным явлениям в других субъектах Федерации, вместе с тем имеют и свои специфические черты. Одной из наиболее характерных черт является относительная стабильность межэтнических отношений в республике. Позитивно воздействует на этнополитические процессы и рост национального самосознания, которое выражается в интересе к национальной культуре, языку, традиционным формам организации быта, верованиям, сохранении высокого уровня этнической толерантности у народов, населяющих Республику Бурятия.

Понятие «этнополитические процессы» включают в себя:

– во-первых, общественные отношения, а также виды деятельности, которые осуществляются в различных жизненных условиях воспроизводства и развития этнических общностей;

– во-вторых, изменения в национальной и этнической структуре общества, динамике развития этнических общностей, связанные с развитием всех сфер общественной жизни. Критерием здесь является то, что эти процессы осуществляются через политику, институты политической системы, политическое сознание и поведение людей [3].

Объектом этнополитики является совокупность общественных проблем различного объема и содержания [6]. Ими могут быть как отдельные стороны общественной жизни (экономика, социальная или духовная сфера), так и сложные сочетания, отражающие потребности этнических общностей: материальные (полезные ископаемые, водные и земельные ресурсы), социальные (политико-правовой статус), духовные (традиции, язык, художественное творчество и т.д.). Иначе говоря, объект этнополитики – определенные сферы общественной жизни этноса, связанные с осуществлением политики.

Сегодня проблема развития этнополитических процессов рассматривается в русле двух основных подходов [5].

Первый – ассимиляторский, согласно которому в многонациональных государствах неизбежно должна происходить ассимиляция всех национальных групп какой-то одной крупной нацией. Как отмечают Г.С. Денисова, М.Р. Радовель, «к числу наиболее распространенных в настоящее время объединительных процессов относятся этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция» [4].

Второй – плюралистический, суть которого заключается в том, что за каждым человеком признается право на собственную этническую идентичность. Как принцип этнической политики этот подход предполагает поощрение самобытности каждой национальности. Его сторонники утверждают, что возрождение основных этнических групп открывает путь к стабильному общему сосуществованию [4]. Это может способствовать снятию напряженности в социальных ожиданиях.

Анализ этнополитических процессов не ограничивается определением объекта этнополитики. Он также включает их классификацию по признаку субъектов, то есть сторон, вовлеченных в этнополитическое взаимодействие.

Исходя из данного критерия, можно выделить два типа отношений.

1. Межэтнические отношения – взаимодействие общностей, имеющее политический характер. Эти отношения подразделяются на различные категории: между господствующим и подчиненными этносами; между коренным и некоренным населением; между равнозначными по численности и социально-политическому положению этносами.

2. Отношения между этнической общностью и политическими институтами (государством, политическими партиями и движениями), в которых этнос выступает носителем деятельности, стремится оказать воздействие на управленческую сферу и предъявляет политико-правовые притязания к государству. На базе данных отношений формируются национально ориентированные структуры, которые служат для выражения политической воли этноса (организации, движения, партии).

Объединение этнической общности в политический субъект отражает соответствующий этап развития этноса, становления его национального самосознания, концентрации его интересов вокруг вопросов власти, самоуправления.

Таким образом, этнополитические процессы представляют собой комплекс многоплановых связей и взаимодействий. Место этнополитических отношений в общественном развитии, степень и формы их проявления зависят от множе-

ства причин. Комбинация культурно-исторических, социальных и экономических обстоятельств определяет ведущее или подчиненное значение этих общественных отношений по сравнению с другими.

Исследование этнополитических процессов позволяет сделать некоторые выводы и предложения:

– необходима углубленная теоретическая разработка концепции национальной политики в регионе;

– создание мониторинговой службы в республике, ориентированной на отслеживание более широкого спектра социально-экономических, политических, национальных проблем в республике;

– разработка специальных республиканских программ социального, экономического и политического развития.

Литература

1. Арутюнов С.А. Межнациональные конфликты // Независимая газета. – 1991. – 25 мая.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. – М., 1992.
3. Вольдман П. Этнический радикализм. Причины и следствия насильственных форм протекания межнациональных конфликтов с участием национальных меньшинств. – М.: ИНИОН, 1990. – 22 с.
4. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. – Ростов н/Д, 2000. – 280 с.
5. Добрынина М.И. Русская интеллигенция в национально-государственном образовании современного российского общества (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 22 с.
6. Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. – М., 1997.

Бубеев Александр Сергеевич, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: bubeev1987@mail.ru.

Bubeev Alexandr Sergeevich, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: bubeev1987@mail.ru.

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ И ЭКСПЕРТАМИ РОЛИ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАРОДОВ БУРЯТИИ

В статье по результатам опроса жителей Бурятии и экспертных интервью, проведенных в 2011 и 2012 гг., приводится оценка населением и экспертами роли СМИ в формировании общественного мнения о межэтнических отношениях народов Бурятии.

Ключевые слова: средства массовой информации, межэтнические отношения, общественное мнение.

D.Ts. Budaeva

EVALUATION BY POPULATION AND EXPERTS THE ROLE OF MASS MEDIA IN SHAPING PUBLIC OPINION CONCERNING INTER-ETHNIC RELATIONS OF THE PEOPLES OF BURYATIA

In the article the evaluation by population and experts the role of mass media in shaping public opinion concerning inter-ethnic relations of the peoples of Buryatia is submitted based on the results of a public opinion poll and expert interviews conducted in Buryatia in 2011–2012.

Key words: mass media, inter-ethnic relations, public opinion poll.

На современном этапе в формировании общественного мнения средства массовой информации играют исключительно весомую роль. Поэтому состояние и тенденции изменения межэтнических отношений во многом зависят от форм подачи и интерпретации материалов, циркулирующих в медийном пространстве. В связи с этим анализ мнения населения и экспертов о роли СМИ в формировании общественного мнения о межэтнических отношениях имеет большое научно-практическое значение.

В данной публикации представлены итоги опроса, проведенного в 2011 г., и опроса экспертов, проведенного в 2012 г. Основная цель этих исследований – анализ различных аспектов межэтнических отношений народов Бурятии.

Массовый опрос был проведен в 6 сельских районах республики и среди жителей г. Улан-Удэ. Всего опрошено 650 человек. Сбор информации осуществлялся методом формализованного интервью по социологической анкете, разработанной для анализа широкого круга социально-политических вопросов Бурятии.

Для выяснения мнений жителей Бурятии о роли СМИ в формировании межнациональных отношений в анкету был включен вопрос: «Как Вы думаете, какова роль СМИ во взаимодействии разных народов в современных условиях?». Распределение ответов на данный вопрос в разрезе поселений показало полное совпадение ранжировки ответов жителей г. Улан-Удэ и сел Бурятии (табл.1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, какова роль СМИ во взаимодействии разных народов в современных условиях?» в разрезе поселений (2011 г.)

Варианты ответов	Улан-Удэ, %	Село, %	В среднем по республике, %
От СМИ зависит информированность о культуре соседних народов	17,4	24,1	21,6
СМИ формируют общественное мнение (как положительное, так и отрицательное) о представителях некоторых народов	42,9	30,9	35,3
СМИ проводят политику государства	27,1	29,0	28,3
Не играют никакой роли	9,7	11,4	10,8
Затрудняюсь	2,9	4,6	4,0

Как видим, повсеместно, особенно в Улан-Удэ, люди в средствах массовой информации в первую очередь видят конструктора общественного мнения. Иными словами, по мнению жителей Бурятии, в зависимости от характера транслируемого материала СМИ могут сыграть как позитивную, так и разрушительную роль. Определенным подтверждением справедливости

мнений жителей Бурятии служит, с одной стороны, общеизвестное и распространенное стремление многих СМИ к некоторой демонизации фактов и нагнетанию негатива в оценке процессов, происходивших во время первой и второй чеченской войн. Тогда российское информационное пространство, без опоры на материалы глубокого анализа обстановки в Севе-

рокавказском регионе, было заполнено негативными сюжетами и даже появилось выражение «лицо кавказской национальности». При помощи этого оборота речи достаточно упрощенно описывались межэтнические отношения в различных сферах общественной жизни, прежде всего в криминальном мире. Это, естественно, усиливало напряженность межнациональных отношений не только в самих кавказских республиках, но и во многих других регионах нашей страны, особенно в мононациональных. Общественное мнение жителей мононациональных субъектов зачастую формируется под воздействием СМИ, ибо его носители не имеют опыта взаимодействия с представителями других народов и даже бессознательно доверяют информации масс-медиа.

После окончания военных действий государство приложило немало усилий, направленных на интеграцию и модернизацию общества, а также на восстановление доверия между русским и чеченским народами, что сразу же привело к некоторой политкорректности средств массовой информации, особенно федеральных. Региональные же СМИ, прежде всего СМИ национальных республик, даже во время разгара «кавказофобии» либо обходили стороной национальную тематику и, соответственно, вопросы межнациональных отношений, либо пытались направить свои силы на трансляцию информации, формирующей межнациональное и межрелигиозное согласие. Эти зигзаги информационных волн оказали соответствующее влияние на массовое сознание населения нашей страны, в том числе и на общественное мнение жителей Бурятии.

Анализируя данные приведенной таблицы, можно заявить, что жители Бурятии в средствах массовой информации во вторую очередь видят проводников политики государства, причем разброс данного показателя в разрезе города и села находится в пределах статистической погрешности. Значит, жители Бурятии независимо от места их жительства уверены в том, что либерализация медийного пространства слабо коснулась той роли СМИ, которая связана с пропагандой государственной политики.

Известно, что опрос общественного мнения не всегда улавливает глубинные пласты общественного сознания, ибо многое ускользает от внимания широких масс, поэтому для их раскрытия оказывается эффективным применение методов экспертных оценок и дополнение результатов массового опроса населения материалами экспертных интервью. Это во многом вызвано важностью комплексного анализа различ-

ных проблем, в том числе и роли СМИ в формировании общественного мнения о современном состоянии и тенденциях изменения межэтнических отношений.

Объектом исследования служат мнения лиц, не только отслеживающих динамику изменения общественно-политической ситуации региона, в том числе и межнациональных отношений, но и принимающих участие в конструировании общественного мнения, обладающих оценочными навыками, а также являющихся по характеру своей работы людьми публичными. Для отбора экспертов мы считали принципиально важным широкое представительство. Поэтому нами были отобраны руководители национально-культурных центров; ученые, интересующиеся социогуманитарными проблемами региона и реализующие неортодоксальные подходы в своих исследовательских проектах; преподаватели вузов Бурятии; религиозные деятели как традиционных, так и нетрадиционных для Бурятии религий; лидеры общественно-политических партий; деятели культуры; журналисты; предприниматели и общественные деятели.

Для сопоставления различных точек зрения и раскрытия широкой палитры мнений в контексте этнических групп старались приблизиться к реальной этнической структуре элиты: доля представителей русского народа превысила 50%, остальные же являются представителями бурят (около 40%) и других национальностей. Среди экспертов были выходцы из национально-смешанных семей, имеющие сложные этнические идентификации, то есть идентифицирующие себя с двумя национальностями.

По мнению многих экспертов, в средствах массовой информации реже стали использовать язык вражды. Тем не менее еще не полностью изжита эта практика, особенно в федеральных СМИ. Поэтому в медиа-пространстве не всегда позитивен образ «чужого», что приводит к формированию и сохранению элементов бытового национализма. Анализ результатов глубинных интервью экспертов позволяет заявить, что в Бурятии бытовой национализм не имеет «этнического лица», то есть практически не дифференцируется в разрезе этнических групп. Он в основном различается в разрезе занятости. Более других проблемами межнациональных коллизий обеспокоены научные работники и преподаватели вузов, то есть те лица, которые в силу своей профессии чаще других интересуются общественно-политической ситуацией региона и занимаются воспитательной деятельностью. Так, мужчина, занимающийся исследованием широкого круга социогуманитарных проблем регио-

на, заявил, что «межнациональные отношения народов Бурятии относятся к категории взвешенных, но они не лишены проблем... есть какие-то негативные тренды, которые, если опустить руки и не следить за этим делом, конечно, могут в целом расшатать ситуацию. А в целом преобладают дружелюбные отношения или во всяком случае ситуация нейтралитетов». По мнению женщины, работающей преподавателем вуза, «нельзя постоянно радоваться тому, что у нас все хорошо, ибо на бытовом уровне не так уж спокойно. Бывают различные разговоры, высказываются разные мнения. И если это есть, значит, надо постоянно заниматься проблемами регулирования межэтнических отношений и формировать ту самую толерантность: толерантное сознание, толерантное поведение. Это относится в первую очередь к молодежи, потому что многие молодые люди редко встречаются с практикой интернационального воспитания, они более прямые и менее гибкие, не умеют терпимо относиться друг к другу».

Итак, среди экспертов встречаются мифологемы о наличии латентной формы нетерпимости, которая определенную подпитку получает из СМИ, и основным видом ее проявления служит ворчание типа «вот эти русские», «вот эти буряты», «вот эти мигранты», встречающееся в закрытых сообществах – в кругу семьи, друзей и т.д. В трудовых коллективах, по мнению экспертов, доминирует доброжелательная обстановка, тем не менее, как утверждают некоторые из них, и там стали закладываться основы мышления в проекции «свой» и «чужой». Об этом свидетельствует следующее высказывание преподавателя вуза: «В Бурятии внешне, конечно, никаких трений на национальной почве нет. Нигде не увидите национальные группировки. Однако там, где появился русский, то за ним тянутся русские. В свою очередь, когда бурят появится, то тянет бурята».

В принципе дихотомическое деление «свой» и «чужой» существует везде и базируется не только на этнических характеристиках личности. Форматы «свой» и «чужой», «мы» и «они» имеют место и при дифференциации членов общества по территориальным признакам или даже по социальному статусу. Поэтому проблема заключается не только в обращении «чужих» в «своих» и в формировании идентичности «мы», а, скорее всего, в определении той критической черты, за пределами которой данное деление может привести к дестабилизации ситуации.

Известно, что проблема дифференциации членов общества на «своих» и «чужих» не обошла стороной и те государства, политика

которых базировалась на мультикультурализме (Франция), а также те страны, где политика основывалась на патерналистской идеологии (пример этого – распад СССР по национальным «квартирам»). Не случайно поэтому некоторые эксперты, особенно аналитики, утверждают, что для упреждения глубокой дифференциации членов общества на «своих» и «чужих» надо постоянно «выгружать» накапливающуюся в сфере межэтнических отношений негативную энергию. Плохо, когда копятся негативные мнения о межэтнических взаимоотношениях, поэтому государство и общественность постоянно должны направлять послы о своем внимании к этнополитическим и этнокультурным проблемам. Не составляет исключение в этом отношении и глобализирующийся мир, ибо, как отметила Л.М. Дробижина, «исчезновение этничности в условиях глобализации – скорее «миф», чем реальность... Очевидно, что сама глобализация может стимулировать этничность. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление «мы и другие» [1].

Значит, в современных условиях, когда этносы представляют собой объективную реальность, игнорирование мифологем о наличии бытового национализма чревато большими последствиями, ибо трудно определить ту грань, за которой эти мифологемы перерастут в нечто крупное, разрушительное.

О наличии в Бурятии предпосылок межнациональных противостояний говорят редко. Так, С. Панарин еще в 2000-х гг., исходя из многонациональности и многоконфессиональности региона, учитывая его геополитическое положение, низкий уровень жизни людей, низкие темпы развития экономики и т.д., подверг сомнению возможность дальнейшего сохранения межнационального согласия народов Бурятии и, соответственно, устойчивость этнополитической стабильности региона [2].

Его мнение вызвало некоторый переполох в республике, поэтому мы постоянно отслеживаем факторы, способствующие дестабилизации ситуации в сфере межэтнических отношений. В частности, в ходе проведения глубинных интервью в фокусе нашего внимания был вопрос о существовании, по мнению экспертов, каких-либо сил, заинтересованных в подрыве межэтнических устоев народов Бурятии.

Анализ высказываний экспертов показал наличие небольшого разброса. Подавляющее большинство уверено в том, что на переломном этапе развития страны, когда в общественно-

политическую жизнь ворвались роковые события, со всей очевидностью показывающие политическую неустойчивость, отсутствие четкого национально-государственного ориентира, создавались партии и общественно-политические движения националистического толка: Бурят-монгольская народная партия (БМНП), Конгресс русских общин и т.д. Их формирование, а также нивелирование действий шло непросто, требовались не только осторожность, дипломатичность, но и профессионализм. Они в конечном счете не сыграли большую роль в общественной жизни региона, ибо не получили широкой поддержки со стороны граждан республики. В настоящее время внутри Бурятии нет каких-либо организованных политических сил, способных дестабилизировать ситуацию, а изменить ее может, как показала практика, элементарная необязательность собственников и работодателей. Их, как заявляют эксперты, надо бояться. Сейчас немало случаев, когда, не оплатив людям заработную плату, выгоняют их на улицу и набирают следующую группу работников. Поэтому уволенные с работы люди, не получив заработанных ими денег, вынуждены воровать, чтобы вернуться домой с определенным доходом. Тогда рождается ненависть к этим вынужденным нарушителям закона, что часто СМИ преподносят с этнической окраской. Значит, важным толчком дестабилизации ситуации вообще, в том числе и общественно-политической, может послужить нарушение работодателями трудового законодательства.

Другие эксперты, особенно представители левых ориентаций, видят угрозу со стороны внешних сил и обвиняют СМИ в распространении непродуманной информации. «В свое время, – говорит лидер общественно-политической партии, – СМИ распространяли информацию о том, что территория начиная от Новосибирска, отделившись от России, способна существовать самостоятельно. И сегодня появились подобные публикации, которые свидетельствуют о далеко идущих планах ряда зарубежных стран».

Проблематика о наличии сил, способных дестабилизировать состояние межнациональных отношений, относится к числу ключевых вопросов оценки этнополитической ситуации. Она становится актуальной в условиях выявления стратегии развития страны и ее регионов, а также поиска путей интеграции.

Мы попытались определить стратегию развития межнациональных отношений в контексте мнений экспертов, при этом выявлены разновекторные суждения. Сгруппировав их по тематике, можно сказать, что значительное количество

экспертов выделяет две траектории развития межнациональных отношений. Во-первых, среди экспертов существует уверенность в том, что контактирующие в настоящее время основные этносы сохранят межнациональное спокойствие, ибо все будет протекать в сдерживающих рамках и контролироваться, следовательно, не возникнет почвы для взрывоопасной обстановки. Во-вторых, многие говорят об активизации притока мигрантов (китайцев, представителей среднеазиатских народов и т.д.), критическая масса которых может привести к противостояниям.

Наряду с ними встречаются единичные высказывания о том, что:

– межнациональные отношения находятся в прямо пропорциональной зависимости от социально-экономической ситуации, поэтому сохранение межнационального согласия немыслимо без повышения уровня жизни населения;

– тенденция ухудшения межнациональных отношений, наблюдаемая сейчас в Москве, Санкт-Петербурге, Татарии и т.д., неизбежно окажет свое влияние, ибо Бурятия не ограждена от других субъектов Российской Федерации жесткими границами («китайской стеной») как в социально-экономическом, так и в политико-правовом отношении;

– существуют внешние силы, заинтересованные в расшатывании межнациональных отношений и др.

Как видно из вышесказанного, не приходится говорить о полном единстве мнений экспертов о перспективах развития межнациональных отношений народов Бурятии. Значимое влияние на дифференциацию мнений оказывают разные представления экспертов о государственной национальной политике нашей страны. Так, некоторые представители бурятского населения, утверждая, что «Россия – не национальное государство, а государство национальностей», по инерции отстаивают важность сохранения патерналистской политики по отношению к малым народам. В частности, мужчина – преподаватель вуза – говорит, что «должно отличаться отношение государства к большим и малым народам как отношение к слону и моське, ибо если на слоне шлепнуть муху, то он и не заметит, а моська от такого удара может и пораниться».

Представители этнических диаспор высказываются за поддержку языкового и культурного разнообразия народов страны, упорядочение миграционных процессов и за поддержку мигрантов в ходе их адаптации к инациональной среде, ибо сами они в большинстве случаев мигранты первого и последующих поколений. По-

зиция русских тоже не отличается особым единством. Одни из них ратуют за важность концентрации внимания на этнических проблемах русских и на борьбе с теми процессами, которые, по их мнению, способствуют распространению девиантного поведения. Другие же в основном приветствуют политику мультикультурализма.

В заключение следует обратить внимание на то, что роль СМИ в формировании общественного мнения о других народах заметно актуализируется в условиях этнокультурного ренессанса, наблюдаемого за годы идеологической либерализации России. На это обратили внимание примерно каждый четвертый житель села и около 20% жителей г. Улан-Удэ. Поэтому для всеместного сохранения межэтнического согласия необходима трансляция разнообразной, увлекательной, взвешенной и политкорректной информации, особенно на федеральных каналах, заполняющих в настоящее время львиную долю массмедийного пространства страны.

Литература

1. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник института социологии. – 2010. – №1. – С. 431.
2. Панарин С.А. Конфликтный потенциал социально-экономических и этносоциальных процессов в Республике Бурятия // Конфликтогенный потенциал и проблемы этничности в регионах РФ. Конфликт-диалог-сотрудничество. – М., 2000.
3. Межнациональные и этнические вопросы Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во Вост.-Сиб. гос. ун-та техн-й и упр-я, 2006.
4. Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008.
5. Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010.

Будаева Дарима Цырендоржиевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: darb@rambler.ru.

Budaeva Darima Tsyrendorzhiyevna, candidate of political sciences, senior lecturer, department of state and municipal management, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: darb@rambler.ru.

УДК 316.356.2 (470+517.3)

А.В. Винокурова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ СЕМЕЙ)

Рассматриваются основные тенденции изменения ценностных ориентаций семьи в контексте трансформационных процессов, происходящих в современном российском и монгольском обществах. При этом главное внимание уделено характеристике факторов социальной среды, способствующих преобразованиям в сфере семейной жизнедеятельности. Также анализируются содержание и направленность ценностей современной российской и монгольской семей.

Ключевые слова: семья, семейная жизнедеятельность, семейные ценности, модернизация, социальная трансформация.

A.V. Vinokurova

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGES (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND MONGOLIAN FAMILIES)

This article deals with the main tendencies of family value changes in the context of transformative processes in modern Russian and Mongolian societies. The principal attention has been paid to the characteristics of factors of social environment promoting the transformations in the sphere of family life activity. The content and focus of values of modern Russian and Mongolian family are also analyzed.

Key words: family, family life activity, family values, modernization, social transformation.

Исследование структуры и функций семейной организации имеет важное значение для понимания основных процессов, происходящих в любом обществе, тенденций и перспектив его развития. Семья, обеспечивая своим членам физическую, экономическую, социальную безопасность, одновременно выступает важным эле-

ментом социализации личности. Ей принадлежит ключевая роль в формировании и передаче национальных культурных традиций, ценностей, определяющих социальное поведение. Проблемы семьи и брака приобретают все большее значение в условиях глобализации в связи с усложнением и ускорением социально-

экономического и социально-политического развития.

Состояние института семьи всегда отражает уровень развития общества и зависит от исторического контекста. Наиболее архаичной является патриархальная семья, которая существовала в эпоху феодализма. В традиционной семье, которая являлась в этот период ее основным типом, превалировали родственные отношения, где с достаточной очевидностью прослеживалась зависимость жены от мужа, а детей от родителей. Такое положение находит свое отражение в основном принципе семейных взаимодействий – иерархизм и неравенство членов семьи. Общие интересы семьи, как их понимали старейшины, не просто главенствовали, они являлись некой абсолютной ценностью, при этом индивидуальные интересы отдельных членов семьи в расчет не принимались.

Таким образом, в традиционной семье главенствующее место занимает сохранение ее целостности. Следовательно, на первый план выдвигаются ориентации на ценности долга, семейной ответственности, детей как залога благополучной старости родителей, авторитета родителей и старших родственников. Соответственно основным компонентом ценностей патриархальной семьи являлась их преимущественная направленность на кровное родство, поддержание родственных уз.

В традиционном социуме семья и сообщество были объединены в одно целое производственной ячейкой. Но по мере перехода от феодальных отношений к капиталистическим стали происходить экономические и социальные изменения, стимулирующие и перемены в семейной жизни.

С возникновением и развитием промышленного производства разделение труда в доме и на работе усилилось, а величина семьи уменьшилась. Со второй половины XIX в. в большинстве индустриально развитых стран широкое распространение получила детоцентристская семья, которой присуще возвышение роли частной жизни, интимности и ценности детей. Обычай многодетности постепенно исчерпывает себя, решение о количестве детей принимают по преимуществу сами супруги.

Следует отметить, что распространенность детоцентристских семей в современном социуме является следствием широкого вовлечения женщин в производственную деятельность общества и роста образовательного и квалификационного уровня населения. Кроме того, данное обстоятельство можно объяснить и тем, что дети перестают быть гарантией обеспеченной старос-

ти родителей. Соответственно заинтересованность семьи в детях обусловлена не экономической, а нравственно-эмоциональной потребностью.

Таким образом, центральное место в ценностях детоцентристской семьи имеют ориентации на родительство – принятие социальных ролей матери и отца, а также рождение определенного числа детей. Данные ценностные ориентации проявляются в том, что осознанно проводится позитивный и не только количественный (планирование зачатия), но и качественный принцип детоцентризма. Родители осуществляют по преимуществу культурную инвестицию в детей (частные дошкольные группы, престижные учебные заведения, музыкальные, языковые и прочие кружки), питая надежду на осуществление нереализованных ими ценностей и потребностей.

В то же время в работах многих авторов отмечается, что современная (детоцентристская) семья претерпевает значительные изменения, которые связаны с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. Можно сказать, что для постсовременного общества в процессе практически любого вида деятельности характерным становится проявление творческой активности. Важное значение приобретает развитие способностей человека, наблюдается преобладание субъект-субъектных взаимодействий между людьми, что и определяет новые свойства всех элементов социальной структуры.

Это утверждение вполне справедливо и в отношении семьи постиндустриального общества. Наиболее распространенной в эпоху постиндустриализма (вторая половина XX – начало XXI в.) является супружеская семья. Следовательно, главная особенность данного типа состоит в том, что основополагающие семейные ценности формируются во взаимодействиях мужа и жены и лишь впоследствии становятся естественной базой для родительско-детских и родственных отношений.

В то же время супружеская семья не сводима только к отношениям свойства. Безусловно, значимыми остаются родство и порождение, однако, в традиционной семье, где доминировали родственные взаимодействия, они носили авторитарный характер, поскольку благополучие каждого определялось благополучием всей семьи. В семье индустриального общества, для которой ведущими являются родительско-детские отношения, последние связаны с экономической зависимостью детей от родителей. В свою очередь супружеская семья предоставляет возможности для отказа от подчиненных отно-

шений и раскрытия широких возможностей взаимодействия по всем структурным составляющим: муж – жена, родители – дети, супруги – родственники, дети – прародители. Данное обстоятельство способствует целенаправленному формированию индивидуальности человека, способного самостоятельно принимать ответственные решения.

В целом проблема изменения ценностных ориентаций семьи имеет самые разнообразные последствия как для самой семьи и ее членов, так и для общества в целом. Позитивной тенденцией является смещение ориентаций на супружество, становление «брачной семьи», превращение ее в самую интимную группу, обладающую близко разделяемым чувством солидарности и отвечающую глубоким, взаимно требовательным личным потребностям. В то же время семейные изменения включают и некоторые негативные для социального воспроизводства явления, связанные с постепенной переориентацией населения с ценностей семьи с несколькими детьми, основанной на стабильном браке, на ценности внесемейные, отражающие устремления людей к индивидуальным достижениям во внесемейной сфере жизнедеятельности, прежде всего к статусным.

Таким образом, изменения в сфере семейно-брачных отношений характеризуются возрастанием сложности, разнообразия и противоречивости в ценностных ориентациях. В процессе формирования постиндустриального общества складываются постсовременные ценности, главная особенность которых состоит в том, что они направлены в основном на повышение качества жизни и самовыражение личности, что характерно и для современных российских и монгольских семей.

В развитии современного монгольского общества в процессе модернизации можно обозначить несколько характерных черт. Прежде всего это негативные по сравнению с дореформенным периодом изменения в уровне и качестве жизни населения. Это подтверждается результатами исследования, проведенного Т.Дорждагвой в 2006–2008 гг. Полученные им данные показывают, что материального достатка хватает на все необходимое 26% респондентов; хватает только на питание, жилье и одежду – 43% опрошенных; материальный достаток ограничен только расходами на питание у 27% респондентов; недостаточно даже на питание – 4%. Хорошим назвали состояние своего жилья только 16% опрошенных. Удовлетворительным признали свое жилище 43%. Неудовлетворительными считают свои жилищные условия 29% респондентов

(12% затруднились оценить состояние своего жилья) [1, с. 89].

Что касается российского общества, то уровень жизни россиян, т.е. характер питания, а также возможность приобрести одежду и предметы длительного пользования, по данным Росстата в 2012 г., у 23,4% был примерно тот же, что и в 2011 г., у 56,2% он понизился и у 20,4% – повысился. По данным за 2012 г., за чертой бедности жили 17,9 млн россиян (12,6% от общей численности населения РФ) [2]. Еще более острый характер приобретает тенденция обеднения населения, если рассматривать ее в региональном разрезе. В силу произошедшего в последние годы разделения на регионы-лидеры и депрессивные регионы усилилась региональная дифференциация уровня и качества жизни населения.

С негативными изменениями в уровне и качестве жизни населения связана следующая особенность трансформирующегося общества – ухудшение по сравнению с дореформенным периодом состояния социальной инфраструктуры. Данная проблема в первую очередь затронула сферу занятости.

Как показывают результаты исследования «Влияние объективных и субъективных факторов на жизнедеятельность современной монгольской семьи», проведенного в 2004–2009 гг. под эгидой Института социологии, философии и права АН Монголии, безработица является важным аспектом ухудшения социально-экономического положения населения в целом и семьи в частности. Если в 2004 г. такую точку зрения разделяли 26,3% городского населения и 54,4% проживающих в сельской местности, то в 2009 г. негативную роль безработицы в осуществлении семейной жизнедеятельности отметили 43,8% горожан и 56,2% селян [3, с. 85].

Также отмечается, что взрослые члены семьи, которые не работают и не получают социальных выплат, есть в семье у 51,3% монгольских респондентов [4, с. 108]. По оценкам Всемирного банка, уровень безработицы в городах Монголии составляет более 20%, а 36% населения продолжает жить ниже черты бедности [5, с. 65].

В России, по данным Росстата, в июле 2012 г. 4,1 млн человек, или 5,4% экономически активного населения, классифицировались как безработные (в соответствии с методологией Международной организации труда). В государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных было зарегистрировано 1,1 млн человек, в том числе 0,9 млн человек получали пособие по безработице. К этому можно добавить, что общее число работников,

находившихся в простое или трудившихся неполное рабочее время, составило 111,6 тыс. человек; 670,6 тыс. человек был предоставлен отпуск без сохранения заработной платы по инициативе работодателя [6].

Таким образом, как углубляющаяся разница в уровне функционального и профессионального соответствия, так и региональная дифференциация способствуют дальнейшему усилению проблем в сфере занятости, как в России, так и в Монголии.

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что основными тенденциями, которые характеризуют принципиально новое качество и состояние современного российского и монгольского общества, являются уровень и качество жизни людей, состояние социальной инфраструктуры, а также уровень занятости и степень дифференциации населения. Именно они детерминируют содержание и направленность ценностных ориентаций. Другими словами, речь идет о качественных сдвигах в восприятии человеком социального пространства, самого себя, его социальном самочувствии под влиянием вышеуказанных объективных характеристик.

Адекватные оценки социального самочувствия населения возможны лишь на основе фактов, полученных за достаточно длительный период. Этим требованиям отвечает указанное нами исследование «Влияние объективных и субъективных факторов на жизнедеятельность современной монгольской семьи». В данном исследовании было зафиксировано, что в 2009 г. по сравнению с 2004 г. существенно увеличилась доля тех, кто считает, что на жизнедеятельности их семей негативно сказываются бедность (с 17,8 до 50,1%), рост цен (с 38,7 до 67,1%), налоговое бремя (с 34,3 до 50,2%) [3, с. 87].

Исследования российских авторов показывают, что 73,2% респондентов в той или иной степени испытывают страх в связи с тем, что будущее их и детей может оказаться далеко не безоблачным; 74,6% опасаются потерять все нажитое и еще 10,4% заявили, что им уже нечего терять; 81,7% не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на один год; 67,4% считают, что они совсем не застрахованы от экономических кризисов, которые опускают их в пучину бедности; 48,3% чувствуют полную незащищенность перед преступностью; 46% полагают, что если в стране все будет происходить как прежде, то наше общество ожидает катастрофа. Замечено, что тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям всех слоев и групп населения, хотя, конечно, у рес-

пондентов из бедных и пожилых семей эти чувства проявляются чаще и острее [7, с. 147].

Все это свидетельствует о том, что современное российское и монгольское общество находится в состоянии социально-экономического и, соответственно, психологического дискомфорта. Повышенная тревожность, беспокойство в связи с будущим оказывают неблагоприятное воздействие на социальное самочувствие людей и их ценностные ориентации.

Данное положение дел усугубляется тем, что для современного общества характерна высокая степень противоречивости в системе ценностных ориентаций. Это проявляется не только на макро-, но и на микроуровне, т.е. противоречивость ценностных ориентаций наблюдается на уровне отдельных социальных групп, в частности в семье.

С одной стороны, сохраняется высокая ценность семьи, направленность на семейный образ жизни. С другой стороны, исследователями отмечается, что в процессе приспособления к требованиям времени ценностные ориентации существенно меняются в различных брачно-семейных областях: добрачном поведении и выборе супруга, в интимной сфере, в сфере репродуктивного поведения и т.д.

В частности, было выявлено, что, по мнению 41,4% опрошенных, случайные половые связи на стороне считаются вполне допустимыми. 65,2% респондентов полагают, что количество разводов в жизни человека может быть неограниченным. 56,3% опрошенных разделяют точку зрения, в соответствии с которой рождение ребенка у лиц, не состоящих в браке, – это нормальное явление. Также 53,8% считают возможным существование семьи, опирающейся на материальные интересы (брак по расчету) [8].

Помимо этого в индивидуальных представлениях о семье начинает преобладать ориентированность на сексуальное партнерство, товарищество, на длительное сожительство (супружество) и совместное ведение домашних дел. Отношения родительства, желание стать матерью (отцом) отходят на второй план.

В немалой степени снижение ценности родительства обусловлено и ориентацией современной семьи на достижение определенного стандарта жизненного уровня, что требует значительных средств и экономного ведения домашнего хозяйства. Эти же причины предопределяют уменьшение численного состава семьи, так как формирование установки на повышение благосостояния за счет внутренних материальных ресурсов ведет к сознательному ограничению числа детей.

По данным Т. Дорждагвы, считают необходимым наличие в семье двоих детей 55%, троих и более – 34%, одного ребенка – 4% респондентов (7% опрошенных затруднились с ответом) [1, с. 91].

Предпринятое нами исследование, которое было проведено на территории Приморского края (объем выборочной совокупности составил 1000 человек), показало, что ожидаемое (планируемое) число детей существенно отличается от имеющегося. Ожидаемое число детей в среднем составило 1,8 ребенка на одного респондента (в равной степени среди мужчин и женщин), в то время как имеющееся – 1,3. Среди причин, которые, с точки зрения респондентов, мешают им реализовывать свои репродуктивные предпочтения, выделяются финансово-материальные проблемы (их отметило 75% опрошенных) и страх за будущее своих детей (46%).

Трудно ожидать иных более оптимистичных социально-демографических показателей при сохранении высокого уровня бедности, продолжающемся снижении реальных доходов населения и росте социальной напряженности.

В целом в контексте современных трансформационных процессов все более очевидным становится обостряющееся противоречие между семейными и внесемейными ценностями. С одной стороны, семья является одной из самых важных жизненных ценностей, с другой – имеет место широкое распространение индивидуальности и автономности в поведении человека в семье и за ее пределами, что не всегда сочетается с эффективным выполнением семейных обязанностей.

Трансформация семейных ценностей, во-первых, определяется общемировыми тенденциями, связанными с переходом от одного цивилизационного типа к другому. Это проявляется в том, что наблюдается заметный поворот от традиционных, коллективистских ценностей к ценностям индивидуально направленным, постмодернистским.

Во-вторых, преобразование ценностных ориентаций монгольских и российских семей связано с глубокими и качественными изменениями основных социальных институтов в России и Монголии. Однако данный процесс происходит неравномерно. И российское, и монгольское общество характеризуются состоянием неустойчивого равновесия старого и нового, асимметрией между экономикой и нравственными ресур-

сами социума, ростом социальной напряженности и другими негативными тенденциями. В этих условиях именно семья является той общностью, в которой человек получает поддержку и признание.

Следовательно, семья выступает для человека базисом в формировании устойчивых оснований своей социальной жизни, т.е. семейные ценности, связанные с позитивными супружескими, родительско-детскими отношениями, при наблюдаемой социальной нестабильности сохраняют свою высокую значимость.

Литература

1. Дорждагва Т., Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В. Конкретно-эмпирические формы ценностных установок студентов Монголии и России // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. Социология. – 2008. – № 3. – С. 85-93.
2. Социальное положение и уровень жизни населения России // Официальный сайт Федеральной государственной службы статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_44/Main.htm.
3. Батжаргал Д. Нийгмийн өөрчөлтийн дундах гэр бүл // Уровень жизни, социальное самочувствие, стратегии адаптации монгольских этносов в изменяющемся мире (на материалах Республики Бурятия и Монголии). – Улаанбаатар: Изд-во ИФСП МАН, 2010. – С. 85-92.
4. Бадараев Д.Д. Социально-стратификационная структура населения Монголии и Республики Бурятия в изменяющемся обществе начала XXI века (сравнительные аспекты). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 172 с.
5. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. – М.: ИВ РАН. – 2009. – 192 с.
6. Занятость и безработица в июле 2012 г. // Официальный сайт Федеральной государственной службы статистики. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/IssWWW.exe/Stg/d07/3-2.htm
7. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 46-52.
8. Бадараев Д.Д., Винокурова А.В., Батжаргал Д. Основные тенденции развития ценностных ориентаций в контексте трансформационных процессов в современном монгольском обществе // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 5. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.teoria-practica.ru/-5-2012/sociology/badaraev-vinokurova-batzhargal.pdf>.

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета, г. Находка, e-mail: vinokurova77@mail.ru.

Vinokurova Anna Viktorovna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of social sciences, Far Eastern Federal University, Nakhodka, e-mail: vinokurova77@mail.ru.

УДК 316.343:63 - 051 (571.54)

В.Г. Жалсанова

**СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БУРЯТИИ В НАЧАЛЕ XXI в.:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Данная статья посвящена изучению состояния социальных процессов среди сельского населения Бурятии. Рассматриваются последствия институциональных и социальных трансформаций в аграрном секторе.

Ключевые слова: сельское население, депривация, демографические процессы, сельское хозяйство.

V.G. Zhalsanova

**RURAL POPULATION OF BURYATIA IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT**

This paper is concerned with the state of social processes in the rural population of Buryatia. The consequences of institutional and social transformation in the agricultural sector are considered.

Key words: rural population, deprivation, demographic processes, agriculture.

Социальные процессы на селе в 90-е гг. XX столетия привели к значительной структурной трансформации населения. Резкое сокращение сельскохозяйственного производства, произошедшее в ходе радикальных экономических реформ, лишило многих сельских жителей рабочих мест и регулярных источников дохода. Институциональные преобразования в АПК в условиях развития рыночных отношений, либерализации цен и изменений форм собственности в 1990-х гг. фактически привели к деградации сельского сообщества. 2000-е гг. не стали периодом динамичного роста сельскохозяйственного производства, соответственно продолжились процессы накопления социальных проблем в сельском сообществе.

Для сельского населения современной Бурятии характерно состояние, которое возможно определить как состояние экономической, социальной и социокультурной депривации. Мы согласны с мнением З.И. Калугиной, что это есть «процесс сокращения и/или лишения возможностей удовлетворения каких-либо социальных потребностей» [5, с. 187]. Поэтому характерной особенностью депривации сельского населения является резкое ухудшение условий и качества жизни.

Сразу отметим, что кризисное положение в современном сельском социуме обусловлено не только рыночными преобразованиями 1990-х гг., но и особенностями организации сельскохозяйственного производства в советский период. Агропромышленный комплекс в советский период являл собой важную стратегическую часть экономики страны, основной задачей которой было обеспечение продовольствием и сельскохозяйственным сырьем. Однако же данная задача в должной мере не была решена. Отношение к индустриализации и урбанизации

как приоритетным направлениям развития территорий способствовало сокращению численности сельских поселений за счет их укрупнений и уничтожения малых сел, а также миграционного оттока людей в города. Отмечались такие черты сельского образа жизни: «...менее развитый труд в общественном производстве подавляющего большинства категорий работников, медленное развитие общественного и профессионального разделения труда в сельском хозяйстве, его подчиненность ритмам и циклам природы, отставание сельскохозяйственного труда по уровню энерговооруженности и механизации, преобладание физического труда над умственным, неквалифицированного – над квалифицированным, слабая дифференциация приложения труда, меньшее разнообразие рабочих мест и малые возможности для их выбора, более низкий по сравнению с промышленностью уровень организации труда, неравномерность трудовой занятости, более тяжелые условия труда» [7, с. 48]. Качество жизни в селе было ниже, чем в городе, и возможность для восходящей социальной мобильности была менее доступна для сельского населения по сравнению с городским.

В современном селе фактически исчез сельхозпроизводитель, соответственно стала разваливаться вся сельская социальная инфраструктура. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи в Бурятии на 1 июля 2006 г., «насчитывалось 588 сельскохозяйственных организаций и предприятий, 2455 крестьянских (фермерских) хозяйств, 183 индивидуальных предпринимателя, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность, 176 тыс. личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан и 289 некоммерческих объединений граждан (садоводческих, огороднических, животноводческих и дачных), включающих около

80,5 тыс. участков. Удельный вес организаций (хозяйств), осуществлявших сельскохозяйственную деятельность, варьировал от 100% по подсобным хозяйствам несельскохозяйственных организаций до 39% по крестьянским (фермерским) хозяйствам. В личных подсобных хозяйствах производили сельскохозяйственную продукцию 91% хозяйств. В ходе переписи было выявлено 7,2 тыс. хозяйств с заброшенными земельными участками» [9].

Исследователи А.Г. Эфендиев и И.А. Болотина отмечают, что характер кризиса, охватившего село, «выражается не только в падении производительности коллективных хозяйств старого типа и, как следствие, в низком уровне жизни населения, но вообще в разрушении прежних социальных отношений, дезинтеграции социальной общности, широкой распространенности девиантных форм поведения и пр. Все это говорит о том, что названные проблемы не только сугубо экономические, но прежде всего социокультурные» [8, с. 88].

Демографическое развитие Бурятии носит устойчивый характер депопуляции. Наблюдается снижение рождаемости, сопровождающееся повышением смертности. Республика Бурятия относится к регионам с невысоким уровнем урбанизированности. По данным двух последних переписей 2002 и 2010 гг., численность сельского населения составила 40,4 и 41,6% соответственно. Некоторое увеличение доли жителей села объясняется тем, что в период между двумя переписями произошли административно-территориальные преобразования, в результате которых 15 городских населенных пунктов перешли в статус сельских поселений.

Соотношение мужчин и женщин, проживающих в сельской местности, за межпереписной период ухудшилось. Основная причина – высокая смертность мужчин. По данным переписей в 2002 г., было 192 974 мужчины и 203 294 женщины, а в 2010 г. – 195 814 мужчин и 208 575 женщин. При этом преобладание женщин в 2002 г. началось в возрасте от 45 лет, а в 2010 г. – в возрасте 30 лет. В 2002 г. наблюдается значительное преобладание женщин в возрасте 60 лет: 1353 женщины на 1000 мужчин. В 2010 г. наблюдается возрастной предел до 65 лет – 1592 женщины на 1000 мужчин. Тем не менее за период между 2002 г. и 2010 г. увеличение смертности среди мужчин стало катастрофическим, что подтверждает общероссийскую тенденцию, когда большая часть сильного пола не доживает до пенсии. Так, в 2002 г. число мужчин в возрасте 50-54 года составило 11471 чел. (5,9% от общего числа мужчин, проживающих в

сельской местности), 55-59 лет – 4543 чел. (2,4%), а в возрасте 60-64 года – 7388 чел. (3,8%), 65-69 лет – 6006 чел. (3,1%), 70-74 года – 4968 чел. (2,6%), 75-79 лет – 2037 чел. (1,1%), 80-84 лет – 675 чел. (0,4%). Небольшое количество мужчин в возрасте 55-59 лет объясняется тем, что это дети послевоенных лет, когда рождаемость была невысокой. В 2010 г. тенденция резкого сокращения численности мужчин сохраняется. Число мужчин в возрасте 55-59 лет – 12297 чел. (6,3%), 60-64 – 7612 чел. (3,9%), 65-69 – 2970 чел. (1,5%), 70-74 – 4735 чел. (2,4%), 75-79 – 2733 чел. (1,4%), 80-84 – 1628 чел. (0,8%).

Результаты переписей показали возрастные изменения, произошедшие среди сельского населения. Во-первых, увеличился медианный возраст – с 32,2 в 2002 г. до 33,5 в 2010 г. Во-вторых, стало явным демографическое старение населения. Доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась с 62,4 до 68,1 тыс. чел., а доля лиц моложе трудоспособного возраста снизилась от 103,3 до 93,8 тыс. чел. Данный факт также подтверждается следующими данными. Так, на 1000 жителей трудоспособного возраста в 2002 г. приходилось 719 лиц нетрудоспособного возраста (из них 448 детей и подростков до 16 лет и 271 человек старше трудоспособного возраста), а в 2010 г. – 668 человек (387 – дети и подростки до 16 лет и 281 человек старше трудоспособного возраста).

Убыль населения из-за снижения рождаемости, высокой смертности и миграционного оттока наряду с процессами старения является непосредственным следствием радикальных экономических преобразований 1990-х гг. Развал сельскохозяйственного производства, вызвавший резкое снижение уровня жизни и массовую безработицу, способствовал тому, что возросло количество неестественных причин – в первую очередь отравление алкоголем, самоубийство, убийство.

Следует отметить, что во второй половине 2000-х гг. наметилась тенденция преодоления негативных показателей демографического развития. Общие показатели естественного движения населения во второй половине 2000-х гг. выглядят оптимистично. Так, в расчете на 1000 населения число родившихся повысилось с 14,3 чел. в 2005 г. до 19,3 в 2010 г., а смертность понизилась с 16,6 чел. до 14,2 чел. [2]. Тем не менее сохраняющаяся диспропорция в половозрастной структуре населения свидетельствует о сохранении проблемной демографической ситуации.

Демографические проблемы, являясь прямым следствием социально-экономических процессов, протекавших в стране и в Бурятии, в свою очередь вызывают углубление социальных последствий. В подобных условиях требуется широкомасштабная государственная политика, направленная на преодоление инерционности демографических процессов.

На социальное положение и качество жизни современного сельского жителя Бурятии негативно влияют такие факторы, как:

- неразвитая социальная инфраструктура в сельских поселениях, выражающаяся прежде всего в отсутствии/недостатке/плохом состоянии учреждений образования, здравоохранения, культуры (особенно в малых селах и селах, удаленных от столицы Бурятии – Улан-Удэ);

- слабо развитая инженерно-транспортная инфраструктура, где не решаются задачи должного устойчивого развития и функционирования сельских поселений и межселенных территорий;

- сохранение значительных масштабов безработицы в силу отсутствия развитого рынка труда;

- низкая оплата сельскохозяйственного труда;

- слабая социальная защищенность жителей села.

Данную группу факторов можно определить как «внешние» факторы. В качестве «внутренних» факторов можно определить само социальное самочувствие, социальное настроение сельского населения и определяемые ими стратегии поведения. «Социальное самочувствие является сложным показателем, характеризующим как восприятие индивидом/группой/населением окружающей действительности, так и ответную реакцию на происходящие в ней процессы. Социальное самочувствие складывается из разных факторов. Во-первых, это степень удовлетворенности/неудовлетворенности собственным социально-экономическим материальным положением. Во-вторых, степень удовлетворенности/неудовлетворенности собственной жизнью, собственным социальным статусом. В-третьих, индивидуальная активность/пассивность самого человека. В-четвертых, эмоциональное состояние, чувство тревожности/спокойствия. В-пятых, оценка возможного будущего. Социальное самочувствие представляет собой больше эмоциональное, субъективное восприятие действительности, но весьма важное для оценки и анализа происходящих в обществе процессов. Несомненно, что в каждом обществе или в группе существуют свои стандарты, определяющие показатели самочувствия. Стандарты

формируются в зависимости от культурных, политических, экономических, социальных, территориальных и других характеристик общества. В периоды крупных социальных преобразований показатели социального самочувствия претерпевают значительные изменения» [3, с. 115].

Для современного сельского жителя в Бурятии характерно сохранение государствоцентристского восприятия действительности и соответственно патерналистской модели поведения. Несомненно, что внешние факторы обуславливают сохранение внутренних факторов.

В 2007 г. было проведено социологическое исследование социального самочувствия сельского бурятского населения, в ходе которого было опрошено 328 респондентов бурятской национальности, проживающих в сельской местности (исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-03-00498а), автор и руководитель В.Г. Жалсанова). Сразу отметим, что сельское бурятское население по своему социальному положению, уровню и качеству жизни практически не отличается от всего остального сельского населения Бурятии. Обусловлено это тем, что в советский период произошла фактическая унификация организации жизнедеятельности сельских жителей республики независимо от национальной принадлежности. По данным переписи 2010 г., сельское население Бурятии составило 41,6%, а доля бурят составила в нем 49%. Поэтому, несмотря на то, что исследование было проведено среди сельского бурятского населения, мы считаем, что, за исключением некоторых фактов, результаты во многом отражают состояние всего сельского населения республики.

В ходе исследования предполагалось, что сельчане будут весьма критичны в оценках своей жизни, своего материального благополучия, будут высказывать большее недовольство своим социальным статусом. Данное предположение не получило абсолютного подтверждения. В целом респонденты давали более оптимистичные ответы. Так, например, на вопрос «Скажите, пожалуйста, удалось или не удалось Вам найти свое место в жизни?» 40,55% респондентов ответили «скорее удалось», 17,07% – «безусловно удалось». 20,43% выбрали вариант «скорее не удалось» и только 5,49% – «безусловно не удалось». Интересным представляется анализ данных экспертного опроса. В основном они подтвердили результаты социологического опроса населения. Практически все эксперты считают, что современное село требует гораздо большего внимания к себе со стороны общества и государства. Но данное внимание не должно выра-

жаться в сугубо патерналистском отношении к сельскому сообществу. Так, например, один из экспертов утверждал следующее: «Пора прекратить относиться к сельчанам как к неразумным детишкам, которые ничего не могут сделать самостоятельно. Давно пора понять, что ничего путного из этого не выйдет. Государство должно не давать работу, хотя оно этого не делает вообще. Государство должно создавать условия, при которых сельчанам было бы легче находить работу, находить приложение собственным усилиям, а может даже и создавать себе это самое рабочее место». Другими словами, большинство экспертов считают необходимым развитие партнерских отношений между селом и городом.

Большинство респондентов склонны положительно оценивать собственное материальное положение. На наш взгляд, это обусловлено как действительным положением дел (например, при отсутствии постоянных высоких денежных доходов многие сельчане имеют возможность реализовывать продукцию ЛПХ, а на вырученные средства приобретают промышленные товары, бытовую технику и т.п.), так и слабым представлением о том, какой может быть жизнь современного сельчанина в плане социально-бытовых условий, медицинского обслуживания, социокультурного уровня. Другими словами, у современного сельского буряты достаточно низкий «потолок» представлений. В их понимании «живу как и все, значит живу неплохо». Так, например, большинство респондентов на вопрос «Ваша семья живет лучше или хуже, нежели семья ваших друзей, знакомых, сослуживцев?» выбирали вариант ответа «Одинаково». При оценке материального положения своей семьи респонденты чаще всего выбирали вариант ответа «Среднее». Естественно, наблюдается различие в ответах респондентов в зависимости от уровня образования, занятости, установок. «Можем отметить, что современное сельское бурятское население республики отличается некоторым сдвигом в сторону положительного восприятия действительности, отходом от государствоцентристского восприятия в сторону роста самодостаточности, самостоятельного поиска путей и способов адаптации. В то же время по результатам исследования видно, что отход от государствоцентристского восприятия не столь силен, так как на вопрос «Согласны ли Вы с мнением, что за благополучие человека должно отвечать, прежде всего, государство, а потом он сам?» большинство респондентов выбирали ответ «Да, согласен». Поэтому, на наш взгляд, данный положительный сдвиг не получает должного развития в силу двух факторов. Во-

первых, само сельское население обладает недостаточным адаптационным потенциалом в силу инертности социального поведения, отсутствия четкого видения своего будущего, слабого умения к социальному прогнозированию и моделированию собственного поведения. Во-вторых, отсутствие государственной поддержки. Так, например, в условиях резко континентального климата, характерного для Бурятии, невозможно самостоятельное развитие земледелия, растениеводства, что требует крупных капитальных вложений» [5, с. 170–171]. Как отмечают Л. Гудков и Б. Дубин «речь идет не о слепом неприятии перемен, фобии нового или привычном традиционализме жителей села, а о вполне рациональном их поведении, хотя эта рациональность задана не интересами улучшения жизни, а стремлением сохранить то, что люди уже имеют, даже ценой снижения уровня запросов... И этот тип «консерватизма» будет только усиливаться по мере того как село будет терять молодежь и, соответственно, мотивы улучшения устройства жизни на селе, надежды на будущее. Сама схема рациональности (рационализации усилий, средств, времени) здесь иная и будет продолжать меняться – от улучшения жизни в перспективе к выживанию именно данного поколения» [1, с. 218].

Таким образом, непродуманность и слабость законодательства в области сельского хозяйства не способствуют развитию АПК и сельских территорий. Предполагалось, что развитие фермерских хозяйств на фоне сокращения численности крупных сельхозпроизводителей во многом будет способствовать подъему производства. Тем не менее данное направление не оправдало надежд. Основным материальным условием выживания, но не развития на селе стали личные подсобные хозяйства (как правило, доходы ЛПХ низкие, могут обеспечивать только первичные нужды семьи и носят нерегулярный сезонный характер), которые большинством сельских жителей не рассматриваются как сфера приложения своих трудовых ресурсов.

Несмотря на критические оценки, отметим, что к концу 2010-х гг. наблюдается разделение сельских семейных хозяйств на товарные, потребительские и частично потребительские. Потенциал фермерства и возможность дальнейшего развития сельских территорий, особенно малых сел, в Бурятии становятся взаимосвязанными и взаимообусловленными. При этом следует отметить, что общероссийский вектор развития заметно уклонился от этой модели, и в результате преобразований на селе возник своеобразный гибрид, состоящий из разных экономических

форм, вступающих в частичную кооперацию друг с другом, частично конфликтующих между собой, но выполняющих взаимодополняющие и компенсаторные по отношению друг к другу функции. Риторика государственных деятелей по отношению к сельскому хозяйству стала включать призывы создания равных возможностей и условий для функционирования различных по своей природе экономических агентов – сельхозпредприятий, крестьянско-фермерских хозяйств и хозяйств населения [6, с. 33].

Республика Бурятия является преимущественно аграрным регионом, поэтому сельскохозяйственное производство должно относиться к приоритетному направлению социально-экономического развития наряду с промышленным производством. Общеизвестно, что степень развитости сельских территорий, их инфраструктура еще в советский период зависели во многом от сельскохозяйственных организаций. Соответственно мы можем утверждать, что улучшение социального самочувствия сельского населения станет возможным при развитии аграрного сектора, способного обеспечить основные социальные потребности и блага, присущие обществу XXI в. Государство должно максимально повернуться в сторону села и способствовать институциональным преобразованиям. Наличие приоритетного национального проекта, направленного на развитие АПК, замечательно, но если обратиться к народнохозяйственным функциям села, то нужно комплексное взаимодействие различных государственных структур при проведении институциональных преобразований, например, в культурной сфере или в системе здравоохранения и т.д. Естественно, нельзя отказаться от участия бизнеса, крупного, среднего и малого, в развитии сельских территорий. Ранее нами была упомянута недостаточность финансовой и консультационной помощи. Поэтому для развития бизнеса необходима организация четко налаженной системы льготного кредитования и налогообложения для сельских бизнесменов, а также системы консультацион-

ной помощи, поскольку подчас для сельских жителей не хватает образования, знания законов, собственных прав.

Литература

1. Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга. – М.: Новое издательство, 2008. – С. 192-218.
2. Естественное движение населения Республики Бурятия: стат. сб. №02-03-04. – Улан-Удэ, 2011. – 56 с.
3. Жалсанова В.Г. Влияние институциональной трансформации агропромышленного комплекса (АПК) на социальное самочувствие сельского населения Бурятии // Человек, культура и общество в изменяющемся мире: сб. науч. тр.: в 2 ч. – Улан-Удэ, 2011. – Ч.1. – С. 115-118.
4. Жалсанова В.Г. Социальное самочувствие сельской бурятской интеллигенции в современном российском социуме // Интеллигенция и проблемы национальных отношений: материалы VII Междунар. науч. конф. «Байкальская встреча», 16-18 сентября 2008 г. – М., Улан-Удэ, 2008. – Т.1. – С. 165-171.
5. Калугина З.И. Депривация сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Регион: экономика и социология. – 2007. – №1. – С. 186-198.
6. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск, 2009. – 340 с.
7. Рыбкина Р.В. Образ жизни сельского населения. – Новосибирск, 1979.
8. Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России – 2002. – №4 – С. 83-125.
9. Окончательные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – [Электронный ресурс]. – URL: http://burstat.gks.ru/vshp_predv/vshp/2006/.

Жалсанова Валентина Гурожаповна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ, e-mail: anzhal1974@mail.ru.

Zhalsanova Valentina Gurozhapovna, candidate of sociological sciences, associate professor, senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: anzhal1974@mail.ru.

УДК 316.356.2 (571.54)

Л.И. Уханаева

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В данной статье рассматриваются проблемы многодетных семей и роль государства в их решении, предложены меры оптимизации государственной поддержки с целью снижения иждивенчества.

Ключевые слова: многодетные семьи, многодетность, социальные иждивенцы, семьи, дети, государственная поддержка, поддержка семей.

LARGE FAMILY IN MODERN CONDITIONS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

This article deals with the problems of large families and the role of government in their solution, the measures of improvement the state support are proposed in order to reduce dependency.

Key words: *large families, families with many children, social dependents, families, children, government support, support of families.*

Актуальность темы вызвана интересом к роли и месту государства в решении социальных проблем многодетных семей. В 1990-е гг. демографическая обстановка в России сильно ухудшилась. Как известно, основными причинами были неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие возможности содержать и воспитывать детей на должном уровне. С тех времен в новом поколении сложилась установка на малодетные семьи. А это чревато негативными последствиями для России, так как не происходит простого замещения поколений.

Надо отметить, что экономическая ситуация начала стабилизироваться, что несомненно сказывается и будет сказываться в дальнейшем на рождаемости и детности семьи. Но немаловажным является отношение государства и общества к многодетности. Еще недавно считалось, что многодетные семьи не приемлемы в нестабильных экономических условиях. Эти ячейки общества нередко расценивались как «социальные иждивенцы», хотя их льготы незначительные. Именно они имеют наиболее высокий риск оказаться в числе бедных, так как размеры детских пособий никак не соотносятся с уровнем жизни.

До сих пор в обществе считается, что многодетная семья – скорее как исключение из правил, как явление из ряда вон выходящее, и отношение к ним складывается соответствующее. Не секрет, что современная семья переживает кризис. Одними из проявлений этого кризиса являются падение рождаемости, появление большого числа бездетных семей, резкое сокращение количества многодетных семей. Законодательно установлено, что многодетной семья считается, когда в ней трое детей. Так, «порог» многодетности был снижен: раньше государство считало многодетными семьи с пятью и более малышами.

Множество факторов влияет на сокращение числа многодетных семей. Надо заметить, что именно многодетные семьи являются главным демографическим ресурсом нашей страны. Хотя бы поэтому государство должно было уделять им пристальное внимание.

С недавних пор после объявления президентом Российской Федерации о всяческой под-

держке семей, которые улучшают демографическую ситуацию, многодетность стала даже модной. Радует то, что это уже не только семьи безответственных, социально неблагополучных людей.

Таким образом, президентом РФ был подписан закон, согласно которому граждане с тремя и более детьми получают право на бесплатное приобретение, в том числе для индивидуального строительства, земельных участков. На уровне субъектов также утверждаются законы, постановления о поддержке многодетных семей.

Законы, постановления принимаются, но исполняются неэффективно, некачественно. Поэтому многодетная семья с хорошим достатком и хорошими моральными устоями – это, скорее всего, исключение из правил. А правила в основном гласят следующее: все многодетные семьи могут быть разделены на три категории [1]:

– семьи, многодетность в которых запланирована (например, в связи с национальными традициями, религиозными «предписаниями», культурно-идеологическими позициями, традициями семьи). Такие семьи испытывают много трудностей, обусловленных малообеспеченностью, теснотой жилья, загруженностью родителей (особенно матери), состоянием их здоровья;

– семьи, образовавшиеся в результате второго и последующих браков матери (реже отца), в которых рождаются новые дети. Исследования показывают, что такие семьи могут быть и вполне благополучными, но их членам присуще ощущение неполной семьи;

– неблагополучные многодетные семьи, образующиеся в результате безответственного поведения родителей, иногда на фоне алкоголизма, асоциального образа жизни. Дети из таких многодетных семей особенно часто нуждаются в помощи, реабилитации, страдают от болезней и недоразвития.

В случае утраты родительского попечения их судьбу трудно устроить, ибо семейное законодательство препятствует разделению детей из одной семьи, а усыновить 3-7 детей разного возраста и разной степени социальной дезадаптации далеко не всегда возможно. Многодетные семьи всех типов имеют общую социальную

проблему, специфически связанную с многодетностью: дети из таких семей по сравнению со сверстниками из преобладающих малодетных семей чаще демонстрируют заниженную самооценку, им присущи неадекватные представления о собственной значимости, что может отрицательно сказаться на всей их последующей судьбе. Это объективная закономерность, прослеженная в различных типах многодетных семей, не зависящая от имущественного и образовательного статуса родителей.

Следовательно, государственная поддержка многодетных семей должна представлять комплекс мер социального и экономического характера, обеспечивающих семье и каждому ее члену полноценное функционирование, включающих в себя меры реабилитационного, профилактического и экономического характера. В связи с этим актуальность представленной темы заключается в анализе тех факторов, которые обеспечивают переход многодетной семьи из объекта в полноценный субъект взаимодействия с теми организациями, которые оказывают ей конкретные виды поддержки.

Многодетные семьи в начале века составляли большинство населения России. Они были достаточно распространены во всех слоях общества – от беднейшего крестьянства до дворян. Это обуславливалось традициями, религиозными «предписаниями», культурно-идеологическими позициями. Рождение детей не планировалось, воспринималось как «дар божий», не было контрацептивов, не были распространены аборты. В многодетной семье было легче выжить. В обществе всегда было устойчивое позитивное отношение к ним. Это можно сказать и о бурятских семьях, где также многодетность расценивалась как норма. Дети в семьях, которых происходила утрата родительского попечения, воспитывались родственниками, независимо от числа собственных детей.

В настоящее время картина сильно изменилась, многодетность возникает в основном в трех случаях: 1) сознательная многодетность в семьях, где крепки семейные или религиозно-национальные традиции; 2) рождение общего ребенка при повторном браке отца или матери при наличии других детей. Эта категория многодетной семьи имеет зачатки «неполной» в воспитании детей; 3) неблагополучные многодетные семьи. Чаще всего отмечаются у родителей, ведущих асоциальный образ жизни: алкоголики, безработные, психически неполноценные, где дети часто являются средством получения материальной и натуральной помощи.

В первом и во втором случаях в современных условиях процент возникновения многодетных семей очень низкий. Эти две категории вполне благополучны. Многодетная семья (сознательная многодетность) имеет, как правило, крепкие семейные традиции, четкую внутреннюю структуру, достаточно прочную защиту, традиционно уважительное отношение к старшим. В таких семьях легче решаются проблемы и конфликты, у родителей не бывает одинокой старости. Психологическая атмосфера семьи – взаимопонимание, одинаковое видение проблем и способов их решения обоими супругами.

В основном общество привыкло сталкиваться с третьим случаем возникновения многодетной семьи. В таких семьях родители имеют более низкий образовательный уровень и социальный статус. Многодетность в таких семьях или случайная, или намеренная (из-за получения на детей пособий, льгот), т.е. иждивенческая. В современных условиях эта семья законами поставлена в положение объекта, у которого не выясняют потенциал самостоятельного преодоления возникших трудностей. Отсутствуют ориентация и установка на диалог между такой многодетной семьей и органами социальной защиты по совместному определению предоставления поддержки, что обеспечило бы существенное возрастание потенциала самостоятельного разрешения проблем. Такому взаимодействию в большинстве случаев не учат ни саму семью, ни тех специалистов, которые работают с ней.

При этом большинство этих семей ориентируется на то, что отпускаемые на эту деятельность средства должны постоянно возрастать. Помощь и поддержку они должны получать, независимо от их внутреннего потенциала. Не возникает у них и установки на постоянный поиск внутренних резервов самостоятельного решения проблем материального, психологического и иного порядка. Следовательно, необходимо существенно изменить существующее законодательство и сам порядок взаимодействия с многодетными семьями при оказании им конкретных видов поддержки.

Проблемами многодетных семей могли бы заниматься как социальные службы, так и общественные организации. Попечительские советы, созданные в микрорайонах совместно с социальными работниками, могли бы выявить конкретные нужды каждой многодетной семьи и оказать адресную помощь.

Возникает необходимость специального социологического анализа тех противоречий в осуществлении государственной поддержки, вызывающих социальное иждивенчество в мно-

годетных семьях в условиях полиэтнического региона (на примере Республики Бурятия). Должны приниматься меры, направленные на осуществление эффективной поддержки многодетных семей на основе разработанных планов социальной реабилитации, обеспечивающей восстановление самостоятельности в разрешении возникающих проблем. Кроме того, в связи с появлением новых форм собственности социальной инфраструктуры и изменением менталитета значительной части общества появилась возможность кардинально видоизменить структуру поддержки многодетных семей в целях снижения иждивенчества. Это требует выработки новых подходов к решению вышеуказанных проблем, поиска качественно и структурно новых источников ресурсов и технологий их реализации, а также разработки научных исследований в этой области.

Так, в Республике Бурятия действует закон 1810-III от 06.07.2006 «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия», в котором предусмотрены следующие меры социальной поддержки:

1) ежемесячная денежная выплата на каждого ребенка до достижения им возраста шестнадцати лет (на учащегося общеобразовательного учреждения – до окончания им обучения, но не более чем до достижения им возраста восемнадцати лет) в размере 150 р.;

2) бесплатное обеспечение лекарствами по рецептам врачей для детей из многодетных семей в возрасте до шести лет;

3) первоочередной прием детей в дошкольные образовательные учреждения и учреждения дополнительного образования;

4) первоочередное предоставление льготных путевок в детские оздоровительные лагеря, санатории, детские оздоровительные площадки детям – учащимся общеобразовательных учреждений в возрасте до 15 лет;

5) бесплатное посещение один раз в месяц детьми государственных театров Республики Бурятия;

6) бесплатное и однократное предоставление в собственность для индивидуального жилищного строительства земельных участков многодетным семьям, приемным семьям, имеющим трех и более детей;

7) семьи, в которых одновременно родилось трое и более детей, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на получение меры социальной поддержки в виде предоставления субсидий на приобретение жилых помещений за счет средств республиканского бюджета из расчета 18 м² общей площади жилья на

каждого члена семьи и средней рыночной стоимости одного м² общей площади жилья по Республике Бурятия, устанавливаемой федеральным законодательством;

8) семьи, имеющие пять и более несовершеннолетних детей, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в Республике Бурятия, постоянно проживающие на территории Республики Бурятия, признанные нуждающимися в жилом помещении, имеют право постановки на учет для предоставления жилых помещений по договору социального найма в государственном жилищном фонде Республики Бурятия;

9) семьи, имеющие шесть и более несовершеннолетних детей (в том числе усыновленных), нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на получение единовременной денежной выплаты на приобретение жилых помещений за счет средств республиканского бюджета из расчета 11 м² общей площади жилья на каждого рожденного (усыновленного) ребенка в возрасте до восемнадцати лет и средней рыночной стоимости одного м² общей площади жилья по Республике Бурятия, устанавливаемой федеральным законодательством [2].

В Республике 13 381 многодетная семья, пользующаяся государственной поддержкой [3]. Смогли улучшить свои жилищные условия 36 многодетных семей, и 70 семей стоят в очереди на улучшение. Безусловно, жилищная проблема оказывает огромное влияние на развитие ребенка в многодетной семье. Внутрисемейное отношение в стесненной обстановке приводит к частым конфликтам, что создает напряженную атмосферу, вызывающую у детей тревогу и даже психологический дискомфорт.

Также необходимо отметить наиболее важную проблему многодетных семей – материальную. Ведь не секрет, что с появлением очередного ребенка доходы семьи уменьшаются, т.е. делятся пропорционально на каждого члена семьи. Естественно, все остальные проблемы являются следствием этой, главной.

С 2013 г. в нашей стране появилось новое ежемесячное пособие. Оно выплачивается на третьего и последующего ребенка. Это еще один шаг к тому, чтобы поправить демографическую ситуацию в России. Пособие будет выплачиваться в тех регионах, где не происходит положительной динамики рождаемости.

Размер пособия, или дотации, составит около 7000 р. Данная сумма будет немного отличаться в регионах. Связано это с тем, что размер выплаты должен будет равняться размеру мини-

мального прожиточного минимума каждого региона.

Данное пособие будет выплачиваться, как уже отмечено выше, на каждого третьего и последующего ребенка в течение первых трех лет их жизни, то есть до исполнения ребенком 3 лет. Но наша Республика не попадает под действие этого закона, следовательно эти пособия не будут выплачиваться, так как показатели рождаемости ежегодно увеличиваются в пределах 5-10%.

Численность населения Республики Бурятия по данным Госкомстата России составляет 971 810 чел. Плотность населения – 2,77 чел/км². Численность многодетных семей увеличилась по сравнению с предыдущим годом всего на 7%. И если рассматривать плотность населения, то как раз у нас и наблюдается демографический кризис.

К тому же в Республике Бурятия не действует указ президента Российской Федерации №431 от 05.05.1992 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» по предоставлению скидки не ниже 30% установленной платы за пользование отоплением, водой, канализацией, газом и электроэнергией, а для семей, проживающих в домах, не имеющих центрального отопления – от стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению на данной территории.

Необходимо в нашем регионе усовершенствовать работу по привлечению различных организаций и служб: социальных, правоохранительных, юридических, здравоохранения, образования для помощи многодетной семье в соот-

ветствии с ее нуждами и потребностями. Одновременно социальный работник обязан координировать деятельность всех организаций и служб, чтобы избежать дублирования или недостаточного внимания к отдельной многодетной семье.

Следует отметить, что на сегодняшний день, накопленный практический опыт по организации работы с многодетными семьями пока не нашел своего применения по многим причинам и в первую очередь по материальным.

Литература

1. Девыцына Н.Ф. Семейное воспитание: учебное пособие. – М.: Владос-пресс, 2006. – 325 с.
2. Закон Республики Бурятия от № 1810 –III от 06.07.2006 (ред. от 14.11.2012) «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия». – [Электронный ресурс]. – URL: consultant.ru (дата обращения 25.03.2013).
3. Текущий архив Республиканского государственного учреждения «Центр социальной поддержки населения. – Информация о выполнении мероприятий по реализации Плана действий Правительства Республики Бурятия Республиканским государственным учреждением «Центр социальной поддержки населения» МСЗН Республики Бурятия на 01.03.2013 г.

Уханаева Людмила Иосифовна, аспирант кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: uhanaeval@rambler.ru.

Ukhanaeva Ludmila Iosifovna, postgraduate student, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, e-mail: uhanaeval@rambler.ru.

УДК 004.738.5 – 057.87

В.С. Иванова, А.Н. Древал

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА СТУДЕНЧЕСКУЮ МОЛОДЕЖЬ: ОЦЕНКИ ПЕВОКУРСНИКОВ

На основе анализа результатов опроса студентов рассматриваются основные мотивы их обращения к Интернету, а также представлены их предпочтения относительно опосредованного общения в on-line сетях и их оценки Интернет-зависимости.

Ключевые слова: всемирная паутина, мотивы обращения к Интернету, интернет-зависимость.

V.S. Ivanova, A.N. Dreval

THE INTERNET INFLUENCE ON STUDENTS YOUTH: FRESHMEN EVALUATIONS

Principal motives for students resorting to the Internet are considered basing on the results of their opinion poll, their preferences concerning mediated on-line communication and their evaluation of the Internet dependence.

Key words: World Wide Web, motives for resorting to the Internet, the Internet dependence.

В последнее время ведется много споров о значении Интернета в жизни людей и в частно-

сти тех, кто использует его в практической или учебной деятельности. Особое влияние Интер-

нета связано с жизнедеятельностью такой социальной группы, как студенческая молодежь. Роль Интернета в жизни современного молодого человека трудно переоценить, особенно в получении информации (хотя первоначально цель возникновения Интернета обусловлена созданием надежной разветвленной сети, объединяющей множество компьютеров для госбезопасности).

Еще в конце 1950-х гг. Минобороны США совместно с Агентством по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам (DARPA) предложило ряду крупных американских университетов создать надежную систему передачи информации. Впоследствии благодаря трансатлантическому кабелю были подключены первые организации из Великобритании и Норвегии, что позволило создать международную сеть (это произошло в 1973 г.). Первоначально сеть в основном использовалась для пересылки электронной почты, новостей и объявлений. В конце 1980-х в Европе в ЦЕРНе (Европейский совет по ядерным исследованиям) родилась концепция Всемирной паутины, и уже в 1991 г. она стала общедоступна в Интернете, а с середины 1990-х «паутина» стала основным поставщиком информации в Интернете и почти полностью подменила понятие «Интернет». Всемирная сеть стала частью современной жизни в развитых странах. По данным веб-сайта «Internet World Stats» в середине 2012 г. во всем мире насчитывалось 2406 млн пользователей.

Вышеприведенная историческая справка потребовалась для того, чтобы подчеркнуть многогранность Интернета и как всемирной паутины, и как источника разнообразной информации, который детерминирует современные социальные процессы: коммуникацию, социализацию и социальную мобильность.

Если говорить о ситуации с Интернетом в нашей стране, то Россия занимает шестое место в мире по размеру аудитории пользователей (68 млн), что составляет 48% населения страны. Причем, в 2000 г. российская аудитория пользователей была чуть около 3 млн, т.е. за 12 лет произошло более чем 20-кратное увеличение аудитории пользователей.

По данным аналитической компании «ComScore, Inc.» в сентябре 2011 г. Россия вышла на первое место в Европе по размерам Интернет-аудитории, хотя его распространение в России крайне неравномерно: около 70% в столичных городах (Москве и Санкт-Петербурге) и меньше 30% на периферии (например, в Республике Тыва).

По результатам опроса ВЦИОМ в сентябре 2011 г. 70% самых активных пользователей «всемирной паутины», пользующихся Интернетом ежедневно – это 18-24-летние, т.е. учащаяся молодежь. Необходимость пользования Интернетом как информационным источником, а также важным коммуникативным средством связи неоспорима в современном мире. Но, с другой стороны, специалисты различных сфер: медики, психологи бьют тревогу о различных негативных последствиях. Неконтролируемое использование Интернета может оказать неблагоприятное воздействие на бытовую, учебную, социальную и психологическую сферу жизни молодежи, а также вызвать Интернет-зависимость.

Впервые научный подход к изучению феномена интернет-зависимости использовала Кимберли Янг в конце 1990-х гг., предложив для ее выявления оригинальный тест. В ходе исследования автор выделила несколько типов такой зависимости [1]: пристрастие к виртуальным знакомствам; навязчивая потребность обращения к сети (постоянные покупки, участие в разнообразных обсуждениях на форумах); бесконечные путешествия по сети в поисках информации по базам данных и поисковым сайтам; игровая зависимость – игра в онлайн-игры.

Другой автор – М. Орзак выделил следующие симптомы Интернет-зависимости: эйфория за компьютером и невозможность остановиться; увеличение количества времени, проводимого за компьютером, пренебрежение семьей и друзьями; ложь членам семьи о своей деятельности; проблемы с работой или учебой [2]. Исследователь предлагает следующий перечень физических симптомов Интернет-зависимости: болезнь рук, связанная с длительным напряжением мышц при работе на клавиатуре и с мышкой; сухость в глазах; головная боль по типу мигрени; нерегулярное питание, пропуск приемов пищи; расстройство сна, пренебрежение личной гигиеной.

Таким образом, можно сказать, что помимо позитивных моментов Интернет может приносить негативные последствия не только физического, но и социально-психологического характера. В данной статье предложена попытка ответить на следующие вопросы: каковы основные мотивы обращения к Интернету студенческой молодежи? Как студенты оценивают позитивные и негативные возможности этой формы коммуникации?

Для ответа на поставленные вопросы был проведен в ноябре-декабре 2012 г. анализ ответов студентов гуманитарных специальностей Томского политехнического университета (объем выборки более 100 человек). Основной фокус

внимания был сосредоточен на решении задачи об основных мотивах использования студентами Интернета.

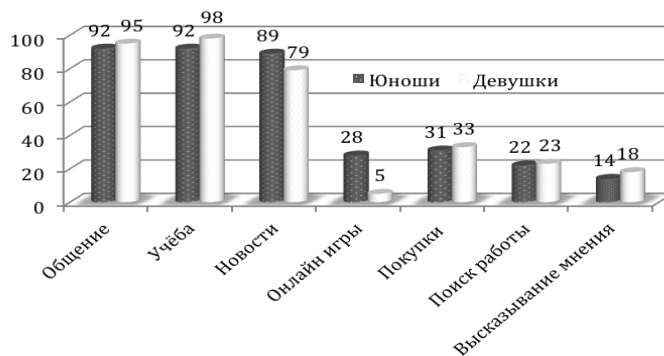
Ученые выделяют несколько мотивов обращения студентов к Интернету как к необходимой форме коммуникации. В одной из работ современных отечественных исследователей предложена развернутая классификация мотивов [3]. Одним из первых основных мотивов является «деловой», когда пользователю нужен Интернет для профессиональной деятельности, для достижения конкретного результата. В нашем случае, использование Интернета для учебной деятельности будет являться «деловым мотивом». Следующим важнейшим мотивом для студенчества является «информационно-познавательный». Здесь речь идет о том, что факт обращения студента к Интернету связан с необходимостью поиска определенных сведений. Неважно ищет он информацию частного (приват-

ного) характера или для учебы, т.к. на этот вопрос трудно ответить однозначно.

Еще одним важнейшим мотивом является общение или «коммуникативный мотив». Для многих студентов это может быть общение со своими родными и близкими, которые находятся в других городах и даже странах. Но, скорее всего, Интернет им нужен для общения с референтной группой: своими друзьями, одноклассниками или просто ищут новых знакомых, находят и вступают с ними во взаимодействие. Это связано с естественной потребностью человека в обмене знаниями, мнениями, эмоциями.

И наконец для молодого человека также важным является мотив самоутверждения. Это касается высказывания собственного мнения, суждения студента и не важно в какой форме: будь то голосование, различные ролевые игры, ведение блога и т.д. Данный мотив позволяет человеку реализовать себя как личность, как гражданина.

Рис. 1

Основные причины обращения к Интернету (в зависимости от пола, в %)

Рисунок 1 позволяет обнаружить следующее: во-первых, четко проявляются три мотива: деловой, коммуникативный, информационно-познавательный, причем независимо от пола респондента, эти мотивы в три-пять раз преобладают над такими причинами, как покупка товара, оплата услуг или поиск работы. Во-вторых, назвать одну определенную причину невозможно: и общение, и учеба в одинаковой степени являются мотивами обращения к Интернету. В-третьих, гендерные различия в мотивах обращения минимальны и касаются только одной причины – игровая деятельность. Так, юноши чаще находятся в онлайн-играх, чем девушки (соответственно, 28 и 5%).

Если выстроить иерархию причин, то деловой мотив (обращение к Интернету в связи с учебой) занимает первое место, на это указало 96% опрошенных по всему контингенту. На втором месте – общение (94%), на третьем – по-

лучение информации (новости, сведения о куражах и т.д. интересуют 82% респондентов). Далее, каждый третий связывает обращение к Интернету с покупками товаров и услуг, каждый пятый – с поиском работы, 17% – для самореализации и только 12% – используют для онлайн-игр. Следует отметить, что на прямой вопрос: как часто вы заходите в онлайн-игры – 70% ответило «не играю», но каждый десятый признался, что каждый день.

Количество респондентов, испытывающих потребность в поиске информации на сайтах Интернета, практически не отличается по гендерному признаку. Так, ежедневно более 80% юношей и девушек реализуют информационную потребность через данную форму коммуникации и лишь 1% опрошенных студенток решил ответить, что они никогда не пользовались Интернетом. Но относительно рекреационного мотива (игрового) расхождения между юношами и де-

вushками имеются: девушки значительно реже (в 2–3 раза) используют Интернет для игр. Они скорее руководствуются мотивами общения – так, 95% предпочитают сидеть в социальных сетях: Одноклассники, ВКонтакте и т.д.

Хотелось бы отдельно рассмотреть влияние такого мотива, как самоутверждение. Самореализация может осуществляться в различных видах деятельности в зависимости от мотивационной структуры человека. Важность его диктуется спецификой объекта исследования, т.к. в качестве него выступили студенты, которые в дипломе об окончании будут иметь запись – менеджер (руководитель), то названный мотив является одним из базовых. Стремление к дальнейшему развитию собственных возможностей формирует мотив развития личности при работе в Интернете, где он разрабатывает новые продукты, высказывается в телеконференциях, создает новые ресурсы. Но деятельность не только

руководителя должна носить достижительный характер, но и сам паттерн поведения студента напрямую зависит от состоятельности, самореализации и самозначимости. В реальности данные опроса свидетельствуют о том, что этот мотив занимает в иерархии причин обращения к Интернету по всему контингенту опрошенных предпоследнее место, а для юношей – последнее (рис. 1).

Для того, чтобы ответить на один из важных вопросов исследования о полезности Интернета, необходимо рассмотреть несколько частных моментов во взаимодействии связи «Интернет-студент». Одним из любопытных фактов является то, что возраст первоначального обращения ко всемирной паутине очень ранний, причем преобладают представители сильного пола: каждый пятый опрошенный юноша уверен, что стал пользоваться с 6-7 лет, а в группе девушек минимальный возраст – 9-10 лет (табл.1).

Таблица 1

Возраст первого обращения к Интернету (в зависимости от пола, в %)

	6-7 лет	9-10 лет	11-12 лет	13-14 лет	15-16 лет
Юноши	22	11	22	20	25
Девушки	0	5	27	48	20

Начав свое знакомство с Интернетом, подросток не мыслит себя без всемирной паутины (табл. 2). В целом 8% опрошенных студентов отдают все свободное время Интернету, почти каждый второй – пользуется Интернетом более 3-х часов в день, причем девушек в этой группе в полтора раза больше, чем юношей (46 и 30%

соответственно). Каждый пятый респондент независимо от пола проводит в Интернете 2–3 часа в день и только 2% – утверждают, что пользуются Интернетом очень редко. Таким образом, каждодневное пользование Интернетом для разных целей – это повседневные практики для современного студента.

Таблица 2

Ежедневные временные затраты на Интернет (в зависимости от пола, в %)

	Очень редко	1-2 часа в день	2-3 часа в день	Более 3-х часов в день	Все свободное время
Юноши	3	39	22	30	6
Девушки	1	21	23	46	9

Хотя на вопрос о том, мог бы студент обойтись без Интернета, каждый десятый опрошенный утверждает, что смог бы обходиться несколько месяцев; по самооценке каждый третий прожил бы без всемирной паутины месяц, но так ли на самом деле трудно сказать.

Одной из задач исследования было выявить степень предпочтения современной молодежью виртуального общения непосредственным видам взаимодействия. Данный вопрос давно интересует и западных исследователей. Компания «Cisco» опубликовала результаты опроса студентов колледжей и молодых специалистов,

проведенного в 14 странах (Австралии, Бразилии, Великобритании, Германии, Индии, Испании, Италии, Канаде, Китае, Мексике, России, США, Франции и Японии) и показавшего растущую роль компьютерных сетей в жизни людей [4].

По результатам международного исследования, каждый третий студент колледжа считает Интернет важнейшей для человека потребностью наравне с воздухом, водой, едой и жильем. Более половины (55%) опрошенных студентов считают Интернет неотъемлемой частью своей жизни. Если бы был поставлен выбор – автомо-

биль или Интернет, то две трети (64%) выбрали бы Интернет. Значительная часть (40%) опрошенных заявили, что Интернет для них важнее встреч с друзьями и увлечения музыкой. По результатам опроса, было сформулировано утверждение о том, что если предыдущее поколение предпочитало личное общение, то современное студенчество более склонно к общению в режиме онлайн, а каждый третий опрошенный считает взаимодействие через социальную сеть более ценным, чем свидания, вечеринки, музыка и прогулки с друзьями. Таким образом, основной вывод международного исследования следующий: «Образ жизни молодых людей, их технологические ожидания, их отношение к информационному доступу – все это меняет саму природу коммуникаций в мировом масштабе» [5].

Какую форму общения предпочитают студенты Томского политехнического университета? Одной из социальных потребностей студента является необходимость в аффилиации. Это проявляется через тяготение молодого человека принадлежать к определенной группе, разделять их ценности, следовать им, занимать место в структуре группы через общение. Две трети респондентов (независимо от пола) высказались как за непосредственное, так и за опосредованное общение и лишь для 5% опрошенных девушек предпочтительным является опосредованное общение. На прямой вопрос: нравится ли вам общаться через Интернет – 53% респондентов ответило утвердительно, каждый третий сказал, что относиться к такому факту безразлично

и только 5% указали, что им не нравится общаться посредством Интернета. Причем девушки значительно чаще предпочитают опосредованную форму общения, а юноши в 2,5 раза более безразлично относятся к выбору форм общения.

Что конкретно может привлекать современного студента в Интернет-общении? По оценкам самих респондентов прежде всего удобство и быстрота (44%), возможность общаться через расстояние (35%), и только 2% респондентов настаивают на том, что их привлекает анонимность общения, 12% – ответили, что им не нравится общаться посредством Интернета. В зависимости от пола расхождения касаются лишь такой характеристики, как удобство и практичность: юноши почти в два раза чаще указывают на данную характеристику. Таким образом, основным мотивом опосредованного общения является практичность и доступность данного вида коммуникации, а также пространственная независимость.

В связи с формами коммуникаций абсолютному большинству студентов приходилось знакомиться через Интернет, различие по гендерному признаку несущественное: девушки на 10% чаще, чем юноши, высказывают утвердительное мнение по поводу знакомства в режиме онлайн (87 и 78% соответственно). Ко всему прочему, среди тех, кто познакомился посредством Интернета, в большинстве случаев (75%) продолжается не просто общение, но и завязываются приятельские и дружеские отношения.

Рис. 2

Физические неудобства при работе за компьютером (в % по группам)

Итак, опрошенные студенты подтверждают позитивные функции Интернета, но один из фокусов внимания обследования был связан с оценками и осознанием учащейся молодежи негативных проявлений данного вида коммуникации. На вопрос, считают ли они Интернет негативным явлением, больше половины (57%) ответило отрицательно, каждый третий – согла-

сился с данным утверждением, пояснив свой ответ следующими высказываниями: «появляется зависимость», «находишься в Интернете больше времени, чем планировал», «снижается реальное общение» и т.д. На отрицательных моментах чаще настаивают девушки, чем юноши (соответственно 34 и 19%).

Больше половины (63%) по всему контингенту опрошенных студентов обращают внимание на боли глаз. Надо отметить, что по данным Всемирной организации здравоохранения, зрение – это первое, что страдает от Интернет-зависимости. Человеческое зрение мало приспособлено к работе с компьютерным изображением, т.к. мелкая вибрация текста и мерцание экрана перегружает мышцы глаз, начинает развиваться «синдром сухого глаза» и в результате появляются усталость, светобоязнь, раздражение и т.д.

На втором месте сложности с опорно-двигательным аппаратом (боли в спине, руках и т.д.). Это обусловлено статичностью позы пользователя компьютером, что приводит к длительной нагрузке на одни мышцы и отсутствию нагрузки на другие и как следствие деградация мышц, нарушение обмена веществ в позвоночнике и в итоге – остеохондроз, а он, в свою очередь, провоцирует боли в голове, конечностях и внутренних органах. Это особенно опасно в юношеском возрасте – отсутствие общей двигательной активности приводит к нарушению об-

щего обмена веществ, плохой осанке, вредит внутренним органам – появляются болевые ощущения, создаются условия для воспалительных процессов, падает иммунологическая активность.

Оценки участников нашего опроса о негативном влиянии Интернета на их здоровье полностью совпадают с результатами медицинских исследований – это свидетельствует о достоверности данных исследования.

И наконец, ключевой задачей исследования было выявление самооценок респондентов относительно их зависимости от Интернета. На вопрос: считают ли они себя интернет-зависимыми – почти каждый третий респондент ответил утвердительно. Хотя в зависимости от пола есть расхождения: девушки в два раза чаще, чем юноши чувствуют зависимость от Интернета (32 и 17% соответственно). Но симптоматичным является то, что каждый пятый затруднился ответить на этот вопрос, что свидетельствует об отсутствии рефлексии, раздумий респондентов по поводу негативных проявлений Интернета (табл. 3).

Таблица 3

Самооценка респондентов относительно Интернет-зависимости (в % по группам)

	Считаю себя Интернет-зависимым	Не считаю себя Интернет-зависимым	Затрудняюсь ответить
Юноши	17	61	22
Девушки	32	47	21

Таким образом, на основе анализа результатов исследования можно сделать несколько предварительных выводов. 1. Интернет является безусловным рабочим инструментом и колоссальным источником информации для современного студента-первокурсника, в мотивационной структуре которого наиболее важным является деловой и коммуникативный мотивы; 2. Студенты выбирают общение посредством Интернета, но и общение непосредственное для двух третей опрошенных является более предпочтительным. Они используют онлайн коммуникацию потому, что это быстро и удобно; 3. Каждый третий опрошенный студент осознает негативные воздействия Интернета, которые по оценкам самих респондентов проявляются, с одной стороны, в физической симптоматике интернет-зависимости, а с другой – в навязчивой потребности находиться в сетях без всякой определенной цели. В заключение можно сказать, что современный студент, регулярно использующий коммуникативные интернет-сети, не обладает развитой культурой потребления сети,

что возможно и обуславливает негативные проявления Интернет-зависимости.

Литература

1. Бузова В.А. Интернет зависимость в медицинской парадигме // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития: сб. стат. / под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Акрополь, 2009. – С. 152-164.
2. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Что мы знаем об интернет-аддикции? // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития: сб. стат. / под ред. А.Е. Войскунского. – М.: Акрополь, 2009. – С. 70-90.
3. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Психологическое исследование мотивации пользователей интернета // Материалы 2-ой Российской конференции по экологической психологии, Москва, 12-14 апреля 2000 г. – М.: Эксплицентр РОСС, 2000 – С. 245-246.
4. Report 2010. Cisco Connected World Technology Report. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cisco.com/en/US/netsol/ns1120/index.html#~2010>. (дата обращения 12.03.2013).
5. Эпоха Всеобъемлющего Интернета уже наступила. Блог Мари Хаттар (Marie Hattar), вице-президента компании «Cisco» по маркетингу продуктов и технологий для корпоративного сектора. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cisco.com/web/UA/about/news/2013/02/02142013d.html>. (дата обращения: 12.03.2013).

Иванова Вера Степановна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, психологии и права Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета, г. Томск, e-mail: VCsoc@rambler.ru.

Древал Анатолий Николаевич, кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета, г. Томск, e-mail: Dreval@tpu.ru.

Ivanova Vera Stepanovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of sociology, psychology and law, Institute of Social and Humanitarian Technologies, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail: VCsoc@rambler.ru.

Dreval Anatoly Nikolaevich, candidate of technical sciences, associate professor, department of management, Institute of Social and Humanitarian Technologies, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, e-mail: Dreval@tpu.ru.

УДК 316.354

Т.Б. Баирова

ЗАВИСИМОСТЬ КАДРОВОГО ПОПОЛНЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Изучены понятия профессионального психологического отбора, профессиональной психологической пригодности, «группы риска». Установлена связь между изменениями в социально-экономической сфере общества и качественном пополнении органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор, психодиагностические методы, комплексное психодиагностическое обследование, «краткий отборочный тест», профессиональная психологическая пригодность, «группа риска».

T.B. Bairova

DEPENDENCE OF PERSONNEL RECRUITMENT OF THE MINISTRY OF HOME AFFAIRS FROM THE SOCIO-ECONOMIC TRENDS IN SOCIETY

The concepts of professional psychological selection, professional psychological fitness, «group at risk» have been studied. The relation between changes in the socio-economic sphere of society and qualitative completion of the ministry of home affairs has been determined.

Key words: professional psychological selection, psychodiagnostic methods, comprehensive psychodiagnostic examination, «short qualifying test» professional psychological fitness, «group at risk».

В рассматриваемый нами период с 1998 г. по 2012 г. органы внутренних дел переживали вместе со всей страной сложные этапы развития. Кадровый состав органов внутренних дел всегда пополняется за счет основного населения, поэтому при рассмотрении этого вопроса необходимо остановиться на некоторых социально-демографических, экономических и психологических тенденциях в нашем обществе.

Одним из важных моментов данного периода явилась миграция молодого поколения из Республики Бурятия в центральную часть России, а также из сельских районов Республики Бурятия в г. Улан-Удэ. Это отразилось на пополнении подразделений органов внутренних дел, особенно районных.

Наиболее сложной проблемой в данный период стал рост алкоголизма и наркомании, снижение моральных устоев общества. Все это негативным образом сказывается на качественных характеристиках пополнения органов внутренних дел.

По данным Республиканского медицинского информационно-аналитического центра Министерства здравоохранения Республики Бурятия за 2005 г. первое место по неблагополучию занимала психическая патология населения. Зарегистрированное число случаев психических заболеваний населения в Республике Бурятия было в 3 раза выше, чем в Российской Федерации и в 2 раза выше, чем по Сибирскому федеральному округу. В реальных показателях на 100 тыс. населения: в Республике Бурятия – 202,7 чел.; в Сибирском федеральном округе – 96,7 чел., в среднем по Российской Федерации – 67,4 чел.

Особенно неблагополучное положение сложилось среди молодого поколения жителей Бурятии 18-19 лет, будущих претендентов на службу. Также необходимо отметить высокий уровень психических заболеваний в данный период в возрастной группе 20-39-летних людей, являющихся потенциальными кандидатами для поступления на службу в органы внутренних дел.

Процесс комплектования органов внутренних дел республики был сопряжен с большими трудностями в связи с качеством трудовых ресурсов, что подтверждалось результатами тестов.

Одновременно с проблемами в обществе на качество пополнения органов внутренних дел влиял низкий уровень заработной платы сотрудников, тяжелые условия службы и постоянные командировки в Северо-Кавказский регион для решения служебно-боевых задач. Данные проблемы привели к падению престижа службы в органах внутренних дел.

В 2000-х гг. среди поступающих на службу особенно много было молодых людей, которые отслужили в «горячих точках». С одной стороны это люди, имеющие опыт службы в экстремальных условиях, с другой, – именно у этой группы людей была большая вероятность развития отклоняющегося поведения, в том числе и на фоне посттравматического стрессового расстройства.

В этих условиях особую значимость приобретает необходимость повышения качества отбора с целью предотвращения профессиональной деформации, развития асоциального поведения, роста суицидов, злоупотребления служебным положением и других негативных проявлений среди сотрудников.

Однако исследование индивидуальных качеств и улучшение возможностей отбора пополнения может быть эффективным только в случае превышения числа кандидатов на службу над числом вакансий [3, с. 8]. В период с 1998 по 2010 гг. это условие не выполнялось. Отбор в органы внутренних дел в тот период был более похож на набор, хотя и в тех условиях выбирались наиболее подходящие к службе молодые люди. Но в данной обстановке качество пополнения было не достаточно высоким, поэтому с 1998 г. по 2010 г. к работе органов внутренних дел было много замечаний и претензий. Возможно, это было одной из причин для принятия решения о реформировании органов внутренних дел Российской Федерации.

От качества отбора зависит эффективность профессиональной деятельности сотрудников.

С целью профессионального психологического отбора в Центре психофизиологической диагностики медико-санитарной части МВД по Республике Бурятия проводятся комплексные психодиагностические обследования с использованием основных и дополнительных методов.

Профессиональный психологический отбор – это процесс выбора людей с определенными профессионально значимыми психологическими качествами к различным видам деятельности на

основании применения определенных методов профессиональной психодиагностики, различных организационных и практических мероприятий, которые позволяют давать дифференцированную оценку как общих, так и специальных способностей, качеств личности с целью прогнозирования успешности обследуемого в выбранной области [2, с. 7].

К основным психодиагностическим методам относятся: краткий отборочный тест, стандартизированный метод исследования личности Л.Н. Собчик, тест цветовых выборов М. Люшера. Данные тесты применяются при групповом обследовании с целью получения стандартизированных данных о психологических особенностях личности. По завершению тестирования проводится индивидуальное собеседование, в ходе которого применяются нетестовые методы изучения личности (анализ документов, методы наблюдения и структурированной беседы).

Для изучения интеллектуальной сферы применяется тест Е.Ф. Вандерлика, переведенный и адаптированный В.Н. Бузиным. Тест распространен под названием «Краткий отборочный тест» (КОТ). В органах внутренних дел данный тест начал использоваться с 1996 г. КОТ позволяет в сжатые сроки провести скрининг у большого количества лиц. Он прост и удобен в обработке. Методика относится к тестам «общего интеллекта» и используется для выявления интегрального показателя «общего уровня интеллектуального развития и способности к обучению». Под обучением понимается познавательная активность человека и его возможности по усвоению новых знаний, умений, навыков. Одной из задач методики является выявление лиц с высокой степенью обучаемости, у которых быстро формируются специальные навыки и умения при овладении новой профессией, а также при изменении и усложнении условий деятельности.

КОТ состоит из 50 заданий на решение арифметических задач, установление аналогий, понимание пословиц и поговорок, силлогические операции, задачи на устойчивость внимания и пространственное мышление. Тест имеет интегральный показатель «общие способности» и 5 показателей по субшкалам для оценки отдельных параметров:

- способность к обобщению и анализу информации;
- пространственное мышление;
- устойчивость мыслительной деятельности
- наличие или отсутствие эмоциональной деструкции;
- гибкость мыслительных процессов;

– внимание [1, с. 7].

Оценка индивидуального показателя производится путем определения величины отклонения показателя конкретного испытуемого от среднестатистического показателя однородной с ним (по полу, возрасту и образованию) группы. Такой анализ позволяет осуществить отсев кандидатов с интеллектуальной недостаточностью и провести профессиональную ориентацию кандидатов к той или иной деятельности.

Уровень интеллекта является одним из многих факторов, определяющих успешность сотрудника правоохранительных органов, но заключительный вывод о профессиональной пригодности кандидата на службу необходимо делать на основании результатов комплексного психологического обследования с применением дополнительных методов.

После проведения комплексного психодиагностического обследования выносятся решение о пригодности кандидата к предполагаемой деятельности.

Согласно методическим рекомендациям «Методика организации профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и учебу в образовательные учреждения МВД России, а также сотрудников органов, подразделений, учреждений системы МВД России при перемещении по службе» под профессиональной психологической пригодностью понимается

определение соответствия когнитивных способностей и индивидуально-психологических особенностей личности (биологических, психологических, психофизиологических, социальных) с требованиями профессии или групп профессий при профессиональном психологическом отборе [2, с. 7].

Выводы профессиональной психологической пригодности:

1. Рекомендован в первую очередь (полностью соответствует предполагаемой должности);
2. Рекомендован (в основном соответствует предполагаемой должности);
3. Рекомендован условно (минимально соответствует предполагаемой должности);
4. Не рекомендован (не соответствует предполагаемой должности) [2, с. 24].

Выводы «рекомендован условно» и «не рекомендован» выносятся на основании группы риска, которая выставляется кандидату по результатам психодиагностического обследования.

Под «группой риска» мы понимаем принадлежность к такой категории лиц, у которых наследственные факторы, особенности развития и воспитания, личностные и функциональные составляющие определяют повышенную вероятность возникновения состояний дезадаптации и нервно-психических и психосоматических заболеваний, а также девиантного поведения, приводящих к снижению эффективности служебной деятельности [3, с. 157].

Таблица 1

Мужчины со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием (средние баллы по возрастным категориям)

	15-20 лет	21-25 лет	26-30 лет	31-35 лет	Свыше 35 лет
Нормативы ГЦПД	17	16	15	14	13
РБ, 1998 г.	15,68	14	14	14	13
РБ, 2005 г.	17,34	13,49	12,25	15,2	12,75
РБ, 2012 г.	17,7	17,8	14,1	14,8	13,1

Таблица 2

Мужчины с высшим образованием (средние баллы по возрастным категориям)

	21-25 лет	26-30 лет	31-35 лет	Свыше 35 лет
Нормативы ГЦПД	23	22	21	20
РБ, 1998 г.	18	19	18	16
РБ, 2005 г.	18,10	16,96	17,35	18
РБ, 2012 г.	19,4	20,9	22,4	23,7

При анализе «групп риска» было выявлено, что во всех категориях профессионального психологического отбора (кандидаты на службу, поступающие в учебные заведения, сотрудники при перемещении) на третьем месте по ранжированию стоял фактор «социально-педагогическая запущенность: низкий уровень общеобразовательных знаний; узкий круг инте-

ресов; скудный словарный запас, невысокий понятийный уровень; низкий уровень процессов обобщения, синтеза.

Данная проблема не нова и мы начали ею заниматься в 1998 г. На тот момент было зафиксировано, что результаты по интеллектуальному тесту КОТ в Республике Бурятия ниже по сравнению с нормативами Главного центра психо-

физиологической диагностики МСЦ МВД России.

В 1998 г. были проанализированы результаты теста КОТ у 1034 чел., в 2005 г. у 1424 чел. и в 2012 г. у 1267 чел.

По результатам проведенных исследований можно сделать следующие обобщения.

Снижение результатов по интеллектуальному тесту КОТ мы начали наблюдать с 1998 г. у 15-20-летних и 21-25-летних мужчин со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием (таблица 1). По нашему мнению, данная тенденция связана с социально-экономической обстановкой в стране в период с 1985 по 1998 гг. Именно на этот этап пришлось становление и развитие данной категории людей. В связи с развалом заводов и предприятий потеряло актуальность получение образования. В это нестабильное время проходила реорганизация системы образования и массовый отток педагогических кадров из школ и других образовательных учреждений [5, с. 95].

В 2005 г., т.е. через 7 лет после проведенных в 1998 г. исследований, поколение 15-20-летних (в 1998 г.) перешло в категорию 21-25-летних и 26-30-летних мужчин со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием (в 2005 г., таблица 1), а также, если они окончили высшие учебные заведения, в категорию мужчин с высшим образованием 26-30 лет (в 2005 г., таблица 2). Во всех этих категориях мы наблюдаем снижение результатов обследований по тесту КОТ, что подтверждает наши предположения по поводу развития данного поколения молодых людей.

Наблюдается резкое отличие в результатах у мужчин с высшим образованием по всем категориям обследованных в 1998 г. и в 2005 г. с нормативами Главного центра психофизиологической диагностики Медико-санитарного центра МВД России – ГЦПД (разница составила 4-5 баллов, таблица 2). Возможно, это связано с особенностями региона (отдаленность, высокий уровень развития психических заболеваний в Республике Бурятия по сравнению со среднестатистическими показателями по России и т.д.).

В период времени с 1985 по 1998 гг. наблюдалось снижение престижа высшего образования (специалисты с высшим образованием оказывались невостребованными, уровень заработной платы представителей коммерции был значительно выше, чем у других профессий), что сказалось на мотивации получения знаний и, как нам кажется, повлияло на низкие показатели результата теста КОТ у мужчин с высшим обра-

зованием в возрастных группах 26-30 лет и 31-35 лет в 2005 г. (таблица 2) [4, с. 161].

В исследованиях 2012 г. наблюдаются низкие результаты у 26-30-летних мужчин со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием (таблица 1). Данные показатели являются продолжением показателей у категорий 15-20-летних и 21-25-летних мужчин со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием в 1998 г. (таблица 1) и 21-25-летних мужчин со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием в 2005 г. (таблица 1). Мы наблюдаем перемещение поколения, о котором говорилось выше.

Мужчины 26-30 лет, которые окончили высшие учебные заведения, и принадлежащие вышеуказанному поколению, показали то же невысокие результаты по интеллектуальному тесту в 2012 г. (таблица 2).

В 2005 г. результаты у 15-20-летних мужчин со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием были достаточно высокими в отличие от других категорий (таблица 1). В 2012 г. в категории 21-25-летних эти результаты подтверждаются, что дает оптимистический прогноз по интеллектуальной подготовленности данного поколения (таблица 1).

По нормативам ГЦПД, разница в результатах между высшим и средним, средне-специальным и средне-техническим образованием составляет 6-7 баллов (таблицы 1 и 2). Настораживает тот факт, что в категории 21-25-летних в 2012 г. (соответственно 19,4 баллов у мужчин с высшим образованием и 17,8 баллов у мужчин со средним, средне-специальным и средне-техническим образованием) разница составила всего 1,6 балла, что, возможно, является показателем низкого уровня подготовки специалистов в высших учебных заведениях, особенно в различных филиалах по заочной или дистанционной формам обучения.

В настоящем исследовании мы хотели показать влияние социально-экономических факторов на развитие и формирование целых возрастных групп. Конечно, нас больше интересует качественное пополнение личного состава органов внутренних дел, в котором интеллектуальные показатели являются одними из основных, так как от них напрямую зависит овладение и развитие профессиональных качеств и навыков будущих сотрудников полиции.

Литература

1. Краткий отборочный тест для оценки уровня интеллекта кандидатов на службу в органы внутренних дел и

учебу в образовательные учреждения МВД России: методические рекомендации. – М.: изд-во МЦ при ГУК МВД России, 1997. – 32 с.

2. Методика организации профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и учебу в образовательные учреждения МВД России, а также сотрудников органов, подразделений, учреждений системы МВД России при перемещении по службе: методические рекомендации / Н.И. Мягких и др. – М, 2009.

3. Мягких Н.И. Генезис профессионального психологического отбора в органах внутренних дел Российской Федерации (концептуальные подходы, принципы, критерии, технологии): монография / под ред. В.Я. Кикотя. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. – 200 с.

4. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: сб. – М.: ЦИиНМОКП МВД России, 2000. – 372 с.

5. Роль правоохранительных органов в современном обществе: проблемы научно-практического обеспечения: материалы XI Международной науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Чернова, М.В. Малошик. – Улан-Удэ: изд-во Востсиб. гос. акад. культуры и искусств, 2007. – 183 с.

Баирова Туяна Балдановна, аспирант кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: tuy-nabbb@yandex.ru.

Bairova Tuyana Baldanovna, postgraduate student, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: tuy-nabbb@yandex.ru.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001:316.3

Д.Ц. Будаева, Е.Ю. Черкун

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проведен анализ важных элементов политической культуры – электорального поведения и электоральной культуры, а также выявлены тенденции изменения электоральной активности избирателей.

Ключевые слова: политическая культура, электоральное поведение, электоральные предпочтения, явка избирателей на выборы.

D.Ts. Budaeva, E.Yu. Cherkun

ELECTORAL BEHAVIOR AND ELECTORAL PREFERENCES AS ELEMENTS OF POLITICAL CULTURE

The article is devoted to the analysis of important elements of political culture – electoral behavior and electoral culture, and also identification of change tendencies of voter's electoral activity.

Key words: political culture, electoral behavior, electoral preferences, voter's appearance to elections.

Термин «политическая культура» впервые ввел в научный оборот в 1784 г. немецкий ученый И.Г. Гердер [1]. В дальнейшем данное понятие активно использовалось многими мыслителями зарубежных стран: М. Вебером, О. Шпенглером и другими. В российскую науку данное понятие было введено В. Герье еще в 70-е гг. XIX в. Однако, «несмотря на то что исследователи продолжительное время и достаточно активно разрабатывают проблемы политической культуры, к сожалению, до сих пор нет единой трактовки содержания самого понятия «политическая культура», ее компонентов, функций. В современной литературе насчитывается более 40 определений данного феномена» [2].

В отечественной литературе наметились три теоретико-методологических подхода к анализу понятия «политическая культура».

Во-первых, марксистский подход, введенный в отечественную науку В.И. Лениным. В рамках подхода концептуальные основания понимания феномена «политическая культура» составляли такие важнейшие положения марксистской теории, как материалистическое понимание истории, вывод об определяющей роли материального производства, видение общества как системной целостности, учение о классовой борьбе и революционном преобразовании общества.

Марксистская традиция анализа политической культуры базировалась на том, что каждая общественно-экономическая формация имеет соответствующую ей политическую культуру.

Доказывалось, «что если в буржуазном обществе политика выполняет функцию общественного регулирования, выдавая частные интересы за всеобщие, то социалистическая политика регулирует общественную жизнь через подчинение частных интересов всеобщим. Поэтому политическая культура нового общества предполагает наличие и развитие демократических прав и свобод, т.е. максимально полное развитие демократии рассматривалось по крайней мере в теории, как необходимая предпосылка развития политической культуры социализма в целом» [3, с. 68].

Во-вторых, интерпретативный подход к определению понятия «политическая культура». Отличительной чертой интерпретативных методов исследования политической культуры является поиск смыслов политической жизни, раскрытие качественных аспектов политики, базирующихся на индуктивных методах и социальных идеях. В качестве ключевых понятий категории «политическая культура» выступают символы и смыслы. В рамках этого подхода используются приемы, предложенные для изучения культуры и проблем структурной антропологии известным ученым-антропологом К. Гирцем [4]. По мнению сторонников интерпретативного подхода, «предметом политической культуры должны быть не быстро меняющиеся психологические установки, а фундаментальные представления, лежащие в их основе. Другими словами, общий, интегральный смысл политической культуры состоит не в выяснении того, на-

пример, справедливым ли является правительство. Речь должна идти о политической жизни в целом, начиная от смысла социального существования к общим социальным приоритетам и завершая актуальными вопросами политики» [3, с. 79].

В-третьих, в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. в западной науке появилась поведенческая трактовка «политической культуры». Она была обоснована известным представителем структурно-функциональной школы, американским ученым Г. Алмондом. Он писал, что «каждая политическая система является укорененной в конкретной совокупности ориентации на политическое действие... отношений в политике. Представляется целесообразным рассматривать это как политическую культуру» [5]. Как видим, Г. Алмонд политическую культуру рассматривал как совокупность явных и латентных ориентаций на политическое действие, отражающую специфику каждой политической системы.

Поведенческая трактовка, предложенная Г. Алмондом в его статье, рассматривалась в контексте анализа политической системы в целом. Политическая система, по мнению Г. Алмонда, является двухуровневой: институциональной и ориентационной. На первом уровне формируется реальная структура общества, на втором – особые формы ориентации на соответствующие структуры, прямо связанные с политической культурой. Эти формы ориентации объединяются в три типа:

- 1) познавательные (знания о политической системе, о роли ее носителей и т.д.);
- 2) эмоциональные (чувства, испытываемые к этой системе, ее функционированию, а также к тем, кто ее олицетворяет);
- 3) оценочные (представления и суждения о политических объектах, опирающиеся на ценностные стандарты и критерии в сочетании с информацией и эмоциями) [6].

Польский ученый А. Боднер, дополняя сущность определения политической культуры, утверждает, что политическая культура – это, с одной стороны, совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников политической системы. С другой стороны – субъективная сфера, лежащая в основе электорального поведения и соединяющая в себе несколько элементов: познавательную ориентацию – истинное или ложное знание о политических объектах и идеях, в том числе о партиях и кандидатах; аффективную ориентацию – ощущение связи, вовлечения, противодействия и т.д. по отношению к политическим объектам; оценочную ориентацию – су-

ждение и мнение об избирательном процессе как элементе политического процесса [8].

Данное определение подчеркивает ориентацию на изучение субъективного контекста политики. С операциональной точки зрения это является весьма предпочтительным, т.к. субъективные представления и ориентации поддаются наблюдению методами прикладной политологии, что позволяет достаточно эффективно и в динамике изучать электоральные предпочтения населения.

При классификации объектов ориентаций выделяют политическую систему как целое и три ее функционально-структурных компонента, к которым относятся:

- 1) функции системы и ее институты (законодательные, исполнительные и судебные);
- 2) носители функций (монарх, президент, депутат, министр и т.д.);
- 3) направления государственной политики, политические решения, правительственные программы.

Ориентации различаются и в зависимости от того, связаны ли они с «входом» в политическую систему или с «выходом» из нее. Под «входом» понимается коммуникация (и как процесс, и как совокупность институтов) между обществом и центрами политической системы, где принимаются решения. Иначе говоря, на входе при посредничестве партий, групп интересов, выборов и т.п. начинается трансформация требований общества и политических решений. На выходе мы имеем результат политического процесса (решения, принятые парламентом, правительством, судом, другими органами власти и одновременно институциональный способ контроля над обществом).

По нашему мнению, электоральные предпочтения населения, будучи составной частью политической культуры, также имеют особые формы ориентации, которые непосредственно связаны с ценностями, верованиями, установками и предпочтениями, проявляемыми на тех или иных выборах. Эти формы ориентации объединяются в три типа: познавательные (знания о направлениях развития страны, об избирательном законодательстве, о роли выборных должностей и т. д.); эмоциональные (чувства, испытываемые к направлениям политической системы и, соответственно, к политическим партиям, ее кандидатам и др.); оценочные (представления и суждения о партиях, кандидатах, опирающиеся на ценностные стандарты и критерии в сочетании с информацией и эмоциями).

Электоральные предпочтения в первую очередь связаны со «входом» в избирательную сис-

тему. При входе под влиянием программ, тезисов кандидатов, партий, групп поддержки и т.п. формируются типы электоральных предпочтений, базирующиеся на системе ценностей индивидов, социальных и этнических групп, которые оказывают влияние на принятие решений по поддержке того или иного кандидата и той или иной партии. При выходе из избирательной системы подтверждаются итоги реализации политических решений.

Электоральные предпочтения включают в себя знания о кандидатах, партиях, их программах, а также ценности, эмоции и ориентации, которыми объясняется электоральное поведение людей до выборов и на выборах непосредственно. Иными словами, электоральные предпочтения населения включают только те ориентации, которые определяют позиции граждан, социальных и этнических общностей в избирательном процессе.

Сравнив понятия «культура», «политическая культура» и «электоральные предпочтения», можно заметить, что наиболее общей категорией является «культура». Так, если культура (в самом общем смысле слова) – это элемент общественной жизни, а политическая культура – элемент политических процессов, то электоральные предпочтения – элемент избирательных кампаний, выборов и электоральных процессов.

Их особенность в отличие от политической культуры заключается в том, что их наличие в каждом конкретном социуме совсем необязательно.

Электоральные предпочтения появляются и развиваются только в том обществе, где существует народное представительство во власти, признаются демократические выборы и развиваются избирательные кампании. Демократические выборы, породившие феномен электоральных предпочтений, относятся к категории субъективного политического творчества, хотя и вызванного объективной необходимостью демократизации управления многосложного и неоднородного общества.

Электоральные предпочтения – это как бы пульсирующая часть политической культуры общества. В течение длительного времени они находятся в спящем состоянии и актуализируются в периоды избирательных кампаний.

Сопоставляя понятия «электоральное поведение» и «электоральное предпочтение», необходимо отметить, что поведение – это образ действий, сформированный в процессе взаимодействия живых существ с окружающей природной средой [9], а электоральное поведение – это образ действий электората, в основе которо-

го лежат электоральные предпочтения. По своей сути электоральное поведение населения фиксирует связь индивида с существующей сферой политики, демонстрирует включенность индивида в избирательный процесс, а электоральные предпочтения отражают совокупность социально-политических ценностей и представлений о власти, кандидатах, партиях и моделях политического устройства общества.

Большинство отечественных и зарубежных ученых начинают исследование образа действий электората с анализа показателя, поддающегося регистрации, а именно, с анализа явки избирателей, активности голосования.

Голосование – это акт социально-политического действия, которое бывает двух видов. Во-первых, автономное участие в качестве сознательной активной деятельности граждан, более или менее непосредственной целью которой является влияние на позицию и деятельность избираемых электоратом политиков. Этот вид участия распространен, прежде всего, в странах демократической ориентации. Во-вторых, мобилизационное участие – вынужденное действие, когда участие в социально-политических процессах зависит от неполитических стимулов (например, от фактора страха). Мобилизационное участие в социально-политических процессах характерно для традиционных обществ и в основном для тоталитарных политических режимов.

Рассмотрим далее особенности проведения выборов с учетом специфики нашей страны.

Первыми относительно свободными выборами в современной России были выборы народных депутатов СССР, состоявшиеся 26 марта 1989 г. До этого времени в течение многих десятилетий проводились «выборы без выбора», с добровольно-принудительным участием избирателей и применением определенных мер к лицам, не голосовавшим за единственного кандидата от нерушимого блока коммунистов и беспартийных. В условиях существования этого варианта голосования явка избирателей составляла примерно 98,9%-99,9%.

Инициатива М.С. Горбачева, начатая в 1988 г. и направленная на проведение альтернативных выборов, произвела настоящий фурор в обществе, т.к. у избирателей не было опыта свободного волеизъявления, а у организаторов избирательных кампаний – проведения альтернативных выборов. Данный факт не является случайностью. Ведь в истории России робкие попытки прямых общенациональных выборов были предприняты лишь в 1917 г. Это были выборы в Учредительное собрание и проводились

они по пропорциональной системе. Ранее (в 1906–1912 гг.) четырежды проводились выборы в Государственную думу, но они были прямыми, а цензовыми, по куриям (состав последних постоянно менялся, в итоге это были землевладельцы, горожане, сельские общества, фабрично-заводские рабочие, казаки, инородцы и т.д.).

Наша страна с момента проведения общегосударственных альтернативных выборов прошла путь длиной в целую эпоху не только потому, что за 1989–2012 гг. была черед избирательных кампаний и выборы стали носить практически перманентный характер, но и потому, что процедура выборов от формальной («выбора без выборов») стала переходить в разряд реальной. Избиратели стали голосовать не потому, что боялись определенных последствий неучастия в выборах, а для того чтобы оказать свою поддержку кандидату, программе, партии.

Анализ материалов электоральной статистики позволяет заключить, что за 1989–2012 гг. явка избирателей менялась в колебательном режиме. От голосования к голосованию независимо от характера выборов неуклонно снижалась явка электората к урнам: от 86,9% в 1989 г. до 54,8% 13 декабря 1993 г.

Аналитики эту тенденцию, как правило, именуют электоральным переходом от тоталитарной модели с практически стопроцентной явкой к относительно свободному демократическому волеизъявлению [10]. Электоральный переход означал отход от «выборов без выбора», разрыв с номенклатурной системой управления обществом, переход к демократической, выборной системе и введение альтернативных выборов. По крайней мере населению страны была предоставлена возможность периодической демонстрации своего отношения к общественно-политическому и социально-экономическому курсу развития страны.

Наименьшая активность электората, замеченная 12 декабря 1993 г. на выборах по Конституции РСФСР и в Федеральное собрание России, в значительной мере была обусловлена не только особенностями электорального перехода, но и слабой подготовленностью этих выборов. Правила проведения выборов менялись в буквальном смысле слова «на ходу»: было изменено число депутатов с 400 до 450, осуществлен отказ от учета голосов «против всех» и т.д.

Минимальный порог явки является также следствием октябрьского общественно-политического кризиса общества, вызванного противостоянием различных ветвей власти страны и углублением проблем неконсолидиро-

ванной демократии, к числу важных проблем которой относится проблема преобладания процесса дифференциации над процессами социальной интеграции и политической консолидации.

Во время октябрьского общественно-политического кризиса общества, вызванного противостоянием различных ветвей федеральной власти, в выступлениях политических лидеров страны постоянно звучали призывы к консолидации всех общественных движений и политических сил страны. Однако, каждая сторона эту проблему рассматривала лишь в своих интересах, поэтому на уровне политической практики медленно решалась проблема политической консолидации всех общественных движений и политических сил страны, ибо проблемы консолидации власти и консолидации общества, что равнозначно разобщению общества и разобщению власти, тесно взаимосвязаны. От одного призыва о необходимости политической интеграции и стабилизации во имя сохранения единства и целостности страны желаемая ситуация не может сложиться. Поэтому в течение нескольких месяцев после октябрьского кризиса 1993 г., а может даже в течение нескольких лет, вопрос неконсолидированной демократии российского государства, в том числе Республики Бурятия, постоянно фиксировалась в ходе различных избирательных кампаний. Между тем проблема социально-политического согласия общества, особенно транзитивного, относится к числу первостепенных в федеративном государстве, особенно в федерации асимметричной, каковой и является Российская Федерация.

Анализ материалов электоральной статистики показывает, что явка избирателей на выборах президента России всегда выше, чем на выборах депутатов Государственной думы, что в определенной мере обусловлено незначительностью уровня доверия к представительной власти страны и медленным становлением гражданского общества.

Высокая активность электората на президентских выборах во многом отмечена ростом интереса населения к этим выборам, что вполне естественно в условиях становления сильной президентской власти, активизации перераспределения реальных властных полномочий от регионов к центру (снизу вверх) и от представительной власти к исполнительной. В условиях укрепления президентской власти выборы главы страны стали центральным элементом масштабного избирательного цикла. Наряду с этими факторами на высокую активность явки на президентских выборах заметное

влияние оказывает укрепление международного авторитета России и большая международная значимость самих выборов. Поэтому часть электората, пытаясь привлечь внимание мировой общественности к выборам президента России, пытается продемонстрировать достаточно высокую явку, подчеркивая тем самым свое активное участие в решении судьбоносных вопросов для жизни страны. Высокая явка на выборах президента России имеет непосредственную связь с упорядочением внутривнутриполитической стратегии страны и восстановлением Россией высоких темпов развития экономики, воспринимаемых гражданами страны как национальное достоинство.

Высокая активность электората связана с развитием тенденции персонификации власти, которая соответствует стремлению определенной доли избирателей иметь «твердую руку». Истоки данного стремления в значительной мере основаны на запросах определенной части населения, направленных на сохранение патронажных функций государства и потому полагающих, что при слабой власти возможен беспредел в огромном и многонациональном государстве.

Сравнительный анализ тенденций изменения электоральной активности населения России и Бурятии показал их синхронность: неуклонное снижение явки на этапе электорального перехода; колебательный режим изменения явки; высокая явка на выборах президента России, нежели на выборах депутатов ГД РФ.

На фоне идентичности направлений изменения избирательной активности продолжают сохраняться и некоторые региональные различия. Так, в Бурятии 1989–1993 гг. явка избирателей была выше, чем в целом по стране. Это обусловлено медленным переходом от мобилизационного типа голосования к демократическому волеизъявлению. Начиная с 1995 г., явка избирателей Бурятии в основном была ниже средне-

российского уровня, что объясняется значительностью социальной апатии граждан, отсутствием жесткой конфронтации между группами влияния и общезначимой предвыборной интриги и т.д. Доказано, что человек не голосует, если мотивы, движущие политика, не соответствуют его взглядам и убеждениям. В таком случае избиратель становится лишь наблюдателем предвыборного процесса и самих выборов.

Литература

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 339, 368.
2. Добрынина М.И., Осинский И.И. Политическая система общества. – Улан-Удэ, 2002. – С. 268-269.
3. Политическая социология / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М., 2000. – С. 68.
4. Гирц К. Насыщенное описание: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т.1. – СПб: Университетская книга, 1997.
5. Almond G.A. Comparative political systems // Journal of politics. – 1956. – №18. – P. 396 (цит. Политическая социология. – М., 2000. – С. 71.).
6. Almond G.A. Comparative political systems // Political behavior: a reader in theory research (Clencoe III). – 1956. – P. 36. (Цит. Пивоваров Ю. Русская политическая культура и political culture // Pro et contra. – 2002. – №3).

Будаева Дарима Цырендоржиевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: darb@rambler.ru.

Черкун Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: tscherkun@mail.ru.

Budaeva Darima Tsyrendorzhiievna, candidate of political sciences, senior lecturer, department of state and municipal management, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: darb@rambler.ru.

Cherkun Elena Urievna, candidate of philological sciences, associate professor, department of German and French languages, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: tscherkun@mail.ru.

УДК 140.8

В.Р. Фельдман, Н.В. Абаев

ИДЕОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Рассматриваются некоторые концепции идеологии в российской и зарубежной философской и социологической литературе. Содержится авторское понимание сущности идеологии, форм ее пространственно-временного бытия, основных функций в социально-политической динамике.

Ключевые слова: идеология, идеологические механизмы, организация, самоорганизация.

V.R. Feldman, N.V. Abaev

THE IDEOLOGY IN SOCIO-POLITICAL DYNAMICS

Some concepts of ideology in the Russian and foreign philosophical and sociological literature are considered. The article also contains the authors' understanding of the nature of ideology, its forms of spatiotemporal being, the main functions in socio-political dynamics.

Key words: ideology, ideological mechanisms, organization, self-organization.

В отечественной и зарубежной социально-философской и социологической литературе получили отражение различные взгляды мыслителей по вопросам сущности, содержания и функций идеологии. Результаты исследования конкретных идеологических проблем в жизни традиционного и современного общества содержатся в работах Р. Арона, А.А. Зиновьева, В.В. Желтова, К. Мангейма, Л. Мэмфорда, А.П. Назаретяна, Х. Ортеги-и-Гассета, Г.В. Плеханова, Ю.И. Прохоренко, Н. Смелзера, М. Шмида и др.

Среди современных российских исследователей идеологии выделяются своей основательностью и всеохватывающим характером работы А.А. Зиновьева. Ученый связывает бытие идеологии с интенцией современных обществ сохранять свою качественную определенность, устойчивость своих социально-экономических и политических форм, и в то же время развиваться в настоящем и будущем. Идеология рассматривается им как необходимый элемент организации общества.

А.А. Зиновьев отмечает важность идеологии для человека в экзистенциальном смысле. Она предстает в его исследованиях как способ осознания человеком своего места в мире, в своем природном и социальном окружении. Социологическая концепция идеологии А.А. Зиновьева разработана главным образом на материалах западной индустриальной цивилизации. Идеология современного западного общества рассматривается как форма бытия господствующей идеологии. Для обозначения этого типа идеологии ученый использует понятие не «идеология либерализма», а «идеология Запада». Идеология создается людьми и внедряется в массовое сознание с помощью постоянно функционирующих механизмов.

В число создателей идеологии Запада, и тех, кто ее развивал, он включает Ф. Бэкона, П. Гольбаха, Т. Гоббса, Г. Гегеля, И. Канта, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Дж.С. Милля, К. Поппера, А. Смита, Ф. Хайека и др.

В содержании идеологии современного западного общества А.А. Зиновьев выделяет три

ее уровня: элитарный, уровень пропаганды и просвещения, житейский уровень.

Элитарный уровень идеологии в концепции А.А. Зиновьева включает информацию, претендующую на статус научной. Он считает, что этот статус так и остается не достигнутым. Обращает внимание на то, что элитарный уровень идеологии Запада, кроме объективно истинного знания, включает информацию, с помощью которой осуществляется манипулирование массовым сознанием.

Содержание второго уровня идеологии Запада образует информация, содержащаяся в печатной продукции: в учебной и научной литературе социально-гуманитарного направления. В школьной литературе также содержится идеологически нагруженная информация, используемая для обработки сознания людей.

Третий уровень идеологии западного общества включает информацию, предназначенную для массового потребителя с психологией и культурой обывателя, мещанина. Для обработки сознания людей используется художественная литература, фильмы, рекламная продукция.

А.А. Зиновьев считает, что идеологизированная продукция обеспечивает наибольшую эффективность, т.е. позволяет держать значительную часть людей западных обществ в одной идеологической клетке. Примитивную идеологизированную информацию, включенную в печатную продукцию, фильмы, рекламу, обыватели потребляют без сопротивления и даже с удовольствием [1].

Таким образом, по убеждению А.А. Зиновьева, идеология после вхождения в сознание людей, делает его идеологизированным. Западные ученые, как он считает, стремятся научить людей видеть общество не таким, каким оно является на самом деле, а таким, как оно представлено в идеологии. Они отмечают, что люди должны учиться не самостоятельному познанию своего бытия в обществе, а тому, что можно пропускать в свое сознание и что пропускать нельзя.

А.А. Зиновьев полагает, что основной задачей идеологов Запада является создание «аппарата априорного видения мира», с помощью ко-

того население должно находиться под эффективным идеологическим контролем и самоконтролем.

Ученый считал, что важнейшим результатом функционирования идеологического механизма в любом обществе является наличие достаточно большого числа людей с усредненным и стандартизированным сознанием, одинаково думающих и одинаково оценивающих явления социальной жизни [2].

А.П. Назаретян, в отличие от А.А. Зиновьева, полагает, что идеология не организует общество, а является механизмом разделения его на враждебные группы, конфликтующие между собой. Для идеологий, по его мнению, характерна непримиримость отношений, антагонизм. А.П. Назаретян отмечает, что непримиримость идеологий связана с их содержанием: они ориентированы на противоположные «сакральные символы» [3].

Мы полагаем, что А.П. Назаретян слишком категоричен, определяя идеологию как социальный механизм дезорганизации общества. С нашей точки зрения, идеология в функциональном отношении амбивалентна. Она действительно разделяет людей по их убеждениям, но она и организует общество, придает ему устойчивость и целенаправленность бытия.

Ю.И. Прохоренко считает, что идеология неустранима из жизни общества и укоренена в его онтологических структурах. Идеология экзистенциально оформляет ценностный уровень бытия общества. По мнению ученого, одной из основных функций идеологии является интегрирующая функция. Ю.И. Прохоренко также обращает внимание на то, что идеология создает некоторые условия эффективности человеческой деятельности, к которым он относит целеполагание, системность, предсказуемость действий [4].

Идеология существует и функционирует в обществе как форма общественного сознания. В ее историческом существовании можно выделить некоторые тенденции и закономерности: тенденция усложнения идеологии в социально-историческом процессе, адаптация содержания идеологии к уровню обыденного сознания, тенденция догматизации идеологического содержания, а также ее канонизация.

Идеология представляет собой систему ценностей и идеалов, выполняющую в обществе функцию поддержки существующей политической системы, придающую цель и смысл бытия как отдельно взятому человеку, так и конкретному социуму, являющуюся его духовными механизмами организации и самоорганизации, иг-

рающими роль аттрактора на эволюционной стадии развития общества и в синергетических процессах его системных трансформаций.

Сущность идеологии есть система ее фундаментальных ценностей, которые проявляют свое сущностное содержание в виде конкретных функций в общественно-историческом процессе. К фундаментальным ценностям идеологии относятся исторически сформировавшиеся представления о взаимоотношениях власти и общества, о их взаимных обязанностях и правах, о легитимности и нелегитимности государственной власти и др.

Основными формами пространственно-временного бытия идеологии являются: ее религиозно-мифологическая форма, религиозная форма идеологии, связанная с имперскими формами государственности древности и средневековья, нерелигиозная форма идеологии современного индустриального общества.

Первые религиозные идеологические системы формировались главным образом в процессах социальной самоорганизации. Начало человеческого бытия не сопровождалось существенной гуманизацией общественных отношений. Ранние земледельческие цивилизации являли собой классовые общества с различными формами жестокой эксплуатации человека человеком, включая и порабощение людей, превращение их в «говорящие орудия».

Государство в форме деспотических монархий стремилось поддерживать стабильность сложившейся классовой структуры общества, подавлять или ограничивать проявление недовольства тех социальных слоев, чьим тяжелым трудом создавался избыточный прибавочный продукт, являвшийся условием социального комфорта для меньшинства [5].

Поскольку репрессивный аппарат государства был недостаточным для обеспечения устойчивости таких социальных систем, постольку возникали дополнительные механизмы организации и самоорганизации общества. Одним из главных антиэнтропийных механизмов выступала религиозная идеология.

Религиозная идеология в «традиционных цивилизациях» (В.С. Степин) выполняла не только функцию сакральной легитимизации высшей государственной власти. Она, как правило, требовала от носителя высшей власти в государстве выполнения определенных социальных обязанностей общей значимости. К ним, например, относились борьба с преступлениями, оказание помощи населению в ситуации стихийного бедствия, неурожая и др. Стабильность общества являлась главным приоритетом государственной

власти. Конфуций как идеолог китайского абсолютизма прямо указывал на ценность неизменности социальных отношений. Однажды он произнес: «Да будет государем государь, слуга – слугой, отцом – отцом и сыном – сыном» [6].

В традиционных обществах в определенные времена возникали массовые социальные движения протеста, выливающиеся в вооруженную борьбу с существующей властью. Эти действия эксплуатируемых масс оправдывались их вождями и идеологами как необходимые для утверждения справедливого социального порядка [7].

Одновременно с формированием религиозных социально-политических учений складывались и идеологические механизмы, посредством которых осуществлялась социализация ценностно-нормативного содержания идеологии.

Идеологические механизмы в традиционных обществах сочетали в себе признаки централизации и децентрализации. Существовали и однозначно централизованные механизмы. Постоянно функционирующим централизованным идеологическим механизмом, например, в истории западноевропейского средневековья являлась католическая церковь. Она выполняла функцию поддержки феодализма как политической, экономической, мировоззренческой системы, внедряя в массовое сознание мысль о неизменности существующей социальной организации как созданной по воле Бога.

Идеологическая деятельность католической церкви в Европе в средние века отличалась большим разнообразием. На исходе эпохи Возрождения по решению высших религиозных властей был создан «индекс запрещенных книг» как способ предотвращения распространения идей опасных с точки зрения католической церкви. Введение индекса было связано с широким и быстрым распространением книгопечатания в Западной Европе после изобретения И. Гуттенбергом в 1497 г. печатного станка, а также с усилением тенденции становления естествознания, необходимостью борьбы с еретическими учениями, в особенности, возникшими в ходе реформации.

Идеологический контроль католической церкви в виде цензуры сочетался с репрессиями в результате совместных действий государства и инквизиции [8]. В сферу идеологического контроля католической церкви в средние века входили и европейские университеты.

В средние века в Западной Европе любая ересь закономерно приобретала характер общественно-политического движения, т.к. возможность реализации таких учений могла быть связана исключительно в преодолении антагани-

стических позиций по отношению к ересям со стороны государственной власти и католической церкви. В этой связи борьба с ними в западноевропейских странах являлась не только формой идеологического конфликта, но и борьбой за власть. В этом противостоянии религиозные и политические мотивы переплетались с индивидуальными и групповыми, классовыми мотивами различного характера.

В период буржуазных революций в Европе существовала конфронтация идеологий, являвшихся социальными аттракторами, тянувшими общество в диаметрально противоположные времена. Идеология абсолютизма – в прошлое, для нее было характерно стремление сохранить общество в неизменном виде. Она категорически не принимала либеральных идей, выступала по отношению к кооперативным процессам буржуазно-демократического характера в роли механизма торможения, недопущения назревших социальных изменений.

Формирующаяся либеральная идеология имела направленность в будущее. Она изначально являлась революционной, антифеодальной по своей сущности и содержанию. В либеральных проектах будущего утверждались идеи свободы политической и экономической деятельности, они опирались на концепцию естественных прав личности, а также неприкосновенности частной собственности.

В процессе становления и развития либерально-демократических обществ такая идеология приобрела статус господствующей социально-политической доктрины. На основе идеологии либерализма в странах Запада разрабатывались и принимались конституции и законы.

Г.Л. Парсонс включает в идеологию либерализма следующие ценности, идеи, представления: отдельный, автономный, индивидуалистический человек; первичный по отношению к обществу и независимый от него труд, являющийся источником общественного богатства и подлежащий купле и продаже; свободные, неограниченные в рамках буржуазного права действия индивидов по отношению друг к другу; правительство, целью которого является защита «автономного», частного индивида; невмешательство в свободную экономическую сферу и рыночные отношения; накопление, прибыль и вложение капитала как критерии, позволяющие определить размер вознаграждения и ценность отдельной личности [9].

С течением времени в либерально-демократических государствах сформировались устойчиво функционирующие идеологические механизмы, позволяющие постоянно воздейст-

воват на общественное сознание, формировать позитивное отношение к либеральным социальным институтам у сменяющихся поколений людей.

Идеологические механизмы либерально-демократических обществ являются в основном децентрализованными, чем и объясняется их высокая эффективность.

Таким образом, в современных обществах независимо от их социального строя функционируют различные идеологические механизмы, выполняющие общие задачи обеспечения условий целостности, воспроизводства и развития социальных систем. Идеология атрибутивна обществу на цивилизационной стадии его бытия, с ней связаны перспективы социального развития. В идеологиях содержится настоящее (уже воплощенное в реальность) и будущее в виде социальных проектов.

Литература

1. Зиновьев А.А. Запад. – М.: Центрполиграф, 2000. – С. 277-278.
2. Зиновьев А.А. Логическая социология. Экономика. Идеология // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – №6. – С. 137.
3. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. – 2009. – №5. – С. 3-19.

4. Прохоренко Ю.И. Политическая реальность: очерки социально-философского исследования. – Хабаровск: Изд-во Гос. техн. ун-та, 2002. – С. 237.

5. Ашрафян К.С. К вопросу о «Восточном деспотизме» // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М.: Наука, 1993. – С. 88-114.

6. Конфуций. Уроки мудрости. – М.: Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. – С. 77.

7. Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. – М.: Мысль, 1988. – С. 106-194.

8. Григулевич И.Р. Инквизиция. – М.: Политиздат, 1976. – С. 5-279.

9. Говард Л. Парсонс. Человек в современном мире. – М.: Прогресс, 1985. – С. 120.

Фельдман Владимир Романович, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии Тувинского государственного университета, г. Кызыл.

Абаев Николай Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней азии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Feldman Vladimir Romanovich, candidate of political sciences, associate professor, head of department of philosophy, Tuva State University.

Abaev Nickolay Vyacheslavovich, doctor of historical sciences, professor, head of laboratory of civilization geopolitics, Institute of Inner Asia, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 316.344.42

В.М. Очирова

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИИ В ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Раскрываются ценностные ориентации политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, касающиеся современной динамики развития России. На основе данных эмпирических исследований дается характеристика социальной сферы российского общества. Полученный материал позволяет выявить проблемы и перспективы развития России на современном этапе.

Ключевые слова: политическая элита, российские регионы, ценностные ориентации, динамика развития России, сферы общества.

V.M. Ochirova

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF SOCIAL SPHERE OF RUSSIA IN POLITICAL ELITE ESTIMATION

The value orientations of political elite of the republics of Buryatia, Sakha (Yakutia), Tyva, concerning modern development dynamics of Russia development are studied in the article. On the basis of empirical researches data the characteristic is given to social sphere of the Russia society. The obtained material allows to reveal the problems and prospects of Russia development at the present stage.

Key words: political elite, Russian regions, valuable orientations, dynamics of Russia development, society spheres.

В постсоветский период произошли коренные изменения во всех сферах российского общества. Их реализация является результатом эволюции взглядов политической элиты, ее ценностей, которые обусловили выбор новых целей и способов их достижения. Предпочтения лиц,

находящихся на вершине социальной иерархии требуют постоянного и всестороннего изучения, так как позволяют лучше понять их действия, смысл и мотивацию современных преобразований. В данной связи в 2009–2010 гг. автором было проведено анкетирование, в ходе которого

опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные/представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва. Для проведения анализа отобрано 576 анкет. Осуществив анализ анкетных данных, выяснили отношение политических элит к динамике развития социальной сферы России.

Открывая в анкете соответствующий тематический блок, мы задали респондентам следующий вопрос: «Удовлетворяет ли Вас современное состояние социальной сферы в России?». Наибольшее количество голосов во всех изучаемых нами регионах получил отрицательный ответ «скорее не удовлетворяет»: в Бурятии – 36,8%, в Саха (Якутии) – 41,8%, в Тыве – 34,3%. Лидировал он и фактически во всех видах элит, исключение составили лишь исполнительные элиты Бурятии и Тывы, в большинстве своем склонившиеся к варианту «скорее удовлетворяет». Обратим внимание на тот факт, что если суммировать дипломатичный вариант ответа «скорее не удовлетворяет» с категоричным «полностью не удовлетворяет» (который также был предложен в анкете), то недовольных современным состоянием социальной сферы в России более 60% в каждом регионе.

Рассмотрим проблемные направления социальной сферы России. Как известно, в 1990-х гг. их было достаточно много, т.к. страна находилась в состоянии затяжного кризиса. Показательны в этом отношении результаты опроса политической элиты Республики Бурятия, полученные в 1999 г. В.Г. Жалсановой. В числе проблем общества, вызывающих наибольшее беспокойство, респонденты тогда указали рост безработицы – 42,3%, увеличение преступности – 40,5%, повышение числа случаев алкоголизма и наркомании – 36,0%, дороговизну здравоохранения и образования – 22,5% и 19,8%, ухудшение состояния окружающей среды – 17,1% и др. [5, с. 68]. Большинство из них, как показало наше исследование, не потеряли своей актуальности и сегодня. Наиболее проблемные направления социальной сферы в 2009–2010 гг. были ранжированы в перечисленном ниже порядке (рейтинг построен на основе количественной обработки информации). Подчеркнем ценность полученных нами данных, заключающуюся в том, что респонденты сами называли варианты ответов, а не выбирали их из числа предлагаемых в вопросе. С целью определения причин позиции анкетированных, указанные направления мы подвергли краткому анализу.

На первой позиции оказалась социальная защита населения. Основное внимание акцентиро-

валось на такой проблеме, как слабая работа государственных органов с отдельными категориями населения. Это касается поддержки пенсионеров, ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов труда и тыла, инвалидов, больных, малоимущих, молодых и многодетных семей и др. По мнению анкетированных, недостаточно эффективно организован, например, уход за престарелыми людьми. Была затронута и «больная» тема социального обеспечения граждан – это низкий уровень пенсий и пособий (в первую очередь, детских и предоставляемых лицам, временно оказавшимся без работы). В качестве варианта оптимизации предлагалось, например, пособия по безработице дифференцировать по территориям. Вызывают тревогу респондентов и стоимость проездных билетов, а также льготное обеспечение жителей Крайнего Севера. Т.е., уровень имеющихся в России социальных выплат, по мнению анкетированных, оставляет желать лучшего. Это при том, что расходы государства на социальную сферу только за период с 2000 по 2006 гг. значительно увеличились: с 536,4 млрд р. до 4 546,4 млрд р. В том числе выросли и выплаты различных социальных пособий (с 78 510 млн р. до 467 523 млн р.), пенсий (с 331 257 млн р. до 1 492 806 млн р.) [9, с. 308]. Рост выплат продолжился и позже. Однако данных мер, очевидно, недостаточно. Как и в первой половине 2000-х гг., когда большинство россиян неудовлетворительно оценивало работу органов социального и пенсионного обеспечения (госслужащие – 55,3%, население – 47,5% [6]) а также в целом реализацию права на социальное обеспечение и пенсию (28% – «удовлетворительно», 58% – «плохо» [9, с. 302]), сейчас преобладают негативные оценки состояния социальной защиты населения России. Так, по данным исследования М.К. Горшкова (2011 г.), главными проблемами, из-за которых россияне считают свою жизнь неустроенной, являются «плохое материальное положение» и «отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности» [2, с. 15]. Таким образом, государству следует предпринять более действенные меры в области социальной защиты своих граждан.

Далее в нашем рейтинге следовало здравоохранение. Акцентировалось внимание на таких проблемах отрасли, как недофинансирование, некачественное медицинское обслуживание, дефицит компетентных специалистов, нехватка медикаментов, устаревшее медицинское оборудование (особенно в селах), фактическое отсутствие профилактической работы с населением и др. Заметим, что развитие здравоохранения оце-

нивается россиянами стабильно негативно. Показательны в этом отношении результаты различных исследований: деятельность органов здравоохранения, по данным О.В. Крыштановской начала 2000-х гг., была оценена госслужащими «удовлетворительно» (55,6%), населением – «плохо» (52,1%) [6]; обеспечение права на охрану здоровья и медицинскую помощь (н. 2000-х гг.) – «удовлетворительно» (29%) и «плохо» (67%) [9, с. 302]; положение в здравоохранении, по данным ВЦИОМ 2006 г., также плохое или скорее плохое (57%) [9, с. 309] и др. Между тем, согласно материалам Минздравсоцразвития РФ, объем расходов федерального бюджета на здравоохранение с 2007–2011 гг. увеличился в два раза: с 202,8 млрд р. до 413 млрд р. В 2011–2012 гг. на модернизацию регионального здравоохранения сверх этих средств было выделено 460 млрд р., которые были направлены на реализацию следующих мероприятий: оснащение материально-технической базы, информатизацию, обеспечение стандартов медицинской помощи [16]. Однако, несмотря на данные меры проблем в здравоохранении меньше не стало. Более того как показали результаты анкетирования 80 тыс. медиков всех субъектов РФ, оглашенные на форуме VII Всероссийского Пироговского съезда врачей (26-27 ноября 2010, г. Москва), опрошенные допускают, что политика Минздравсоцразвития РФ может привести к акциям протеста в регионах (22% респондентов к ним уже готовы). Было выявлено, что 93% врачей считают ситуацию в здравоохранении кризисной, 87% негативно оценивают реформирование медицинской отрасли, 73% связывают катастрофическое состояние сферы с неэффективной деятельностью ответственного министерства. Выступавшие на съезде врачи были едины во мнении, что медицинская отрасль зашла в тупик, а принятые законы в области здравоохранения только ухудшают положение врачей и больных [10]. Следовательно, состояние рассматриваемой отрасли весьма тяжелое, о чем свидетельствует и то, что по оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Россия занимает 127-е место в мире по показателю здоровья населения и 130-е место по интегральному показателю эффективности медицинской системы. По подсчетам ВОЗ, до 90% средств, выделяемых на здравоохранение, растрачивается в России впустую [12, 13]. Безусловно, здесь есть над чем задуматься.

Третью позицию заняло образование. Беспокойство у респондентов вызывали такие проблемы, как непродуманное реформирование от-

расли, плохое финансирование учебных учреждений, недостаточное строительство школ, низкий уровень заработной платы учителей и преподавателей, слабый контроль за учебной литературой и др. Заметим, что развитие данной отрасли оценивается россиянами также стабильно отрицательно: положение в образовании рассматривается как «плохое» или «скорее, плохое» – 53% (по данным ВЦИОМ 2006 г.) [9, с. 309]; работа органов системы образования тянет лишь на «удовлетворительно» (госслужащие – 62,6%, население – 50,6%, по данным О.В. Крыштановской, н. 2000-х гг.) [6]; обеспечение права на бесплатное образование (н. 2000-х гг.) – «удовлетворительное» (21%) и «плохое» (65%), развитие науки, культуры и образования также «удовлетворительное» (32%) и «плохое» (46%) [9, с. 302]. Проблем в области образования немало, что и вызывает соответствующую реакцию у россиян. Связано это, безусловно, с непопулярной политикой, реализуемой ответственным министерством. Нам представляется, что его руководству следует прислушаться к многочисленной критике в свой адрес и провести корректировку выбранной стратегии развития образования в России. На наш взгляд, нет никакой необходимости разрушать прежнюю, отлично функционирующую и выпускающую высококвалифицированных специалистов систему, даже если этого требует переход на мировые стандарты. Вполне возможно внести лишь небольшие изменения, сохранив имеющуюся основу. Необходимо помнить, что перемены в области образования должны быть обоснованны и тщательно продуманны, так как от нее напрямую зависит то, каких людей мы воспитаем, а, значит, и какой будет наша страна в будущем. Современная же оценка уровня образования выпускников школ и вузов неутешительна. По мнению преподавателей, деканов и ректоров вузов «выпускник слегка обучен, чуть-чуть воспитан, творчески не развит» [18].

Немного отстал от тройки лидирующих ответов жилищный вопрос. Здесь внимание акцентировалось на таких проблемах, как слабое обеспечение благоустроенным жильем молодых и многодетных семей, вдов ветеранов, молодых специалистов, детей-сирот и других категорий граждан, недостаточная работа по сносу ветхого/аварийного жилья, по проведению капитального ремонта в жилых домах и др. Действительно, жилищный вопрос не теряет своей актуальности. Как и в начале 2000-х гг., когда обеспечение права на жилье оценивалось респондентами на «удовлетворительно» (19%) и «плохо» (69%) [9, с. 302], сегодня преобладают схожие

мнения по данному вопросу. Причины заключаются в первую очередь в крайне высокой стоимости жилья, недоступности для широкого круга лиц условий ипотечного жилищного кредитования и низких темпах строительства. Согласно материалам Минэкономразвития РФ, в 2011 г. было введено лишь 62,3 млн м² жилья (на 6,6% больше чем в 2010 г.), построено 788,2 тыс. квартир [8]. К сожалению, приходится констатировать, что государство пока неэффективно работает в данной области.

Пятую позицию разделили детский вопрос и безработица. В рамках первого направления подчеркивались такие проблемы, как недостаточное обеспечение социальными благами детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, безнадзорных и беспризорных детей, плохое состояние детских домов и др. Остроту данного вопроса можно понять, взглянув на официальную статистику. В 2010 г. в России функционировало 1048 детских домов, в которых воспитывалось 50 тыс. детей (2009 г. – в 1095 детских домах было 52,3 тыс. воспитанников, 2008 г. – в 1147 детских домах было 55,1 тыс. воспитанников), 90 школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с численностью воспитанников – 9,8 тыс. человек (в 2009 г. было 106 школ-интернатов с 12,1 тыс. воспитанников, в 2008 г. – 127 школ-интернатов с 14,5 тыс. воспитанников). Кроме того, в 2010 г. в 227 домах ребенка на 20 888 мест воспитывалось 17,5 тыс. детей в возрасте до 4-5 лет, из них 12,7 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [3]. Несмотря на тенденцию к уменьшению специализированных детских учреждений и количества воспитанников, их число все еще велико. Большинство указанных учреждений недофинансируется и не имеет элементарных условий для проживания детей, около 50% требует капитального ремонта, многие находятся в аварийном состоянии. Решить эти проблемы может только государство путем оказания всесторонней помощи детям и учреждениям, в которых они воспитываются.

Во втором направлении уделялось внимание таким проблемам, как слабое обеспечение занятости населения (особенно молодежи), нехватка рабочих мест (в первую очередь в селах), невозможность трудоустройства по специальности и др. Признавая наличие указанных фактов, все же хотелось бы заметить, что государственная политика в данной области приносит ощутимые результаты. По сравнению с 1990-ми гг. сейчас ситуация гораздо лучше. Так, если в начале 1996 г. количество безработных в России (с уче-

том скрытой безработицы) составляло около 12-16 млн человек [4, с. 220], то в 2011 г. гораздо меньше – в среднем 5,0 млн человек [15]. Численность безработных граждан в 2011 г. составила 6,6% экономически активного населения, что на 0,9% (0,5 млн чел.) ниже уровня 2010 г. Наиболее быстро восстанавливается занятость в строительстве, торговле, транспорте, финансовой деятельности [8]. Ситуация на рынке труда постепенно улучшается. Однако, как показало наше исследование, проблемы все же имеются и наиболее актуальной из них, на наш взгляд, является занятость людей в селах, т.к. безработица среди сельского населения превышает уровень безработицы городских жителей почти в два раза.

Следующую позицию в нашем рейтинге также разделили несколько направлений – это дошкольное воспитание, культура и искусство, алкоголизм. В рамках первого вопроса акцентировалось внимание на таких проблемах, как плохие темпы строительства детских садов, нехватка мест в дошкольных учреждениях, дороговизна услуг по содержанию детей в детских садах и др. Действительно, данные проблемы очень актуальны и многие семьи сталкиваются со множеством препятствий как при устройстве детей в дошкольные учреждения, так и при содержании в них. На 1 января 2011 г. в списках детей, нуждающихся в устройстве в образовательные учреждения, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, числилось 1,9 млн человек. Количество же государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений, в которых сформированы группы для детей дошкольного возраста, на 1 января 2011 г. было 9 895 [3]. Безусловно, этого недостаточно, необходимо строительство и ввод в эксплуатацию новых государственных детских садов. В целях более оперативного решения данного вопроса, на наш взгляд, вполне возможно вернуть в собственность государства помещения бывших детских садов и провести в них капитальный ремонт.

Рассматривая сферу культуры и искусств, респонденты указали на наличие таких проблем, как недостаточное финансирование учреждений культуры, слабая востребованность населением услуг, предоставляемых данными организациями (как правило, ввиду недостатка денежных средств), низкий уровень заработной платы работников культуры, плохая материально-техническая оснащенность организаций отрасли и др. Например, изношенность музыкальных инструментов в детских школах искусств Республики Тыва достигает 70%. Тем самым рас-

смагриваемая область находится не в лучшем состоянии и основная проблема здесь заключается в крайне слабой финансовой поддержке учреждений культуры со стороны государства. Следовательно, необходимо изменить принципы финансирования указанной отрасли, обеспечить работникам культуры достойный уровень жизни, позволяющий сосредоточиться на выполнении своих непосредственных задач и т.п. Реализация этих мер благотворно отразится не только на функционировании учреждений культуры, но и на морально-психологическом состоянии населения страны.

Что касается третьего направления, то здесь было уделено внимание следующим проблемам: высокий уровень алкоголизма среди населения (особенно в селах), неэффективная борьба с пьянством, рост женского и детского алкоголизма и др. Эти проблемы в целом традиционны для нашей страны. Вместе с тем особую озабоченность вызывает рост потребления алкоголя женщинами и детьми. Данный факт, на наш взгляд, говорит о слабости мер, предпринимаемых государством в рассматриваемом вопросе. Анализ современных российских реалий приводит к выводу, что системной борьбы с пьянством нет, государство фактически полностью самоустранилось от решения данного вопроса. Между тем пьянство, наряду с наркоманией, занимает 6 место (15,1%) в числе главных национальных угроз России (согласно исследованию (2007 г.) под руководством М.Тарусина [14, с. 200]). Считаю необходимым безотлагательно заняться решением указанной проблемы: оградить население от рекламы любых спиртных напитков, реально ограничить их доступ для несовершеннолетних, запретить распитие алкоголя в местах общего пользования, вести активную пропаганду здорового образа жизни, внедрять новые жизненные ценности и т.п.

Седьмую позицию разделили сельский вопрос и дифференциация доходов населения. В рамках первого направления акцентировалось внимание на таких проблемах, как значительный разрыв уровня и качества жизни между городом и селом, плохое состояние материально-технической базы села, фактическое отсутствие инфраструктуры в сельской местности и др. Указанные проблемы, на наш взгляд, тесно связаны с развитием российского сельского хозяйства, которое, будучи основным источником существования сельчан, отражает отношение государства и к селу в целом. Отрасль является весьма проблемной и запущенной. В таком же состоянии пребывает и село: ветхое жилье разрушается, социальные учреждения, возведенные

еще в советское время, постепенно приходят в упадок, инфраструктура не выдерживает никакой критики и т.п. Тем самым сравнивать качество жизни в городе и селе не имеет смысла. Тревогу вызывает и материально-техническое оснащение села: обеспеченность тракторами составляет 46%, зерноуборочными комбайнами – 49%, кормоуборочными комбайнами – 62%. Темпы выбытия старых машин в два раза превышают темпы поступления новых [7]. Безусловно, в последние годы предпринимаются меры по обустройству села, например, строятся медицинские и школьные учреждения. Однако, это лишь точечные действия, реализуемые по мере наличия финансовых средств. Комплексного восстановления российских сел не наблюдается, внимание уделяется в первую очередь городам. Между тем не стоит забывать, что благосостояние горожан «строится» руками сельских жителей и они достойны хороших условий жизни. Необходимо такое село, в котором бы хотелось жить. Это позволит решить и проблему возвращения молодежи из городов в деревни и села.

Во втором направлении уделялось внимание высокому уровню бедности, гигантскому разрыву между доходами бедных и богатых и т.п. Действительно, с началом рыночных реформ в России особую остроту приобрела проблема нарастания имущественного расслоения и расширения масштабов бедности: «разрыв в доходах 10% наиболее и наименее обеспеченных в 1990 г. составил 4-5 раз, в 1993–1994 гг. – 8-9 раз, в 1995 г. – 13-16 раз. Доходы более 1/3 населения РФ упали ниже прожиточного минимума» [4, с. 220]. В 1992 г. был зафиксирован максимальный показатель уровня бедности в 33,5% [1]. Значительные социальные расходы государства и рост денежных доходов населения в 2000-х гг. существенно изменили сложившуюся ситуацию. Уровень бедности в 2005 г. составлял уже 17,7%, в 2006 г. – 15,2%, в 2007 г. – 13,3%, в 2008 г. – 13,4%, в 2009 г. – 13,2% [1], в 2010 г. – 12,6%, в 2011 г. – 12,8% [17]. Однако, несмотря на уверенное снижение доли бедных в общей численности российского населения, их количество все же очень существенно. Например, в 2008 г. 59% населения России характеризовались тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности» [11, с. 141]. Исходя из этого неудивительно, что большинство россиян, выбирая группы населения между которыми сегодня существуют наиболее острые противоречия, на первое место ставит вариант «между богатыми и бедными» (госслужащие –

61,9%, население – 63,9%) [6]. Таким образом, проблема бедности и разрыва в доходах в постсоветский период приобрела особую остроту. Согласно исследованию под руководством М. Тарусина (2007 г.), бедность населения занимает 4 место (16%) в числе главных национальных угроз России [14, с. 200]. С целью снижения социальной напряженности нужны кардинальные меры для решения указанной проблемы, однако реализовать их в короткий срок, вероятно, не удастся. В данной связи государству, очевидно, необходимо, наряду с оказанием прямой финансовой помощи, создавать гражданам возможности для самостоятельного решения своих проблем.

Последнее восьмое место в рейтинге заняла позиция, согласно которой проблемными являются все области социальной сферы России.

Помимо перечисленного, также были названы следующие направления: демография, спорт, организация летнего отдыха, молодежная политика, отсутствие государственных целевых программ («Борьба с бедностью», «Поддержка жителей села», детских программ и др.), неисполнение законодательства, наркомания, преступность, увеличение числа лиц без определенного места жительства и нищих, рост социальной напряженности.

Итак, в числе наиболее проблемных направлений социальной сферы России на первом месте, согласно нашим данным, стоит социальная защита населения, а именно поддержка малообеспеченных категорий граждан. Действительно, указанная проблема является одной из самых актуальных для современного российского общества. Реформы 1990-х гг., нестабильность экономического развития, рост инфляции, финансовые кризисы – все эти испытания крайне негативно сказались на материальном положении граждан России, привели к обнищанию наиболее уязвимых социальных слоев, появлению маргинальных групп. Безусловно, социальная политика государства в течение последних лет подверглась коренному пересмотру, руководством России предприняты значительные меры по решению данной проблемы. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что их пока недостаточно. Значит, необходимо определить возможные способы оказания помощи социально незащищенным группам населения. В данной связи в анкете предлагался вопрос: «Каким образом, по Вашему мнению, необходимо оказывать помощь людям, не сумевшим обеспечить себе достойной материальной жизни?». В сущности, это вопрос и о субъектах осуществления социальной помощи, т.к. он затрагивает пробле-

му социальной ответственности. По результатам анализа большинство голосов набрал вариант «помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на адресной основе», его выбрали 34,4% политической элиты Бурятии, 40,2% – Саха (Якутии), 32,6% – Тывы. Отметим, что данный вариант лидировал фактически во всех видах республиканских элит, исключая исполнительную элиту Тывы, в равной степени разделившейся, помимо указанного вида помощи, между такими способами как «помощь должна оказываться через государственную систему социальной защиты на действующей основе» и «за счет повышения налогов на доходы наиболее состоятельных граждан». Данные варианты, заметим, также нашли поддержку у политических элит трех регионов, особенно идея повышения налогов для очень обеспеченных граждан. Несколько меньше набрали варианты «этим должны заниматься благотворительные организации» и «оказывать им поддержку в организации самопомощи». Фактически нет сторонников у суждения «сами обездоленные люди должны объединяться для самопомощи». Тем самым подавляющее большинство республиканских политических элит считает, что поддержку должно оказывать в первую очередь государство через систему социальной защиты, причем, желательно на адресной основе, чем на действующей. Выполнить данное обязательство поможет повышение налогов на доходы состоятельных граждан. Не исключается и помощь благотворительных организаций. И только затем, видимо в исключительных случаях, малообеспеченные люди должны оказывать себе самопомощь.

Таким образом, круг проблемных направлений социальной сферы очень обширен, что свидетельствует о том, что государство недостаточно эффективно справляется с решением насущных социальных проблем. Резонно предположить, что некоторые направления социальной сферы можно было бы передать частным организациям. В поиске подтверждения этого тезиса мы спросили у респондентов, кем должны обеспечиваться следующие блага: медицинское обслуживание, дошкольное воспитание детей, школьное и высшее образование, обеспечение жильем, пенсионное обеспечение? Анализ показал, что большинство из предложенных благ, по мнению республиканских политических элит всех видов, должны обеспечиваться только или по преимуществу государством. В их числе: дошкольное воспитание детей, школьное и высшее образование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание (за исключением испол-

нительной элиты Тывы, поровну разделившейся между вариантами «только государством» и «наравне государством и частными организациями»). Что касается обеспечения жильем, то здесь нет единого мнения. Так, большинство политической элиты Бурятии – 42,2% поддержало варианты только или по преимуществу государством, а Саха (Якутии) и Тывы – ответ «наравне государством и частными организациями», соответственно 50,5% и 56,2%. Тем самым значительная часть политической элиты склоняется к мысли, что решение указанного вопроса возможно силами государственных и частных организаций на паритетной основе. Данную позицию поддержали исполнительные элиты Саха (Якутии) и Бурятии, а также все виды элит Тывы. Заметим, что высказывались и кардинальные суждения. Например, отдельные представители политической элиты Якутии придерживались мнения, что обеспечивать жильем граждане должны себя сами. Следует отметить, что и в отношении других благ около трети элит также выступали за их равное обеспечение государством и частными организациями. Допускается некоторое расширение частных начал в социальной сфере, которая традиционно считается прерогативой государства. Такого же мнения придерживаются и россияне. В 2011 г. в представлениях населения оптимальной для социальной сферы была модель, при которой определенный минимум всем обеспечивает государство, а большего каждый добивается сам [2, с. 19]. Мы склонны согласиться с мнениями политических элит и населения страны, что социальная сфера должна находиться в ведении государства (при возможном участии частных организаций), именно оно обязано оказывать социальную поддержку всем слоям населения.

В завершении тематического блока мы задали вопрос: «Что необходимо предпринять для развития социальной сферы?». Респонденты трех регионов единодушно поддержали вариант «обеспечить стабильность экономической ситуации в стране», что вполне понятно, т.к. благополучие социальной сферы, как, впрочем, и любой другой, зависит именно от состояния экономики, которое в России на данный момент пока не лучшее. Указанный вариант ответа выбрало большинство почти всех видов республиканских элит. Исключение составили лишь исполнительная элита Саха (Якутии), 29,1% которой остановились на суждении «совершенствовать государственную политику в данной области», и муниципальная элита Тывы, выбравшая вариант «контролировать реализацию государственных инициатив» – 30,4%. Муниципальной

элите Якутии также импонировало суждение «увеличить финансирование», показатель которого был на том же уровне, как и у самого популярного ответа «обеспечить стабильность экономической ситуации в стране» – по 31,5%. Менее всего выбирался вариант «обеспечить стабильность политической ситуации в стране». Фактически все предложенные в анкете варианты находят поддержку у республиканских элит. Безусловно, данный список не является исчерпывающим, на что указывают, например, дополнения в графе «другое». Так, представители политической элиты Якутии считают, что часть льгот нужно сделать адресными, желательно изменить систему медицинского страхования и др. Элита Тывы предлагает повысить эффективность работы учреждений социальной сферы и пр.

Таким образом, анализ анкетных данных показал, что состояние социальной сферы в России оставляет желать лучшего. Представители республиканских политических элит четко выделили круг наиболее проблемных направлений, которые требуют к себе пристального внимания. К сожалению, в него были включены фактически все базовые отрасли социальной политики, что свидетельствует о ее неэффективности и необходимости реализации более действенных мер. Надеемся, что объективная оценка на региональном уровне развития социальной сферы в России и определение слабых моментов в ней поможет политической элите страны найти оптимальные пути их устранения.

Литература

1. В плену у бедности каждый восьмой россиянин. – [Электронный ресурс]. – URL: http://kprf.ru/rus_soc/90167.html.
2. Горшков М.К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) // Власть. – 2011. – № 12. – С. 11-22.
3. Государственный доклад о положении детей в Российской Федерации 2010 год. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/otchety/6>.
4. Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. – Мн.: Харвест, 1998. – 432 с.
5. Жалсанова В.Г. Политическая элита Бурятии на современном этапе. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2003. – 114 с.
6. Крыштановская О.В. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов (аналитический доклад, подготовлен в сотрудничестве с Представительством фонда им. Фридриха Эберта в РФ). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.isras.ru>.
7. Миронов С. Ситуация с материально-техническим обеспечением села «аховая». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://agroobzor.ru/article/a-435.html>.
8. Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2011 году. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.economy.gov.ru/>

wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/monitoring/doc20120202_05.

9. Павроз А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 360 с.

10. Пироговское движение – за «оздоровление» здравоохранения. – [Электронный ресурс]. – URL: www.velt-media.ru/node/781.

11. Пыкина Т.А. Бедность как фактор и его влияние на социальную структуру современного российского общества // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – № 14а. – С. 139-142

12. РФ заняла 127-ое место в мире по показателю здоровья населения. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pdv-info.ru/zdorove/uf-zanyala-127-oe-mesto-v-mire-po-rokazatelyu-zdorovya-naseleniya/>.

13. Состояние здравоохранения в России. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kprf21.ru/inform/analitika>.

14. Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты / М.Тарусин и др. – М.: Наука, 2008. – 296 с.

15. Таблицы. Институт комплексных стратегических исследований. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.icss.ac.ru/macro/>.

16. 2007-2011: увеличение финансирования и системный подход к развитию здравоохранения. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minzdravsoc.ru/health/med-service/204>.

17. Уровень бедности в России. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://proforexvideo.ru/uroven-bednosti-v-rossii/>.

18. Цифры, характеризующие российские проблемы образования. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.treko.ru/show_article_1034.

Очирова Виктория Мункоевна, кандидат политических наук, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: ochirova.v@yandex.ru.

Ochirova Victoria Munkoevna, candidate of political sciences, doctoral degree researcher, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: ochirova.v@yandex.ru.

УДК 32.001:37. 017.4

Б.Б. Гармаев

ПРИРОДА ПАТРИОТИЗМА И ФОРМЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Рассматривается понятие и сущность патриотизма, определены основные формы патриотизма. Установлены факторы, повлиявшие на формирование сущности патриотизма на различных исторических этапах.

Ключевые слова: патриотизм, патриот, патриотическое воспитание, государство, политика, общество.

B.B. Garmaev

THE NATURE OF PATRIOTISM AND FORMS OF ITS MANIFESTATION

In the article the concept and essence of patriotism is considered, the basic form of patriotism have been determined. The factors have been determined that influenced on formation of the essence of patriotism at different historical stages.

Key words: patriotism, patriot, patriotic education, state, politics, society.

Научное исследование сложных проблем, как правило, начинается с теоретического анализа используемых в работе понятий. Поэтому анализ проблем патриотического воспитания начался с уточнения его первоосновы – понятия «патриотизм», которое принадлежит к числу понятий, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Иными словами, данное понятие не относится к числу сугубо теоретических конструкций, ибо пронизывает обыденное сознание широких масс и становится регулятором их практических действий. Такого рода понятия нелегко определить, а без уяснения его сущности трудно установить не только существующие различия в их теоретическом толковании, но и смысл практических действий.

На протяжении истории развития человеческого общества понятие «патриотизм» исполь-

зовалось в самых разных ситуациях. Бытует мнение о том, что впервые понятия «патриот» и «патриотизм» появились в период Великой Французской революции 1789–1793 гг., когда «патриотами» называли себя борцы за народное дело, защитники республики в противовес «изменникам», «предателям родины» из лагеря монархистов. На наш взгляд, данная точка зрения при всей ее справедливости не соответствует истине. Ее правдивость заключается в том, что во времена Французской революции в понятия «патриот» и «патриотизм» начали вкладывать новое содержание и, соответственно, они получили очередное («второе») дыхание, отвечающее вызовам конкретно-исторической ситуации французского общества того времени.

По нашему мнению, данное понятие в рефлексивном виде возникло еще в условиях перво-

бытных культур и было связано с началом осознания человеком своей социальной сущности. Оно, по всей вероятности, зародилось как осознанное чувство или осознанная установка, которая была направлена на защиту членов своего племени и их имущества. Но его смысловая сущность, означающая любовь и преданность отечеству, сформировалась в эпоху античности и базировалась на значении слов *πατρίς* (греческое правописание), *patois* (латинское правописание) – отечество, родина и «*πατριότης*» (греческое правописание), *patriotes* (латинское правописание) – соотечественник. Понятие «патриотизм», возникнув предположительно в первой половине первого тысячелетия до нашей эры, дошло до наших дней. Однако на протяжении веков неоднократно оспаривалась его сущность, о чем свидетельствует анализ взглядов ученых разных направлений: историков, философов, литераторов и т.д. Дискуссионность понятия «патриотизм» объясняется не только его сложной природой, многообразием форм проявления, но и рассмотрением проблем патриотизма исследователями, опирающимися на постулаты разных политических культур и имеющими различные идейно-теоретические установки. Споры о полезности или деструктивности патриотизма продолжаются и в наши дни, в том числе между российскими либералами, значительная часть которых придерживается некой «единой мировой культуры», и консерваторами, отстаивающими «исконно национальную независимость» государств и цивилизаций. В этом отношении определенный интерес представляет дискуссия, развернувшаяся между Н. Ефимовым [1] и М. Рацем [6].

Н. Ефимов считает, что М.Рац, опираясь на афоризм, произнесенный доктором Самуэлем Джонсоном в Литературном клубе 7 апреля 1775 г. и опубликованный Джеймсом Босуэллом в жизнеописании Джонсона в 1791 г., что «патриотизм – это последнее прибежище негодяя» (англ. «Patriotism is the last refuge of a scoundrel»), обосновывает деструктивную функцию патриотизма. Чтобы понять истинную позицию С. Джонсона, рассмотрим смысл его высказываний. Так, в первом издании своего словаря английского языка (1755 г.) Джонсон определил слово «патриот» следующим образом: «тот, чьей руководящей страстью является любовь к своей стране». Однако, поскольку термин активно использовался оппозицией в политической полемике и для собственного позиционирования, в четвертом издании (1774 г.) Джонсон сделал следующее дополнение: «также иногда используется для фракционных нападков на правитель-

ство». Далее, ровно за год до того, как Джонсон произнес знаменитый афоризм, к майским парламентским выборам 1774 г. он опубликовал эссе под названием: «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании». Эссе представляло собой памфлет в защиту стоявших тогда у власти тори от агитации вигов. Джонсон посвятил его разоблачению «ложного патриотизма», или политической демагогии (в современных терминах), которую Джонсон усматривает в действиях оппозиции, ведшей кампанию против двора, правительства и прежнего состава парламента под лозунгами патриотизма и защиты народных прав и свобод. Он начал с утверждения, что место в парламенте могут занимать только истинные патриоты, рисуя затем идеальный образ политического деятеля: «Патриот тот, чье публичное поведение определяется одним мотивом – любовью к своей стране, тот, кто как представитель в парламенте не имеет ни личных надежд, ни страха, ни доброжелательства, ни обиды, но направляет это исключительно на общий интерес».

Далее, Джонсон предостерег против «ложных внешних признаков» патриотизма, сравнивая «ложных патриотов» с фальшивыми монетами, которые блестят как настоящие, но отличаются по весу. Прежде всего, он возражает против мнения, что патриотизм обязательно заключается в «резкой и упорной оппозиции двору». Как можно понять из вышеприведенных высказываний, Джонсон был на одной из враждующих за власть в Англии сторон и возможно на той, которая поддерживала монархию и была против более революционной оппозиции. Он просто употребил слово «патриотизм» в борьбе против политических оппонентов. Иначе говоря, высказывания Джонсона показывают относительность патриотизма как средства поддержки той или иной политики «элит». Когда патриотизм работает на дело Джонсона – это «хороший» патриотизм; а когда на дело оппозиции – плохой – «последнее прибежище негодяев».

Возможность различного толкования патриотизма обусловлена тем, что он относится к ряду конкретных понятий, а не к группе категорий. «Категориями, как пишет А.И. Кравченко, являются наиболее общие понятия, отражающие существенные характерные черты и связи явлений... А конкретные термины... относятся к понятиям. У них более узкий, зато и более точный объем содержания. Между категориями и понятиями есть еще одно существенное различие. Категории универсальны и общечеловечны. Свобода, как говорится, и в Греции свобода. Личность во всех культурах трактуется одина-

ково. Но те понятия, которыми оперируют американские политологи, иногда совершенно непонятны индийским или российским» [3]. Значит, маловероятно создание совершенно четкой и окончательной характеристики патриотизма не только потому, что он является конкретным понятием, но и потому, что постоянно меняются политические интересы государств и субъектов патриотического воспитания. Коль скоро политические интересы государств и даже целых цивилизаций не унифицированы, следовательно, нет «вечных политических ценностей» и «вечной политической культуры», на основе которых можно было бы сформировать некое единое патриотическое мировоззрение для всех людей планеты. Каждая региональная цивилизация или каждое государство исторически всегда имело свой «набор» мировоззренческих ценностей, которые являлись и являются до сих пор основой понимания патриотизма в этих регионах. Именно поэтому понятие «патриотизм» большинство современных государств и цивилизаций взяли от греков для вывески, но содержание каждый вкладывает свое, специфическое в зависимости от политических установок.

На наш взгляд, мощным фактором, влияющим на сущность понятия «патриотизм», т.е. есть его содержательной оболочкой, служит политическая культура общества. Поэтому большое значение для уяснения сущности патриотизма имеет анализ политической культуры, уяснение ее места в жизнедеятельности общества. Безусловно, политическая культура – важная составная часть культуры общества. По мнению А.Ю. Мельвиля и его соавторов, политическая культура – это «совокупность явлений из мира политики, содержащаяся в культуре данного общества, на которые влияют характерные для него цивилизационные составляющие жизнедеятельности: религия, этнонациональный менталитет, достигнутые уровни развития науки и техники, образованности и т.д. Иначе говоря, культура в целом – это социальный контекст, внутри которого политические события только становятся для человека понятными и вразумительными. Политика, таким образом, – средство бытия культурного языка общества, его смысловых структур, народных образцов, традиций. Выражая «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне), политическая культура своими способами содействует единению общества, обеспечивает в привычных для людей формах стабильность отношений элитарных и неэлитарных слоев» [5]. Данное определение позволяет заявить, что, с одной стороны, политическая

культура общества – это результат развития исторического опыта (средство бытия языка, народных традиций и т.д.), поэтому своеобразным ее «дном» служит генетический код, оказывающий большое влияние на формирование политических ценностей, политической ментальности, в конечном счете, патриотического поведения.

С другой же стороны, политическая культура – это форма проявления того, как современники воспринимают окружающую действительность, в первую очередь, политику, и как они интерпретируют увиденное, базируясь на разделяемых ими ценностях и нормативных требованиях общества. Именно при таком подходе к политической культуре патриотизм можно рассмотреть как политико-культурное поведение, которое можно регулировать с помощью властных и иных полномочий.

Любая политическая культура включает в себя как идеальные (императивно-нормативные), так и реальные модели патриотического поведения. Идеальные модели в основном закрепляются официальной идеологией, и они служат образцом патриотизма, а реально действующие модели поведения, зависящие от ценностных ориентаций личности и от условий, в которых находится человек, способствуют сегментации носителей патриотических идей. По существу, как идеальные (императивно-нормативные), так и реальные модели патриотического поведения относятся к группе зависимых переменных. Отсюда и изменчивость данного понятия в контексте общественно-политической обстановки.

Бесспорно, что в любом обществе нравственная субстанция, раскрывающая суть патриотизма, не существует сама по себе, она проявляется при реализации жизненно важных установок личности, которые подразделяются на универсальные и специфические. К числу универсальных установок патриотического поведения относятся любовь к ближнему, уважение старших, соблюдение правил поведения человеческого общества, значительная часть которых имеет непреходящую значимость. А специфические патриотические установки имеют тесную связь с устоями общества (идеологией государства, системой права, экономическими отношениями и т.д.) и они меняются в связи с изменениями политико-культурных составляющих, в том числе с изменением политико-нравственной субстанции общества, именуемой политической культурой.

Начатый в настоящее время поиск консолидирующих общество идей, в центре которых был бы патриотически настроенный человек,

соответствует целям и задачам строительства гражданского общества. По доминирующему в настоящее время мнению, понятие «гражданское общество» используется «для характеристики определенного состояния общества и отождествляется с государством особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности, в силу чего оно может считаться цивилизованным, то есть гражданским» [7]. Политическая защита прав и свобод личности будет иметь успех, если:

– защищены не только ассоциированные интересы членов общества, но и интересы отдельных групп (территориальных, этнических, профессиональных, личности и т.д.);

– заинтересованы и соответственно патриотически настроены сами члены общества в реализации тех постулатов, которые предлагает государство, строящее гражданское (цивилизованное) общество.

Это означает, что политическая защита прав и свобод личности результативна, если будет решена двуединая задача:

– повышение ответственности власти;

– активизация инициативы масс и улучшение компетентного понимания новой сущности любви и преданности Отечеству.

В этой связи следует отметить, что понятие «патриотизм» в наиболее общем значении слова употребляется применительно к защите интересов государства и общества в целом. В то же время в условиях гражданского общества оно может применяться к различным частным сферам, что и обуславливает множественность форм его проявления. При первом приближении выделяют следующие формы патриотизма, присущие разным сферам (средам) общественной жизни гражданского общества:

1. Гражданский патриотизм – направлен на воспитание правовой культуры и законопослушности, высокой нравственности и общей культуры, четкой гражданской позиции, постоянной готовности к сознательному, бескорыстному, добровольному служению своему народу. Характеризуется понятием «гражданственность» и должен быть в первую очередь направлен на возникновение у личности тех черт, которые позволят ей быть полноценным участником общественной жизни: формирование чувства собственного достоинства, нравственных идеалов, правовой культуры, дисциплинированности, активной социальной позиции, готовности к выполнению своего конституционного долга и т.д.

2. Этнический патриотизм призван:

– содействовать познанию историко-культурных корней этноса, формированию гордости за сопричастность к деяниям предков и современников;

– ориентировать человека на изучение места и роли этноса в мировом и историческом процессе;

– направить интерес человека на понимание особенностей менталитета, нравов, обычаев, верований и традиций наших народов, героического прошлого различных поколений и проч.

3. Общинный патриотизм направлен на поддержку какой-то общности (демографической, профессиональной и др.) со всеми ее традициями и особенностями. Он призван активизировать межпоколенную духовно-нравственную и культурно-историческую преемственность, содействовать формированию активной жизненной позиции, проявлению чувства благородства и сострадания, заботы о социально-уязвимых группах населения, в том числе о людях пожилого возраста и др.

4. Либеральный патриотизм направлен в основном на защиту «прав» граждан самовыражаться и самоопределиваться каком-либо государстве, невзирая на национальные особенности, на политический строй, на власть.

5. Национал-патриотизм – возвышение какой-то нации над другими, как живущими в этом государстве, так и вне его; зачастую агрессивно относится к другим национальностям и государствам.

6. Полисный патриотизм, существовавший в античных городах-государствах (полисах), направлен на защиту полисного порядка и его возвышение. В современных условиях аналогом полисного патриотизма является патриотизм жителей муниципальных образований.

7. Имперский патриотизм – возвышение империи, ее верхушки, порядков и прав.

8. Интернациональный патриотизм основан на какой-либо общей идее («христианство», «социализм») и направлен на поддержку глобального порядка вне национальных особенностей, входящих в глобальную общность народов.

9. Государственный патриотизм формирует у личности высшие ценности, идеалы и ориентиры государства, социально значимые процессы и явления реальной жизни, способность руководствоваться ими в качестве определяющих принципов, позиций в практической деятельности и поведении. Он включает беззаветную любовь и преданность своему Отечеству, гордость за принадлежность к великому народу, к его свершениям, испытаниям и проблемам, почита-

ние национальных святынь и символов, готовность к достойному и самоотверженному служению обществу и государству.

10. Территориальный патриотизм – защита какой-либо территории, что и объединяет таких патриотов.

Перечень форм проявления патриотизма, присущих гражданскому обществу, можно и продолжить. Однако важно не чрезмерное дробление этого общественно-политического поведения граждан, ибо оно может привести, например, к рассмотрению психологических установок фанатов какого-нибудь футбольного клуба как истинных патриотов той или иной страны, а понимание сущности основных видов патриотизма, определяющих судьбу государства. К их числу мы прежде всего относим, государственный, гражданский, этнический и общинный патриотизм.

Итак, истоки появления понятия «патриотизм» уходят в глубину веков и даже тысячелетий. Однако данное понятие имеет сложную судьбу, ибо в различные времена и в разных странах в зависимости от политической культуры и политических установок в него вкладывали определенный смысл. Значит, несмотря на то, что не изменилась языковая форма понятия «патриотизм» и его первоначальный смысл, означающий любовь и преданность отечеству, периодически трансформировалась его сущность, связанная с преобразованиями политической культуры, трактующей политическую суть общества и в первую очередь понятие «Отечество». Отечество у всех разное. Например, в советское время под Отечеством подразумевали страну коммунистической направленности, а реформаторы, особенно на начальном периоде трансформации страны, акцентировали внимание на рыночную Россию, ориентирующуюся на специфическую солидарность. В настоящее время уделяется серьезное внимание оптимальному сочетанию атомизированности конкурентного рыночного общества и бытия, где индивид и в конечном счете общество осознает важность

защиты интересов государства, общественной солидарности и гражданского участия.

В заключение следует отметить, что для исследования прикладных проблем патриотического воспитания молодежи реформируемой России необходимо руководствоваться теоретическим определением. Поэтому, не претендуя на завершенность, что, в принципе, невозможно, в данной работе мы выделяем патриотизм как духовно-нравственный образец нормативного поведения людей или совокупности идеальных (справедливых) с точки зрения данного общества образцов поведения. Их базисом, или идейной первоосновой, служит политическая культура граждан конкретно-исторической эпохи, опирающаяся на гражданскую солидарность, историческую память, ценностные представления и установки о смысле и целях развития Отечества, этноса, общества, сообществ.

Литература

1. Ефимов Н. О патриотах, негодях и Родине. // Независимая газета. – 24 июня. – 2000.
2. Валуев В.Г. Пути формирования патриотизма в современной России // Вестник Поволжской акад. гос. службы. – 2008. – №3.
3. Кравченко А.И. Политология. – М.: Проспект, 2001. – 336 с.
4. Лебедев В., Тюрина Н.А. О некоторых направлениях решения проблемы патриотического воспитания молодежи в современных условиях // СМИ. Журналистика. Реклама. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.librero.ru/article/social/patriotic.html>. (дата обращения 19.04. 2010).
5. Мельвил А.Ю. Политология. – М.: МГИМО, ТК Велби, Проспект, 2004. – 624 с.
6. Рац М. Патриотизм и способы его обсуждения // Независимая газета. – 26 августа. – 2000.
7. Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. – М., 2008. – 392 с.

Гармаев Бато Бадмацыренович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, e-mail: BATOHAN85@mail.ru.

Garmaev Bato Badmatsyrenovich, postgraduate student, department of state and municipal management, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: BATOHAN85@mail.ru.

УДК 32.019.51

А.В. Халбашкеев

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Рассматривается понятие «политическая культура», о том, может ли она называться научной категорией, а также роль данного понятия в политическом процессе. Проанализированы различные подходы к определению «политической роли», оценки ее роли и значимости, данные различными исследователями. Предпринята попытка операционализации политической культуры через совокупность эмпирически наблюдаемых элементов.

Ключевые слова: феномен политической культуры, понятие, функции, концептуальные подходы.

A.V. Khalbashkeev

«POLITICAL CULTURE» AS A SCIENTIFIC CATEGORY

In this article a concept of «political culture» is considered, whether it could be called a scientific category, as well as the role that this concept plays in the political process. Various approaches to a definition of «political role», evaluating its role and relevance, have been analyzed; the evaluation has been conducted by different researchers. An attempt of operationalization the political culture by a set of empirically observable elements has been made.

Key words: phenomenon of political culture, concept, functions, conception, conceptual approaches.

Приступая к изучению феномена политической культуры, прежде всего, нужно определиться: что мы понимаем под данным понятием? Сразу нужно отметить, что здесь мы столкнемся с рядом проблем. Несмотря на наличие достаточного количества литературы по этому вопросу, до сих пор не существует общепринятого понимания феномена политической культуры.

«Скорее всего, сложность, многоплановость объекта познания как раз и является причиной множественности подходов к определению политической культуры. А это, в свою очередь, связано с различными методами исследования, с выделением конкретных функций, аспектов или составных элементов политической культуры, которые тот или иной исследователь считает наиболее значимыми, существенными при рассмотрении такого сложного, комплексного понятия как политическая культура», – считает Н.Л. Подвойская [1].

Первыми политическую культуру как категорию политической науки выделили американские исследователи Г. Алмонд и С. Верба в своей книге «The civic culture: political attitudes and democracy in five countries» («Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах»), опубликованной в 1963 г. Работа основывалась на результатах широкого опроса общественного мнения, который в 1959–1960 гг. был проведен одновременно в пяти странах: США, Великобритании, ФРГ, Италии и Мексике.

Г. Алмонду принадлежит и первое определение нового понятия, приемлемое для изучения политического поведения и политических процессов. Он считает, что политическая культура состоит из особых форм ориентаций на политические объекты, которые лежат в основе политической системы. Г. Алмонд и С. Верба пишут: «Термин «политическая культура» подразумевает специфические политические установки в отношении политической системы и ее различных частей и установки по отношению к собственной роли в системе» [2]. Далее Г. Алмонд и

С. Верба утверждали, что политическая культура включает в себя: когнитивную (знания о политике), аффективную (чувства и эмоции по отношению к политике) и оценочную (мнения о политических объектах) ориентацию.

В то же время многие исследователи отказывают данному понятию в научности, упрекая его в субъективности и размытости. Действительно, понятие «политической культуры» зачастую сложно отделить от родственных ему понятий политического менталитета, национального характера и т.д. Довольно точно высказался по этому поводу американский исследователь Р. Далтон: «С легкой руки М. Кааза, измерение политической культуры стали сравнивать с приколачиванием желе к стене, имея в виду, что данному понятию не хватает точности, и оно является скорее субъективной, стереотипизированной характеристикой нации... Одни авторы усматривали проявление политической культуры практически в каждом явлении политической жизни, другие использовали это понятие по «остаточному принципу» для объяснения того, что не поддавалось анализу другими средствами...» [3].

В 1972 г. Л. Пай обнаружил, что это понятие «стало общепринятым среди представителей политической науки, да и вообще среди интеллектуалов». Но он обнаружил и то, что оно «неуловимо» и напоминает многие другие понятия, которые «поначалу выглядели как глубокое и живое проникновение в суть вещей, но вскоре из-за неразборчивого употребления стали смутными и пустыми». Л. Пай сокрушался, что оно могло стать, как и предупреждал С. Верба, «остаточной категорией, небрежно используемой для объяснения всего того, что не может быть объяснено с помощью более точных и конкретных факторов» [4].

В 1988 г. уже С. Хьюз констатировал, что «выражение «политическая культура» получило в последнее время повсеместное распространение». В том же году сессия Американской исторической ассоциации, вылившаяся в обсуждение вопроса о политической культуре, дала повод

Д. Бейкер заметить, что, несмотря на «проблемы с определением», это понятие «стало популярным, заезженным и навязчивым». А с приближением нового тысячелетия у Д. Силби появились все основания утверждать, что исследование политической культуры стало «главным занятием». «Мы, похоже, живем, – писал он, – в век схоластов, в котором основным объяснительным и дескриптивным инструментом служит понятие политической культуры». При этом, по словам Д. Силби, представление о политической культуре остается аморфным, так что ему «с легкостью придают то одно, то другое обличье» [5].

Однако, по нашему мнению, исключение данной категории серьезно обеднит инструментарий исследователя. Те же Г. Алмонд и С. Верба писали по этому поводу: «Мы используем термин «политическая культура» по двум причинам. Во-первых, если мы хотим проследить взаимосвязь между политическими и неполитическими установками и моделями развития, мы должны отделить первые от вторых, пусть даже граница между ними является не настолько резкой, как это следует из нашей терминологии. Таким образом, термин «политическая культура» отсылает к сугубо политическим ориентациям – установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, представлениям о роли личности в системе. Мы говорим о политической культуре с тем же основанием, с каким мы можем говорить об экономической культуре или культуре религиозной. Это набор ориентаций на некую совокупность социальных объектов или процессов.

Но мы предпочли понятие политической культуры всем прочим еще и потому, что оно позволяет нам воспользоваться концептуальными рамками и подходами антропологии, социологии и психологии ... Тем самым понятие политической культуры помогает нам избежать расплывчатости, присущей такому общепринятому антропологическому термину, как «культурный этнос», а также сопряженному с ним представлению об однородности культуры. Оно позволяет нам формулировать гипотезы о взаимосвязи между различными составляющими культуры и проверить эти гипотезы эмпирически» [6].

Здесь же стоит подчеркнуть, что то явление, которое описывает или пытается описывать политическая культура, действительно существует. Так, несмотря на то что многие развивающиеся страны установили у себя западные демократические институты, политические процессы у них протекают далеко не так как в странах Европы

или США. С определенными сложностями столкнулся процесс демократизации и в России.

Очевидно, что объяснение данным явлениям лежит в неинституциональной сфере. Поэтому и возникает концепция «политической культуры». Как считал Г. Алмонд и ряд других политологов, традиционный подход к политике в терминах исследования государственно-правовых институтов не в состоянии определить, почему одинаковые по своей форме социально-политические институты действуют по-разному в некоторых странах, почему те или иные институты оказываются дееспособными в одних странах и совершенно неприемлемыми для других стран. Они ставили своей целью разработать комплексный подход, базирующийся на органическом соединении эмпирического и теоретического, микроуровневого и макроуровневого аспектов исследования, т.е. политико-культурный подход представляет собой попытку интегрировать социологию, культурную антропологию, социальную психологию в единую политологическую дисциплину. Он призван соединить исследование формальных и неформальных компонентов политических систем с анализом национальной политической психологии, политической идеологии [7].

Здесь стоит добавить, что «значительное влияние на становление концепции политической культуры оказало широкое развитие методики и техники эмпирических исследований, которое позволило в исследованиях политической культуры перейти от уровня умозрительных построений к эмпирическому обоснованию и проверке гипотез. Так, фиксация количественных и качественных параметров политической, социальной и психологической стороны реальности способствовали:

- 1) развитию точных методов выборочного исследования, позволяющих получать репрезентативные данные относительно больших массивов населения;

- 2) совершенствованию техники сбора данных, прежде всего интервьюированию, обеспечивающей надежность первичной информации;

- 3) развитию техники шкалирования, дающей возможность сортировать ответы респондентов и соотносить их с исходными теоретическими переменными;

- 4) применение сложных методов статистической обработки, позволяющих перейти к многомерным, регрессионным, причинным и другим моделям анализа ценностных поведенческих и ситуативных параметров политической культуры» [8].

Как заметил тридцать с лишним лет назад Л. Пай, один из первых современных представителей политической науки, приступивших к исследованию рассматриваемого предмета, «сам термин «политическая культура» способен породить быстрое интуитивное понимание, так что людям часто кажется, будто они и без дальнейшего уточнения могут проникнуть в его смысл и пользоваться им». Но именно эта доступность служит сигналом «серьезной опасности, когда данное понятие пытаются применить в качестве «недостающего звена», восполняющего то, что не может быть объяснено посредством политического анализа» [9].

Таким образом, исследователю, стремящемуся использовать категорию «политической культуры», для того чтобы избежать этой опасности, необходимо разработать конкретное определение данного феномена, или другими словами осуществить операционализацию категории «политическая культура».

Как уже было отмечено выше, существует множество определений политической культуры. Так, Э. Баталов определяет ее как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых репрезентативных («образцовых») убеждений, представлений, установок сознания и моделей («образцов») поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности [10].

Л. Бляхер определяет политическую культуру как коммуникативную сеть, по которой циркулируют культурные образцы, детерминирующие наше восприятие предъявленного сознанию артефакта как политического явления и определяющие репертуар возможных действий по отношению к данному явлению. Погруженный в коммуникативные сети культуры агент действует так, как ему подсказывает образец. Под образцом политической культуры он понимает знаковое образование, сформировавшееся посредством агрегации некоторых выделившихся признаков и действий, которым в обществе приписан смысл «политического» [11].

Интерес представляют доводы, приводимые канадским исследователем Р. Престусом. Характеризуя политическую культуру как «ценности и институциональные структуры», он включает в нее отношение масс к политике, степень их участия в политической жизни, понимание гражда-

нами эффективности политики и отчуждение от нее, законность, приписываемую политическим элитам, а также характер и основу политики внутри социальной системы и ее различных подсистемах. По его словам, структуры политических институтов в той мере, в какой они участвуют в политическом процессе, следует рассматривать как часть политической культуры.

Весьма широкую трактовку понятия «политическая культура» дает Л. Пай, который включает в него все то, что охватывается такими категориями, как «политическая идеология, национальный характер и дух, национальная политическая психология и фундаментальные ценности народа».

Ряд авторов трактует политическую культуру настолько расширительно, что (по сути дела) она лишается всякого реального смысла. Л. Дитмер, например, применяет ее в отношении «национального характера, влияния коллективного исторического опыта на национальную специфику, а также эмоциональных или нормативных рамок взаимосвязи между государством и гражданами». К весьма далеко идущим выводам в трактовке этого вопроса пришел Р. Пунэм. По его словам, политическая культура призвана дать ответы на вопросы: «в чем состоит сущность человека?», «что такое общество и что лежит в его основе: гармония или конфликт?», «что такое политическая система?». Комплекс ответов на эти вопросы, по его словам, и составляет «политическую культуру». Очевидно, что такой расширительный подход делает вообще бессмысленным само стремление разработать категорию «политической культуры», поскольку трактуемая подобным образом она совпадает с такими категориями, как «политическая система», «национальный характер», а то и «общество». При таком понимании теряется сам смысл вычленения политической культуры в качестве самостоятельного объекта исследования, призванного адекватно объяснить мир политического [12].

Из этих и других определений можно сделать следующий вывод. Для того чтобы дать определение политической культуре, необходимо разложить это понятие на какие-то составные элементы, которые, в свою очередь, можно эмпирически измерить. Как правило, это установки, ценности, ориентации на объект, стереотипы, традиции и т.д.

Существует два основных подхода к определению политической культуры. В первом случае под ней понимается форма общественного сознания, во втором – совокупность типичных моделей политического поведения.

Г. Алмонд и С. Верба ограничивали ее сферой политического сознания и политической психологии. Впоследствии сходные взгляды развивали Л. Пай и Д. Дивайн, а среди отечественных ученых – Ф. Бурлацкий и А. Галкин, настаивавшие на том, что «включение политического поведения в политическую культуру несовместимо с логикой исследования и может привести к недопустимой переоценке воздействия политической культуры и недооценке других факторов, формирующих политическое поведение» [13].

Однако, в последнее время возник и интенсивно развивается иной подход. Возражая против того, что понятие «политическое поведение» шире, чем «политическая культура», ряд отечественных и зарубежных политологов определяет последнюю как «совокупность стереотипов политического сознания поведения, присущую данной социальной общности» [14].

По нашему мнению, политическая культура находится на стыке этих двух понятий, находя свое выражение как в сфере политического сознания (знания о политике, ценности), так и непосредственно в политическом поведении индивидов (установки и модели поведения).

Исходя из этого, мы определяем политическую культуру как достаточно стабильную совокупность знаний о политике, ценностей установок и моделей или образцов поведения относительно элементов политической системы, присущих определенной общности людей, которая в то же время является одним из критериев выделения этой общности. Одновременно она выступает как составная часть общей поведенческой культуры данного общества.

Под политической ценностью мы понимаем господствующие в обществе, группе индивидов убеждения относительно того, как следует себя вести в той или иной политической ситуации, которые основываются на знаниях индивида о политике, политической системе и измеряются по шкале «хорошо – плохо», «приемлемо – неприемлемо». Ценности опосредуют политическое поведение и в данном случае предшествуют и определяют установки. Индивид оценивает ситуацию, примеряя ее к своей ценностной картине мира, определяя, является ли приемлемой для него та или иная модель поведения в данном случае. После этого он принимает решение относительно модели поведения в данной ситуации – то есть в его сознании формируется установка, которая фактически является первым этапом политического поведения. Впрочем, зачастую бывает, что процесс на этом обрывается, например, для несовершеннолетних или осуж-

денных по приговору суда, которые хоть и могут иметь установки относительно того, за какого кандидата или партию они хотели бы голосовать, тем не менее не имеют возможности этого сделать. Установки в свою очередь в самом широком смысле понимаются как состояние индивида вести себя тем или иным образом в конкретной ситуации. Таким образом, мы можем определить некоторую цепочку, опосредующую политическое поведение: «знания о политике – ценности – установки – поведение».

Существует и другой вариант. В данном случае индивид в той или иной политической ситуации действует исходя из уже существующих общепринятых моделей поведения. Значит, цепь взаимосвязей будет выглядеть следующим образом: «модель или образец поведения – политическое поведение». Индивид критически не осмысливает свое поведение в той или иной ситуации, полагаясь на общепринятые в данном обществе образцы.

Благодаря этому можно составить более масштабную схему, определив роль и место политической культуры в политической системе общества: политическая культура общества или отдельной крупной группы (установки, ценности, стереотипы, господствующие в обществе или группе) – политическое сознание отдельного индивида (установки и ценности отдельного индивида) – политическое поведение отдельного индивида – политическое поведение как политическая категория (характерно для общества в целом и крупных групп) – влияние на политический процесс – влияние на институты политической системы.

В свою очередь на политическую культуру оказывают влияние различные факторы, в том числе политические институты, политические и социальные процессы (глобализация и т.д.). Таким образом, данный процесс носит циклический характер, а политические институты, процессы и политическая культура взаимно влияют друг на друга.

Литература

1. Подвойская Н.Л. Политико-культурный подход как новая исследовательская парадигма в американской политологии второй половины XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2006. – №2. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения 17 января 2013).
2. Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five countries. – Princeton, 1963. – P. 13.
3. Далтон Р.Д. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 322.

4. Pye L. W. Culture and political science. – P. 287. Предостережение Вербы появилось в: Verba S. Conclusion: comparative political culture // Political culture and political development / L.W. Pye, S.Verba (eds). – P. 513-517. В этом часто цитируемом высказывании Верба также отметил, что политическая культура «имеет дело не с тем, что происходит в политике, а с тем, что люди думают об этом». См.: Verba S. Op. cit. – P. 516. Цит. по Р.Формизано. Понятие политической культуры // Pro et Contra: Т 7. – 2002. – С. 116.

5. Hughes H.S. Sophisticated rebels: the political culture of European dissent: 1968-1987. – Cambridge, Mass, 1988. – P. 1; Baker J.H. Comments / Paper presented at the American Historical Association Annual Meeting, 1988. – P. 3; Silbey J.H. The state and practice of American political history at the millennium: the nineteenth century as a test case // J. of policy history. – XI. – 1999. – P. 8. Цит. по Формизано Р. Понятие политической культуры // Pro et Contra: Т 7. – 2002. – С. 116.

6. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Политика – 2010. – №2. – С. 131-132.

7. Гончаров В.Н. Политическая культура в контексте политического сознания. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения 14 января 2013).

8. Поведенческая традиция анализа политической культуры. Политическая социология. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.polbu.ru/ru/alisova_politsociology/ Цит. по. Н.Л. Подвойская. Политико-культурный подход как новая исследовательская парадигма в американской политологии второй половины XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2006. – №2. – [Электрон-

ный ресурс]. – URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения 17 января 2013).

9. Pye L.W. Political culture // International encyclopedia of the social sciences / D.W. Sills (ed.). – N.Y., 1968. – XII. – P. 204. Цит. по Р.Формизано. Понятие политической культуры // Pro et Contra. – Т 7. – 2002. – С. 116.

10. Баталов Э. Политическая культура России через призму civic culture // Pro et Contra. – Т 7. – 2002. – С. 10.

11. Бляхер Л. Презумпция виновности. Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra. – Т 7. – 2002. – С. 78.

12. Гончаров В.Н. Политическая культура в контексте политического сознания. – С. 131. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.elibrary.ru> (дата обращения 14 января 2013).

13. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. – М.: 1985. – С. 199.

14. Фарукшин М.Х. Политическая культура общества // Социально-политические науки – 1991. – №4. – С. 106.

Халбашкеев Андрей Валентинович, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: A-ULAN-2@yandex.ru.

Khalbashkeev Andrey Valentinovich, postgraduate student, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: A-ULAN-2@yandex.ru.

УДК 321.01

Т.В. Анахин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Рассмотрены проблемы институционального дизайна и сложившейся административной системы России в период двух десятилетий трансформации от эгалитарного социализма к капитализму. Приоритет конституционной демократии и принципов федерализма предопределяет характер системных изменений, которые завершаются социальной трансформацией общества и административным режимом управления.

Ключевые слова: общественная система, институциональная инновация и социальная трансформация, демократический дизайн капитализма, политические партии и избирательная система в контексте социального представительства.

T.V. Anakhin

ISSUES OF RUSSIS'S INSTITUTIONAL DESIGN: EVOLUTION OF PUBLIC SYSTEM AND SOCIAL TRANSFORMATION

This article has considered the issues of institutional design and current administrative system of Russia in the period of two decades of transformation from egalitarian socialism to capitalism. The priority of constitutional democracy and principles of federalism predetermined a character of system changes, which concluded with social transformation of society and administrative regime of governance.

Key words: social system, institutional innovation and social transformation, democratic design of capitalism, political parties and voting system in the context of social representation.

Теория институционального дизайна рассматривает процесс институционализации государственных институтов (правовых, политических, социальных) в их совокупности, лишь на

основе определенных организационных принципов, экономических и социальных реальностей, а также «справедливости» и «естественного права на всеобщее благо» (теоретические

термины политической философии); очевидные условия в контексте модернизации и выбора современных цивилизационных ориентиров развития: эволюция, намерение и дизайн [7]. В общем случае к общественно-политическим институтам относят государство, законодательный орган социального представительства, правительство, бюрократию, судебную и избирательную систему, гражданское общество, хотя структура институтов может быть организована по другим принципам (например, как свод правил и практик, структур и стандартных юридических процедур).

Организационные принципы институционального дизайна демократической системы предусматривают идейный плюрализм и конкуренцию мнений при выборе альтернативы общественного развития, выборность и подотчетность исполнительных и законодательных органов власти перед обществом, парламентский способ выражения воли народа, приоритет правовых методов отправления и смены власти, профессиональный характер управления обществом с равноправным участием всех граждан, состязательную и многопартийную форму руководства политическими и социальными институтами. Дизайн государственных институтов и «институциональная инженерия» в общественной системе определяются национальными традициями, конституционными моделями и политико-социальными теориями. Принципами институционального дизайна является верховенство права, независимость или принцип взаимоограничения властей – законодательной, исполнительной и судебной. Политические институты конституируют юрисдикцию государственной политики, общественный порядок и представительство интересов общества через выборы. Общественная система не может быть демократической, если выборы не являются подлинно состязательными и многопартийными. Политические партии (представительство интересов) – неперенные компоненты демократий для их эффективного функционирования. Для таких многонациональных государств, как Россия, федерализм – институциональная база этнической, религиозной и культурной толерантности в универсальной и совершенной теории федерального дизайна. Децентрализация, модернизация, суверенность и институциональная автономия приемлемы на основе институциональных, юридических принципов и бюджетных трансфертов. Базовой проблемой в институционализации новых государственных институтов России является трансформация институционального дизайна общественной системы в контексте «нового

институционализма» (либерализма, научного прогресса, демократии и капиталистического процветания) [8]. Целью научного исследования является изучение трансформации федеративной системы в контексте научной проблемы модернизации и выбора современных цивилизационных ориентиров инновационного развития России. В задачи научного исследования входит: изучение взаимосвязи между конституционализмом и демократической теорией, между капитализмом и социальными аспектами трансформации системы; анализ президентской формы правления и парламентаризма; статистический анализ становления партийной и избирательной системы в контексте социального представительства; рассмотрение системы иерархической структуры власти и трансформации институтов социальной безопасности.

Для российского государства 1990-х гг., представлявшего, что демократический капитализм – это рационализация, инвестиции, гибкость и способность к трансформации, наступило время экономических приоритетов – приватизация государственных предприятий, либерализация цен и торговли. Это требовало институционализации защиты конституционных прав на частную собственность всех форм и классических гражданских свобод. По Конституции Российской Федерации, принятой в декабре 1993 г., «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (ст. 1); «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2); «Носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ» (ст. 3); «Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (ст. 10); «Все равны перед законом и судом» (ст. 19); «Каждый имеет право на объединение...» (ст. 30) [5]. Конституция, формирующая каркас политической системы России, устанавливает конституционализм – приоритет правовых методов отправления и смены власти, гарантирует гражданские и политические права и свободы граждан. Предусмотрена состязательная форма избирательного процесса, многопартийная форма руководства и широкое вовлечение в политику граждан, парламентский способ выражения воли народа, выборность и подотчетность законодательных органов власти снизу доверху. Гарантируется предпринимательская и иная не запрещенная законом экономическая деятельность (ст. 34). Право на частную собственность защищено законом: «Каждый вправе иметь имущество в собственности. Право наследования гарантируется» (ст. 35);

«Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. Условие и порядок пользования землей определены на основе федерального закона» (ст. 36). Согласно ст. 135, основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина России не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием.

Новому институциональному дизайну общественно-политической системы России «всенародное одобрение» выразили 32,9 млн человек (32,3% от общего числа избирателей страны, что объяснимо скоротечностью кампании и ставит вопрос о легитимности конституции). Вторым недостатком институционального дизайна России является отсутствие баланса между ветвями власти – судебной, законодательной и исполнительной. В теории и на практике президент – это важнейшая фигура и слияние всей власти: в дальнейшем он решительно начал увеличивать свою роль, монополизируя потенциал власти и контролируя экономическую и политическую жизнь, трансформируя институты социальной безопасности. Влияние Госдумы было ограничено; необходимо ее согласие для назначения председателя правительства, в случае «несогласия» (трижды) она подлежала роспуску. Все же такой институциональный дизайн России был новшеством. Конституция открыто объявляет курс на демократизацию политической системы и верховенство закона. Благодаря практически неограниченной президентской форме правления и политике «шоковой терапии», появляется российский капитализм, приобретавший богатства за счет общественного сектора (производства нефти, металлов и др.) и усилившийся

вследствие привилегий. Остальное население должно было попытаться счастье в малом бизнесе и мелкой торговле. Монополия советского государства, создавшего индустриальную базу страны, сменилось монополией капитала, и движение происходило в ущерб жизненному уровню трудящихся. Быстрые социальные перемены, снижение реальной заработной платы, инфляция, рост государственного долга сказались на благосостоянии в повседневной жизни простого народа, отделенного от политики; укореняется безработица и демографический упадок. Демократия – политическая система, в которой верховная власть принадлежит народу; ее юридическая сущность выражалась в признании воли большинства как источника власти. Чтобы соответствовать этим нормам и требованиям, в демократических системах были выработаны модели политического благоразумия – возможность выразить свои политические убеждения через избирательную и партийную систему. К 1993 г. образовалось множество политических партий с разным идеологическим базисом, структуры их переформировались, образуя новые партии; некоторые кандидаты выдвигались по одномандатным округам, присоединяясь затем к партиям. Аграрная партия России (АПР) поддерживала КПРФ; партия Женщины России (ЖР) активно выступала за права женщин; партии власти – это Выбор России (ВР), ПРЕСС, Наш дом – Россия (НДР); Яблоко и Союз правых сил (СПС) – правоцентристские партии. Результаты выборов в Госдуму в 1993–1999 гг. представлены в таблице 1 [3]:

Таблица 1

Результаты выборов в Госдуму (1993–1999 гг.)

Партии, фракции	1993 г.	1995 г.	1999 г.
КПРФ	48	157	113
ВР	67	-	-
Яблоко	26	45	20
ПРЕСС	19	1	-
ЖР	23	3	-
АПР	33	20	-
ЛДПР	64	51	-
ДПР	15	-	-
НДР	-	55	7
Единство	-	-	73
ОВР	-	-	68
СПС	-	-	29

Опора КПРФ – мир малооплачиваемых – был мало сведущ в реальной политике, что определенно не означало их безразличия и отразилось на результатах выборов. Однако, новые богачи (олигархи), создавшие солидные состояния,

опиравшиеся на собственную политическую мощь («de facto government of Russia»), на свою сеть масс-медиа, телевидения, прессы, на «политичный» пул внутри самой своей группы, на выгодную сделку в виде приобретения государст-

венных активов, сумели устранить конкуренцию КПРФ на президентских выборах 03.07.1996 г. (2-ой тур): Б. Ельцин – 53,83%, Г. Зюганов – 40,3% [1].

В 1999–2000 гг. вкуче с партией властей регионов Отечество – вся Россия (ОВР) была создана Единая Россия (ЕДР). Программа ее номинанта В. Путина – это диктатура закона, защита бизнеса от бюрократии и криминала, гарантии прав частной собственности, административный ресурс, помогла ему выиграть выборы 26.03.2000 г. [1]: В. Путин – 52,9%, Г. Зюганов – (29,2%).

Федеральная власть провела экономические и институциональные реформы – пересмотр трудового и налогового кодексов, ослабление влия-

ния профсоюзов, увеличение отчислений в социальный сектор, усиление контроля над СМИ, принятие закона, препятствующего губернаторам и главам законодательных органов занимать места в Совете Федерации, возможность смещения глав регионов за нарушение федеральных законов. Девальвация рубля и мировое повышение цены на нефть способствовали подъему экономики и повышению роли государства. Партия Единая Россия стала средоточием законодательной власти, номенклатуры и корпоративной бюрократии. Вне сомнения, результаты выборов президента 14.03.2004 г. [2] (В.Путин – 71,3%) и в Госдуму в 2003 г., 2007 г. выразились в защиту существующего порядка (табл. 2) [3, 4].

Таблица 2

Результаты выборов в Госдуму 2003, 2007, 2011 гг.

Партии	2003 г.	2007 г.	2011 г.
Единая Россия	223	315	238
КПРФ	52	57	92
Родина	37	-	-
ЛДПР	36	40	56
Справедливая Россия	-	38	64

Динамизм деятельности федеральной власти выражается в контроле в стратегических отраслях экономики, увеличении активов госсектора (Газпром, Роснефть и др.), учреждении Общественной палаты. В формировании общественного мнения огромную роль придавали средствам масс-медиа под контролем центра и регионов; избирательный закон 2005 г. отменял выборы по одномандатным округам (опорам местных элит); отныне выборы в Госдуму были по спискам партий, что сделало избирательный процесс более эффективным для правящей партии и выборов 2.03.2008 г. президента от Единой России – Д. Медведева (70,3%) [2], провозгласившего задачи модернизации транспорта, энергетики, финансовой системы и реализации стратегии инновационного развития страны. Выборы в Госдуму 04.12.2011 г. [6] и президента России 04.03.2012 г. проходили в условиях нарастающей протестной активности. Все же за В. Путина проголосовало 63,60%, Г. Зюганова – 17,18%, М. Прохорова – 7,98%, В. Жириновского – 6,22%, С. Миронова – 3,85%.

Политический транзит страны – это результат ее истории, культуры и развития. Основные черты сложившейся политической системы – выборы по спискам партии и отмена выборов по одномандатным округам, подконтрольность административному режиму ключевых секторов экономики (сырьевых отраслей). Политическая

реальность российских реформ – это священный приоритет федеративного государства, целостность обширной территории, концентрация власти, богатства и коррупции, политическая мощь и привилегия природных ресурсов, политическая лояльность без драм социального этапа во имя общественного равновесия, социальное продвижение путем поощрения духа рационализма и предприимчивости. Необходимой основой любого общества является социальный порядок, основанный на мощи жизнеспособной и прогрессирующей экономики. Политическая система и экономика, трансформируясь, преобразовали политический режим российского общества (процесс был всеобщим во всех регионах). Но одно дело – наличие государственно-правовых форм, а другое – их реальное содержание. Рыночная экономика была условием не достаточным для создания процесса демократического развития. Правда, что институты российской представительной демократии в принципе не имели реальной власти, однако органическая масса российского общества спокойно эволюционирует сама с собой, в пределах, которые не ставят под угрозу относительно всеобщее равновесие. Все же общественная система изменчива – перемены имеют место в настоящем и намечаются на будущее. Требуется, чтобы российское общество содействовало этому развитию, осознавало свою возможность повлиять на

политическую власть через эстетику всеобщих и региональных выборов.

К основным выводам научного исследования относятся: 1) в результате институциональных и структурных реформ принята новая демократическая конституция России, приведшая к легитимации демократии и учреждению новых политических институтов; 2) наличие в политической системе представительной демократии в государственно-правовых терминах обозначает, что в российском обществе имеются такие политические институты, как всеобщие выборы, многопартийная система, конституционная самостоятельность властей, заложившие основы политической системы нового типа, что говорит об успехе нового институционального дизайна России; 3) экономический либерализм и политика социального риска создали иной образ жизни, тип мышления и социальную иерархию в обществе на основе нового капиталистического порядка; 4) в контексте метаморфоз политических партий реализована национализация политики и институционализация правящей партии власти; 5) в философских концепциях свободы, справедливости, равенства, «всеобщего блага», статуса закона и гуманитарных прав – декларативный формализм конституции; 6) в основах правового статуса личности нечетко сформулирована юрисдикция регулирования социальных прав; 7) институциональная эволюция и эволюция институтов регулирования общественного выбора могут привести как к консоли-

дации административной системы, так и к укреплению конституционного демократического государства.

Литература

1. Выборы Президента Российской Федерации (1996, 2000): сб. стат. – М.: Весь мир, 1996. – С. 127-130; Весь мир, 2000. – С. 189-191.
2. Выборы Президента Российской Федерации (2004, 2008) / Вестник Центр. избират. комиссии. – 2006. – №5. – С. 19-20; 2008. – №3. – С. 213-216.
3. Выборы в Государственную Думу (1993, 1995, 1999, 2003): материалы Центр. избират. комиссии. – М., 1993-2003.
4. Выборы в Государственную Думу (2007) / Вестник Центр. избират. комиссии. – 2007. – №19 (222). – С. 5-22.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6,7-ФКЗ.
6. О результатах выборов в Государственную Думу (2011) / Постановление Центр. избират. комиссии Российской Федерации от 09.12.2011. – М.: № 70/576-6.
7. Goodin R.E. The theory of institutional design. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 1-53.
8. March J., Olsen J. The new institutionalism: organizational factors in political life // American political science review. – 1984. – №78 – P. 734-749.

Анахин Тимур Владимирович, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: anakhin@mail.ru.

Anakhin Timur Vladimirovich, postgraduate student, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: anakhin@mail.ru.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.75 (= 512.36)

Н.В. Абаев

ВЛИЯНИЕ ТЭНГРИАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ИМПЕРИЯХ ХУННУ И МОНГОЛОВ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рассматривается синергетическая роль тэнгрианской религии, влияние идеологии «тенгризм» на процессы политогенеза тюрко-монгольских народов, а также на становление имперских форм государственности, в том числе на формирование государственности хунну (Империя Хунну) и Великой Монгольской Империи (Хамаг Монгол Улс). Показана роль тэнгрианства в процессах социальной организации и самоорганизации в кочевнической цивилизации тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

Ключевые слова: идеология «тенгризм», тэнгрианство, процессы социальной самоорганизации, структурогенез, государственность, Империя Хунну, Хамаг Монгол Улс.

N.V. Abaev

INFLUENCE OF TENGRIAN IDEOLOGY ON THE SOCIAL ORGANIZATION AND STATEHOOD OF HUNNU AND MONGOL EMPIRE: SOME METHODOLOGICAL ASPECTS

The article discusses the synergetic role of Tengrian religion, the influence of «tengrism» ideology on the processes of political genesis of the Turkic-Mongolian peoples, and also on the formation of imperial forms of statehood, including on the statehood formation of Hunnu (Empire of Hunnu) and the great Mongolian Empire (Hamag Mongol Uls). The role of Tengrianstvo in the processes of social organization and self-organization in the nomadic civilization of the Turkic-Mongolian peoples of Central Asia has been shown.

Key words: ideology of «tengrism», Tengrianstvo, processes of social self-organization, structural genesis, statehood, Empire of Hunnu, Hamag Mongol Uls.

Являясь эффективным средством социальной самоорганизации и саморегуляции, своего рода космической «сакральной вертикалью», выполняющей универсальные синергетические функции в кочевнических обществах тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Алтае-Байкальского региона, тэнгрианство, как и родственная ему религия так называемых «ариев» (первые индоевропейские номады – древние иранцы, индоарии, сарматы, массагеты, скифы и др.), с самого начального периода возникновения и развития «кочевых» цивилизаций Евразии выполняло также функции национально-государственной религии, имеющей собственное религиозно-философское учение, которое занималось метафизическим осмыслением предельных оснований бытия.

Именно тэнгрианство, в основе которого лежала идея организующей силы «Вечного Синего Неба», негэнтропийной по своей сути, обусловило стремление ко всеобщему космическому порядку, которое выразилось в сфере социальной самоорганизации в идее мировой империи, управляемой «сыном Неба», главным или даже

«единственным» (бур.-монг. «ганса»; тув.-тюркск. «чангыс») земным воплощением универсального принципа «Единого» в сфере религиозно-философской, выразившегося в концепции Небесного Круга («хор», «хоорай», «хорлоо»).

Эта религиозно-философская концепция была зафиксирована в имени общего Верховного Бога древних скифо-ариев, иранцев, согдийцев и туранцев, в том числе бурят-монголов – Хормуст-Тэнгэри, одного из главных действующих лиц в героическом эпосе «Гэсэр», который вообрал в себя и соединил мифопоэтические и религиозно-космологические традиции как тюрко-монгольских и ираноязычных (скифо-сакский круг этносов), так и тибетцев, тангутов и других народов Центральной и Внутренней Азии. Теоним «Хор» вошел также во многие этнонимы народов Саяно-Алтая, особенно – Транс-Саянии и Циркумбайкалии (хакасский метаэтноним Хорорай//Хонгорай, бурят-монгольские этнонимы хонгодор, хори-тумат, хурхууд, гуран, дагур, хуннусский «хун-горай»//хунгар, а также саяно-алтайские тюркские и монгольские этнонимы

«уйгур», «урянь», теонимы Курбусту, Корбустан, Кайракан//Хайрхан//Хайракан//Хээраган//Хайыракан, скифо-арийский и иранский теонимы Хормазд//Урмаздэ//Ахура-Мазда//Ормузд и т.д.).

Рассматривая синергетическую роль и функции духовно-культурных факторов (в частности, тэнгрианства) в процессе саморегуляции сложноорганизованных систем, каковой являлась «кочевая» цивилизация, следует, прежде всего, иметь в виду, что высокий уровень самоорганизации в «кочевых» обществах сохраняется и в период перехода к имперским формам государственности, в которых стремление к жесткой централизации в руках верховного правителя (кагана, хана, царя) диалектически сочеталось и совмещалось с тенденциями к саморегуляции на более «низких» уровнях властеотношений, где сохранялись общинные формы самоуправления.

Современная этнополитическая ситуация в мире, характеризующаяся нарастанием нестабильности, хаоса, социальных потрясений, существенно актуализировала проблематику социорегулятивной роли идеологии. В этой связи представляет интерес обращение к древнейшим традиционным формам религиозной идеологии, которые, обладали способностью обеспечивать относительную стабильность общества, поддерживать его параметры порядка, в основном не прибегая к насилию, жестокости, предельным государственным санкциям. Идеологические задачи, причем речь идет об их достаточно широком спектре, в Центральной Азии, в тюрко-монгольском мире, решало и тэнгрианство.

Появление в Центральной Азии имперских государственных образований с соответствующими институтами высшей власти и формирование тэнгризма, как идеологии преимущественно монотеистического характера, или тяготеющей к монотеизму и подавляющей изначальные политеистические интенции народной религии тюрко-монголов, мы рассматривали как кооперативный, синергетического типа процесс, вызванный к жизни не столько ролью внешних факторов, сколько обусловленный существенными изменениями в культурно-историческом бытии традиционных обществ.

Важнейшим критерием цивилизации вообще, в том числе и «кочевнической», является наличие качественно определенной духовности, выходящей за пределы своей первобытности (а затем и этничности), приобретаая в процессе развития институционально оформленный интерэтнический, надплеменной или наднациональный характер, присущий таким национально-государственным (имперским) и мировым рели-

гиям, как тэнгрианство, которое еще в глубокой древности, по крайней мере, в эпоху хунну (III в. до н.э.) или даже ранее, в период возникновения древне-арийской «кочевой» цивилизации в начале III тысячелетия до н.э. получило распространение по всей центральной части Евразии.

Тибетоязычные, скифо-сакские, тюркские и монгольские народы Центральной Азии и Саяно-Алтая в своем историческом развитии прошли, как и многие другие народы мира, все известные этапы. В процессе перехода к цивилизации они сформировали и государственные образования в различных исторических формах, многоукладность натуральных хозяйственных систем, создали руническую и многие другие формы письменности, а также претерпели трансформацию системы традиционного религиозно-мифологического мировоззрения, которая привела к переходу от архаичных, ранних форм религии (анимизм, тотемизм, магия, «шаманство» и др.), т.е. от первобытности к формам, характерным именно для «кочевой» цивилизации.

К ним относится прежде всего утверждение в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов в качестве системообразующего элемента тяготеющей к монотеизму религии, получившей в научной литературе наименование «тэнгрианство» (тюркск. Хан-Тигир, Тангара, Кудай-Дээр, Тэнгри, бур.-монг. Тэнгэри – «Небо», «Небесный Бог», «Всевышний», «Верховный Бог-Отец»). Соответствующую тэнгрианской религии идеологию принято называть «тэнгризмом», и мы тоже допускаем этот термин как некую общепринятую условность, осознавая вместе с тем, что никаких «измов» в то время на Востоке не существовало вообще, а то, что на Западе стало называться «религиозной идеологией», было принято называть «Учением», «Путем», «Законом» и т.д. Поэтому по-русски название этой общей тюрко-монгольской религии, которая стала господствующей национально-государственной религией гуннов-хунну, более грамотно было бы обозначать термином «тэнгрианство».

Наиболее глубокие корни тэнгрианства мы обнаруживаем в космогонических мифах тюрко-монгольских народов, в которых отчетливо прослеживается борьба упорядоченного космического начала против изначального хаоса и деление всех вещей и явлений, всех противоборствующих сил на пары противоположностей, в основе которых лежит так называемая двоичная классификационная система [1]. Таким образом, в процессе исторического развития у предков тюрко-монголов, в том числе у гуннов-хунну,

сяньбийцев, скифо-ариев и др., складывается дуальная религиозно-мировоззренческая система (Небо-Отец – Мать-Земля) как специфическая форма социальной самоорганизации (упорядочение «объективного» в сознании на уровне субъективного духа). Из первоначального космического хаоса рождается определенный порядок, складывается картина религиозно-мировоззренческой упорядоченности и связанная с ней упорядоченность социального и природного бытия.

В скифо-сарматский период в Центральной Азии и Саяно-Алтае, когда возникают самые ранние государственные образования кочевников, различные формы тэнгрианства, в том числе и так называемая религия ариев (самая известная из них – древнеиранский зороастризм), приобретают характер национально-государственных религий. Тюрко-монгольское тэнгрианство имеет тесные историко-генетические связи не только с «религией ариев» (древних иранцев, скифо-ариев Саяно-Алтая, саков и согдийцев Средней Азии и Восточного Туркестана, индо-ариев и др.), но и с религиозными верованиями древних шумеров, тибетским бон, китайским культом Неба (тянь), японским синтоизмом, «авраамическими религиями» Передней Азии и т.д. [5].

До формирования в Центральной Азии сложных этнополитических структур (государственных кочевнических образований) какой-то необходимости в существовании и функционировании политических доктрин, связанных с религией, не было. В наиболее древних пластах религиозных верований в тюрко-монгольских обществах они не обнаруживаются. Ситуация кардинально меняется в связи с возникновением кочевнических цивилизационных структур в Центральной Азии в период становления и формирования государственности хунну [5].

Судя по имеющимся источникам, предки тюрков и монголов – гунны-хунну имели весь набор цивилизационных признаков (признаков критериального характера): формы государственности; стремящаяся к высокоразвитому монотеизму религия – тэнгрианство; дипломатическая традиция с идеологическими компонентами в своем содержании; рунические и другие письменные системы; монументальная архитектура и скульптура; частная собственность на скот как главное богатство в обществе кочевников-скотоводов; система властеотношений в форме традиционного господства (отношения господства и подчинения – один из характерных признаков цивилизации); постепенно самоусложняющаяся стратификация общества; многоук-

ладное натуральное хозяйство, включавшее в себя и использование монет во внешнеторговых отношениях; города земледельческих стран, интегрированных в результате завоеваний в кочевнические общества и др.

Одним из фундаментальных условий становления и развития древних цивилизаций, являлось, как известно, формирование монотеистических религий, или же тяготеющих к монотеизму религиозно-мифологических систем. В общетеоретическом плане их роль представляется как существенно значимая в организации и самоорганизации общества, которая приобретала новые гораздо более сложные количественные и качественные характеристики. Это общество императивно требовало создания и функционирования не только материальных, но и достаточно эффективных духовных механизмов социальной интеграции, стабилизации, обеспечения условий социально-экономического и культурного развития.

Примерно такие же процессы закономерно развивались и в Центральной Азии, когда интенсивно формировались кочевые цивилизации тюрков и монголоязычных народов, в том числе цивилизация древних гуннов-хунну [11, с. 1]. При этом исключительно важную роль в становлении цивилизационных форм социального бытия сыграло тэнгрианство, которое не только выполняло функцию поддержки, сохранения в устойчивом состоянии этнокультурных традиций тюрко-монгольских народов, но и важную идеологическую функцию поддержки официального статуса правителей имперских государственных образований, их социально-интегрирующей и геополитической роли.

Государственность в кочевых обществах народов Центральной Азии, как мы уже отмечали, являлась не какой-то искусственно созданной организацией. Она возникла естественно-необходимым образом как выражение потребности общества уменьшить энтропию в процессе своего саморазвития, самодвижения (т.е. эволюции) и создать необходимые условия реализации жизненно важных целей человеческой деятельности [16; 2; 5].

В имперских государственных образованиях кочевников Центральной Азии, сложных в этническом и культурном плане, реализовывалась идеологическая потребность в легитимизации высшей власти. Эта функция идеологии осуществлялась в рамках тэнгрианства посредством ссылок на волю «Неба», на его отношение к правителю как к «Сыну Неба» в связи с тем, как он решает земные управленческие задачи.

Идеологические функции, связанные с тэнгрианством, этим не исчерпывались. Тэнгрианство обеспечивало поддержку высшей государственной власти, воздействуя на сознание, на экзистенциальные и аксиологические компоненты его содержания, формировало убеждения в ценности и жизненно важной значимости власти каганов. Создавало кооперативные принципы и соответствующие действия людей политической направленности, что позволяет говорить о нем как о механизме социальной организации и самоорганизации [1; 16]. Идеологические аспекты тэнгрианства как мощного социального аттрактора (с аттракторами связаны формы кооперативной активности и параметры порядка в обществе) делали кочевнические общества устойчивыми по отношению к малым возмущениям, что характерно для диссипативных структур.

И.В. Черникова разъясняет смысл термина «диссипативные структуры», связанные с особенностями открытых систем в природе и в обществе. В открытых системах, обменивающихся с окружающей средой потоками вещества или энергии, однородное состояние равновесия может терять устойчивость и необратимо переходить в неоднородное стационарное состояние, устойчивое относительно малых возмущений. Такие стационарные состояния получили в науке название «диссипативных структур» [17, с. 1-2].

Власть правителей в номадических империях держалась не только на насилии и страхе, но также на вере людей в сакральный источник ее происхождения. Это позволяло успешно решать достаточно сложные в техническом и энергетическом отношении задачи создания монументальных сооружений погребального характера. Формируемые на определенное время «человеческие мегамшины» [12] функционировали, в основном подчиняясь власти традиции, а не с помощью массовых репрессий, предельных наказаний за неповиновение, как это широко практиковалось древнекитайскими «законниками-легистами».

При всех исторических вариациях тэнгрианства, его многоликости оно включало в себя ряд инвариантов, в том числе и в области идеологии, которые, с одной стороны, придавали ему фрактальность и утверждали его статус в качестве фрактала, с другой – обеспечивали общие (независимо от этнокультурной гетерогенности общества) параметры порядка, гомеостазис социальных систем – конфедераций и империй кочевников Центральной Азии. Эти государственные образования развивались, в основном, в об-

ласти форм общественного сознания, религии и духовной культуры.

Особенностью тэнгрианства как религии и идеологии является его синергетичность, т.е. важное значение, придаваемое процессам социальной организации и самоорганизации. Это очень ярко проявилось в период становления государственности в Империи Хунну и оказало огромное влияние на государственность, политическую культуру и формы самоорганизации в последующие периоды, в том числе в эпоху строительства Великой Монгольской Империи. На первой научной конференции «Культурное наследие Хунну», состоявшейся 10 июля 2011 г. в связи с празднованием 2220-летнего юбилея монгольской государственности – Империи Хунну, президент Монголии Ц. Элбэгдорж заявил, что «хунну – это монголы, а монголы – это хунну» [15, с. 4; 11;14].

В своей речи президент Ц. Элбэгдорж подчеркнул, что монголы, несомненно, оставили большой след в мировой истории человечества и являются одним из тех редких народов, который сохранил культурное наследие своей цивилизации. По его словам, никто не сумел оставить, да еще и «экспортировать» за границу такую «великую историю как монголы». При этом президент сказал: «Прошло много времени с тех пор, как человек впервые поднялся на обе ноги в глуши жаркой африканской саванны и пошел по всему миру, и одной из территорий, где он сумел выжить, стали монгольские степи. Ученые установили, когда именно люди начали распространяться по всему миру. Уверен, что монгольские степи действительно являются одной из первых колыбелей человечества, где человек смог выжить, создать свою социальную структуру» [10;14; 18].

По поводу того, что Внутренняя Азия действительно является колыбелью Евразийской цивилизации и что исключительно важную роль в этом сыграло зарождение пастушества, особенно – коневодства, которое явилось главным оружием кочевничества, говорил также и известный буддийский учитель-наставник из Японии преподобный Дз. Тэрасава в Астане на Всемирном форуме духовной культуры в октябре 2010 г., отмечая при этом «революционную роль лошади»: «В самом начале человек мог передвигаться только пешком. Со временем он начал приручать различных животных, среди которых революционную роль сыграла лошадь. Не корова, а конь стал самым важным другом человека. Конечно, важна была и овца, обеспечивавшая человека необходимыми для выживания пищей и одеждой, корова давала молоко, собака охраня-

ла, кошка ловила грызунов и ласкалась. Но в этих краях именно лошадь стала ближайшим другом человека. И как только это произошло, помощь коня стала иметь решающее значение в развитии человеческого общества... В древности именно лошадь стала средством свободной экспансии – физического перемещения во времени и пространстве. Конь открыл новые горизонты деятельности. И именно здесь человек впервые приручил лошадь и стал ездить на ней, стремительно расширяя обитаемую территорию и распространяя свой образ мысли» (Дз. Тэрасава, из доклада на ВФДК).

Эти слова совпадают и с речью президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в двух главных моментах: именно в центральной части Евразии зародилась кочевая цивилизация, и эта цивилизация была тэнгрианской, поскольку тэнгрианство с самого начала было национально-государственной религией первых степных империй. Говоря о преемственности цивилизационных культур первых кочевников в центральной части Евразии, на конференции 10 июля 2011 г. президент Монголии тоже сказал: «Монголы – не просто наследники культурных традиций Империи Хунну, в том числе их политических традиций и государственности», но и «поскольку монголы – это и есть хунну», то, значит, древние монголы еще 2220 лет назад создали на этой земле первое демократическое государство (имеется в виду так называемое «степная демократия»), а потому будут «учить демократии другие страны»; к тому же Хунну создали политическую традицию управления государством Сыном Неба (т.е. шаньюем, верховным правителем гуннов-хунну), и эту традицию перенял Чингисхан, который тоже был демократически избранным монголами правителем [11; 15].

Поэтому, по мнению президента Монголии, именно вокруг него должен сплотиться монгольский народ и другие демократические страны, которых он будет «учить демократии». Эту мысль он повторил на открытии X Конгресса монголоведов: «Сегодня, когда в Монголии возрождается демократия, исследования и знание истории с древних времен очень важны, потому что история нынешнего монгольского демократического государства уходит вглубь веков, т.е. демократическая Монголия – это не недавнее политическое образование, как многие, наверное, считают. Демократическая Монголия существует не 20 лет, а может быть, и 2000 лет» [15; 4].

Ссылаясь на слова одного из основателей современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа о том, что «эта земля принадлежала на-

шим предкам со времени хунну», Ц. Элбэгдорж отметил, что «территория сегодняшней Монголии принадлежит предкам монголов – хунну. Поэтому на этот счет не могут возникнуть какие-либо споры и сомнения». Глава государства также заметил, что ведение хозяйства хунну мало изменилось на сегодняшний день. «Не отличается и празднуемый ежегодно монголами национальный праздник Наадам. По мнению ученых, ставка императора Модуна Шаньюя (по транскрипции Тургуна Алмаса, это имя по-тюркски звучало Батор-тэнгрикут – *Н.А.*) располагалась в горах Хангай, в бассейне реки Орхон, из чего следует, что хунну – это предки монголов, кочевавшие в самом сердце монгольских земель. Другими словами, Чингисхан не основывал свое великое монгольское государство на пустом месте, ибо в те времена были многовековые традиции государственного становления и правления. А если сегодня раскопать захоронения наших предков, в том числе древние захоронения хунну, то можно обнаружить удивительные, бесценные находки, которые могли бы принадлежат культурному наследию Древнего Рима, Греции, Египта и Ирана. Удивительно, какое культурное наследие оставили наши предки на земле. Монголы должны ценить это, ибо это принадлежит нам, монгольскому народу», – заявил президент [10].

В связи с этим монгольский академик Б. Энхтувшин отметил, что традиции государственности монголов, возникшие и сформированные во время гуннов-хунну, были унаследованы и развиты последующими монгольскими государствами – сяньби, жужаней, тюрков, уйгуров и монголо-татар, и достигли своего апогея во время Великого Монгольского государства, созданного Чингисханом. Следовательно, можно выделить два важных и ярких этапа в средневековой истории, культуре и развитии государственности кочевников Центральной Азии и Монголии. Это, во-первых, Великое Монгольское государство или период могущества монголов в XIII–XIV вв., во-вторых, государство хунну (хуннов) от III в. до н.э. – до II в. н.э. [18].

В результате государственных реформ, осуществленных Модун-ханом, гунны-хунну получили возможность объединить множество кочевых, скотоводческих, охотничьих племен и аймаков Центральной Азии раньше, чем соседние могущественные племена. Объединившись под единое политическое управление, хунну смогли присоединить под «крышу» единого государства множество крупных и мелких разобщенных племен и стран, живущих в войлочных юртах, например, Дунху, Юэчжи, Динлин, Усунь, Хир-

гис и т.д. Владения хуннов простирались на обширной территории, охватывающей Центральную Азию, Монголию, Среднюю Азию, Южную Сибирь и Восточную Азию. В результате этого культуры многих степных кочевых племен и народов развивались, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Таким образом, были созданы условия для формирования крупной хозяйственной и культурной общности кочевников Центральной Азии, названной впоследствии историками «Общностью хуннов».

Построив Великое Монгольское государство, Чингисхан, как и хунну в свое время, создал условия для формирования единого государства, единой нации с единой культурой, осуществляя государственную политику, которая в корне изменила общественно-политическую структуру множества кочевых племен и народов, проживающих в войлочных юртах.

Монгольские и некоторые зарубежные исследователи считают, что государство гуннов-хуннов является первым государством, созданным монголами, поскольку основные племена и аймаки, создавшие Империю Хунну, сформировали также основной состав населения жужаньского ханства, образованного племенем мугулуй, а впоследствии вошли в состав коренных монгольских племен. Другими словами, монгольские ученые и исследователи установили, что Империей Хуннов управляли племена и аймаки монгольского происхождения, хотя в ее состав входили племена и аймаки различных этносов. Есть ученые, которые отрицают такую связь в традициях государственности хуннов и в последующих политических нормах коренных монголов. Они утверждают, что якобы государство, созданное хуннами, было хрупким объединением глав могущественных родов и племен, а также, что хунны не являются предками монголов, т.к. среди них преобладали тюркоязычные народы или народы, разговаривающие на языке енисейской группы.

В связи с этим, не вдаваясь подробно в дискуссию о языковой принадлежности тех или иных этнических групп протомонголов, вошедших в состав «кочевой» конфедерации родов и племен, создавших Империю Хунну, следует отметить, что эта огромная Степная Империя изначально действительно была полиэтнической, но при безусловном доминировании одного достаточно гомогенного этнического ядра, составлявшего костяк военной, административной и этносоциальной организации, в основу которой был заложен «десятиричный» принцип, сохранившийся и у монголов Чингисхана.

При этом распад Империи Хунну под военным натиском китайцев, а затем и сяньбийцев (тоже протомонголов), занявших территорию расселения хуннуских племен во всей Внутренней Азии, вовсе не означал полную дезинтеграцию всей системы этносоциальных отношений, в которой вершину властной пирамиды занимала, как и у скифо-ариев, так называемая «триальная» арийская социальная организация, состоящая из трех правящих каст – военная аристократия, жречество и «царские» роды (каганские, ханские), выдвигаемые теми же военными родами.

Четвертой главной силой, основным сословием, был сам поголовно вооруженный «народ-воин», поскольку понятия «армия» и «народ» были идентичными (и во многом совпадали). Первоначально, в период становления государственности хунну, этот многоплеменной народ состоял из различных этнических компонентов, которые можно сгруппировать следующим образом: прамонгольский, скифо-сибирский (а также родственные скифам по языку согдийцы), палеоазиатский и тунгусо-маньчжурский.

Однако, согласно теории Л.Н. Гумилева, пассионарный взрыв, приведший к образованию Империи Хунну, ускорил процессы этногенеза и этнической консолидации [9, с. 19], которые получили мощный импульс со стороны самой государственности, в которой действовали синергетические принципы социальной организации и самоорганизации, с одной стороны, ускорявшие процессы интеграции в централизованную имперскую структуру, а с другой, – диалектически укреплявшие механизмы самоорганизации на «низшем» и «среднем» уровнях социальной пирамиды, т.е. на уровне родоплеменной (или общинной) этносоциальной организации.

Все этносоциальные процессы, как центростремительные, так и центробежные неизбежно ускорялись и в экстремальных условиях войны, а также массовых перекочевков, вызванных изменением экологических или геополитических условий. Тем не менее даже при утрате независимой государственности и смене властной элиты (или полном переворачивании властной пирамиды) происходила лишь перегруппировка правящих кланов, родов и племен, но основной этнический костяк сложившегося ранее суперэтноса оставался практически неизменным в центральных частях империи, что и наблюдалось на территории Монголии в период падения Империи Хунну и перехода власти к сяньбийцам, которые имели с восточными и северо-западными хунну тесные этнокультурные связи.

Что касается самых западных хунну, не желавших подчиняться ни китайцам, ни сяньбийцам, ни их союзникам, то они, как известно, с боями ушли в Европу, где стали известны под именем «гунны». У них действительно в большей степени усилились финно-угорские и прототюркские этнические компоненты, присутствовавшие в западной части хуннусского суперэтноса изначально.

В связи с этим интересно отметить, что при всех драматических и даже трагических для отдельных частей суперэтноса обстоятельствах, потомки древних хунну всемерно старались, во-первых, сохранить (или воспроизвести заново на основе элементов сохранившихся традиций) особенности этносоциальной организации, созданной в начальный период эпохи хунну, в том числе имперскую государственность, во-вторых, сохранить ценностное ядро этнической культуры, в-третьих, воспроизвести или возродить с некоторыми модификациями главный сакральный стержень религиозной культуры – культ Неба-Отца, тесно связанный с почитанием Матери-Земли, а также и с представлениями о сакральной природе своего верховного правителя.

Весь этот религиозно-политический комплекс служил, как мы уже отмечали, своеобразным «мегааттрактором», который и направлял совокупную энергию этносоциального организма к новым уровням социальной самоорганизации и воспроизводства системной целостности в меняющихся условиях. Заметим, что независимо от специфики конкретно-исторического процесса формирования древней государственности хунну, а также от роли известных личностей в политическом объединении полиэтничного, мультикультурного гетерогенного пространства в устойчивую системную целостность, существовали общие контекстуальные, духовные детерминанты в этом геополитическом политогенезе. О них мы уже неоднократно писали, когда речь шла о социальных функциях тэнгрианства [1; 7].

Тэнгрианство как системообразующий элемент не только религиозной, но и политической формы общественного сознания (их мы определили в качестве духовно-культурных социальных механизмов самоорганизации) стало тем фактором интеграции этносов в геополитической государственное образование имперского типа, который реально обеспечил духовное единение, а, следовательно, и образование такого могущественного государства, как Империя Хунну.

Таким образом, в традиционных обществах тюрко-монгольских народов центральной части

Евразии в добуддийский период вся совокупность ценностей, ценностных ориентаций, направленностей социальной активности, стереотипов и векторов поведения, так или иначе, связывалась с волей и контролирующими функциями Вечного Синего Неба, культ которого приобрел характер развитой религиозной системы уже в период становления Империи Хунну и был тесно связан с идеей сакрализации верховной власти в лице Сына Неба.

Вслед за академиком Ш. Бира мы считаем, что основанное Чингисханом в XIII в. тэнгрианское государство следует называть «монголын тулгар тутам», поскольку, как отмечает Ш. Бира, на старомонгольском «тутам» звучит как «тугтам» и часто употребляется в сочетании с «эхэн тутам», то это терминологическое словосочетание вполне можно было бы рассматривать как обозначение ранней формы государства [8, с. 27]. Но, если следовать методологическим принципам теории социальной самоорганизации, разрабатываемым нами применительно к традиционному обществу тюрко-монгольских кочевников Евразии и к их государственности [1; 2; 16], именно благодаря влиянию тэнгрианства эти имперские государственные образования приобрели высокоорганизованный характер и могут рассматриваться как совершенно полноценная, причем весьма эффективная форма государственности.

В связи с этим необходимо подчеркнуть и важную роль этнокультурных, духовно-религиозных и идеологических факторов в целом [5; 7; 16] в структурогенезе традиционных кочевнических обществ и в развитии их политико-правовых концепций, среди которых следует особо упомянуть «Великую Ясу» Чингисхана, которая, по мнению академика Бира, тоже сыграла огромную роль в формировании монгольской государственности.

Влияние, которое тэнгрианство оказало на евразийство, в том числе на этнокультурные традиции государственности в Российско-Евразийском культурно-историческом и цивилизационно-геополитическом пространстве, было многообразным и требует многих специальных исследований. Поэтому особый интерес представляет работа Ю.И. Скуратова «Евразийская природа России и некоторые современные проблемы развития государственно-правовых институтов» (Улан-Удэ, 2012). В этом фундаментальном исследовании представлен авторский анализ теоретической модели евразийства как концептуальной идеи развития Российского государства и общества [13]. Выявленные нами тэнгрианско-евразийские параллели, взаимосвя-

зи и взаимовлияния могут существенно дополнить и усилить вполне обоснованную, на наш взгляд, концепцию Ю.И. Скуратова о роли, которую может сыграть евразийство в становлении новой российской государственности.

Тэнгрианство, таким образом, еще на стадии возникновения и развития цивилизации вообще (в центре Евразии получившей характерные черты номадической цивилизации) стало ядром духовно-культурной традиции, обеспечивающей эффективное функционирование такого рода социального аттрактора, отнюдь не исключавшего бытие данной системно-динамической целостности, т.е. ее развитие, приобретение наборов качественных определенностей, обеспечивающих их реализацию как выражение вполне естественной потребности социальной системы в ее внутрисистемной самоорганизованности, но и в ее стремлении организовать внешнюю хаотичность в историческую перспективную целостность и создавать такие механизмы социальной организации и самоорганизации, которые обеспечивали относительную устойчивость имперских форм кочевничества, созданных древними гуннами-хунну, сяньбийцев, тобасцев (империя Тоба-Вэй), тюрков Ашина, «Небесно-Синих» тюрков, теле-уйгуров, уйгур-уряхов, монголов Чингисхана, а также менее крупных государственных образований, создававшихся родоплеменными объединениями хонгодоров, эхиритов, булагатов, хори-бурят.

Литература

1. Абаев Н.В. Цивилизационная геополитика народов Алтай-Байкальского региона и Центральной Азии. – Кызыл: Изд-во Тувинского гос. ун-та, 2007.
2. Абаев Н. В. Некоторые мировоззренческие и духовно-культурные факторы организации и самоорганизации «кочевой» цивилизации // Вестник Тувинского гос. ун-та. Сер Социальные и гуманитарные науки. – 2009. – №1.
3. Абаев Н.В. О первой научной конференции «Культурное наследие Хунну» и Десятом Конгрессе монголоведов. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tuvsu.ru>.
- Абаев Н. Десятый Международный Конгресс Монголоведов (9-13 августа 2011 г., Улан-Батор). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://expertclub.info/content/desyatyuy-mezhdunarodnyy-kongress-mongolovedov-9-13-avgusta-2011-g-ulan-bator>.

5. Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Ч. 1. – Абакан: Март, 2009.

6. Абаев Н., Донгак А. Десятый Международный Конгресс Монголоведов (9-13 августа 2011 г., Улан-Батор). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://expertclub.info/content/desyatyuy-mezhdunarodnyy-kongress-mongolovedov-9-13-avgusta-2011-g-ulan-bator>.

7. Абаева Л.Л. Религиозная культура монгольских народов в пространстве и времени // Олон Улсын Монгол Судлалын 10-р Хурал. I боть. (The 10-th International Congress of Mongol Studies. Vol.1). – Улаанбаатар, 2013.

8. Бира Ш. Актуальные вопросы исследования истории Монгольского государства. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013.

9. Гумилев Л.Н. Хунны в Азии и Европе // Монголия Сегодня. – 7 августа. – 2011 г.

10. Монголия Сегодня. – №30 (493). – 31 июля. – 2011 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mongolia.segodnya.mn>.

11. Мунхзул Б. Гунны – это Монголы... // «Монголия Сегодня». – №30 (493). – 31 июля. – 2011 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mongoliasegodnya.mn>.

12. Mumford Lewis. Technics and Civilization. – New York: Harcourt, Brace & World, 1934.

13. Скуратов Ю.И. Евразийская природа России: некоторые современные проблемы развития государственно-правовых институтов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.

14. Солонго Д. X Международный Конгресс Монголоведов. Внешние отношения Монголии и исторический опыт // Монголия Сегодня. – 7 августа. – 2011 г.

15. Тумээ Г. Хунну – это Монголы, а Монголы – это Хунну // Монголия Сегодня. – 7 августа. – 2011 г.

16. Фельдман В.Р. Традиционное общество народов Центральной Азии: пространственно-временные характеристики, механизмы организации и самоорганизации. – Кызыл: Изд-во Тувинского гос. ун-та, 2009.

17. Черникова И.В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2002.

18. Энхтувшин Б. Центр Империи Хуннов находится на территории нынешней Монголии и нынешние монголы являются потомками Хуннов // Монголия Сегодня. – 7 августа. – 2011 г.

Абаев Николай Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Abaev Nickolay Vyacheslavovich, doctor of historical sciences, professor, head of laboratory of civilization geopolitics, Institute of Inner Asia, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 24 (510)

А.К. Хабдаева

**БУДДИЗМ И КОНФУЦИАНСТВО В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ:
ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА ДВУХ ТРАДИЦИЙ**

В статье исследуются проблемы взаимоотношений индобуддийской традиции с конфуцианством в ранний период формирования китайского буддизма. Автор рассматривает идеологические позиции двух учений по отношению к некоторым универсальным социокультурным категориям – человек, общество, этика, образование и т.д.

Ключевые слова: буддизм, конфуцианство, культура, Китай, общество, этика, образование.

А.К. Khabdaeva

**BUDDHISM AND CONFUCIANISM IN THE SPIRITUAL CULTURE OF CHINA:
PROBLEMS OF TWO TRADITIONS DIALOGUE**

The article researches the problems of Indian Buddhist tradition and Confucianism in the early period of Chinese Buddhism formation. The author considers ideological positions of two doctrines in their attitude to some universal socio-cultural categories: an individual, society, ethics, education, etc.

Key words: Buddhism, Confucianism, culture, China, individual, society, ethics, education.

На формирование традиций китайского буддизма несомненное влияние оказала культурная реальность китайского общества с богатой философской традицией, развитыми этическими идеями и идеалами, выработанными веками цивилизационными стандартами и критериями. Под воздействием традиционных представлений китайского социума оригинальная индийская модель буддизма претерпела в Китае существенные изменения. Если в Индии буддийская мысль была достаточно свободна от идеологических стереотипов и развивалась в естественном русле, то исходной точкой китайского буддизма стало богатейшее культурное наследие – индобуддийская традиция во всем ее сложном многообразии, а также влиятельная собственная мировоззренческая система в лице конфуцианства и даосизма.

Китайский исследователь Лай Юнхай отмечает существенное различие в характере складывания взаимоотношений между буддизмом-конфуцианством и буддизмом-даосизмом. Если с даосизмом буддизм по прошествии адаптационного периода вступил в достаточно острую конкурентную борьбу, то в обращении с конфуцианством он занимал более сдержанную позицию. Причина лояльного поведения буддизма по отношению к конфуцианству, по его мнению, кроется в более сильных общественно-идеологических позициях конфуцианского учения в китайском обществе [1]. Конфуцианство ко времени распространения буддизма занимало достаточно влиятельное общественное положение и во многом определяло массовое сознание и поведение жителей Китая. В принципе на раннем этапе распространения буддизма конфуци-

анцы не рассматривали буддистов как серьезных соперников. Это произошло несколько позже, вслед за ростом влияния и самостоятельности буддизма в Китае, когда буддизм вдруг обнаружил себя в качестве идеологического оппонента. Изначальная мировоззренческая несовместимость, диссонанс морально-ценностных приоритетов и духовных критериев, расхождения двух учений по основным вопросам восприятия человеческой жизни ставили их априори на антагонистические позиции. И формально, и содержательно буддизм и конфуцианство практически не имели общих точек соприкосновения, буддийская и конфуцианская картины мира – это два принципиально разных типа миропонимания. «Конфуцианство, – как отмечает О.О. Розенберг, – ... являлось системой законов взаимоотношений людей и интересовалось проблемами государственного управления, практической этики и т.д., не имело ничего общего с буддизмом. Практически конфуцианство и буддизм – две диаметрально противоположные точки мирозрения. Метафизика древнего и средневекового конфуцианства настолько мало разработана, что определенно говорить о ней весьма трудно. Во всяком случае, нельзя предположить, чтобы она могла оказать влияние на развитие буддийской философии в Китае. Но, с другой стороны, трудно и предположить, чтобы буддизм V–VI вв., пропагандируемый в Китае в тяжелых переводах индийских миссионеров, мог оказать влияние на конфуцианскую литературу, которая, вероятно, не обращала на него внимания» [2].

Конфуцианцы практически не интересовались проблемами метафизики, в которой «спе-

циализировались» буддисты. Приоритет конфуцианцев – это вопросы этики и морали, принципы регулирования поведения человека на основе нравственных принципов Дао и Дэ. Они досконально и тщательно анализировали этическую составляющую культуры – этику межличностных отношений, этику поведения в семье, этику соблюдения служебной дисциплины в государстве, этику восприятия окружающего мира и т.д. Основным предметом рассуждений в конфуцианской мировоззренческой модели являлся человек, его отношения с окружающим миром, положение в общественной иерархической системе, проблема его естественной сущности и благоприобретенных качеств.

В конфуцианстве провозглашался принцип значимости человеческого бытия, радости от жизни; даже если в ней имели место неприятности, необходимо было «терпеливо переносить лишения и радоваться назначенному пути» (安贫乐道). «Несмотря на наличие целого ряда религиозных концепций загробной жизни, традиционная духовная культура имела там явную склонность рассматривать пребывание на земле если не единственной, то во всяком случае главной формой человеческого существования, вследствие чего шоу («долголетие») – один из наиболее любимых, кстати, иероглифов китайских каллиграфов – неизменно во все эпохи входил в Китае в число самых главных духовных ценностей» [3]. В «Лунь юе» имеется запись: «Конфуций говорил: есть грубую пищу, спать, подогнув руку под голову, – вот в чем заключается радость. Нечестно нажитое богатство для меня подобно облакам в небе (для меня ничего не значит)» (子曰: ‘饭疏食饮水, 曲肱而枕之, 乐亦在其中亦。不义而富且贵, 于我如浮云’) [4].

В конфуцианстве большое значение уделялось понятиям «небо» (天) и «судьба» (命), буддизм же в принципе оставлял их без внимания. «Здесь важно иметь в виду то обстоятельство, что традиционная китайская мысль рассматривала общество как интегральную часть космоса; граница между природой и социумом не проводилась. Универсум природы и универсум социума образуют единое целое, оказывая друг на друга влияние по принципу «воздействие – отклик»: поступки человека воздействуют на космос, откликающийся на эти поступки небесными знаменами или иными природными явлениями» [5]. В «Ши цзине» также говорится: «Небо рождает всех людей; есть человек, есть и правила» (天生蒸民, 有物有则) [6]. Конфуцианские воззрения «небесного предначертания»

(天命论) порой ошибочно воспринимаются как фаталистические. На самом же деле чистого фатализма как такового здесь было немного. Этой теорией конфуцианцы обосновывали то, что случающиеся в жизни человека неприятности есть всего лишь сумма объективных обстоятельств и от воли человека зависят не всегда. Тем не менее возможность самосовершенствования, а, соответственно, и перспектива индивидуального роста – карьерного, материального – непременно присутствовали в учении.

Конфуцианство постулировало ценность человека и человеческой жизни, важную часть которой занимал социальный элемент. Человек позиционировался не столько как индивид, сколько как член сообщества. По словам Фан Литяня, «в конфуцианстве обнаруживается тенденция в сторону превалирования ценности человеческих отношений. Ценность же личностно-индивидуального существования фактически игнорируется» [7]. Согласно конфуцианской идеологии, принцип гармоничного коллективного существования был важнее статуса единоличного благополучия. Только согласованное проживание в коллективе с соблюдением принципов морали, этики, человеколюбия, долга могло принести человеку удовольствие от жизни – «что такое радость одного человека в сравнении с радостью множества людей?» (радость множества людей лучше радости одного человека 独乐乐, 与人乐乐, 孰乐?) [8]. Наибольшее духовное удовлетворение человек мог получить лишь в случае реализации основных форм социализации – семья, карьера, дружеские отношения и т.д.

Этические установки конфуцианского учения, выраженные в виде доктрин сыновней почтительности, преданности государю и др., имели большое общественное влияние и во многом определяли массовое сознание населения Китая. Совершенно иная мировоззренческая парадигма была перенесена вместе с буддийским учением из Индии. Буддийские основополагающие принципы провозглашали положение о «страдании». Исходный фактор, определяющий человеческое существование, – это духкха (беспокойство, неудовлетворенность, волнение). Однако эта неудовлетворенность была вызвана не неблагоприятным предопределением или случайным стечением жизненных обстоятельств, а незрелостью сознания индивида, его неведением. Таким образом, в буддизме наивысшая степень ответственности приходилась в первую очередь на самого индивида. Причиной всех жизненных неприятностей являлось не небо, не бог, не

судьба, а человек. В связи с этим была разработана детально обоснованная теория спасения, предлагавшая способ выхода из цепи переживаний и страданий, т.е. «освобождение».

Тхеравадинский принцип индивидуального спасения шел вразрез с социальными установками китайской культуры. Буддизм исходил из Четырех благородных истин, признававших несостоятельность человеческого существования и уводящих человека в область над-общественных отношений. Китайский исследователь Лян Шумин в работе «К вопросу об общем и особенном в конфуцианстве и буддизме» пишет: «Рассуждения конфуцианцев неотделимы от темы человека. Исходная точка опоры в конфуцианстве – это проблема человека. Все размышления в конечном счете сводятся к человеку и ни к чему-либо другому. Буддизм же, напротив, занимает надличностную позицию, он, собственно говоря, вообще не возвращается к проблеме человека. Он все сводит к Будде. Первое – это учение о мире. Второе – учение о выходе из мира. Разница между ними очевидна» [9].

Фан Литянь отмечает пять основных положений, которые наглядно демонстрируют мировоззренческую разнонаправленность буддизма и конфуцианства:

1. Человек и вселенная. Имеется в виду соотношение представлений «человек – вселенная», статус человека в общей макрокосмической системе. В конфуцианской мировоззренческой концепции положение человека оценивалось достаточно высоко, он рассматривался в качестве одного из элементов «сань цай» (三才) – «трех начал», наряду с небом и землей. Буддизм представил Китаю собственную классификацию живых существ, согласно которой человеческая жизнь не признавалась высшей формой существования, но которая, тем не менее, предоставляла индивиду шанс при соблюдении определенных условий для достижения более благоприятного результата.

2. Жизненные ценности. В данной позиции конфуцианский принцип жизнерадостности вступал в прямое противоречие с буддийскими представлениями о страдательном существовании.

3. Человеческие идеалы. В качестве таковых конфуцианцы постулировали приоритет служебной деятельности, нормы гармоничного коллективного функционирования, реализацию принципов семейного сосуществования, морально-нравственное совершенствование личности и т.д. Следствием этого было особое внимание вопросам межличностных отношений, кол-

лективного устройства, организации благополучного социума. Буддизм же постулировал страдательный характер человеческого существования, соответственно, предлагал собственную альтернативную форму высшей цели – «выход из мира» (出世) и «становление Буддой» (成佛).

4. Жизнь и смерть. Исходя из различий в оценке жизненных ценностей, несходным было и восприятие вопросов жизни и смерти. Известное изречение Конфуция – «Не зная ничего о жизни, что мы можем утверждать о смерти?» (未知生，焉知死?) – наглядно отражает позицию конфуцианцев по данному вопросу [10]. Конфуцианцы воспринимали смерть как естественное и неотвратимое явление человеческой жизни и особой заинтересованности в обсуждении данной темы не выказывали. Буддисты же вопросам жизни и смерти уделяли в своих диспутах большое внимание. Эта проблема отражалась также в рассуждениях о карме, сансаре, настоящих и последующих перерождениях и т.д., и в целом представляла собой один из основных элементов буддийской системы мировосприятия.

5. Этика и моральные принципы. Это один из основных спорных вопросов, возникавший в ходе идеологических баталий между конфуцианцами и буддистами. И те, и другие придавали вопросам этики и нравственности исключительное значение. Однако рассмотрение этих вопросов осуществлялось ими в совершенно разных, порой диаметрально противоположных, мировоззренческих плоскостях [11].

Тем не менее стоит признать, что, несмотря на наличие большого количества противоречий, так же существовали и идеи, которые условно можно назвать общими и для буддизма, и для конфуцианства. Так, в буддизме и конфуцианстве большое значение придавалось феномену образования. Формально и содержательно процесс и мотивация получения образования в двух системах существенно отличались. Образование для конфуцианца и для буддиста имело разную социокультурную нагрузку. В конфуцианской традиции образование заключало в себе определенную социальную статусность. Для конфуцианца понятие «образование» имело вполне конкретный образ, и в первую очередь подразумевало просвещение, воспитание социально ориентированной личности, интеллектуальное совершенствование. Процесс приобретения знаний имел в конфуцианстве практические цели и задачи – его результатом было утверждение в общественно-иерархической системе, получение

чиновничьей должности и служебных привилегий. Можно признать, что в конфуцианстве образование в определенном смысле было возведено в культ. Идеалом совершенного человека был «образованный муж». Для конфуцианца понятие «образование» в достаточно тесной степени граничило с понятием «воспитание» (об этом, кстати, свидетельствует и лингвистический аспект – китайское понятие «цзяо юй» (教育) многозначно, его можно перевести как «образование», «воспитание», «просвещение», «обучение»). Получение образования предполагало, помимо получения собственно знаний, еще и совершенствование морально-нравственных качеств личности – долга, человеколюбия и т.д.

Буддизм можно назвать философией образования, причем монастырское буддийское образование представляет собой лишь часть этого феномена. Для буддиста понятие «образование» находилось в несколько другой плоскости, нежели аналогичное конфуцианское представление. Это – особое знание, точнее сказать, осознание, выход на новый уровень сознания и понимания действительности. В отличие от конфуцианства, где система образования имела стойкую социальную окраску, в буддизме обучение было в первую очередь направлено на индивида, на развитие его сознания. Процесс образования здесь так же был тесно связан с практическими целями и задачами, кроме того, он находился в непосредственной связи с морально-нравственными установками учения. В буддизме деятельность по приобретению знаний могла помочь живому существу выйти из цепи перерождений либо найти более благоприятное перерождение. Конечной целью приобретения знаний было «освобождение».

Стоит признать, что и в системе конфуцианства, и в системе буддизма феномен образования заключал в себе исключительно важную функцию, хотя и рассматривался представителями двух учений с разных идеологических позиций.

Важным моментом в процессе формирования взаимоотношений буддизма и конфуцианства стала позиция двух учений относительно проблемы этики и морали. И в буддизме, и в конфуцианстве вопросам этики уделялось большое внимание. В конфуцианской модели поведения человека этическая система, регулирующая жизненное устройство, имела едва ли не первостепенное значение, определяя нормы бытия человека. В китайском обществе этика выполняла функцию культурной детерминанты и в определенной степени заменяла религию. Жизнь ря-

дового китайца была предельно «стандартизирована» конфуцианскими правилами, критериями поведения в обществе. Конфуцианские нормы выстраивали своеобразную иерархическую схему, в которой соединялись социальное и космическое начала.

Этическую проблематику можно назвать определяющей в системах буддизма и конфуцианства. Однако рассмотрение ее происходило в двух учениях с совершенно разных позиций. Этика буддистов психологична, индивидуалистична. Несмотря на присутствующий социальный атрибут, тем не менее этика буддизма – это, в первую очередь, этика индивида, личностно-ориентированная психологическая дефиниция. В отличие от конфуцианцев, для буддистов формальный признак проявления этики не важен, приоритетной категорией выступает сознание. Этика в буддийском понимании в глобальном плане не имеет самостоятельного значения, она не представляет высшей ценности сама по себе. Морально-нравственный императив имеет действие в суперсистеме буддийского мирозерцания только в связи с актуальностью реализации первостепенной идеи – идеи освобождения из цепи привязанностей. «Хотя этическая идеология играет важную роль в культурном развитии и Индии, и Китая, тем не менее бросается в глаза одно важное отличие – в Индии достаточно велико влияние религии на этическую мысль, в Китае же влияние религии на этику значительно меньше» [12]. Этика конфуцианцев рационалистична, находит выражение во внешних формальных проявлениях. Она коллективна, направлена на гармоничное проживание в сообществе людей, выполнение установленных предками незыблемых правил поведения.

Таким образом, в ходе распространения буддизма в Китае происходил двусторонний культурный контакт индубуддийской и китайской традиций. Внутренние потенции, недогматичный характер учения определили возможности адаптации буддизма к китайской социокультурной среде. В китайской традиции буддизма были реализованы некоторые аспекты буддийского учения, представленные в оригинальном варианте в латентном виде. Новое цивилизационное пространство и другие интеллектуальные условия обусловили и появление новых идеологических форм в виде приоритетных идей, учений, школ и направлений китайского буддизма. По мере внедрения буддизма в социокультурное пространство Китая трансформировались как индубуддийская концепция, так и макросистема китайской культуры. Результатом поступательного эволюционного процесса стали значитель-

ные изменения в общей культурной картине Китая.

Литература

1. Лай Юнхай. Чжунго фоцзяо вэньхуа лунь (К вопросу о культуре китайского буддизма). – Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та, 2007. – С. 95.
2. Розенберг О.О. Труды по буддизму. – М.: Наука, 1991. – С. 208-209.
3. Мартынов А.С. Категория Дэ – синтез «порядка» и «жизни» // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. – М.: Восточная литература, 1998. – С. 68.
4. Конфуций. Лунь Юй. Шу эр. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruiwen.com/news/1840.htm>. (дата обращения 18.01.2013).
5. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2005. – С. 67.
6. Ши цзин. Да я. Чжэн минь (Книга песен. Великие оды. Люди). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://baike.baidu.com/view/1057442.htm>. (дата обращения 18.01.2013).
7. Фан Литянь. Жусюэ юй фоцзяо (Конфуцианство и буддизм) // Жу фо дао юй чуаньтун вэньхуа (Конфуцианство, буддизм, даосизм и традиционная культура): сб. ст. – Пекин: Китайское книжное изд-во, 1990. – С. 59.

8. Мэн цзы. Лян хуэй ван ся (Мэн цзы. Правитель Лян Хуэй. Ч. 2). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://baike.baidu.com/view/2931315.htm>. (дата обращения: 18.01.2013).

9. Лай Юнхай. Чжунго фоцзяо вэньхуа лунь (К вопросу о культуре китайского буддизма). – Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та, 2007. – С. 96.

10. Конфуций. Лунь юй. Сянь цзинь. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lidbj.com/LunYu_11.htm. (дата обращения 25.01.2013).

11. Фан Литянь. Жусюэ юй фоцзяо (Конфуцианство и буддизм) // Жу фо дао юй чуаньтун вэньхуа (Конфуцианство, буддизм, даосизм и традиционная культура): сб. ст. – Пекин: Китайское книжное изд-во, 1990. – С. 59-60.

12. Яо Вэйцюнь. Фоцзяо сысян юй вэньхуа (Идеология и культура буддизма). – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2009. – С. 359.

Хабдаева Аюна Константиновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры восточных языков Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: ayupost@yandex.ru.

Khabdaeva Ayuna Konstantinovna, candidate of historical sciences, senior lecturer, department of oriental languages, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: ayupost@yandex.ru.

УДК 397 (5 - 015)

Л.Л. Абаева

НЕСТОРИАНСКИЕ РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

на основе монографии «Early Christian remains of Inner Mongolia: discovery, reconstructions and appropriation» by Tjalling H.F. Halbertsma (издана в серии «Sinica Leidensia», Volume 88, edited by Barend J. ter Haar, 2008, 359 p.)

В статье анализируется монография «Раннехристианское прошлое во Внутренней Монголии: исследование, реконструкция, индивидуализация» Тжаллинга Х.Ф. Хальбертсма о ранней истории проникновения и распространения раннехристианской несторианской традиции не только среди монгольских народов, но и среди насельников всей Центральной Азии.

Ключевые слова: несторианство, раннехристианская религиозная традиция, монгольские и тюркские племена, этнокультурный ареал, Внутренняя Монголия, монгольский мир, Центральная Азия.

L.L. Abaeva

NESTORIAN EARLY CHRISTIAN TRADITIONS IN THE ETHNIC AND CULTURAL HISTORY OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA

on the basis of the monograph «Early Christian remains of Inner Mongolia: discovery, reconstructions and appropriation» by Tjalling H.F. Halbertsma (published in the series «Sinica Leidensia», Volume 88, edited by Barend J. ter Haar, 2008, 359 p.)

The article analyzes the monographic study «Early Christian remains of Inner Mongolia: discovery, reconstructions and appropriation» by Tjalling H.F. Halbertsma about the early history of the penetration and spread of early Christian Nestorian tradition not only among the Mongol peoples, but also among the inhabitants of the whole Central Asia.

Key words: Nestorianism, early Christian religious tradition, Mongol and Turkish tribes, ethnic and cultural areal, Inner Mongolia, Mongolian World, Central Asia.

Автор данной работы затрагивает практически всю довольно обширную историю проникновения, распространения и эволюции несторианской традиции среди китайского и монгольского этносов во Внутренней Монголии, в настоящее время находящейся в составе Китай-

ской Народной Республики как Автономный район Внутренней Монголии. Однако хронологические рамки монографии проникают в далекое историческое прошлое вплоть до определения происхождения термина «несторианизм» и раннего его употребления как религиозного фе-

номена. Как утверждает сам автор, «несторианские реликты» представляют собой великое множество «черно-белых образов», которые не всегда можно адекватно идентифицировать, поэтому многие негативные и неадекватные позитивные «образы» так и не вошли в данное сочинение.

Работа была написана в Университете г. Ляйдена в Институте синологических исследований Голландии. Кстати, издатель и редактор данной авторской работы – Баренд тер Хаар – руководил научно-исследовательской и полевой работой Тжаллинга Хальбертсма.

Первая глава «По поводу термина «несторианизм» и раннекитайские христианские термины» рассматривает сам термин и феномен несторианства как понятие, а также собственно христианские термины, существовавшие в течение Танского и Юаньского периодов. Хальбертсма во введении к своей работе сетует, что было очень сложно транскрибировать и транслитерировать китайские и монгольские надписи на каменных стеллах, которые исследовались как реликты раннего христианства во Внутренней Монголии. При этом автор утверждает, что, несмотря на «маргинальное присутствие» христианской традиции на этой территории и «лимитированные контакты» со средневековой Европой, западноевропейские исследователи уделяют большое внимание исследованию реликтов христианских традиций в Китае, т.е. во Внутренней Монголии. При этом, что небезынтересно, большинство исследований по этой конкретной тематике написаны преимущественно на английском и французском языках, нежели на немецком и итальянском. Также автор не без сарказма подчеркивает, что исследования по данной тематике на китайском языке более дискриптивны (носят описательный характер), нежели интерпретативны (несут в себе некий аналитический контент). Предваряя свой исследовательский труд, автор подчеркивает, что в работе преследовались две практические цели: необходимость в дальнейшей фиксации и документации все еще существующего фактологического материала на территории Внутренней Монголии и интерпретация уже описанного дискриптивного материала в этом же регионе. В целях более четкого логического построения своей работы автор условно делит ее на четыре части: первая часть представлена специфической терминологией по «остаткам» несторианства во Внутренней Монголии и средневековыми историческими источниками по христианству на Востоке. Вторая часть представлена синтезом новых публикаций и неопубликованных ра-

бот по «остаткам» раннего христианства во Внутренней Монголии. Третья часть посвящена проблеме исторической реконструкции несторианской культуры во Внутренней Монголии. И, наконец, четвертая часть монографической работы посвящена культурно-антропологическим методам исследования – таким как метод интервирования скотоводов монгольского происхождения на предмет анализа – как кочевники оценивают прошлое феномена адаптации несторианской культуры их предками. Работа сопровождается достаточно большим иллюстративным материалом реликтовых памятников несторианства на территории Внутренней Монголии, дополнена картами их расположения и распространения.

Известный монгольский ученый Ш. Бира в своей речи на открытии Центра монголоведных исследований А. Мостарта в Улан-Баторе сделал доклад на тему «Монголы и христианство», в котором подчеркнул, что монгольские народы в контексте своей долгой и удивительной этнической истории были адептами не только буддизма, но также пытались адаптировать к своим этнокультурным и религиозным традициям и другие мировые религиозные системы. Ш. Бира на церемонии открытия Центра сказал: «История монголов не может быть правильно объяснена, если мы не знаем истории наших культурных и религиозных контактов и взаимодействий с другими цивилизациями. Мы должны изучать неизвестные страницы нашей истории, которые включают не только наше прошлое, но также и настоящее, и будущее» [1, с. 231]. Академик Бира, ссылаясь на легенду, зафиксированную в «Хронологии» XIII в. Б. Хебраусом, вспоминает почти уже ставшей мифологической легенду, касающуюся главы племени керейтов. Легенда гласит: «Во время охоты предводитель керейтов заблудился («lost his way») высоко в горах. Когда он потерял всякую надежду, перед ним появилось видение в виде святого, который сказал: «Если ты поверишь во Христа, я выведу тебя». Возвратившись домой, хан спросил работающих христианских крестьян об их вере. Они отвечали, что он не получит спасения самому себе и своему племени, пока не получит разрешения и благословения от Несторианской метрополии» [2, с. 184]. Пересказывая эту легенду, Ш. Бира выражает сомнение об аутентичности деталей этой легенды, которая тем не менее свидетельствует и отражает самый ранний период истории проникновения христианской традиции на территорию монгольских народов. При этом Ш. Бира подчеркивает, что керейтский Тогоруул Ван Хан, покровитель юного Темуджина, безус-

ловно был адептом христианской традиции [1, с. 232].

Возвращаясь к анализируемой монографии Тжаллинга Хальбертсма, хотелось бы подчеркнуть, что автор в начале своего исследования испытывал значительные трудности в аутентичности термина «несторианизм» по отношению к Востоку. Сами представители несторианства, следуя идеям его основателя Нестория о том, что Иисус Христос был одновременно и Богом и человеком, иногда употребляли термин «церковь Востока», имея ввиду несторианские религиозные традиции. Рожденный в Сирии и получивший религиозное образование в Антиохии, Несторий (382–451) утверждал, что Дева Мария произвела на свет Христа в качестве *christokos* – матери Христа, а не в качестве *theotokos* – матери Бога, вследствие чего даже многие симпатизирующие ему последователи сочли его еретиком. «Важно здесь отметить, – пишет Т. Хальбертсма, – что сам Несторий не подразумевал, что «церковь Востока» будет в последующем ассоциироваться с его именем. Тем более, в своей последующей деятельности опираться на его идеи» [3, с. 4].

Заканчивая первую главу, автор все же подчеркивает, что нет пока альтернативной терминологии «церкви Востока» вне китайской и монгольской территории во Внутренней Монголии и выражает надежду, что будущие исследования покажут, как сами монгольские адепты этой религиозной традиции называли себя, и предполагает, что, возможно, у них был и есть свой адекватный термин этого религиозного феномена [3, с. 12].

Вторая глава, именуемая «Средневековые посланники Европы в контактах с Монгольской Империей», относительно знакома отечественному исследователю, т.к. касается миссионерской деятельности известных Простера Джона, Уильяма Рубрука, Марко Поло, Джона Монтекорвино и других, которые путешествовали по Востоку в период монгольского правления, не только занимаясь миссионерской и проповеднической деятельностью, но и описывая этническую, антропологическую, социальную и политическую специфику социумов Востока.

Автор в начале третьей главы «Христианские несториане в Центральной Азии и Китае в период Монгольской эры» утверждает, что сама монгольская империя в XII–XIX вв. достаточно инициативно способствовала проникновению, продвижению и, соответственно, распространению несторианской веры в Центральной Азии и Китае [3, с. 29]. Здесь же автор утверждает, что «несторианские верования», возникшие в пери-

од Монгольской Империи не случайно возникли на территории Великой Монгольской Империи – еще в XI в. эти «несторианские верования» фиксировались среди тюркских племен Центральной Азии. Среди племен насельников Центральной Азии раннехристианская традиция в несторианской форме появляется уже в 845 г. н.э. – утверждает Тжаллинг Хальбертсма. Несторианские христиане уйгурского происхождения довольно беспрепятственно стали практиковать эту религиозную традицию в Центральной Азии, опять же констатирует автор [3, с. 29]. Впоследствии значительное число уйгуров несторианского вероисповедания занимало заметные позиции при дворе Монгольской Империи, особенно после того, как монголы восприняли уйгурскую письменность [3, с. 30]. На некоторых территориях Центральной Азии, особенно по линии Шелкового пути, так же фиксировались несторианские сообщества, в какой-то степени влияющие на этносоциальные структуры соседствующих сообществ. Кашгарские этнические сообщества, например, еще в XIII в. приняли несторианское вероисповедание, но в настоящее время последователей несторианства там уже не наблюдается.

По утверждению Т. Хальбертсма, среди насельников степной территории где-то на границе северной части Китая и Монголии именно керейты были первыми, кто воспринял несторианское христианство. «Керейты, – пишет автор, – кочевое племя тюркского происхождения, – кочевавшее по Орхонской степи южной стороны Байкала до северной части пустыни Гоби, еще в 1007 г. в большинстве своем приняли несторианское христианство» [3, с. 30]. Об этом свидетельствуют и документы XIII в., посланные «хроникером» Баром Хебраусом в 1009 г. патриарху Метрополии Мевра (об обстоятельствах относительно принятия несторианского вероисповедания керейтами можно посмотреть: E.C.D. Hunter, «The conversion of the Kerait to Christianity in AD 1007» / *Zentralasiatische Studien*. – 1989/1990. – №22. – С. 158-176).

Необходимо отметить, что последователям несторианской христианской традиции постоянно шли рекомендательные и даже в некотором роде настоятельные письма с Метрополии. Так, например, во время многочисленных постов меркитам настоятельно рекомендовалось воздерживаться от мясной пищи и свежемолочных продуктов. Даже употребление традиционных кисломолочных продуктов как «айрак», или другое название «кумыс», далеко не приветствовалось со стороны Метрополии.

Еще Рубрук в своей работе отмечал, что монгольские народы знали о запретах христианской пищи: русские, греки и аланы христианского вероисповедания, живущие по соседству с ними [монголами], четко соблюдали религиозные запреты питья (речь идет о кумысе), а в действительности, когда они выпивали, они не считали себя христианами. Хотя священники пытались регулировать (не акцентируя внимания), что они фактически не следуют христианской вере.

Во взаимоотношениях с другими народами Центральной и Внутренней Азии, керейты должны были распространять среди них несторианскую веру. Одними из соседствующих на западе с керейтами племен были могущественные найманы. Найманы – большое племя тюркского происхождения, чей этноним был заимствован от монгольского слова найман – «восемь», оккупировали восточный регион Алтайской горной гряды, напротив р. Селенги современной Западной Монголии. Керейты и найманы частично сталкивались из-за этой территории. Тем не менее, христианские традиции среди найманов могли быть инспирированы керейтами несторианского христианского вероисповедания. В итоге в нач. XIII в., когда Чингисхан завоевал территории найманов и керейтов, найманы следовали тому же вероисповеданию, что и керейты, т.е. несторианству.

Следующая очень важная этническая группа, исповедующая раннехристианское несторианство, на рубеже X–XIV вв. фиксируется в регионе Семиречья на юго-восточной стороне о. Байкал. В настоящее время это Кыргызстан. Об этом свидетельствует тот факт, что в нач. XX в. российские археологи обнаружили большое количество надгробных могильных плит, декорированных крестами, цветами лотоса с надписями древнесирийской графики и на сирийском, тюркском языках по обеим сторонам могильных плит [3, с. 34].

В результате проникновения несторианских раннехристианских верований появляются адепты онгутского происхождения (öngöt). Автор представит это племя тюркского происхождения и элиту несторианского духовенства в следующих главах (Section 3.2–3.4.)

Основной репрезентативной базой исследования являются фактологические данные о пле-

мени «онгууд» (öngöt), которое, по утверждению автора, оказалось на протяжении определенного исторического времени насельниками символического перекрестка четырех кросс-культурных путей – Востока и Запада, Севера и Юга. И в основном и в целом данная монографическая работа посвящена этой этнической группе на территории Внутренней Монголии. Все исторические экскурсы автора, летописные источники и миссионерская деятельность европейских путешественников достаточно популярны и широко известны в отечественной науке.

Наследие раннехристианской традиции несторианства среди этнической группы Внутренней Монголии «онгуут» является основным и главным объектом исследования Тжаллинга Хальбертсма, при этом вызывает глубокое уважение привлечение всех письменных источников на многих языках – сирийском, китайском, уйгурском, французском, немецком и английском. Заметно, что более всего автор владеет китайским и английским языками.

Продолжение обзора и анализа несторианства народов Центральной Азии – в последующих номерах.

Литература

1. Бира Ш. The Mongols and Christianity // Шагдарын Бира. Монголын Тэнгэрийн Узэл, Mongolian Tengerism. Туувэр Зохиол, Баримт бичгүүд / Selected papers and documents. – Улаанбаатар, 2011 – 482 с.
2. Herbraeus Bar, chronology. Edited by E.A. Budge. – London: Oxford University, 1932.
3. Tjalling H.F. Halbertsma. Early Christian remains of Inner Mongolia: discovery, reconstructions and appropriation // Sinica Leidensia, Volume 88, edited by Barend J. ter Haar. – 2008, 359 p.

Абаева Любовь Лубсановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Abaeva Lubov Lubsanovna, doctor of historical sciences, professor, senior researcher, department of history, ethnology and sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, professor of department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 394.2 (=512.31)

З.А. Будаева

БУРЯТСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АККУЛЬТУРАЦИИ

Данная статья посвящена изменениям в праздновании Сагаалгана, Сурхарбана как важнейших компонентов традиционной культуры бурят в контексте теории аккультурации.

Автор отмечает появление новых форм празднования под влиянием глобализационных процессов, также указывает на стремление бурятского этноса перейти от ассимиляции к адаптации в новых условиях сохранения культурной идентичности.

Ключевые слова: аккультурация, глобализация, этническая культура, народные праздники.

Z.A. Budaeva

BURYAT NATIONAL HOLYDAYS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF ACCULTURATION

This article is devoted to changes in the celebration Sagaalga, Surharban as important components of traditional culture of Buryats in the context of the theory of acculturation. The author points out appearance of new forms of celebration under the influence of globalization processes. She also points at aspiration of the Buryat ethnos to pass from assimilation to adaptation to new conditions of preservation the cultural identity.

Key words: acculturation, globalization, ethnic culture, national holydays.

В сегодняшнем мире, сверкающем яркими красками различных культур, невозможно не заметить нарастающий процесс их взаимодействия, взаимовлияния и его следствие – явление аккультурации. В современной культурологии данное явление анализируется через понятие культуры, с одной стороны, а, с другой, – через ее типы, виды, модели, стратегии и модусы.

В данной статье мы попытаемся проследить изменения в бурятских народных праздниках, являющихся важнейшими компонентами традиционной культуры бурят, определить их характер сквозь призму теории аккультурации. Изучение праздников позволяет подойти к пониманию тенденций в развитии культуры бурятского этноса; к выявлению того, что в данный момент преобладает – сохранение любой ценой старых традиций или обновление, поиск новых форм, приводящих к выбору определенного модуса аккультурации. Безусловно, праздники занимают особую нишу в этническом развитии. Наряду с национальным языком, религиозными верованиями они составляют один из главных факторов этнической идентификации, признаков этнического своеобразия.

В ходе исследований бурятские и монгольские этнологи, лингвисты, историки пришли к выводу, что в основе каждого бурятского национального праздника лежат архаические, календарные ритуалы, определенным образом отмечающие важные вехи сезона – пик сезона дождей, пробуждение природы, «перелом» года» и соответствующие им этапы хозяйственного цикла рода и племени.

Ученые определили многообразие типов праздников монголоязычных народов. Ц.Е. Рен-

чинова, И.Г. Балханов выделили весенне-летние (даага дэллэлгэ – праздник стрижки грив и хвостов лошадей, нэмэри – прибавка, тайлган, обоо тахиха – обряд жертвоприношения духам предков, эрын гурбан наадан – три игры мужей, ёхор – хороводы) и осенне-зимние праздники (урилга – приглашение, зэгэтэ аба – облавная охота, зо-хэй наадан – сметанный праздник, тохоймой найр – катание войлока, Сагаалган – Белый месяц) [1].

Народные праздники аккумулируют ценности этнической культуры, формируют и сохраняют нравственные идеалы общества, нормы общения, стабилизируют межличностные и общественные отношения, вносят эмоциональность, одухотворенность, сплавляют общество. Они отличаются стихийностью, естественностью, органичностью, проявляются в свойственных только им традициях. Возникнув в глубокой древности, многие обряды и традиции были тесно связаны с религиозными представлениями и вызвали к жизни народно-религиозные праздники, ориентирующие людей на осуществление обрядов сакрального, магического содержания. При этом элементы светской культуры всегда присутствуют, а на некоторых этапах мероприятия доминируют.

Праздники, основанные на традициях, способствуют сохранению традиционной культуры народа. Вместе с тем, являясь своеобразным зеркалом динамичных социальных отношений, они постепенно и постоянно меняются по содержанию и форме. Значительные изменения происходят под влиянием учащающихся контактов с другими культурами, т.е. аккультурационных процессов.

По мере включения бурятского населения в более развитое в экономическом, политическом планах российское общество, сначала аграрное, а затем индустриальное, некоторые праздники хозяйственно-бытового назначения (даага дэллэлгэ, нэмэри, зэгэтэ аба, зохэй наадан) стали уходить в прошлое.

Главным национальным праздником современных бурят остается Сагаалган – Новый год (Белый месяц). В древности он был сугубо народным календарным праздником хозяйственно-бытового содержания всех монголоязычных племен Центральной Азии. С XIII в. Новый год отмечается в феврале, когда близится к концу зима, начинается массовый прием приплода, поступление обильной молочной пищи. Понятие «Саган эдээн» – белая пища, молочная пища – относящееся к хозяйственно-бытовой сфере, лежит в основе происхождения названия праздника. К исконно народным и ныне живым приметам праздника относятся торжественные проводы всей семьей уходящего года за праздничным столом в «буту удэр» (последний день старого года), обильное застолье, придание сагаалганской пище магического значения как средству процветания и долголетия людей; культ белого цвета, «ожидание» Саган Убгэна (Белого Старца – добуддийского божества); хождение в гости, благопожелания; обмен подарками; игры, вождение хоровода-ёхора.

Многие буряты продолжают совершать обряды, относящиеся к группе наиболее архаичных ритуалов, восходящих к инициальной магии. Это обычай «первого выхода» из дома в первый день праздника, «первого шага» при выходе из жилища утром, «первого слова» и связанные с ним табу на плохие, неблагозвучные слова.

Любой праздник включает игры. Бурятские игры основаны на кочевом характере быта и ведении скотоводческого хозяйства. Предметом игр и состязаний являются кости и шкуры животных. Подобные действия можно рассматривать как отголоски древних ритуальных игр, символизирующих плодородие скота.

Самой яркой, массовой сагаалганской игрой было катание всех жителей улицы, улуса с горы на необработанных шкурах домашних животных – своего рода обряд очищения. Массовые катания с горы в дни Сагаалгана, если и происходят где-либо, то утрачивают первоначальный сакральный смысл. Игры в лодыжки (таранную кость), «Шагай» (бабки), «Һээр шааха» – разбиение хребтовой кости ребром ладони, забытые в новейшее время, сегодня в ряде муниципальных образований возрождаются.

С утверждением в XVIII в. в Бурятии буддизма в форме ламаизма Сагаалган был включен в буддийскую религиозно-культурную систему и признан первым из шести самых важных ежегодных праздников – хуралов (молебнов). С той поры Сагаалган представляет собой синтез религиозного и светского начал, официального дацанского и народного праздника. Новая религия и церковь включили в свой пантеон ряд добуддийских культов, героев (матери-прародительницы, эжинов, Белого старца), придав им иное значение.

Буддийские мотивы пронизывают все этапы праздника (предновогодний, новогодний, посленовогодний); существенным образом они проявляют себя и в сугубо народном компоненте праздника. В их числе: молебен, посвященный докшитам – десяти божествам-защитникам Учения, прежде всего богине Балдан Лхамо; обряд очищения Дугжууба; ритуал подношения балина, назначаемого в жертву докшиту (Сахюусану); ритуал вывешивания молитвенного флажка «Хий Морин», пятнадцатидневный Хурал после наступления Нового года.

Буддийские мотивы праздника сохраняли большое значение на протяжении как XIX, так и XX веков уже в условиях индустриального светского общества. Осознавая, что буддизм является мировой религией, большинство бурят тем не менее рассматривали и рассматривают ритуалы и ценности буддизма (ламаизма) прежде всего как важнейшие духовные этноконсолидирующие, этноидентифицирующие факторы.

Мы объясняем это, во-первых, особенностью менталитета восточного человека, обусловленного своеобразием исторического развития азиатских народов. Г.Гегель в «Философии религии» отметил: «...на Востоке же религия целиком связана с национальностью» [2].

Во-вторых, в условиях развивающегося индустриального общества буряты оказались территориально разобщенными. Хозяйственные связи как нацииобразующие элементы у бурятского этноса слабели, а факторы деэтнизации и аккультурации усиливались. На первый план в качестве этноконсолидирующих факторов выступили социокультурные и духовные ценности, среди которых буддийские занимают особую нишу.

Именно буддийские элементы праздника явились главной причиной негласного запрета Сагаалгана в советский период российской истории. Атеистическое советское государство, стремящееся утвердить новые советские государственные праздники с ярко выраженным идеологическим содержанием и строгим регла-

ментом, объявило данный праздник сугубо религиозным, ламским, феодальным, вредным для строителя коммунизма. К тому же новые социалистические праздники, по замыслу коммунистов, должны были способствовать консолидации всех народов СССР в единую советскую нацию.

В постсоветский период начался активный пересмотр мировоззренческих позиций, приведший, в частности, к религиозному, национально-культурному ренессансу, к изменениям государственной политики в духовной сфере.

24 января 1990 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета Бурятской АССР о придании Сагаалгану статуса народного праздника.

17 января 1991 г. Постановлением Верховного Совета республики день народного праздника объявили нерабочим. Большую роль в возрождении праздника сыграли бурятские ученые и общественные деятели: Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов, Р.Е. Пубаев, президент ВАРК Д.-Н. Дугаров, вице-президент Б. Баяртуев.

Такой поворот в государственной политике обусловил не только восстановление всех его элементов как буддийских, так и светских, но и дальнейшее развитие, обретение новых масштабов, форм и красок.

За последние 20 лет масштабы празднования значительно расширились. Развитие телекоммуникационных технологий позволило с 2012 г. вести в первый день Сагаалгана прямую трансляцию из Иволгинского дацана молебна «Балдан Лхамо».

Публикуются различные материалы по Сагаалгану (сценарии его проведения, этнографические зарисовки, рецепты блюд, стихи, песни и др.). Министерство культуры и агентство по туризму курируют общие мероприятия – театрализованные представления на площади Советов, конкурсы «Дангина», «Гэсэр». Реализуется проект приглашения бурятским Саган Убугуном Дедов Морозов из различных регионов страны, из зарубежных стран (главного Деда Мороза России со Снегурочкой из Великого Устюга, эвенкийской матушки Тугэни Энекен, якутского Чысхаана, тувинского старца Соок Ирея, японского Одзи Сана). Министерство образования содействует организации праздничных мероприятий в учебных заведениях. В дни Сагаалгана активизируются землячества, устраивающие встречи, концерты, конкурсы. К празднованию подключаются бурятские землячества в Москве, Петербурге и других российских городах, а также в Мадриде (Испания), Париже. Второй год проводится Всемирный флеш-моб «Глобальный

ёхор». В этом 2013 г. он прошел 11 февраля в 18 ч по улан-удэнскому времени, ёхор танцевали буряты на площадях 31 города мира [3].

Общественность и представители власти изыскивают новые формы проведения Сагаалгана – предлагают проводить больше мероприятий не по землячествам, а объединенных, подобных 1000-летию Гэсэра; приурочить к празднику ярмарки по продаже мяса, молочных продуктов; координировать усилия учебных, культурно-досуговых заведений, коммерческих фирм; инициировать новые конкурсы, например, конкурсы между землячествами по сбору типовой юрты, шитью и ношению национальной одежды [4].

Ставится задача по созданию межведомственной программы проведения Сагаалгана с участием под эгидой министерства культуры и агентства по туризму с участием министерства сельского хозяйства, промышленности и др. Раскручивание бренда Сагаалгана, наряду с другими праздниками – Сурхарбан, Алтаргана – рассматривается бурятским сообществом (как бурятами, так и представителями других наций, признающих Бурятию своей малой родиной) как важное средство и направление реализации концепции создания туристско-рекреационной особой экономической зоны в Бурятии.

Ярким самобытным событием в культурной, спортивной жизни бурятского общества остается Сурхарбан, относящийся к группе весенне-летних праздников. В период господства традиционного общества празднование проводилось в масштабе селений. На соревнования по стрельбе из лука, борьбе бухэ-барилдаан, конным скачкам выставлялись команды улусов. Составляющими культурной программы праздника были чествование знатных скотоводов, земледельцев, охотников, многодетных семей; интеллектуальные игры; исполнение фольклорных песен, танцев; демонстрация национальных костюмов. В советский период Сурхарбан был адаптирован к массовым спортивным играм, дополнен играми в волейбол, легкой атлетикой; вовлекал не только бурятское население, но и всех жителей городов, районов, независимо от национальности. В последние годы в рамках реализации концепции развития национальных видов спорта началась работа по возрождению древних обычаев, ритуалов, правил игры. Так, стрельба ведется только из национальных луков, к соревнованиям допускаются спортсмены в национальной одежде. Активную роль в этом процессе играют дацаны, инициируя «Эрын Гурбан Наадан» – Три игры мужей.

Характеристика народных светских, религиозных основ Сагаалгана, Сурхарбана, новых

элементов, пластов в их структуре позволяет сделать определенные выводы.

Налицо стремление бурятского сообщества к возрождению и сохранению, т.е. соблюдению старинных обычаев, ритуалов, внешних форм праздников как светских, так и религиозных. Сохранению народных обычаев способствует политика правительства Республики Бурятия в области культуры, направленная на «сохранение культурного наследия, обеспечение условий для развития национальной культуры, поддержание «баланса традиций и современности» [5].

Вовлечение человека в орбиту народных праздников позволяет, если не преодолеть, так смягчить «кризис этнической идентичности» личности. По мнению большинства ученых, «кризис идентичности» можно рассматривать как наиболее полное влияние глобализации в области культуры. Участие в народных праздниках укрепляет духовные связи личности с этносом, демонстрирует ее принадлежность к этносу и его культуре.

Обновление отдельных культурных элементов, расширение масштабов празднования Сагалгана, Сурхарбана и др. происходит под влиянием современной массовой культуры, преимущественно европейской, телекоммуникационных и информационных технологий. Большинство современных бурят осознает, что простое воспроизведение всех элементов праздничных культурных комплексов не гарантирует их сохранения, не предотвратит их архаизацию, «переселение» в музей. Традиции должны быть направлены в будущее. Новые масштабы празднований, активное внедрение в праздничные комплексы народных промыслов, достижений художественного декоративного творчества превратит их в одну из статей дохода.

Развитие новых форм при бережном сохранении духовных ценностей, основ народных праздников, творческое развитие других сфер традиционной культуры позволяет бурятскому народу переломить тенденции ассимиляции, появившиеся в индустриальную эпоху и усилившиеся в советский период. Тогда типичной

реакцией человека на межкультурные контакты была минимизация культурных различий, когда ценностное содержание национальной культуры оказывалось скрытым общесоветскими символами.

Большинство современных бурят при организации народных праздников адаптируется к новым условиям развития своей культуры, сохраняя при этом собственную культурную идентичность.

С определенной долей осторожности можно говорить и о тенденции интеграции как избираемой стратегии аккультурации. Интеграция предполагает позитивное восприятие личностью межкультурных различий, межэтническую толерантность в мультикультурной среде, социализацию личности как в доминирующую, так и традиционную культуру своего народа, тесный эмоциональный контакт с представителями иных культур [6]. Она открывает новые перспективы для развития традиционных культурных комплексов, важнейшими из которых являются народные праздники.

Литература

1. Бурятия. – 2012. – №16(4575). – С. 4.
2. Гегель Г. Философия религии: в 2 т. – М., 1977. – Т. 2. – С. 113.
3. Информ-полис. – 2013. – № 7. – С. 3.
4. Постановление Правительства РБ №396 от 01.08.2011 (ред. от 04.12.2012) «О Республиканской целевой программе «Сохранение и развитие культуры и искусства Республики Бурятия на 2012-2015 гг.».
5. Ренчинова Ц.Е., Балханов Г.И. «Сагалгаан» в духовно-нравственной культуре бурят: традиция и современность. – Улан-Удэ: изд-во Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств, 2007. – С. 67-68.
6. Ушанова И.А. Перспективы развития теории аккультурации в глобализованном мире – Вестник Новгород. гос. ун-та. – 2003. – №24. – С. 67.

Будаева Зоригма Аркадьевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ.

Budaeva Zorigma Arkadievna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude.

УДК 27-526.62-051

С.З. Дашиева

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В СТРУКТУРЕ БУДДИЙСКОЙ ТАНКИ

В статье делается попытка выявить тенденции цвета в танке. В буддийской иконографии символике цвета придается большое значение, каждый цвет имеет свое настроение, значение и смысл, структура танки передает сложные и глубокие понятия духовной сущности в физическом пространстве; в каком-то смысле является символом самого человека и его внутренней жизни.

Ключевые слова: танка, символика цвета, эстетика, смысл.

S.Z. Dashieva

SYMBOLY OF COLOR IN THE STRUCTURE OF BUDDHIST THANKA

In the paper the attempt to reveal general tendencies of color in a thanka is made. In Buddhist iconography symbolology of color has great significance, every color has its own mood, sense and meaning, the structure of thanka corresponds complicated and profound concepts of spiritual essence in physical space; in a sense it is someone's symbol, and a symbol of his inner life.

Key words: thanka, symbology of color, esthetics, sense.

В буддийской эстетической культуре предмет, явление природы или человек декоративно стилизуются, превращаясь в символ изображения. И здесь основная красота иконографии содержится в духовном начале, в смысле выражения признаков высшей духовной жизни. Танка служит не только объектом духовного поклонения и иллюстрацией священных текстов, но гораздо более важно то, что в ней воплощается символика и смысл буддийской религиозной культуры.

Существуют разные уровни трактовки буддийских символов – внешний и внутренний, явный и скрытый. Внешний уровень объяснений связан с поверхностным описанием видимого объекта, а внутренний, скрытый смысл танки, отражает многосложные и многослойные аспекты буддийской философии. Внимательному исследователю при определенном знании должно быть понятно, что в загадочных изображениях Будд и Бодхисаттв, защитников, пугающих своей необыденной яростной мимикой и украшениями, в их цветовых характеристиках, в «мудрах» (сакральных жестах) Будд, в различных позах и атрибутах божеств, скрыт свой смысл, шифр, язык культуры. Некоторые символы и асимметричные линии одновременно скрывают и открывают глубину танки.

Одно из главных значений в танке имеет система цветовых символов, которая в практике буддийских знаний более детализирована и конкретна. Здесь может идти речь не об отдельных красках, а о сложных композициях цветов, что нашло свое отражение в светской и божественной иерархии, в философии, мифологии и литературе. В целом для такой религиозной культуры как буддизм (Индия, Китай, Тибет и др.) ха-

рактерно восприятие мира сквозь призму цветовых символических обозначений. Канон написания танки включает ряд цветов, которые соотнесены с элементами космической системы мироздания, причем на первых ступенях иерархической лестницы стоят пять цветов (панча-Варна), которые символизируют состояние души, небесного Будды, части тела, части мантры и т.д. – красный, белый, желтый, синий и зеленый. Данные цвета воспринимались как пять образов (божеств): Вайрочана – белый; Ратна-самбхава – желтый; Акшобхья – синий; Амитабха – красный; Амогасидхи – зеленый, благодаря которым можно познать все и представить модель мироздания в красочном изображении [1, с. 121]. Цвет сам по себе статичен, неподвижен. Но в отношении одного цвета к другому возникает образ движения. С помощью цвета можно что-то выделить или оттенить. Свет и цвет определяют настроение иконы. Танка в меняющихся композициях цвета имеет различное символическое значение и эмоциональное воздействие. Условные танки являются отражением неполноты наших знаний о божественной реальности. И в то же время – это знак, указывающий на существование красоты Абсолютной, которая сокрыта в Божестве [2, с. 6].

Для примера проведем символику белого цвета. Этот цвет – символ святости, мистического просветления, бессмертия божеств, он ассоциируется с началом творения мироздания. С древних веков белый цвет имеет свойства очищения и божественности [3, с. 48]. Здесь можно сказать о буддийской богине Таре и ее форме, которая изображается оттенком белого (Белая Тара). Кроме того, она обозначает чистоту, святость [4, с. 86]. В мандале, представляющей со-

бой графическую модель Вселенной, белый круг и точка в центре обозначают мистический центр, в который спускается верховное божество Вайрочана для совершения акта великого творения. Вайрочана в буддийской мифологии считался главным из пяти дхьяни-будд. Он изображался белым цветом, и мандала помещалась в центре или на востоке. Сияние цветов дхьяни-будд (синего, желтого, красного и зеленого) и дает в основном белый цвет, который символизирует очищение. В буддизме белый цвет олицетворяет пространство, т.к. оно образуется из соединения всех элементов мироздания, с которыми связаны дхьяни-будды (воздуха, огня, воды и земли). В свою очередь, белый цвет появляется в многочисленных эпизодах рождения Будды. Известная легенда гласит, что королева Майя, мать Будды, видела во сне белого слона, который летал по воздуху и прикоснулся к ее правой стороне. И прежде, и теперь слоны известны своей силой и интеллектом, а также связаны с облаками и плодородием. В своей прежней жизни Будда был слоном несколько раз, как отмечалось в Джатаках или рассказах о предыдущих рождениях. Белый слон был и сам будущий Будда, который спустился с небес, чтобы родиться. Таким образом, он так же представляет для королевы Майи целомудренное рождение, или элемент тождества духа над плотью. Джузеппе Туччи отмечает, что: «<...> цвет сам по себе имеет сокровенное значение, последовательное изменение оттенков – это гармоничное применение разного количества белого порошка, <...> умелое применение в буддийском искусстве рядом красного, зеленого и бирюзового оттенков <...>». Все это свидетельствует о том, что древние танкописцы познавали палитру цветов интуитивно, в каких-то духовных прозрениях. Неверный цвет уже считался дисгармонией. Кроме того, в любом цвете есть такие свойства как прозрачность и плотность, густота, блеск и тусклость, которые создают разнообразную палитру смысла и значения.

Черный цвет обозначает изначальную темноту, что характеризуется темнотой скрытого Бытия. В области, где темно, нет света, но есть звук, который мы не можем слышать, т.к. это недоступно для слуха любого физического существа. Тьма становится светом, тенью цвета, звуком цвета, и звук создает форму. Один из самых интересных примеров представлен так называемыми черными картинками. Особый жанр представляет черная танка – очень мистическая картина, изображающая мерцающие, блестящие формы, возникающие из полупрозрачной темноты. Их эстетическое влияние про-

истекает из контраста мощных линий на черном фоне, что делает их одним из наиболее эффективных способов оценить мастерство танкописца.

Существует целый ряд технологий с использованием золотых линий на черном фоне, больших цифр, параметров и разнообразных цветов. Черные картины относительно поздно появились в буддийском искусстве. С помощью этих танок художники могут вызвать в воображении видения таинственного трансцендентного мира. Чернота гневных божеств, которые часто являются предметом этих танок, означает мрак ненависти и невежества. Роль этих качеств – в пробуждении ясности и правды. Черный цвет представляет не просто физическую смерть, он также обозначает и духовную смерть, смерть эго, уничтожение неведения, смерть всего, что стоит на пути просветленного опыта [5]. Танки с черным фоном образуют особую категорию созерцательной живописи. Черный цвет ненависти превращается в мудрость в сострадании. Таким образом, можно констатировать, что в черных танках фронтальное божество в светящемся видении полупрозрачного цвета обращает зло в добро.

Единство мира не исключает, а предполагает многообразие. Выражением этого многообразия и является цвет. Цвет дается в иконе локально, его границы строго определены границами предмета, взаимодействие цветов осуществляется на семантическом уровне [2, с. 15]. В древнем буддийском танкописании больший акцент делается на духовном значении, что, естественно, повлияло на развитие и практику буддийской эстетики. Глубокие и яркие цвета – белый, зеленый, синий, красный, желтый и золотой – объединяют всю композицию. Все художники прибегали к символике цвета, каждый цвет имеет свое значение и настроение. Цвет может существовать только лишь в связи с объектом. Цвет – это есть цвет чего-то. Следует помнить о том, что речь идет не просто о символике цвета, но и о значении объекта, имеющего тот или иной цвет. И каждый танкописец, нанося на полотно подчас микроскопические цветовые оттенки, которыми он в бесконечных модификациях окружает основной объект и его действие, и которые не затрагивают основной канон, передает сложные и глубокие понятия духовной реальности. Цвет в танке не принадлежит предмету – его поверхности и форме. Он, как и все в танке, подчинен одной задаче – приоткрыть мир духовной сущности в физическом пространстве. При помощи своих цветовых символов танка

передает информацию так же, как письменный или печатный текст.

В книге «Тибетское искусство резьбы на камне» («中国藏族石刻艺术») Джанг Чао Ин пишет: «Любимые цвета тибетцев – белый, желтый, синий, красный, зеленый <...> этот вопрос дает возможность сравнения системы цветов в различных религиях, выявления различий и общих элементов этих систем, с помощью чего можно сравнивать ряд культурных традиций с точки зрения восприятия и использования цвета. Исследование позволит в дальнейшем углубить понимание восприятия и употребления цвета у различных этносов» [6, с. 124].

Таким образом, в буддийской иконографии существует развитая система цветообозначения. В танке мы имеем дело не с локальным цветом, а гаммой и палитрой цветов. В основе канонических цветов лежат сходные представления и ассоциации. В буддизме наблюдается большая детализация и систематизация цветовой символики. В настоящее время цвет становится символом социально-политических структур и самого человека. Исследователи говорят о появлении новой области исследования, изучающей происхождение цветового символа, его содержание, межкультурные различия в цветовой символике. Визуальные, духовные и эмоциональные прояв-

ления цвета в искусстве танки взаимосвязаны. Эффекты воздействия цвета и управление ими становится основой эстетического учения о цвете.

Литература

1. Cayce E. On the power of color, stones, and crystals. – NY., 1989.
2. Языкова И.К. Богословие иконы. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/jazykl/main.htm>.
3. Серов Н.В. Лечение цветом. Мода и гармония. – СПб.: ЛИСС, 1993. – С. 331.
4. Landaw J., Weber A. Images of enlightenment: Tibetan art in practice. – NY.: Snow lion publications, 1993.
5. URL: <http://buddhaya.ru/>. – [Электронный ресурс].
6. Slavik J. Dance of colours: basic patterns of colour symbolism in Mahayana Buddhism / Ethnological Studier. – V. 41. – Goteborg, 1994.
7. Религиоведение: энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006.

Дашиева Саяна Зэмбэевна, аспирант Педагогического университета Внутренней Монголии, старший лаборант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: dharmasa-9@mail.ru.

Dashieva Sayana Zembeevna, postgraduate student, Inner Mongolian Pedagogical University, senior laboratory assistant, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: dharmasa-9@mail.ru.

УДК 008 (571.54)

О.Э. Нимаева

ФЕНОМЕН АРХЕТИПОВ И АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Данная статья посвящена феномену архетипов и архетипических образов в традиционной культуре бурят. В культуре любого народа существуют определенные универсалии, на которых базируется устойчивость этнической культуры. Это универсальные константы, диктующие определенные нормы, идеалы, ценностные ориентиры. В них «зашифровано» отношение человека к явлениям, событиям, нормам, ценностям и т.д.

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, традиционная культура, миф.

О.Е. Nimaeva

THE PHENOMENON OF ARCHETYPES AND ARCHETYPICAL IMAGES IN TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS

This article is devoted to the phenomenon of archetypes and archetypical images in traditional culture of the Buryats. Every culture has certain universals, the stability of ethnic culture is based on them. These are the universal constants dictating certain norms, ideals, value reference points. The relation of person to phenomena, events, norms, values, etc. «is ciphered» in them.

Key words: archetype, archetypical image, traditional culture, myth.

Исследование культурных архетипов и архетипических образов является одним из актуальных направлений культурологического анализа. В современной науке понятие «архетип» обрело

многоаспектный смысл и выступает в роли культурфилософской и этнокультурной универсалии, является предметом исследования различных гуманитарных наук. Культура народа

уходит своими корнями в незримый лабиринт бессознательного, ядро которого составляют архетипы. Согласно К.Г. Юнгу, «это не просто имена и даже не философские понятия. Это куски самой жизни, образы, которые через мост эмоций интегрально связаны с живым человеком. Вот почему невозможно дать произвольную (универсальную) характеристику любого архетипа. Его нужно объяснить способом, на который указывает вся жизненная ситуация индивида, которому он принадлежит» [9, с. 71].

В чистом виде архетипы не входят в сознание, не имеют психического содержания, а всегда соединяются с опытом и подвергаются сознательной обработке, проявляясь во множестве архетипических образов. Любая культура функционирует на базе присущей только ей системе архетипов.

Культурные архетипы носят устойчивый характер и передаются из поколения в поколение посредством семиотических систем, функционирующих в данной культуре. Культурный архетип состоит из первообразов человеческого сознания, определяющих онтологическую, аксиологическую и гносеологическую составляющие культуры. Субъективные переживания человека тесно связаны с архетипами и выражаются с помощью определенной символики архетипических образов, которые являются основными элементами мифологии и фольклора.

Окружающий мир предстает перед нами в двух ипостасях: реальной и символической. Можно сказать, что образ является единицей символического мира. Архетипы несут в себе метафизические значения, смыслоформирующие коды. Формой архетипа является архетипический образ. Мифология выступает изначальным способом обработки и трансляции архетипических образов.

Трансляция определенных типов сознания, основанная на передаче ценностей, смыслов и символов происходит через традиционную культуру. Культурные архетипы ориентированы на восприятие мира, постижение взаимосвязи природы и человека. Архетипы обнаруживают себя в образно-символической форме, проявляются в различных сферах социокультурной деятельности. В культуре любого народа существуют определенные универсалии, на которых базируется устойчивость этнической культуры. Это универсальные константы, диктующие определенные нормы, идеалы, ценностные ориентиры. В них «зашифровано» отношение человека к явлениям, событиям, нормам, ценностям и т.д. С помощью культурных архетипов через мифологические, фольклорные, религиозные

образы и мотивы можно осмыслить традиционную культуру бурят. Архетип – это достаточно устойчивая конструкция, благодаря которой этнос сохраняет этническую прочность, а ее носители осознают связь с родной культурой.

Традиционная культура бурят – основа этнического самоосознания, мировоззрения, миропонимания, мировосприятия и мирозерцания. Архетипы и архетипические образы позволяло дать более полное представление об особенностях традиционной культуры, о доминирующих константах в жизни бурят. Архетипы предельно абстрактны, и как таковые, недоступны непосредственному наблюдателю, они раскрываются, наполняясь конкретным содержанием, лишь через их проекцию на внешние объекты, что проявляется в виде архетипических образов и символов. Наша жизнь буквально «соткана» из архетипов и символов.

Архетипические образы как зримые/незримые символы придают окончательное оформление бурятской культуре в ее неповторимом и уникальном облике. Изучение наличия архетипов в материальной и духовной культуре бурят и их влияния на психологию, мировоззрение, культуру бурятского народа дает возможность вскрыть сущностные и ценностные особенности исторической динамики бурятского этноса. Это позволит не только понять прошлое, культуру бурятского этноса, но и заложить некоторые основы для будущего этнокультурного развития. Архетипические образы как в материальной культуре, так и в традиционном мировоззрении и картине мира бурят, несомненно, участвуют в процессе трансляции этнических традиций и являются важными маркерами этнокультурной идентификации бурятского этноса. Возможно, способность традиционной культуры к самосохранению обусловлена наличием в ней малоизменяющихся культурных архетипов и архетипических образов.

Традиционная культура бурят представляет собой комплекс устойчивых традиций, что и обеспечивает социальную связь и взаимодействие человека, общества, природы и культуры. В традиционной культуре бурят существуют свои архетипические образы, определяющие уникальность и самобытность бурятского этноса. Традиционная культура понимается нами как совокупность материальных и духовных ценностей; система отношений, включающих в себя нормы и образцы поведения, которые освящены традицией, обязательны для представителя данного этноса и различных его слоев. Традиционная культура оперирует архетипами, первообразами.

Любой традиционной культуре присуще множество архетипов. Архетип напрямую связан с мифом. Ведь мифология – изначально присущий человечеству способ обработки и трансляции архетипов. Содержание мифологии – это «смысл всего», а сам миф – «воссоздание первобытной реальности в форме повествования» [10, с. 17]. Следовательно, архетипы – источник мифов, а мифы – выражение архетипов.

Мифотворчество, по существу, есть трансформация архетипа в образ. А. Руткевич пишет, что «в коллективном бессознательном осели праформы, которые находят свое выражение именно в мифах. Даже если бы все религиозно-мифологические традиции были одним ударом уничтожены, то вся мифология возродилась бы уже в следующем поколении, поскольку символы религии и мифологии укоренены в психике каждого индивида, они унаследованы нами от тысяч поколений» [3, с. 22].

Поскольку миф – это изначальная форма познания человеком окружающего мира, естественно, что первой моделью мира у человечества была мифологическая картина мира. Говоря о мифе, нельзя не подразумевать архетипы. Коллективное бессознательное состоит из множества архетипов, которые являются мифообразующими компонентами. По мнению Э. Тейлора, «каждый из нас воплощает архетипы <...> коллективного бессознательного <...> собственным уникальным образом, в то же время повторяя основную модель, разделяемую всеми человеческими существами» [5, с. 144].

«Вообще мифы, – отмечает М. Элиаде, – показывают, что мироздание, человек и жизнь имеют сверхъестественное происхождение и сверхъестественную историю и что эта история значима, обладает большой ценностью и является образцом для подражания» [7, с. 25].

«Феноменальность мифа, – утверждает А.С. Храпов, – интегрирует в себе бессознательную и ментальную сущность духовной жизни общества, ибо он содержит архетипический и более осознанный ментальный уровни. Уникальность любого мифа состоит в том, что в его основе лежит интеграционная структура – архетип, укорененный в коллективном бессознательном. Следовательно, его полное исчезновение невозможно; в зависимости от культурно-исторических обстоятельств он принимает новую форму» [6, с. 40].

В мифах, по нашему мнению, объективировались коллективные переживания, впечатления, страсти, чувства, настроения, вызываемые определенными явлениями действительности. Мифы как бы систематизировали коллективный

опыт людей, воплощали его в наиболее сжатом, концентрированном и универсальном виде. Они объективировали элементы общественного сознания, порожденные существенными связями и отношениями в обществе [8].

Важнейшей составляющей культурного архетипа, на наш взгляд, является архетипический образ, который представляет собой символическое выражение установок и ориентиров, обуславливающих жизнедеятельность человека.

О.А. Свирепо подчеркивает, что «образы (по К.Г. Юнгу) имеют естественное происхождение и удовлетворяют потребности человека в самовыражении. Данная ступень души существует в каждом из нас наряду с сознанием и личным бессознательным. Как показали исследования, коллективное бессознательное состоит из мифологических образов, и мифология является отражением тех общих структур, которые обнаруживаются в любом из нас. Внешние психологические условия так же, как и физические, оставляют мифологические следы в психике. Опасные ситуации, повседневность достаточно типично отражены в сознании. Эти отражения формируют то, что Юнг назвал архетипами. Осадок всего того, что связано с образами опыта предков, представляет собой не только форму проявления инстинктов, но и систему адаптации, определяющую человеческую жизнь. В целом коллективное бессознательное является огромным духовным наследием, вживленным в структуру мозга. Оно содержит источник сил, приводящих душу в движение, а регулятивными формами его являются архетипы» [4, с. 29-30].

Психолог М. Хобсон, определяя основные критерии архетипического образа, подчеркивает, что «архетипические образы должны быть выдержаны временем, чтобы можно было определять образ как архетипический; их материал должен быть особым, проявляться регулярно у разных людей, также и у одного человека; образная система должна проявляться в различных культурах и в разные эпохи; должно присутствовать сходное значение, когда бы и где бы ни возникал этот образ; не должно быть никакой возможности приобрести образную систему через аккультурацию» [2, с. 44].

В свою очередь, под архетипическим образом мы подразумеваем фундаментальный и глубокий образ, формирующий систему ценностей этноса, чрезвычайно сильно влияющий на человека и наиболее активно проявляющийся в фольклоре, в мифах, представлениях и т.д. Архетипические образы формирует символы, с помощью которых мы воспринимаем архетипы.

Архетипические образы традиционной культуры бурят (образ тоонто, Матери-Земли, Вечного Синего Неба и т.д.) складывались под влиянием географических, хозяйственных, социальных, религиозных, культурных условий. Основополагающие архетипы бурят, образ мировосприятия, ценностные ориентации сформировались в процессе адаптации образа жизни к окружающему ландшафту. Л.Л. Абаева выделяет шесть главных характеристик любой этнической общности: территория (ландшафт, климат и пр.), хозяйственно-культурный тип (оседлая, кочевая цивилизация), язык (коммуникативный, язык жестов, язык культуры), культура, этническое самосознание и особенности психологического склада – все то, что создает уникальный, неповторимый и очень характерный, свойственный только конкретному этносу стереотип мышления, мировосприятия и мироощущения [1, с. 252].

Л.Н. Гумилев выделял особенную роль географического фактора в происхождении этноса. Действительно, характерные особенности географической среды оказывают определенное влияние на некоторые стороны духовной культуры и психического склада этноса. Адаптация к ландшафту, к природно-климатическим условиям позволяет этносу осуществлять непосредственную жизнь в первичной природной среде. Ведь особенности ландшафта, сезонные ритмы, кочевая жизнь, своеобразие флоры и фауны – все это предопределило становление важнейших архетипов в традиционной культуре бурят.

Таким образом, архетипы родной культуры позволяют носителям бурятской культуры осознавать его нравственные стороны, формировать в себе чувство принадлежности к традиции, причастности к своему этносу, ориентироваться этносу в пространстве и времени.

Архетипичность каждого из нас проявляется в повторении образцов поведения и жизни наших предков, которые обрели в памяти статус идеальных образцов жизни. Архетипы бурят определяют образ жизни и мировоззрения. Вышеперечисленные архетипы являются «визитной карточкой» традиционной культуры бурят.

Архетипические образы сохранены в генетической памяти современных бурят, исторически

некоторые образы модернизировались, но тем не менее продолжают жить в памяти носителей традиционной бурятской культуры.

Таким образом, понимание всего богатства, самобытности, уникальности традиционной культуры бурят невозможно без учета компонентов бессознательного – архетипов, архетипических образов. Ведь за каждым архетипическим образом стоит опыт предыдущих поколений – история, культура, традиция. Каждый архетипический образ вносит свой уникальный, неповторимый вклад в лик традиционной бурятской культуры.

Литература

1. Л.Л.Абаева. Этническая культура монгольских народов в контексте буддийских традиций и современной науки // Вестник Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – №6. – С. 249-254.
2. Колчанова Е.А. «Архетип» как категория философии культуры: дис. ... канд. филос. наук. – Тюмень, 2006. – 160 с.
3. Руткевич А. Жизнь и воззрения К.Г. Юнга / К.Г. Юнг. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
4. Свирепо О.А. Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О.А. Свирепо, О.С. Туманова. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2004. – 270 с.
5. Тейлор Дж. Работа по сновидениям. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2000. – 334 с.
6. Храпов С.А. Концептуализация понятий «социальное бессознательное» и «менталитет» (культурно-исторический и философский анализ) // Власть. – 2010. – №10. – С. 39-41.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, Парадигма, 2005. – 224 с.
8. [Электронный ресурс]. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-310688.html?page=3>.
9. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. – М., 1996. – 269 с.
10. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг и др. / сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. – М.: Мартис, 1997. – 320 с.

Нимаева Ольга Эдуардовна, преподаватель кафедры английского языка в профессиональной коммуникации Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: galse09230@mail.ru.

Nimaeva Olga Eduardovna, a teacher, department of English language in professional communication, East-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: galse09230@mail.ru.

УДК 75:94 (571.55) : 7.033

А.В. Гудина

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СВЯТО-ТРОИЦКОГО СЕЛЕНГИНСКОГО МОНАСТЫРЯ
(КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Статья посвящена художественному оформлению Свято-Троицкого Селенгинского монастыря в конце XVII – начале XX вв. На основе опубликованных работ сибирских исследователей и материалов Государственного архива Республики Бурятия приводятся сведения о монументальной и станковой живописи монастыря. Сделана попытка проанализировать иконостасы храмов. Особое внимание уделено иконостасам конца XVII – начала XVIII вв. Впервые включены сведения о 14 мастерах, выполнявших заказы для монастыря.

Ключевые слова: Свято-Троицкий монастырь, церковь, иконостас, икона, иконописец, мастера декоративно-прикладного искусства.

A.V. Gudina

**THE DECORATION OF THE HOLY TRINITY SELENGINSKY MONASTERY ON THE RIVER
(LATE XVII-th – BEGINNING OF the XX-th CENTURY)**

The article is devoted to the decoration of the Holy Trinity Selenginsky Monastery in the late XVII-th – early XX-th centuries. The information on the monumental and wall painting of the monastery is provided, it is based on published works of Siberian researchers and materials of the State Archives of the Republic of Buryatia. An attempt to analyze the iconostasis of churches has been made. Special attention is paid to iconostasis of the late XVII-th – early XVIII-th century. For the first time the information was submitted on 14 craftsmen who had performed work for the monastery.

Key words: the Holy Trinity Monastery, church, iconostasis, icon, iconographer, masters of decorative arts and crafts.

Становление Свято-Троицкого Селенгинского монастыря как архитектурного комплекса имеет в своем развитии длительную историю, изучению которой посвящены работы отечественных исследователей: Л.К. Минерта, М.М. Шмулевича, А.Д. Жалсараева, Г.С. Митыповой, Л.И. Запекиной. Несмотря на большой интерес ученых к истории строительства монастыря, изучение его архитектурных комплексов и художественного оформления до сих пор носило фрагментарный характер и не было предметом специального исследования. Опираясь на имеющиеся материалы и документы Государственного Архива Республики Бурятия, хотелось бы обратить внимание на внешние и внутренние росписи храмов монастыря, иконостасы и иконы, а также на мастеров, которые принимали участие в его оформлении.

На протяжении всего периода существования Свято-Троицкого Селенгинского монастыря с конца XVII до начала XX вв. были освящены храмы во имя живоначальной Троицы, Николая Чудотворца, Всех Святых, Святого архистратига Михаила, Петра и Павла. С начала основания монастыря членами духовной миссии были построены деревянные церкви во имя Живоначальной Троицы и во имя Николая Чудотворца. При церквях была деревянная брусчатая колокольня [3, с. 53].

Л.К. Минерт, опираясь на опись монастыря за 1690 г., обращает внимание на то, что «церковь была с трапезой, «Олтарь круглой»,

на церкви осмерик, а в осмерике четыре бочки» [5, с. 111].

Как отмечает Т.С. Еремина, «русская православная церковь и богослужение в ней отличаются нарядностью и праздничностью, яркостью внутреннего убранства, обилием серебра и позолоты, торжественно сверкающих в пламене свечей. Можно представить, как воздействовало это великолепие на наших далеких предков, оказавшихся перед ликами святых» [1, с. 75]. Все это в совокупности с высоким художественным уровнем иконописи и декоративно-прикладного искусства должно было способствовать формированию нового мировоззрения крещеных бурят и тунгусов. Учитывая основную экспрессивно-психологическую функцию иконы – не просто рассказать о событиях давних времен, но и возбудить в зрителе целую гамму чувств, в числе которых переживание, сострадание, восхищение и стремление к подражанию изображаемым персонажам, – можно предположить то значение, которое придавали иконам первые основатели монастыря. Иконостас церкви был двухъярусным. Местный ряд состоял из царских дверей, отделанных серебром с образами поясных Евангелистов, а также образы Троицы, Казанской Божией Матери, Николая Чудотворца (написанный на полотне), образ Феодора Стратилата, на северных и южных воротах – архидьяконы. В Деисусе семь икон. Кроме иконостаса в трапезной находились иконы «Нерукотворный Спас» и «Воскресение Христово». Иконостас и иконы

жалованы государем. В алтаре у престола находился образ «Богородица Владимирская». Таким образом, первоначально были включены наиболее необходимые и значимые на тот период времени иконы. Так, например, икона Божией Матери «Владимирской», считалась самой почитаемой иконой в Москве и имела широкую популярность в России, возможно, именно поэтому образ данной иконографии был расположен в алтаре у престола. Образ Троицы являлся иконой, свидетельствующей о том, что храм назван (освящен) во имя Святой Троицы. Неслучаен выбор иконографии Богородицы, известной как «Казанская Божия Мать». Распространение данной иконографии связано с особым почитанием чудотворной иконы Божией Матери, явленной в 1579 г. в Казани, один из списков которой находился в Казанском соборе в Москве. Интересно, что только у образа Николая Чудотворца указывается техника исполнения, возможно, эта икона была написана отдельно и не входила в число дарственных. Вполне вероятно, что необходимость в такой замене возникла после строительства Никольской церкви. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на образ Феодора Стратилата, который, вероятнее всего, был включен в местный ряд иконостаса, чтобы свидетельствовать о его заказчике – царе Федоре Алексеевиче. Таким образом, благодаря государственной поддержке по оформлению монастыря, первые крещеные коренные жители Бурятии могли познакомиться с высокохудожественными иконописными образами из Центральной России.

Особенностью русского храмового зодчества является главенствующее значение внешнего облика здания по сравнению с его интерьером. В 1732 г. о Троицкой церкви говорилось, что она «с трапезою с западну и северну стороны, с папертью» имеет «верх четырехгранный на крестовых бочках об одной главе, крест обит белым железом. А глава обита лемехом чешуйчатый, а на той церкви, с северной стороны образ господ Саваофа, а к той церкви оltарь прирубной пятистенной» [5, с. 112]. Как отмечает А.Ю. Майничева, «идеологические построения православия в архитектуре предполагают выражение господства духовной сущности и духовного начала над материей, идеи Бога, чему прекрасно служит сохранение традиционной символики, являющейся одним из значительных ценностных ориентиров создателей храмовой архитектуры» [4]. И здесь особое внимание хотелось бы обратить на монументальную живопись храма: образ господ Саваофа. Несмотря на то, что образы Господа Саваофа, или «Ветхого

днем» и иконография «Отечество» были запрещены Большим Московским собором в 1667 г., в Западном Забайкалье станковые произведения, и особенно сюжеты «Отечество» продолжали существовать вплоть до начала XX в. Вполне вероятно, данные иконографии использовались в миссионерской деятельности с целью более доступного объяснения иерархии христианских святых крещеным бурятам.

Храм в православном сознании мыслится как образ мира. Рукотворный храм является отражением храма нерукотворного, т.е. космоса, мироздания. Основным элементом внутреннего оформления храма является иконостас. П. Флоренский писал: «Иконостас есть явление святых и ангелов – агиофания и ангелофания, явление небесных свидетелей, и прежде всего Богоматери и Самого Христа» [27, с. 45]. Иконостас представляет собой эпицентр внутреннего убранства храма, где сосредоточены все основные иконы. Причем состав икон и количество рядов в иконостасе может меняться в основном в сторону увеличения, так, например, к началу XVIII в. в иконостас Троицкого храма были добавлены новые иконы, в т.ч. за южными дверями – образ Архангела Михаила, а также изображения апостолов Петра и Павла, святителей Петра, Алексия, Филиппа, Мефодия, Анания и Кирилла. Над святыми был расположен образ Спасителя. Слева от царских врат – образ Богоматери Одигитрии. За северными дверями следовал образ Иоанна Предтечи, икона Спасителя и святые преподобные Сергей Радонежский, Дмитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский, Даниил Столпник, Варлаам Хутынский, Нил Столбенский, Василий Блаженный Московский. Над царскими дверями – икона «Спас в силах», Богоматерь, Иоанн Предтеча, образы апостолов на 12 досках, Дванадцатые праздники, Распятие Иисуса Христа, Божия Мать, Иоанн Богослов. Иконы были написаны с использованием твореного золота. Образы святых украшали серебряные, резные, позолоченные венцы [6]. Отсюда можно предположить, что четырехъярусный иконостас состоял из икон, изготовленных в XVII–XVIII вв. Среди всех упомянутых икон хотелось бы обратить внимание на образ Архангела Михаила, который мог быть включен в состав иконостаса в связи с его функцией небесного покровителя воинов. Необходимость в этой иконографии святого могла быть связана с тем, что большая часть населения Западного Забайкалья в этот период – это служилые люди, кроме того сам монастырь находился на военном положении, здесь в конце XVII в. располагался полк Ф.И. Скрипицына.

Еще одной особенностью иконостаса является то, что в нем был представлен пантеон святых российской православной церкви, большая часть из которых является основателями монастырей, в т.ч. преподобные Сергей Радонежский, Дмитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский, Даниил Столпник, Варлаам Хутынский, Нил Столбенский, Василий Блаженный Московский. Данные иконографии святых выступали в качестве маркеров национально-религиозного самосознания как самих миссионеров, так и русских первоходцев.

Иконы, культ которых слагался на протяжении многих веков в системе Русской православной церкви, играли главную роль в формировании и воспитании у верующих религиозно-нравственных норм восприятия и отношения к окружающему миру, именно поэтому в монастыре большое внимание уделялось не только формированию иконостаса, но и общему оформлению храма. В храме находились две хоругви. На первой хоругви были изображены образ Троицы и Успение Божией Матери, на второй – Богородица и Спас Нерукотворный. Кроме этого иконы были размещены в трапезной, на аналое, на левом и правом клиросе, в алтаре и над дверями храма. Таким образом, не считая икон из иконостаса, в храме было более 26 икон. В храме преобладали иконы, написанные в традиционной технике, т.е. темперными красками на досках, однако появлялись отдельные изображения, выполненные по новым для того времени технологиям, так, например, у дверей храма была большая картина святого Иеронима, выполненная на холсте [6].

Дальнейшее развитие архитектурного комплекса монастыря способствует строительству в 1785 г. каменного одноэтажного храма во имя Святой Троицы взамен одноименной деревянной церкви. Украшением храма являлись монументальные росписи. На западной стороне храма над входом был написан евангельский сюжет «Вход Спасителя в Иерусалим», на северной стороне – «Введение во храм Пресвятой Богородицы». Главный престол (Живоначальной Троицы) был «холодным». «Теплые» освящены в честь Благовещения Пресвятой Богородицы и святителя Николая Мирликийского Чудотворца [7]. Наличие трех приделов в храме предполагает и три иконостаса. Уже в 1786 г. был заказан иконостас для Троицкого придела, который выполнил иркутский резчик мещанин Стефан Плотников [8]. В 1792 г. в Троицкий храм вновь был заказан резной иконостас, который позолотил Иоанн Сухин, дьякон Архангельской церкви, им же было написано восемь икон для этого

иконостаса [9]. Если в состав иконостаса вошли только иконы, написанные И.Сухиным, в таком случае он должен был состоять из одного местного ряда и располагаться в Никольском приделе. В то же время документы Государственного Архива РБ за 1793-1974 гг. указывают на мастера Дмитрия Лузина, который «поновил» обветшалые иконы монастыря в 1793 г. [10], а также отреставрировал иконостас Никольского придела и девять икон из этого иконостаса в 1794 г. [11]. Отсюда можно предположить, что первоначально в Никольском приделе иконостас был собран из икон, написанных в конце XVIII в. и икон, имеющихся в монастыре, которые были написаны ранее.

Одновременно с приобретением иконостасов для приделов происходит оформление всего интерьера храма, в т.ч. элементами декоративно-прикладного искусства, так, например, в 1793 г. иркутский резчик мещанин Алексей Кузнецов выполнил резьбу на дверях теплого придела Троицкой церкви и киот для иконы в Троицкий придел [12].

Последним был приобретен иконостас для Благовещенского придела. В 1797 г. иконописец Тобольской епархии Афанасий Дягилев написал иконы и позолотил новый резной иконостас в теплый придел Благовещения Богородицы Троицкой церкви [13]. В это же время, а именно в 1797 г., сержант Иван Сметанин написал одну хоругвь для монастыря [14].

В 1847 г. алтарь был расписан клеевыми красками. Свод придела был выполнен в виде голубого неба, «посыпанного звездами», над престолом изображено Сошествие Святого духа на апостолов, в нише на горнем месте – воскресший Спаситель с Мироносцами при гробе. В 1847 г. внутренние стены одного из приделов окрасили зеленым цветом, на своде художник изобразил светлое небо с плывущими облаками. Окна, карнизы и панели разделаны были бордюрами [15]. Возможно, автором росписей был верхнеудинский отставной солдат Василий Шелгачев. Согласно монастырским сведениям за 1847 г., Василий Шелгачев окрасил свод и стен клеевыми красками в теплой церкви и стены в Троицкой церкви [16]. Им же был выкрашен в лазоревый цвет один из иконостасов монастыря [17]. Этим же мастером весной 1848 г. был раскрашен корпус настоятельских келий, пономарка Троицкой церкви и палатки ризничной [18].

Согласно метрике Селенгинского монастыря, написанной настоятелем Иринархом в 1889 г. для императорской академии художеств, в храме во имя Святой Троицы иконостас пятиярусный

«с залами на южную и северную стороны с прорезными нижними колонками», с резными царскими воротами позднего времени, окрашен и местами позолочен на гульфабу. Над иконостасом – большое резное изображение распятого Иисуса Христа в человеческий рост [19]. Особое внимание настоятель монастыря обращает внимание на икону апостолов Петра и Павла позднего времени. Вероятнее всего, икона была написана в Иркутске. Подобная иконография была заказана иркутскому мещанину Ивану Гундеринову в 1818 г. [20].

К началу XX в. композиционно-художественное решение храма во имя Святой Троицы носило ярко выраженные черты сибирского барокко. Единый комплекс монументальной и станковой живописи в основном состоял из произведений сибирских мастеров. В храме было представлено два высоких иконостаса [21]. Здесь хранилась особо почитаемая икона «Всех скорбящих радости». Многокрасочная гамма икон в золотых окладах, богатство церковных атрибутов, впечатление глубины «небесных сводов» придавали внутреннему убранству церкви спокойный и торжественный вид [2, с. 262].

Для того чтобы представить более полную картину о культовом изобразительном искусстве, приведем краткие сведения об остальных храмах монастыря. В церкви во имя Всех Святых иконостас был одноярусным. В алтаре хранились иконы Коронавания Божией Матери и Спаса Нерукотворного. Под церковью располагалась библиотека, на стенах которой были изображены Селенгинские горы, на своде – солнце, луна и звезды. Над окном был изображен образ святого апостола Иоанна Богослова. С внешней стороны храма имелась монументальная роспись Иисуса Христа, сидящего на облаках. В 1731 г. «святые» ворота с запада перенесли на южную сторону. Деревянные, массивные ворота в виде арки в верхней части имели образ Святой Троицы.

В Церкви во имя Петра и Павла иконостас был пятиярусный и состоял из икон XVII в., привезенных из Центральной России. Достопримечательностью храма являлась икона Богородицы, украшенная жемчугом с «каменьями» [3, с. 54].

В Церкви во имя Святого архистратига Михаила первоначальный Иконостас был изготовлен в 1842 г. В его состав вошли иконы, собранные из старых монастырских иконостасов. В 1849 г. был изготовлен новый иконостас, который выполнил столяр Кабанской волости Еланского селения поселенец Федор Петров [23].

Возможно, часть икон для этого иконостаса была выполнена в 1848 г. верхнеудинским мещанином-живописцем Егором Николаевичем Старковым. Им было написано 12 праздничных икон [24].

В заключение хотелось бы обратить внимание на сибирских мастеров XIX в., участвующих в оформлении монастыря. В этот период в монастыре проживали два священника И. Виноградов и П. Пляскин. Оба переведены в Троицкий монастырь из Иркутского Вознесенского монастыря. Священник Илья Виноградов в 1846 г. «поправил» образ Архангела Михаила над святыми воротами Троицкого монастыря. В 1848–1849 г. он же обновил живописные иконы Архангельской церкви. В 1849 г. И. Виноградов отреставрировал иконы Казанской Божией матери, Св. апостолов Петра и Павла, Св. Николая с 12 чудесами. Священник Павел Пляскин обучался иконописи в Нерчинском духовном училище. Им в 1849 г. была написана «Икона Архимандрита Михаила и прочих бесплотных сил» [25]. Среди мастеров светской команды для монастыря выполняли заказы вернеудинский мещанин Егор Старков, им в 1833 г. было написано два ангела на листовом железе, и верхнеудинский мещанин Варсонофий Старков, который в 1848 г. «поправил» ряд живописных картин монастыря, в т.ч. образ блаженного Иеронима [26].

Таким образом, влияние Свято-Троицкого Селенгинского монастыря на духовную жизнь прихожан, среди которых и вновь приобщенные к новой религии коренные жители Западного Забайкалья и переселившиеся сюда жители Центральной России, было огромным. Здесь человек приобщался к космическому мышлению и постигал нравственные критерии человеческого общежития, в т.ч. и через созерцание живописных произведений.

Настенные росписи экстерьера монастыря включали главных персонажей христианской религии – Иисуса Христа, Господа Саваофа, Святой Троицы, а также сюжетные композиции «Вход Спасителя в Иерусалим» и «Введение во храм Пресвятой Богородицы». Эти образы вполне могли быть выполнены с учетом основной, миссионерской функции монастыря. Своеобразной особенностью внутреннего убранства монастыря стало отражение местного пейзажа Селенгинских гор, представленного в церкви во имя Всех Святых.

Иконостасы Свято-Троицкого Селенгинского монастыря представляли собой своеобразную летопись, обобщение истории народа в ее сакральном эквиваленте. В иконостасе XVII в.

Троицкого храма в сакральный образ Рая, через образ святого Феодора Стратилата была введена тема земной жизни, связанная с заказчиком иконостаса царем Федором Алексеевичем. На состав местного ряда иконостасов XVIII в. основное влияние оказала ведущая деятельность жителей Забайкалья. Преобладание в Западном Забайкалье крестьянского населения и служилых людей способствовало включению в состав иконостаса Троицкого храма образа Архангела Михаила, в состав иконостаса Никольского храма – Святителей Модеста и Власия. В конце XIX в. в монастыре находилось шесть иконостасов, три из которых были трехъярусными. Иконы, входящие в состав иконостасов, представляли собой высокохудожественные произведения мастеров Центральной России, иконописных центров Сибири и народных мастеров Западного Забайкалья. В начале XX в. в Москве был приобретен последний иконостас монастыря для Никольской церкви.

Кроме того, знаковым для включения Свято-Троицкого Селенгинского монастыря в общеправославную российскую традицию стало появление собственного религиозного культа – особо почитаемой иконы Николая «Котокельского». Высокая популярность данной иконы среди крещеных бурят способствовала широкому распространению иконографии Святителя Николая в Западном Забайкалье.

В процессе изучения документов Государственного архива Республики Бурятия нами были выявлены мастера, выполнявшие заказы для монастыря. Среди них московский иконописец И.Е. Ерзунов, тобольский иконописец А. Дягилев, иконописцы и реставраторы Западного Забайкалья И. Гундерин, И. Сухин, Е. Старков, В. Старков, П. Пляскин, Д. Лузин, И. Сметанин, И. Виноградов, верхнеудинский мастер, выполнявший оформление интерьеров храмов – В. Щелгачов, деревообработчики – Ф. Петров, А. Кузнецов, С. Плотников.

Литература

1. Еремина Т.С. Русский православный храм. История. Символика. Предания. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 480 с.
2. Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX-го столетий. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. – 448 с.
3. Запекина Л.И., Ваганова Е.В. К истории развития архитектурного ансамбля Троицко-Селенгинского монастыря (конец XVII–XIX вв.) // Русская православная церковь в Сибири: история и современность. – Улан-Удэ, 2003. – С. 151.
4. Майничева А.Ю. Деревянные храмы Сибири XVII в.: формы, символы, образы. – [Электронный ресурс]. – URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_2_3.htm.
5. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1983. – 190 с.
6. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об-4.
7. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 397. Л. 3 об.
8. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 199. Л. 8.
9. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 212. Л. 8.
10. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 214. Л. 3 об.
11. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.
12. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 213. Л. 20. об-22.
13. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 213. Л. 38, 39, 42 об.
14. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 213. Л. 37 об.
15. ГАРБ. Ф. 262, Оп. 1 Д. 325. Л. 95 об.
16. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 310. Л. 57.
17. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 314. Л. 12.
18. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 323. Л. 56. об-57.
19. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 462. Л. 16-20.
20. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 229. Л. 77.
21. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 255. Л. 88 об.
22. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 212. Л. 8.
23. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 323. Л. 103., Д. 314. Л. 22 об.
24. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 323. Л. 56. об., 101. об.
25. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 323. Л. 56. об., Л. 101, Л. 102 об., Д. 321. Л. 44.
26. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. д. 262. л. 12, д. 312. л. 12 об.
27. Флоренский П. Иконостас. – М.: АСТ, 2001. – 208 с.

Гудина Анна Викторовна, аспирант отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ.

Gudina Anna Victorovna, postgraduate student, department of philosophy, culture and religious studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude.

УДК 316.61

Т.В. Метляева, Н.А. Коноплева

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВЫХ МЕТОДОВ В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИЧНОСТНОГО ИМИДЖМЕЙКИНГА

В статье анализируется игровой подход к формированию имиджа, рассмотрены символические, мифологические и игровые аспекты. Рассматривается понятие «маска-образ», включающее в себя комплекс выразительных средств, применяемых в процессе общения; использование игровых методик и приемов как формы и способа воздействия в целях построения и коррекции индивидуального имиджа; возможность построения индивидуального имиджа методом «действенного анализа», заимствованного из практики работы актера над ролью.

Ключевые слова: имидж, миф, символ, стереотип, социокультурный облик личности, игра, театр, маска-образ, работа актера над ролью.

T.V. Metlyaeva, N.A. Konopleva

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF ROLE PLAY METHODS USE IN PRACTICE OF MODERN PERSONAL IMAGEMAKING

The article analyzes a role play approach to image formation, the symbolic, mythical and role play aspects have been considered. A notion of «mask-image» is under consideration, it includes the whole complex of expressive means, used in the process of communication; the use of role-play methods and ways as a form and model of influence on people aiming at creating and correcting personal image. The article proposes a possibility of construction the individual image by means of «effective analysis» method, adopted from the practice of actor's work on the role.

Key words: image, myth, symbol, stereotype, socio-cultural character of personality, role play, theatre, mask-image, actor's work on the role.

Научное обоснование использования игровых методов в практике формирования имиджа относится к числу наименее разработанных и в то же время наиболее значимых задач современного имиджмейкинга.

Отсутствие серьезных научных разработок в этой области обусловлено многогранностью подходов к понятию «имидж». Так, с одной стороны, под имиджем понимают «...непосредственно или преднамеренно созданное визуальное впечатление о личности, ...индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями индивида в целях привлечения внимания к себе» [1, с. 28]. С другой стороны, его определяют как «...социально-психологическое явление, отражающее влияние на анализируемый объект не только сознательных, но и бессознательных компонентов психики значимых социальных групп» [2, с. 54]. Однако нельзя отрицать и тот факт, что личностный имидж – это «система социального программирования духовной жизни и поведения субъектов с учетом общецивилизованных и ментальных стереотипов и символов группового поведения, опосредованная влиянием мотивации успеха, эталоном желаемого впечатления, миметическими способностями субъекта и ситуацией» [3, с. 16].

Наряду с этим, имидж рассматривается как «...оценка (в форме мнения) об объекте, мнение рационального характера или эмоционально окрашенного, способствующего возникновению представления о личности в виде образа (в сфере сознания или сфере подсознания воспринимающих субъектов) в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – на основе восприятия уже оцененного кем-то образа» [4, с. 25]. Также заслуживает внимания подход к

имиджу как информационному продукту и зрелищу [5].

В своем исследовании мы рассматриваем понятие личностный имидж как образ-представление, сложившийся о субъекте у представителей целевой аудитории, образ, соединяющий в себе в сложном и определенном взаимодействии внешние и внутренние проявления индивидуума, его социокультурные и психологические характеристики. При этом имидж с учетом подходов к его моделированию в публичном пространстве рассматривается в двух аспектах:

1) с точки зрения «вращения», развития человеческой личности, неделимой, завершенной формой которой является индивидуальность;

2) с учетом выхода за пределы индивидуальности, формирования имиджа в аспекте акцентирования, преувеличения имеющихся личностных черт. Данный подход формирования нового образа имеет не только стратегический, но и креативный характер.

В первом случае при формировании имиджа основной целью является стратегическая задача формирования новых черт личности, с учетом требования к ней целевой аудитории. Имидж при этом чаще всего создается для кратковременных целей.

Во втором случае требования к изменению образа выдвигает сам человек, желая реализовать долгосрочные цели и интересы. Создаваемый образ становится произведением социального искусства, с использованием в его формировании сложившихся в конкретной культуре историко-культурных типажей, мифов, социальных стереотипов. В данном случае технология формирования нужного образа носит творческий характер. В связи с этим нами предлагается использование в практике имиджмейкинга игро-

вого подхода, структурно-функционального и проектного методов.

Применяя структурно-функциональный метод, мы опираемся на такие социокультурные категории, как: символ, миф, стереотип, социальная роль. Акцентируя внимание на исследованиях символических форм, культурных кодов (К. Леви-Стросс, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Фуко и др.), в которых проявляется духовная культуротворческая деятельность человека, мы отмечаем, что эти всеобщие формы действуют не только через сознательные, но и бессознательные психические механизмы, обеспечивая при создании имиджа реализацию требуемых функций.

Также в практическом имиджмейкинге мы опираемся на теорию символического интеракционизма Дж. Мида, Ч. Кули и др., уделивших большое внимание проблемам символической коммуникации. При этом имидж как образ Я для других органично вписывается в контекст интеракционистского подхода. Нами отмечено, что такие важнейшие функции символа, как мировоззренческо-познавательная, регулятивно-адаптивная и коммуникативно-информационная имеют значение при создании требуемого образа в практике имиджирования.

Так, мировоззренческо-познавательная функция символа как образная форма отражения действительности позволяет в позиционировании объекта имиджмейкинга использовать не прямую речь, а иносказательный язык. Регулятивно-адаптивная функция способствует адаптации создаваемого образа к требованиям целевой аудитории. Коммуникативно-информационная функция символа позволяет в технологиях формирования имиджа опираться на коллективные бессознательные образы, используя историко-культурные тексты, сюжетные схемы и другую социокультурную информацию.

Символическая природа имиджа наделяет его всеми свойствами и характеристиками знака: содержательностью, значимостью, предметностью, вариативностью, прагматичностью, оптимальностью в плане выражения, коммуникативностью, прогностичностью, оперативностью, аттрактивностью, информативностью. Подчеркивая, что имидж представляет собой не единственный, отдельно стоящий знак, а знаковую структуру, имеющую прямое отношение к ценностным ориентациям человека, его идеалам, мы выделяем следующие знаковые компоненты имиджа: знаки голоса человека (вербальный и паравербальный аспект); знаки экспрессивного поведения (жесты, походка, мимика и др.); знаки

социального проявления личности (одежда и аксессуары и др.); знаки предметной среды (обстановка, окружающая человека). Все эти знаки несут информацию о психофизических, половозрастных, гендерных и других особенностях человека, его национальности, виде деятельности, намерениях, действиях, эмоциональном состоянии, социальном статусе и, естественно, влияют на формируемый в процессе имиджирования образ.

Важным компонентом в процессе разработки востребованного целевой аудиторией личностного образа является миф. Как первичная, культурная, образно-эмоциональная форма массового сознания, миф служит основой для построения имиджа, является его структурным ядром. Рассматривая миф как определенный способ мышления, выражения вневременных универсалий, как особое восприятие мира, как форму выражения, опредмечивания образов сознания в какой-либо знаковой системе, мы отмечаем, что в имидже проявляются такие черты мифологического сознания, как коммуникативность, целостность, символичность, иррациональность, подражательность, не критичность (Л. Леви-Брюль, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.). Миф – это своего рода сценарий, по которому выстраивается «сюжет» имиджирования. Оперирова образными, миф обеспечивает запоминаемость, узнаваемость, цельность создаваемого образа, представляет собой структурную основу имиджа.

Кроме того, мы считаем, что в формировании имиджа личности следует опираться на архетипические образы, которые, как врожденные источники коллективных представлений, регулирующие принципы личностных взглядов на мир, его осмысление и понимание, так же служат основой разрабатываемого имиджа. Архетипы, выделенные К.Г. Юнгом, такие, как «Персона», «Тень», «Анима», «Анимус», «Самость» и др. в практике имиджмейкинга могут быть базисом для создания требуемых образов. Использование таких архетипов, как «Вождь», «Герой», «Маг», «Мать», «Отец» и др. [5] облегчает восприятие сформированного имиджа представителями целевой аудитории, воздействуя на их бессознательное.

Важная роль в процессе формирования имиджа субъекта отводится стереотипному восприятию – склонности людей к упрощенному мышлению и стремлению выразить абстрактные понятия в конкретных образах.

В исследовании рассматривается взаимодействие социальной роли и имиджа, анализируют-

ся работы Т. Парсонса, Дж. Мида, Ч. Кули и Р. Линтона. Так, согласно теории Дж. Мида [6], поведение строится из ролей, принимаемых на себя индивидом и проигрываемых им в процессе общения с другими участниками группового взаимодействия. Мнение о человеке содержит три элемента, значимых для формирования имиджа: представления о том, как его воспринимают окружающие (значимые другие); представления о том, как окружение реагирует на поведение индивидуума; представления о том, как сам имиджируемый отвечает на воспринятую им реакцию на его образ и поведение других людей.

Целесообразно в контексте нашего исследования сравнение понятий «роль» и «статус». Статус проявляется как совокупность прав и обязанностей, которыми обладает человек в обществе, а ролевое поведение – как стиль взаимодействия личности в различных жизненных обстоятельствах, основанный на сложившейся самооценке личности, ее ценностных установках, а также особенностях ее восприятия в референтных группах. Формируя востребованный аудиторией имиджа образ имиджируемого, следует использовать ролевой поведенческий набор с учетом конкретных жизненных ситуаций и включенности личности имиджируемого в различные социальные группы (Р. Мертон). Каждая роль из ролевого набора требует особой манеры поведения, следовательно, у каждой роли свой тип реализации социальных отношений.

Основываясь на вышеизложенных теоретических положениях, мы используем в практике имиджмейкинга игровую модель. При этом имиджмейкер должен способствовать прохождению имиджируемым ряда последовательных этапов: 1) анализ ожиданий от предлагаемой в игровой модели роли; 2) анализ концепции роли в контексте формирования нужных результатов в субъект-субъектном взаимодействии; 3) проигрывание образа предложенного имиджируемому культурного типажа, исполнение роли с учетом предшествующих обстоятельств, имеющих и формируемых личностных характеристик; 4) исследование полученных результатов: анализ удовлетворенности образом как самим имиджируемым, так и целевой аудиторией.

Сущность предложенного нами проектного метода заключается в разработке игрового подхода к формированию имиджа, в связи с чем анализируются работы Й. Хейзинги, К. Гросса, Ж. Пиаже, И. Гофмана и др., рассматривающих игру как культурно-историческую универсалию.

В контексте данного исследования значимы идеи о социокультурной трансформации образа человека, смены им ролевой позиции в ситуациях социального взаимодействия. Так, Н. Евреинов [7], рассматривая индивида с позиции театральности, полагал, что он по собственной воле способен преобразовать себя и демонстрировать окружающим совсем иной, чем изначальный, образ.

Большую роль в определении теоретико-методологических основ формирования имиджа с применением игровой модели имеют труды известных режиссеров и театральных деятелей. Прежде всего, это фундаментальная система К.С. Станиславского, основой которой является метод действенного анализа. Так же это работы его учеников и последователей, изучавших различные подходы к формированию требуемого ролевого образа. Так, для М.А. Чехова значимо пластическое решение роли, он называл импровизацию «сущностью актерской профессии» [8]. Большое значение мизансценированию придавал В. Мейерхольд [9]. Продуктивными для разработки игровой модели явились также работы Г.А. Товстоногова, Б.Е. Захавы, Д.Г. Ливнева, О.Я. Зверевой, И.Б. Малочевской и других авторов, применяющих метод действенного анализа в практике работы актера над ролью.

В данной статье мы представим один из подходов к формированию индивидуального имиджа личности посредством метода психофизических действий, разработанного К.С. Станиславским и апробированного нами в практике имиджмейкинга.

Прежде всего следует рассмотреть значение действия в создании требуемых характеристик персонажа. «Действие, – как отмечают практики театра (К.С. Станиславский, Г.А. Товстоногов, Б.Е. Захава), – это психофизический, волевой процесс, направленный на достижение определенной цели. В действии (если речь идет о деятельности актера, что может быть сопоставимо с деятельностью имиджируемого) объединяются в одно неразрывное целое мысль, чувство, воображение и физическое (телесное, внешнее) поведение актера в работе над образом» [10].

Огромное значение в исполнительской практике (а именно таким мы видим методику работы над имиджем) имеет учение К.С. Станиславского о действии как возбудителе чувства. Это положение является основополагающим принципом внутренней техники исполнительского искусства, т.к. чувства сыграть нельзя, а действие играть можно, если использовать технологии, разработанные в театральном искусстве.

Для действия характерны два признака: 1) волевое начало; 2) наличие цели.

Цель действия заключается в стремлении изменить явление, предмет, на который оно направлено, так или иначе переделать его. Указанные характеристики коренным образом отличают действие от чувства. Прежде чем, например, рассердиться или расплакаться, человек участвует в каких-то действиях, в результате которых появляется та или иная рефлексия, а за ней уже следуют чувства.

Всякое действие как психофизический акт имеет две стороны – физическую и психическую. Хотя физическая и психическая стороны во всяком действии неразрывно друг с другом связаны и образуют единство, тем не менее Б.Е. Захава различает эти два основных вида человеческих действий: «Физическими действиями мы называем такие действия, которые имеют целью внести то или иное изменение в окружающую человека материальную среду, в тот или иной предмет и требуют для своего осуществления затраты преимущественно физической (мускульной) энергии» [11]. Действия же, совершаемые человеком по отношению к другому человеку (отталкивать, обнимать, привлекать, усаживать, укладывать, выпроваживать, ласкать, догонять и т.п.), являются психофизическими.

«Психическими называют действия, которые имеют целью воздействие на психику человека (на его чувства, сознание, волю). Объектом воздействия в этом случае может быть не только сознание другого человека, но и собственное сознание действующего» [11, с. 159].

Психические действия – это наиболее важная категория исполнительства. Например, действия, в процессе которых необходимо убедить, упрекнуть, пошутить, утешить и т.д. Вместе с тем физические действия могут служить средством (или, как писал Станиславский, «приспособлением») для выполнения какого-нибудь психического действия. В процессе противоборства персонажей, составляющих существенное содержание роли в драматическом искусстве, возникают психические действия, позволяющие выразить суть данной роли в играемой пьесе и в жизненных ситуациях. Психофизические действия в процессе имиджирования помогают построить требуемый образ.

Таким образом, способ построения актером образа персонажа, на наш взгляд, может быть продуктивным для создания образа имиджируемого, необходимого для конкретной жизненной ситуации и востребованного конкретной аудиторией.

Наряду с этим, для создания правдивого жизненного образа в процессе имиджирования необходимо определить цели и мотивы действия, «сверхзадачу» (конечная цель), т.е. то, ради чего имиджируемый взялся осваивать выбранную роль и «сквозное» действие играемого персонажа. Это позволит освоить:

1) вербальное действие как составную часть создаваемого образа (поиск интонационных, темпо-ритмических, тембральных особенностей голоса и речи);

2) пластическое поведение в роли;

3) визуальную характерность образа;

4) действенную линию поведения играемого персонажа в предлагаемых обстоятельствах.

Все это завершается импровизационным творческим поведением в процессе овладения соответствующим ролевым поведением.

На начальном этапе создания образа, обозначенного Г.А. Товстоноговым как «разведка умом» [12], осуществляется анализ роли по определенной структуре, необходимой для создания образа (при этом формируется замысел, который затем должен воплотиться в определенный образ). В дальнейшем осуществляется построение действенной линии играемого персонажа, определение сверхзадачи роли. Например, отработать властные, жесткие поведенческие стратегии строгого начальника, овладеть навыками хорошего презентатора и др.

Затем, разбив на отдельные части взятый в работу отрывок, необходимо определить задачи каждого его фрагмента и действенную линию играемого персонажа. Каждое действие определяют поступок, в котором присутствует наличие цели (цель действия заключается в стремлении изменить явление, предмет, на который оно направлено) и логика действия, приводящие к желаемому результату. Для того чтобы словесное выражение роли, исполняемой имиджируемым было действенным, а поведение логичным, вместе с тем, чтобы оно могло привлечь внимание целевой аудитории в будущем, ему необходимо осуществить анализ своих действий.

Помимо этого, в период «разведки умом» имиджируемому необходимо подробно анализировать текст роли, вскрывая подтекст драматического материала и воплощая его в своем ролевом поведении при помощи интонаций, движений, жестов, мимики, – всего того, что составляет внешнюю (физическую) сторону выполняемого действия. Первое, на что необходимо обращать внимание имиджмейкеру, анализируя подтекст, – это отношение имиджируемого к

тому, что он говорит, что определяется по вышеперечисленным невербальным проявлениям.

Например, человек рассказывая о вечеринке, на которой он присутствовал, перечисляет имена гостей – и по тому, как он произносит то или иное имя, имиджмейкер «расшифровывает», как он относится к данному представителю целевой аудитории. Этот анализ позволит откорректировать ролевое поведение имиджируемого с учетом требований значимого объекта.

Итак, главным «возбудителем» процесса перевоплощения является действие. Действие – это единство мысли, чувства и целого комплекса поведенческих реакций. Поэтому на данном этапе процесса имиджирования очень важно точно определить действенную линию персонажа и назвать каждое действие конкретным глаголом, чтобы имиджируемому было понятно, что играть.

Когда эта работа будет выполнена, имиджируемый может приступать к процессу репетиций выбранной роли. Но для того, чтобы действие получилось органичным, а создаваемая роль правдивой, ему предлагается не заучивать данный имиджмейкером текст, а осваивать его, репетируя этюдным методом. Стараясь достичь определенной цели (например, добиться повышения по служебной лестнице), необходимо выполнить ряд определенных действий (демонстрировать свои достижения, искать поддержки у сослуживцев, позиционировать себя как руководителя и пр.). При этом необходимо импровизировать, т.е. искать необходимые приспособления при выполнении основной задачи (получение руководящей должности).

Выполняя действенную партитуру роли, имиджмейкер ставит перед имиджируемым вопрос, «как он будет добиваться этой цели», и находит для него определенные приспособления (пристройки различного характера), используя методики импровизации. При этом главная задача может быть поделена на ряд маленьких задач, но вопрос: «как нужно выполнять основную задачу?» остается, поэтому сохраняется и импровизация в действии.

После каждой такой репетиции имиджмейкер подробно анализирует игру имиджируемого, указывает ему, где он был правдив и где он сфальшивил, подробно разбирает всю действенную линию играемого персонажа.

Проводя исследование по внедрению игровой модели в практику имиджмейкинга и проверке ее эффективности, мы разработали следующие этапы формирования имиджа клиента и разде-

лили их на три блока: аналитический, деятельностный и оценочный.

Первый блок:

1 этап: изучение интересов и предпочтений целевой аудитории.

– анализ запроса клиента;

– определение цели создания имиджа и формирование «базы данных» клиента.

2 этап: определение личностного потенциала клиента.

3 этап: определение базового архетипического образа.

4 этап: использование символического языка.

Второй блок:

1 этап: определение ролевого репертуара формируемого имиджа клиента.

2 этап: овладение требуемым образом методами театрального искусства.

3 этап: внедрение внешних характеристик образа, востребованного целевой аудиторией.

Третий блок:

1 этап: апробация созданного ролевого репертуара в жизненных событиях.

2 этап: анализ результатов работы над ролью, корректировка созданного образа.

Внедряя игровую модель в практику имиджмейкинга, мы подчеркиваем, что образ необходимо строить на основе сочетания анализа требований к нему целевой аудитории, мотивов имиджируемого и образа культурного типажа, предлагаемого для проигрывания. В дальнейшем – определения сверхзадачи и сквозного действия играемого персонажа; подбора комплекса упражнений, подготавливающих психофизический аппарат имиджируемого к процессу перевоплощения и формированию импровизационного самочувствия в созданной роли. Основной работой по формированию имиджа через проигрывание образа определенного культурного типажа является освоение действенной линии поведения играемого персонажа в предлагаемых обстоятельствах, словесных характеристик как составной части создаваемого образа. Имеют значение: интонационный, темпо-ритмический, тембральный рисунок роли, пластическая выразительность, импровизационное творческое самочувствие и формирование внешней характеристики в процессе работы над требуемым образом.

Для тренировки и развития таких качеств, как внимание, воображение, вера в вымышленные обстоятельства, на которые опирается имиджмейкер в процессе формирования нового образа субъекта, мы предлагаем использовать упражнения из тренинга актерской психотехники,

разработанные К.С. Станиславским и применяемые в театральной практике его последователями Б.Е. Захавой, С.В. Гиппиус, Л.П. Новицкой и др. Упражнения, заимствованные из практики режиссуры, такие как режиссерский рассказ, показ, мизансценирование и др. можно применять как в практике индивидуального имиджирования, так и для формирования имиджа организации, товара и др.

В своей практической и педагогической деятельности мы применяем игровой подход и считаем его достаточно продуктивным. Это же подтверждает и проведенное нами исследование, в котором приняли участие 247 чел. – из них студентов 227 чел. (29 мужчин и 198 женщин) и 20 чел. – люди коммуникативных и публичных профессий: руководители, менеджеры, преподаватели, юристы и др. (5 мужчин и 15 женщин).

Анализ проведенного исследования показал, что подробная разработка создаваемого имиджа с определением ведущего архетипического образа как базового дает возможность имиджируемому подобрать такой ролевой репертуар, который помогает ему отразить неповторимые индивидуальные качества при исполнении требуемой роли. Внедрение же нового образа театральными методами дает возможность выстроить целостный, законченный образ и в дальнейшем легко его корректировать.

Анкетирование, проводимое до процесса имиджирования, показало, что большая часть испытуемых хотела бы изменить восприятие существующего образа и использовать театральные методы для овладения желаемой ролью. С каждым имиджируемым была разработана программа изменений, в соответствии с которой определены типаж, необходимые для формирования и освоения желаемого образа. Подбор ролевого репертуара включал в себя одну большую и несколько второстепенных ролей, чтобы не сформировался штамп роли. Выбор ролевого репертуара осуществлялся с помощью упражнений: «Метафора», «Типаж», «Фото- и кинопробы», «Пластическая зарисовка», «Животное», «Антиимидж» и др.

По результатам анкетирования, проводимого после процесса имиджирования, среди обеих групп испытуемых, были получены следующие показатели. На вопрос «Как вы относитесь к личностным изменениям?» только восемь человек из 247 ответили «мне безразлично». В вопросе «Что способствовало глубинному постижению образа?» в равной степени отмечали значение театральных методов и упражнений, ко-

торые использовались в подготовке к проигрыванию роли.

На заключительном этапе процесса имиджирования проводилось анкетирование целевой аудитории, оценивалось восприятие изменений, произошедших с клиентами. В анкетировании приняли участие 186 чел., возраст опрашиваемых варьировал от 18-19 до 70 лет.

При этом 74% опрошенных отметили значимость изменений личности как в ее внешности, речи, так и в поведении в целом. Лишь 23% считают, что эти изменения незначительны, 2,6% опрошенных не смогли выявить особенных изменений.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что восприятие респондентов до начала работы над требуемым имиджем с использованием игровых методов и по завершении значительно разнится. Имиджируемый обретает такие важные качества, как уверенное поведение в обществе; способность к адаптации в референтной группе, применению различных поведенческих моделей. Наряду с этим имиджируемый обретает умение чувствовать и понимать другого человека, повышается эффективность его самопрезентации.

Литература

1. Шепель В.М. Имиджология. Как нравится другим людям. – М.: Народное образование, 2002. – 576 с.
2. Петрова Е.А. Имидж и его изучение в современной науке / Известия академии имиджологии, Т.1. – М.: Изд-во Акад. имиджологии, 2005. – 340 с.
3. Федоров И.А. Индивидуальный имидж как сторона духовной жизни общества: дис. ... д-ра социол. наук. – Тамбов, 1998. – С. 43.
4. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа. Цели, стратегии, тактики // Имиджология 2004: состояние, направления, проблемы. – М.: Изд-во Акад. имиджологии, 2004. – С. 37-46.
5. Горчакова В.Г. Имидж: розыгрыш или код доступа? – М.: Эксмо, 2007. – 208 с.
6. Мид Дж. Сознание, личность, общество. – Чикаго, 1934. – 263 с.
7. Евреинов Н.Н. Театр для себя. – М.: Искусство, 1995. – 327 с.
8. Чехов М.А. Об искусстве актера. – М.: Искусство, 1999. – 271 с.
9. Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Искусство, 1990. – Т.2. – 511 с.
10. Захава Е.Б. Мастерство актера и режиссера. – М.: Просвещение, 1978. – 334 с.
11. Товстоногов Г.А. Беседы с коллегами. – М.: Просвещение, 1978. – 465 с.
12. Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи: в 2 т. – М.: Искусство, 1968. – Т.2. – 643 с.

Метляева Татьяна Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры сервисных технологий Владивостокского государственного университета

экономики и сервиса, г. Владивосток, e-mail: Metlaevatv@mail.ru.

Коноплева Нина Алексеевна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой сервисных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, e-mail: Nina.konopleva@vvsu.ru.

Metlyayeva Tatyana Viktorovna, candidate of culturology, associate professor, department of service technologies, Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok, e-mail: Metlaevatv@mail.ru.

Konoplyova Nina Alekseevna, doctor of culturology, professor, head of department of service technologies, Vladivostok State University of Economy and Service, Vladivostok, e-mail: Nina.konopleva@vvsu.ru.

УДК 298.9

Р.В. Шиженский

DARNA КАК РЕЛИГИОЗНАЯ КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТОВСКИХ ЯЗЫЧНИКОВ

Статья посвящена анализу системообразующей категории современного литовского язычества – религиозной гармонии (дарна). Основное внимание направлено на рассмотрение авторства, истории возникновения литовской вариации этой дефиниции, структурных элементов, составивших основу данного религиозно-философского феномена.

Ключевые слова: дарна, гармония, современное язычество, золотой век, этнос, пантеизм.

R.V. Shizhenskiy

DARNA AS a RELIGIOUS CATEGORY OF THE CONTEMPORARY LITHUANIAN PAGANS

This article is devoted to analysis a system-forming category of contemporary Lithuanian paganism – religious harmony (Darna). Primary attention is directed to consideration of authorship, the history of the origin of Lithuanian variation of definition, structural elements, having formed the basis of this religious-philosophical phenomenon.

Key words: darna, harmony, contemporary paganism, the Golden age, ethnos, pantheism.

Как отмечают исследователи современной этнической религиозности, «среди многочисленных объединений в Центральной и Восточной Европе наиболее активны и организованны языческие общины Прибалтики» [1]. В свою очередь, в среде последних П. Венх выделяет одну из самых известных языческих общин мира – «Romuva» (Ромува) [1]. История становления и развития данной организации, спектры жизнедеятельности «Ромувы» от идеологии до политики еще в 2000 г. были проанализированы в фундаментальной статье С.И. Рыжаковой «Ромува. Этническая религиозность в Литве» [6].

Появление интересующего нас термина напрямую связано с одним из инициаторов создания в 1968 г. фольклорного краеведческого движения «Рамува», «знатоком литовской народной культуры, этнографом Йонасом Тринкунасом» [6, с. 10]. Он же в дальнейшем станет ведущим деятелем религиозной группы «Ромува», возникшей в рамках «Рамувы» и затем выделившейся из нее. Во время интернет-интервью с Й. Тринкунасом, главным кривэ (жрецом) общины с 2002 г., руководитель ромувов сообщил, что приблизительно тридцать лет назад он интересовался индийской религиозной системой и его внимание привлек важнейший термин индийской философии – «дхарма». Согласно пред-

ставлениям литовского язычника, доктрина данного учения является главной идеей всей западно-европейской религии и философии. «Дхарма – это космический принцип, высший мирской и религиозный закон. Санскрит сохранил древние семантические корни от слова «дхарма». Слово «дхарма» имеет в основе окорень «dhr» – в значении «dhāraṇe» – поддерживать, сохранять. Земля – это dhara, зерно – это dhana и т.д. В философских текстах дхарма означает «основа», «базис», «закон», «обязанность», «мораль» и т.п. Закон дхармы – это существующая реальность, на основе которой зиждется весь мир. В этике дхарма также имеет самое важное значение, это универсальный закон или истина. В жизни человека дхарма – нравственный закон или жизненный принцип, обязательство, ритуал» [9; 10].

Обратившись к литовскому материалу, Тринкунас находит близкое индийскому определению слово «darna» (дарна). Особого внимания заслуживает следующее высказывание языческого лидера: «Darna понималась как «гармония», но в традиции Ромувы она получила религиозное значение» [4].

Не ставя в данном исследовании цель сравнительного анализа индийской «дхармы» и литовской «дарны», мы все же можем выдвинуть предположение о возможной «перекочевке»

термина и его содержания из индийской религиозной системы в литовскую. Признавая тезис лидера Ромувы о национальной чистоте дефиниции («основа не из Индии, это [дарна] литовская традиция, индийское соответствие – просто иллюстрация») [2], вместе с тем нельзя исключать методы заимствования, аналогии, параллелизма, используемые руководителями общины при религиозном обогащении «дарна». Частично данное предположение подтверждает и сам Тринкунас. В статье «Dharma and Lithuanian Darna» на примере древности литовского языка, близости его к санскриту и схожести сюжетов иранской и литовской мифологии языческий лидер выдвигает тезис, согласно которому средневековая Литва должна расцениваться как некий заповедный край, миссия которого заключалась в сохранении древней индо-европейской религии и мифологии [9]. Кроме того, как показывает история, опыт индийско-литовских культурных связей имеет достаточно твердую почву. «Литва и Латвия с конца XIX в. стали своего рода заповедниками для выращивания «индийских» идей. Латвийский и литовский «индуизмы», практикуемые тут, весьма сильно адаптированы к местным балтийским обстоятельствам... эта была прививка к крестьянской, фермерской «основе-дичку», находившемуся в культурно угнетенном состоянии, но имеющему благородство и гордость, хотя бы и основывающиеся на истории, легендарном прошлом и мифологемах...

Индийская составляющая литовского национального возрождения не исчезла и в послевоенное время. Вот как описывает эту эпоху Вацловас Микайленис: «В 1950–1960-е гг. существовало Общество индийско-литовской дружбы... у нас была связь с г. Бенаресом. Мы изучали санскрит, индийский эпос, обращали внимание на близость наших культур...» [6, с. 9]. Рассказывая об изменении названия WCER (Всемирного Конгресса Этнических Религий) на ECER (Европейский Конгресс Этнических Религий) в 2010 г., Тринкунас обратил особое внимание на тот факт, что в течение более десяти лет, кроме европейских организаций, только индийские делегаты регулярно принимали участие в работе конгрессов [5].

Еще одно «открытие», напрямую связанное с процитированной выше фразой, заключается в возможности определения авторства нового, религиозного звучания «гармонии» и временем появления «обновленной дарны». Соответственно, разработчиком языческой гармонии является

Йонас Тринкунас, время состоявшегося обновления термина – 1980-е гг. XX в.

По мнению кривэ, основные источники «дарны» – это фольклорная традиция и литовский язык, сохранивший в себе очень много архаики. К примеру, в работе «Harmony and Morality» литовский языческий лидер связывает с дарной следующий понятийный ряд: «делать, работать, урожай, идти вместе, согласие (лад), нравственность» [8, с. 23; 7, с. 15]. Й. Тринкунас считает, что сама идея философии гармонии присуща всему человечеству. Вместе с тем состояние дарны обладает различными культурными воплощениями, свойственными определенным традициям [3]. Языческий просветитель находит исторический период господства дарны, времени всеобщей гармонии и согласия. Золотой век Литвы связывается Й. Тринкунасом с эпохой правления князя Гедиминаса, объявившего религиозное равноправие в своем многонациональном государстве. Соответственно, закат дарны, как отмечает лидер «Ромувы», напрямую связан с приходом новой религии, «дроблением единой территории древней культуры и враждебностью между ранее дружественными народами» [7, с. 12; 11, с. 141-142].

В определенном смысле (в плане деления на сферы взаимодействия), к важнейшим принципам дарны в ее литовском варианте может быть применен принцип классификации профессий, предложенный психологом Е.А. Климовым. Исходя из особенностей данной типологизации, последователи религиозной гармонии соответствуют социономической – «человек-человек» и биономической – «человек-природа» профориентации.

Как отмечает Й. Тринкунас, «в отношениях между людьми самым важным является уважение к своим матери, отцу и старшим» [8, с. 24]. Принцип дарны господствует и в matrimониальных отношениях. Он лег в основу понятий «doga» – последовательность этапов заключения брака и «dogoti» – ритуал и конечный результат брачной церемонии. Кроме того, языческий лидер Прибалтики выделяет три принципа человеческих взаимоотношений, сохранившихся в литовской культурной традиции и представляющих определенную «экзегезу» социономической составляющей дарны. Таковыми являются: «talka» (талка) – «взаимопомощь», бесплатная работа сообща; «bičiulystė» (бичиулюсте) – «содружество пчеловодов», пчеловодство на основе нравственных, внеэкономических связей; «vaišingumas» (вайзингумас) – «гостеприимство», радушный прием и забота о гостях. В свою

очередь, к одному из главных пороков формулы «человек-человек» главный ромувяиц относит ростовщичество [8, с. 24].

Не менее, а скорее даже более значимым в системе литовской дарны следует назвать уровень взаимоотношений «человек-природа». Члены «Ромувы» считают окружающий мир живым, соответственно, человек должен следовать заповеди «НЕ УБИЙ» [8, с. 24]. В случае же крайней необходимости, неизбежности нарушения универсального принципа нравственности «не делайте другим того, чего не хотите себе», нативисты предлагают руководствоваться практикой предков – просьбой о прощении за содеянное. Последнее должно способствовать снижению разрушительных действий и ограничению в использовании природных богатств [11, с. 149-150].

Роль синкретики человеческого и природного, по мнению литовского кривэ, выполняет дефиниция «darbas», мыслимая язычником как работа=форма сотворения мира. В пантеистической картине мира Й. Тринкунаса и движения «Ромува» дохристианская святость, в первую очередь, связана с культом природных объектов и лишь во вторую – с человеком [7, с. 13]. Таким образом, несмотря на заявленный паритет, природная и, следовательно, божественная сторона дарны доминирует над человеческой, социальной.

Итак, религиозный компонент литовской гармонии затрагивает две концептуальные сферы современного язычества – естественную среду обитания и социум. Идеальный, желаемый результат взаимодействия природы и человека может характеризоваться как симбиотический. Вместе с тем, «новая дарна» Й. Тринкунаса и его общинников включает и смысловые первоэлементы рассматриваемой дефиниции. Дарна как гармония противоположностей, закон равновесия в «Ромуве», приобретает статус закона: «Человек живет и мир существует только из-за ладного взаимодействия жизненных начал, правильного и достойного поведения. Также противоположные пары: свет-тьма, огонь-вода, мужчина-женщина и т.д. необязательно означают соотношение «добра-зла». Эти пары противоположностей не застывшие, они только взаимодействуют, меняясь» [7, с. 15]. Динамика религиозной гармонии, ее развитие напрямую зависит от усилий человека (нравственного самосовершенствования и труда) и воли богов. В рамках мировоззрения дарны весьма интересна позиция язычников по отношению к вечным философским категориям – добра и зла. По мнению

ромувяйцев, в мироздании не существует «блогиса» (зла). Появление данного этического субъекта связывается с нарушением гармонии и невозможностью ее восстановления. Основной пример, выделяемый Тринкунасом в качестве иллюстрации проявления зла в действии, – уничтожение человечеством природы. Соответственно, добро формируется лишь в условиях дарны, способности социума жить в постоянном паритете противоположностей и нравственно-трудовой активности [11, с. 23].

По мнению создателя религиозной системы, в настоящее время «развитие идей дарна остановилось на полпути», достигнуть же искомой гармонии сможет только человек традиции, естественно, традиции немонарелигиозной, а языческой.

Таким образом, подводя итог литовской версии религиозной гармонии, остановимся на некоторых выводах. Согласно первому из них, автором дарны, вернее, религиозной части понятия, является сегодняшняя кривэ «Ромувы» Йонас Тринкунас. Время появления мировоззрения гармонии – 80-е гг. XX в. Второй вывод позволяет выделить в качестве одного из источников дарны индийский компонент-аналог – дхарму. Данное утверждение подтверждается как личным исследовательским поиском Й. Тринкунаса, так и богатой традицией балто-индийских связей. В-третьих, дарна, безусловно, национально ориентируемый религиозно-этический продукт с фиксируемой точкой расцвета (эпоха правления князя Гедиминаса) и комплексом характерных артефактов. К числу последних относятся: пантеистический взгляд на мир; наличие двух системообразующих полюсов и восприятия, и отражения окружающей действительности – социономического и биономического; признание равновесия в качестве важнейшего базиса мировоззрения.

Литература

1. Венх П. Язычество в Восточной Европе: материалы доклада на ежегодной конференции WCER «Новые религиозные течения», Краков, 1999. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://seidr.woods.ru/wcer.htm>. (дата обращения: 16.12.2012).
2. Интернет-переписка с Й. Тринкунасом от 08.11.2012. Из личного архива автора.
3. Интернет-переписка с Й. Тринкунасом от 09.11.2012. Из личного архива автора.
4. Интернет-переписка с Й. Тринкунасом от 16.12.2012. Из личного архива автора.
5. Расшифровка аудиозаписи интервью Й. Тринкунаса Р.В. Шиженскому, г. Вильнюс, Литва. 24.11.2010. Из личного архива автора.
6. Рыжакова С.И. Ромува. Этническая религиозность в Литве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2000. – №136. – 27 с.

7. Тринкунас Й. Ромува – традиция балтов // Наследие предков. Журнал правой перспективы. – 1998. – №6. – С. 12-15.

8. Trinkūnas J. Baltic religions today. – Vilnius: Senovės baltų religinė bendrija, 2011. – 44 p.

9. Trinkunas J. Lithuanian Dharma and Lithuanian Darna. – [Электронный ресурс].

10. Trinkunas J. Lithuanian Darna the Central value of the Baltic Culture // 7th World congress of ethnic religions. – Athens, 2004. – 6-9 p.

11. Of GODS&HOLIDAYS. The Baltic heritage. Ed by J.Trinkunas. – Vilnius: Tverme, 1999. – 206 p.

Шиженский Роман Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой современной истории России Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, e-mail: heit@inbox.ru.

Shizhenskiy Roman Vitalevich, candidate of historical sciences, associate professor, the head of department of modern history, Russia Teachers Training University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, e-mail: heit@inbox.ru.

ПУБЛИЦИСТИКА

УДК 371.124–055.1

В.И. Антонов

НЕОРДИНАРНЫЙ ЛИДЕР РЕСПУБЛИКИ, КРУПНЫЙ ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Р. ФИЛИПОВА)

В статье проанализирована многосторонняя деятельность крупного в прошлом партийного и государственного деятеля Бурятии, выдающегося организатора науки и вузовского образования республики, известного ученого В.Р. Филиппова. Это показано на основе последовательного изучения его большого и насыщенного, вместе с тем непростого и нелегкого жизненного пути. В работе убедительно раскрыты многомерный талант, подлинно лидерские качества В.Р. Филиппова, проявленные в области политики, экономики, науки и образования.

Ключевые слова: *сильный и неординарный руководитель, крупный организатор науки и вузовского образования, талантливый ученый.*

V.I. Antonov

THE EXTRAORDINARY LEADER OF REPUBLIC, TALENTED SCIENTIST AND ORGANIZER OF SCIENCE (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF V.R. FILIPPOV'S BIRTH)

The article analyzes multilateral activities of V.R. Filippov, who was a famous scientist, major political figure and statesman of Buryatia in the past, an outstanding organizer of science and higher education in the republic. It is shown on the basis of consistent review of his large and rich and, at the same time, challenging and uneasy career. The article clearly reveals V.R. Filippov's multidimensional talent, genuine leadership qualities, which have been displayed in the fields of politics, economy, science and education.

Key words: *strong and extraordinary leader, outstanding organizer of science and higher education, talented scientist.*

Имя Василия Родионовича Филиппова у меня еще с детских лет ассоциируется с чем-то крупным, солидным, не вписывающимся в стандарты обычной жизни. Видимо, это где-то объяснялось его телесной полнотой. Но все же правильнее сказать: скорее всего, она лишь формально подчеркивала некоторые силуэтные штрихи к ассоциативному образу. Дело, разумеется, заключалось в подлинном масштабе этой личности и его многосторонних деяний.

Впервые Василия Родионовича автору данных строк довелось вживую увидеть, более того, выслушать его выступление, будучи учащимся 4 класса Эгитуйской начальной школы Еравнинского района в конце января 1962 г. Тогда по всей стране шла очередная политическая кампания по выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. А в марте того года должны были состояться сами выборы. В.Р. Филиппов, в ту пору первый секретарь Бурятского обкома КПСС, выдвигался как кандидат в депутаты в палату Совета Союза Верховного Совета

СССР. В связи с этим как раз была запланирована его встреча с избирателями в нашем клубе, причем не только с эгитуйцами, но и с представителями близлежащих сел. Тогда здание эгитуйского клуба считалось одним из самых больших в Еравне.

Как я сейчас отчетливо помню, уже более чем за десять дней до официально объявленной даты приезда В.Р. Филиппова, в нашем селе началась интенсивная подготовка. Срочно в здании клуба была проведена побелка, организована уборка мусора внутри и вокруг него, тщательно промыты окна, подоконники изнутри, массивные деревянные кресла-скамейки, стулья и полы в зале, на сцене. Из райцентра приезжали какие-то специалисты с важным видом и в течение двух-трех дней готовили большой агитационный материал. Не остались в стороне и мы, учащиеся 4-го класса. Нас, как «старшеклассников», обязали дежурить с красной повязкой во время встречи избирателей с В.Р. Филипповым. Кроме того, мы должны были по-пионерски

приветствовать высокого гостя и сопровождающих.

Мне тогда повезло. Я дежурил возле основной двери клуба, изнутри. Тем не менее, перед прибытием столь большого человека изрядно переволновался. Несмотря на январскую стужу, голова у меня была разгоряченная, мокроватая от пота, а руки – немного влажные.

Когда за открывшейся дверью в клубе наконец-то показалась объемная фигура В.Р. Филиппова, я невольно растерялся и забыл отдать ему по-пионерски честь. Я пришел в себя, когда кто-то ткнул мне сзади в спину. Василий Родионович из-за своей полноты показался очень крупным человеком. Его сопровождала большая толпа руководителей разных рангов. Столько начальников в нашем сельском клубе за раз я никогда не видел. И вообще это было тогда и в последующие времена крайне редким явлением.

Войдя в клуб, все они во главе с В.Р. Филипповым сели на первом и втором рядах. Затем на сцену вышел первый секретарь Еравнинского райкома КПСС Д.Т. Раднаев и, встав за стол, покрытый красным сукном, объявил было о начале встречи с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Но тут же со стороны В.Р. Филиппова последовала реплика о том, что собрание избирателей, представляющих единый блок коммунистов-беспартийных, должен открыть «хозяин этих мест», т.е. секретарь парткома колхоза «Дружба» Б.Л. Гармаев. Дашинима Тыжебрович, слегка сконфузившись, деланно улыбнулся и позвал на сцену Бориса Ламахан-дучевича. Тот после очень короткого выступления (скорее – приветствия в адрес В.Р. Филиппова) предоставил слово кандидату в депутаты.

Василий Родионович сначала минут 45-50 выступал на русском языке. Говорил он свободно, лишь изредка заглядывая в свои записи. Затем перешел на чистейший литературный бурятский язык и на нем с такой же раскованностью выступал минут пятнадцать. Насколько мне помнится, он тогда много рассуждал об актуальных вопросах внешней и внутренней политики КПСС, о единстве партии и народа, о первоочередных задачах КПСС в области сельского хозяйства. Так же подчеркивал необходимость и неизбежность внедрения в районах республики методов хозяйственного расчета. Специально и очень дотошно останавливался на насущных вопросах тружеников Еравнинского района, начиная с того, как улучшить работу в овцематочных отарах, особенно в периоды окота и сакмана, как повысить качество настрига шерсти с овец в летнюю пору, и кончая тем, как добиться

планового привеса мясо-молочной продукции крупного рогатого скота в суровых климатических условиях нашего района. Говорил он тогда четко поставленным и уверенным голосом. Его речь действительно отличалась хорошо отработанной дикцией. Громкий и басовитый голос Василия Родионовича не нуждался ни в микрофоне, ни в каком другом техническом усилителе.

После его выступления напряженная тишина, установившаяся в клубе, взорвалась бурными и, мне думается, искренними аплодисментами. Затем Василию Родионовичу были задано несколько каких-то конкретных вопросов. После этого выступило 3-4 чел. в поддержку кандидата, причем по заранее заготовленным бумажкам.

С той поры прошло ровно полвека. Но эта встреча оставила в моей детской памяти неизгладимый, нестираемый временем след. Помнится, под впечатлением от встречи в нашем сельском клубе с В.Р. Филипповым я несколько раз перечитывал агитационный материал о нем, о его биографии. Меня в нем буквально поразил тот факт, что он является доктором ветеринарных наук, профессором. От одного этого я вместе родителями проникся к нему глубоким уважением.

Мой отец на сей счет тогда любил повторять такие слова: «Дойти до такой высоты одновременно в партийной и научной деятельности могут только единицы, у которых головы светлы и ясны, как компас. А Филиппов своим умом и талантом, своим трудолюбием прошел большую жизненную, партийную и научную школу». С такой оценкой трудно было не согласиться. Василий Родионович в самом деле по жизни и по работе прошел большую школу, причем школу не только уверенного восхождения и успехов, но немалых трудностей и испытаний.

Василий Родионович Филиппов родился 27 апреля 1913 г., того самого года, который современные апологеты имперской России любят выдавать (где-то оправданно, где-то безапелляционно) за высшую точку в траектории дореволюционного экономического роста страны. Малой родиной В.Р. Филиппова (согласно четырехступенчатой территориальной градации того времени: губерния, уезд, волость, улус) являлся улус Ирхидей Бильчигирской волости Балаганского уезда Иркутской губернии. Он родился в семье крестьянина-середняка [1].

В шестилетнем возрасте ему суждено было пережить страшную трагедию – потерю отца. Его расстреляли колчаковские каратели за факт передачи им продуктов питания изголодавшим

политзаключенным-беженцам из известной иркутской тюрьмы «Александровский централ».

Дальше жизнь Василия пошла по законам новой, советской эпохи. В 14 лет вступил в комсомол. Через год, в 1928 г., он вместе с матерью, братом и сестрой вступил в первую сельскую коммуну «Адуши Ажил». Одновременно Василий стал учиться в Осинской школе колхозной молодежи. По ее окончании в 1931 г. он был выдвинут на должность заведующего отделом культуры и пропаганды Боханского райкома (тогда – аймачного комитета) комсомола, затем утверждается заместителем секретаря того же райкома комсомола.

В 1933 г. Василий Филиппов переезжает в Верхнеудинск и начинает новую трудовую деятельность в должности заведующего отделом кадров Бурят-Монгольской конторы «Скотоимпорт». Затем в 1934–1935 гг. был переведен политруком отдела пожарной охраны НКВД Бурятии. Одновременно в эти годы он учился на вечернем рабфаке. В последующие три года (1935–1938 гг.) Василий Филиппов заведовал вечерней городской партшколой Улан-Удэнского горкома ВКП(б). Будучи на этой работе, в конце 1936 г. вступил в ряды ВКП(б). Одновременно, без отрыва от работы на последнем месте (начиная с 1935 г.), Василий Филиппов учился в Бурят-Монгольском зооветинституте. Окончил его в 1939 г. [1].

Кстати, Василий Филиппов первоначально поступил на зоотехнический факультет зооветинститута, затем через два года перевелся на ветеринарный факультет. Такой неожиданный шаг с его стороны не остался незамеченным в жизни института, особенно – партийной. «Это стало предметом обсуждения на партийном собрании, где в принятом решении было указано на «ошибочность его поведения». В те годы зоотехнический факультет переживал тяжелые времена» [2, с. 6].

Но это обстоятельство никак не сказалось на его дальнейшей судьбе. Отличная учеба, активная общественная работа, в т.ч. в должности секретаря институтской комсомольской организации, сделали, как говорится, свое нужное дело. За год до окончания института В.Р. Филиппов избирается парторгом института.

Примечательно и то, что «директор института (зооветеринарного – В.А.) А.И. Иванов, выступая на Совете, говорил о выдвижении отличников на преподавательскую работу. В итоге обсуждения было принято решение: «...выдвинуть В.Р. Филиппова и Г.Р. Раднаева. Филиппов хорошо справился с чтением курса микробиологии на курсах ветфельдшеров». По-

сле окончания института в 1939 г. Василий Родионович был оставлен ассистентом на кафедре микробиологии» [3, с. 146].

В.Р. Филиппов проработал в этой должности до лета 1941 г. Одновременно за указанный период он сумел выполнить некоторый объем работы по аспирантской программе. А в 1940 г. на него была возложена необычная обязанность «культурника-переводчика среди студентов особого отделения». В то время «в институте учились студенты-монголы, и в обязанность Василия Родионовича входило проводить для них политинформации, беседы по международным вопросам, оказывать помощь в изучении русского языка, организовывать дополнительные консультации и семинары по изучаемым дисциплинам» [2, с. 7].

Но начавшаяся Великая Отечественная война на время изменила не только текущие планы, но и сам характер основной работы молодого преподавателя зооветинститута. В.Р. Филиппов с июля по ноябрь 1941 г. был призван на армейскую службу в качестве ветврача [4].

Однако уже в конце 1941 г. в его жизни наступает новый переломный момент. Ввиду выдвигания его на ответственную партийную работу он отзывается с армейской службы. В.Р. Филиппов был назначен заведующим сельскохозяйственным отделом Бурят-Монгольского обкома ВКП(б). Проработав чуть менее одного года, он избирается первым секретарем Хоринского райкома ВКП(б). На этой выборной должности он работал ровно три года, до победного 1945-го. То были суровые, наполненные голодом и холодом, лишениями и горестями, годы. Военное время от хоринцев во главе с районной парторганизацией, равно и как от всех советских людей, требовало колоссального напряжения сил и энергии. И надо сказать, молодой партийный вожак района был всегда на высоте решения множества тяжелых, нередко – почти неподъемных, задач и проблем, поставленных перед райкомом партии теми жестокими временами.

Вместе с тем в годы войны Василия Филиппова ни на минуту не покидала возжеланная идея, где-то ставшая уже мечтой, продолжить работу в области научных исследований. И вот он осенью 1945 г. он поступает в аспирантуру Харьковского ветеринарного института. С первых дней аспирантуры Василий Филиппов с головой ушел в диссертационную работу. Работал над ней с неиссякаемым интересом и азартом, самозабвенно, фанатично, с какой-то неистовой силой. Как большой плюс во всем этом проявилось еще одно важнейшее качество аспиранта

Филиппова – его несомненный талант к научному исследованию. В результате уже весной 1947 г., т.е. через полтора года (в рекордный срок!), диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук В.Р. Филипповым была завершена и успешно защищена.

Вернувшись на родину с этим настоящим (особенно – по меркам того времени) научным триумфом, он сразу становится заведующим кафедрой патологической анатомии зооветинститута. Одновременно (по совместительству) на него возлагают должности деканов ветеринарного и зоотехнического факультетов. В 1950 г. В.Р. Филиппов выдвигается на более высокий и ответственный пост – он назначается заместителем директора зооветинститута по научной и учебной работе. Еще через два года ему было доверено стать высшим должностным лицом в институте, т.е. директором.

Во главе института В.Р. Филиппов со свойственной ему кипучей энергией развернул большую работу созидательно-практического характера. В этом направлении зооветинститут под его руководством тогда добился заметных результатов. Существенное расширение получил профиль института. Открылись два новых факультета – агрономический в 1952 г., технологический – в 1955 г. Был увеличен план набора студентов.

Но главное, пожалуй, состояло в том, что многочисленные и неустанные хождения молодого руководителя института по вышестоящим властным инстанциям Улан-Удэ и Москвы, его настойчивые и аргументированные обращения, ходатайства в обком КПСС, Совет министров Бурятской АССР, в профильные министерства РСФСР и СССР увенчались желанным успехом. В Москве было понято: зооветинститут, переживающий период реального роста, сталкивается с немалыми трудностями, возникающими из-за недостатка помещений, их разбросанности по городу и непригодности для полноценных занятий. В результате в 1954 г. Советом Министров СССР было принято ключевое для дальнейшей судьбы Бурятского зооветинститута решение – постановление о строительстве учебного корпуса института с тремя факультетами на 1,5 тыс. студентов: агрономическим, ветеринарным, зоотехническим. Соответственно утверждены проекты новых зданий и сооружений института. Тем самым уже в середине 1950-х гг. было положено долгожданное начало грандиозному строительству.

Став у руля института, с самого начала В.Р. Филиппов умело сочетал большую управ-

ленческо-практическую работу с фундаментальной научно-исследовательской деятельностью (теоретической и экспериментальной). И ничего удивительного и неожиданного не заключалось в том факте, что он в 1953 г. блестяще защитил в Московской ветеринарной академии диссертацию на соискание доктора ветеринарных наук. Тема диссертации «Изучение влияния антитуберальной невротоксической сыворотки на иммунобиологические свойства животного организма» и ныне звучит актуально, не лишена теоретической и практической значимости. Василию Родионовичу уже через год после защиты докторской было присвоено звание профессора.

В дальнейшем «научные исследования профессора В.Р. Филиппова были посвящены изучению иммунитета (иммунобиологических свойств животного организма в онтогенезе), обмена веществ у сельскохозяйственных, вопросам гибридизации и скрещивания животных, организации хозрасчетных животноводческих комплексов» [5, с. 271]. При этом Василий Родионович в организации и проведении в институте научных исследований первостепенное значение всегда придавал тому, насколько, в какой мере они по своим конечным результатам оправданы и значимы для народного хозяйства республики и региона, насколько способны удовлетворить его потребности. В качестве яркого подтверждения сказанного можно привести пример о том, что «выведенный в институте бурятский симментализированный крупный рогатый скот до сих пор составляет основу молочного скота Бурятии и Читинской области (ныне Забайкальского края – В.А.), а начало всему этому положило стадо учебного хозяйства института с удоем на одну фуражную корову 5 200 л молока с жирностью в 3,9-4,0%» [2, с. 10].

Нужно сказать, что В.Р. Филиппов с первых дней своей деятельности на посту директора института особое внимание уделял развитию учебного хозяйства «Байкал». Рассматривал его как важный полигон для апробаций и внедрения в практику передовых институтских научно-исследовательских разработок. Благодаря этому уже с 1953 г. учхоз «Байкал» стал рентабельным предприятием.

«На племенной ферме учхоза с 1953 по 1963 гг. удои составляли в среднем 4 500-5 000 л молока на 1 корову. Отдельные животные давали свыше 7 000 л молока в год. По своим качествам это было одно из лучших стад в республике. В сентябре 1959 г. институт посетил 1-й секретарь ЦК МНРП, председатель Совета Министров МНР Ю.Цеденбал, в учхозе ему пода-

рили племенных животных. Учебное хозяйство в течение нескольких лет было участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Работники животноводства награждались золотыми медалями и дипломами выставки» [2, с. 17].

Успешная и плодотворная работа в качестве директора института у В.Р. Филиппова продолжалась до начала 1958 г. Наступивший Новый (тогда) 1958-й г. оказался семиотически значимым для него. На сессии Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР от 17 января того же года он был назначен председателем Совета Министров республики [6]. Василий Родионович плодотворно трудился на посту главы правительства Бурятии около трех лет, точнее говоря, до 24 ноября 1960 г. В тот день он на пленуме Бурятского обкома КПСС был избран первым секретарем обкома КПСС [6], т.е. из статуса второго лица (советско-хозяйственного руководителя) республики переводится в ее первое лицо (во всеильного партийного лидера). Но пребывание В.Р. Филиппова на партийно-политическом олимпе автономной республики оказалось (в отличие от занявшего после него место первого секретаря обкома А.У. Модогоева) весьма недолговечным. Василий Родионович по прошествии чуть более полутора лет – 12 июня 1962 г. – с дежурной для тех времен формулировкой «по состоянию здоровья» был освобожден от обязанностей первого секретаря обкома КПСС и направлен ректором Бурятского сельскохозяйственного института (бывшего зооветеринарного института).

Тем не менее, необходимо признать, что за четыре с лишним года работы на высших постах республики В.Р. Филиппов сумел внести весомый вклад в развитие экономики и культуры, науки и образования Бурятии. Задачи, нацеленные на достижение серьезного подъема сельскохозяйственного производства, вопросы реального повышения уровня культуры и образования сельчан (в т.ч. расширения сети культурно-просветительных учреждений, школ, детских ясель), качественного улучшения их быта и жизни (включая строительство новых жилых домов, бань в селах и на животноводческих фермах, наведение санитарного порядка на полевых станах, фермах, других животноводческих точках, ремонт старых и установка новых линий электропередач в дальних селах, на фермах и т.д.) стали обретать в те годы все более приоритетный характер. В.Р. Филиппов, будучи на двух высших постах республики, активно ратовал за возрождение традиционных народных праздников, явился одним из главных инициаторов празднования Сагаалгана в бурятских се-

лах именно как важного народного обычая по встрече Нового года по лунному календарю. В числе такого рода экспериментальных площадок, к примеру, в то время выступило бурятское село Усть-Эгита (колхоз «Победа Еравнинского района»), где с участием представителя обкома КПСС был широко, всенародно отмечен Сагаалган. При этом сознательно и открыто отметались его религиозные стороны.

В период руководства республикой он не оставял без пристального внимания и свой родной институт. Именно в те годы было построено и сдано в эксплуатацию новое здание четырехэтажного учебного корпуса, поражающее взор своим масштабом и поныне. Он располагал отвечающими всем требованиям того времени учебными лабораториями, кабинетами, аудиториями, оснащенными необходимым арсеналом технических средств, опытно-исследовательских материалов. Также в новом здании института имелись спортивный и актовый залы. Кроме того, были введены в строй три больших корпуса студенческих общежитий, каждый из которых был рассчитан на 640 мест, несколько домов для преподавателей, значительно укреплено учебное хозяйство «Байкал» и капитально отремонтированы старые здания института. Тем самым фактически была создана новая материально-техническая база вуза.

В марте 1960 г. распоряжением Совета Министров РСФСР (на базе обоснованного ходатайства со стороны правительства республики за подписью В.Р. Филиппова) Бурятский зооветеринарный институт был преобразован в Бурятский сельскохозяйственный институт. А с учетом аргументированного обращения Совмина Бурятской АССР месяцем ранее (февраль 1960 г.) в правительство РСФСР и в соответствии с постановлением последнего в 1961–1962 учебном году в структуре сельхозинститута состоялось открытие нового факультета – механизации сельского хозяйства. Таким же путем годом спустя в БСХИ был открыт экономический факультет.

Как председатель Совмина республики, как первый секретарь обкома КПСС, Василий Родионович непосредственно стоял у истоков создания в Улан-Удэ Восточно-Сибирского технологического института. По его инициативе, на основе развернутого, всесторонне продуманного ходатайства со стороны Бурятского обкома КПСС и Совмина республики Совет Министров СССР принял постановление от 26 мая 1962 г. «Об организации в г. Улан-Удэ Восточно-Сибирского технологического института Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР на базе технологического и

строительного факультетов сельскохозяйственного института Министерства сельского хозяйства РСФСР».

Все это однозначно говорило о том, что в руководящем эшелоне республики 1950–1960-х гг. прошлого столетия фигура Василия Родионовича выделялась особой, если можно так сказать, двойной масштабностью. Но здесь, разумеется, отнюдь не имелись в виду его чисто физические параметры. Речь, прежде всего, шла о масштабе личности Филиппова, который обуславливал столь же масштабный характер его деяний. Это – с одной стороны. С другой – масштабность его деятельности ярко отображала величие и мощь фигуры Филиппова в интеллектуальном, управленческом, политическом смыслах. Но тем непонятнее и неожиданнее для большинства жителей Бурятии оказалась отставка В.Р. Филиппова с высшего партийного поста республики в июне далекого 1962-го...

Мне кажется, Василий Родионович Филиппов в силу своего глубокого и масштабного мышления, неординарного видения проблем не очень-то вписывался в хрущевские времена. К тому же он всегда отличался самостоятельностью в своих суждениях и решениях. Принцип, вернее, беспринципность типа «прогнуться ради удержания своего властного статуса» никак не относилась к нему. Во всяком случае, ему наверняка было грустно и больно от того, что многие его новаторские идеи, нестандартные подходы в экономике, особенно в производственно-хозяйственной жизни, принимались в штыки, будучи автоматически переведенными в социально-идеологическую шкалу оценки, о которой специально будет сказано ниже. Так, например, вышло с его идеей широкого внедрения в сельскохозяйственную практику хозрасчета как важнейшего инструмента экономического стимулирования труда на селе.

В этой связи справедливо отмечают Л.А. Зайцева и А.П. Попов: «Как ученый и государственный деятель В.Р. Филиппов не мог не заметить начинающийся процесс стагнации сельского хозяйства, выход из которой он видел в развитии внутрихозяйственного расчета. Одна из его монографий, опубликованная в 1961 г., так и называлась «Хозрасчетные комплексные бригады колхозов и совхозов республики». К сожалению, эти идеи не были востребованы сельскохозяйственной практикой тех лет» [3, с. 149].

Чтобы еще раз удостовериться в правоте вышесказанного, я внимательно ознакомился с книгой [7, с. 172], вышедшей более полувека

назад. При этом в авторской аннотации В.Р. Филиппов скромно признается: «Настоящая работа, посвященная организации хозрасчетных комплексных бригад в колхозах и совхозах Бурятии, является начальным наброском, который отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту разработки. Автор ставил своей целью привлечь внимание практических работников сельского хозяйства республики к назревшим вопросам колхозно-совхозного производства, организации и оплаты труда и к творческому их разрешению.

Эта книга готовилась в процессе повседневной оперативно-практической работы, на основе личных наблюдений и пожеланий рядовых тружеников колхозно-совхозного производства. Безусловно, она носит еще следы спешки, имеет свои недостатки с точки зрения изложения и научной аргументации тех или иных положений» [7, с. 2].

Книга В.Р. Филиппова, несмотря на то, что она издана столь давно, читается с интересом. Это серьезный аналитический труд. Внимательное изучение данной работы (за вычетом, разумеется, характерных для тех времен издержек, особенно идеологического порядка) способно убедить любого нынешнего читателя в том, что многие ее положения и выводы, включая большое число конкретных статистических выкладок, сравнительно-сопоставительных таблиц, до сих пор не утратили своей значимости. В них можно обнаружить немало рациональных зерен. В этом аспекте книга В.Р. Филиппова позволяет убедиться том, что она в целом ряде мест по-прежнему не лишена тех, так сказать, жизненных токов, которые послужили бы определенным «методологическим фактором» для осмысления современных путей развития сельского хозяйства.

Книга В.Р. Филиппова структурирована на 12 разделов. Шесть из них носят специализированный характер и посвящены хозрасчетным комплексным бригадам в овцеводстве; скотоводстве; свиноводстве; в мясотоварных фермах; в табунном коневодстве; в полеводстве. С точки зрения научно-экономического анализа наибольший интерес в книге представляют два первых раздела, изложенные в строго критическом плане: «Обезличка во внутрихозяйственном землепользовании», «Недостатки в системе организации и оплаты труда». Но не только эти два раздела приковывают особое внимание читателя. Неожиданно большой интерес в ходе чтения вызывают два последних раздела книги «Роль оплаты труда за продукцию в воспитании

коммунистического отношения», «Партийно-политическая работа на селе».

К сожалению, идея применения внутрихозяйственного расчета в сельском хозяйстве Бурятии не находила тогда понимания (внутренне осознанного, профессионально осмысленного) и в партийных, и в правительственных кругах республики, более того, нередко, причем открыто, воспринималась в штыки со стороны непосредственных коллег и соратников. Весьма симптоматичны в этом отношении воспоминания Д.Т. Раднаева, бывшего первого секретаря Еравнинского райкома КПСС, позднее работавшего председателем Госплана Бурятской АССР, секретарем обкома КПСС: «В марте 1959 г. в район приехали первый секретарь обкома КПСС А.У. Хахалов и председатель Совета Министров республики В.Р. Филиппов. Доктор ветеринарных наук Филиппов Василий Родионович, прекрасный знаток бурятского животноводства, его истории, особенно придирчиво отнесся к состоянию животных в колхозе «Победа», на животноводческих фермах в Маракте, Хангире...

В райкоме состоялось совещание руководителей колхозов, работников райкома, райисполкома, на котором руководители республики предъявляли повышенные требования к улучшению состояния животноводства в колхозах. Особенно резко высказался В.Р. Филиппов, подчеркнув необходимость внедрения хозрасчета в животноводстве, в частности, в овцеводстве, при этом ссылаясь на опыт кижингинского чабана Буянтуева Сэнгэ. Это было правильное требование. Если в свое время подавляющее большинство руководящих работников республики поняло бы правильно сущность хозяйственного расчета в животноводстве, то дела пошли бы значительно быстрее. Особенно сопротивлялся этому прогрессивному мероприятию второй секретарь обкома КПСС В.И. Дубровский. По этому вопросу впоследствии мы явемся свидетелями острого спора между ними на областной партийной конференции» [8, с. 104].

Это расхождение между В.Р. Филипповым и В.И. Дубровским, имевшее тогда принципиальный характер, окончательно развело их как непримиримых противников в январе 1961 г., когда Василий Иванович (он родился в 1912 г и умер в 1974 г.) вынужден был уехать на новую работу в качестве советника посольства СССР в МНР. Не обошлось, конечно, без объемного письма в ЦК КПСС (по сути – большой жалобы с личной обидой и серьезными обвинениями в адрес деятельности первого секретаря обкома КПСС) со стороны В.И. Дубровского, который, кстати, при первом секретаре обкома КПСС

А.У. Модогоеве в начале 1963 г. был отозван в республику и назначен первым заместителем председателя Совмина Бурятской АССР. В этой должности он проработал до середины осени 1972 г. В ЦК КПСС жалобу восприняли как «серьезный сигнал». О поддержке и понимании важности прогрессивных деяний В.Р. Филиппова уже не могло быть речи.

Чем сильнее он как первый секретарь обкома КПСС настаивал на важности внедрения методов хозяйственного расчета в сельском хозяйстве Бурятской АССР, тем больше от него стали открепиваться в ЦК КПСС. Там одни высокопоставленные лица договорились до того, что эта пресловутая идея якобы содержит опасный симптом – возможность личного обогащения сельчан. И, как следствие, неминуем процесс «обуржуазивания» сельского образа жизни. Другие ответработники ЦК умудрились усмотреть в способах реализации хозрасчета в сельскохозяйственной практике даже зачатки чуждой буржуазной рыночной экономики, что, по их мнению, вообще было недопустимо.

Идею внедрения хозяйственного расчета в сельском хозяйстве республики, особенно филипповскую концепцию перевода животноводства на принципы хозрасчета, подверг резкой критике, будучи в мае 1961 г. в Улан-Удэ, Г.И. Воронов, работавший тогда (с января 1961 г.) заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, усмотрев в ней «проявление однобокости», ставку на «одновидовую» кормовую базу (Геннадий Иванович ранее занимал посты первого секретаря Читинского обкома КПСС (1950–1955), зам. министра сельского хозяйства СССР (1955–1957), первого секретаря Оренбургского обкома КПСС (1957–1961)). По словам Василия Родионовича, Г.И. Воронов выступил одним из инициаторов его освобождения в 1962 г. от занимаемой должности первого секретаря Бурятского обкома КПСС.

О кратковременном пребывании Г.И. Воронова в Бурятии весной 1961 г., в особенности о его проезде через Еравну в сторону Читинской области, в крайне нелестной форме, можно сказать, с негодованием вспоминает Д.Т. Раднаев, тогдашний первый секретарь Еравнинского райкома КПСС (приведем лишь некоторые выдержки): «Я думал, что Воронов будет интересоваться делами колхозников, но не тут-то было, он, видимо, не имел намерения где-либо останавливаться. Проезжая мимо села Можайка, увидел несколько новых домов и почему-то выразился крепкими русскими словами и добавил: «Если построил дом, посади дерево», всю дорогу мате-

рился, каждое слово его сопровождалось нецензурной бранью.

«...На выезде из села Сосново-Озерское нас догоняет Модогоев (тогда – пред. Совмина республики – *В.А.*) и говорит, что здесь в столовой накрыли стол, может быть, здесь позавтракаем, тогда Воронов сказал, давай в лес, в столовой и так надоело. Дело оказалось в том, что ночью, никого не оповестив, приехал министр торговли (республики – *В.А.*) М.М. Хабалов на машине, привез дефицитные продукты с напитками, отменил все приготовления, сделанные Дашибаловым (председателем райпотребсоюза – *В.А.*) для выезда в условленное место, и накрыл в столовой столы, а я ничего об этом не знал, следовал по маршруту, заранее согласованному еще в городе. Приехали в Далан (лесистая местность, куда условлено было приехать, – *В.А.*), там ничего не оказалось, я был в недоумении, а Воронов, походивши несколько минут, рассердившись, пнул сухой аргал, выругался, мол, ты аргалом кормить меня сюда привез...

Через несколько минут нас догнали министр Хабалов с продуктами и Дашибалов также с продуктами и сразу оборудовали импровизированный стол, разожгли костер, тем временем нас догнали читинцы – все руководство области во главе с первым секретарем А.И. Смирновым. Начались рукопожатия, поцелуи, разговоры по душам. Гостей рассадили за столы, сделанные из ящичков, накрыли скатертями и начали угощать. Налили коньяк всем, в т.ч. и Воронову. Он выпил целый стакан, закусывая колбасой. Читинцы выпили без стеснения, т.к. Воронов являлся их шефом. Дашибалов привез вареного мяса из целого барана, начал жарить печень в рубашке, москвичи начали с издевкой смеяться над Дашибаловым... Сидевший рядом с Вороновым Филиппов взялся есть баранью лопатку, увидев это, Воронов сказал: «Вы что-то много мяса кушаете». Через некоторое время привезенный Хабаловым коньяк иссяк, видимо, он не рассчитывал, что читинцев приедет столько человек. Благо, у моего Жалсанова (председателя райисполкома – *В.А.*) был в запасе купленный ящик московской водки. Взялись за него, люди изрядно опьянели. Благо, погода благоприятствовала. Читинцы, наконец, сели в машины, наши распрощались с Вороновым и с читинцами и они поехали в Читу. Мне сразу стало на душе легче, как будто целый груз с плеч сняли. У меня в семейном альбоме хранится фотография пребывания Воронова в том лесу. Размышляя над проездом члена Политбюро ЦК КПСС (на самом деле, тогда – кандидата в члены Президиума ЦК

КПСС – *В.А.*) через наш район, я думал, что неужели в каждой области, районе они ездят так, как ездил Воронов. Ведь для нас эта поездка ничего кроме хлопот, беспокойства и расходов не принесла, а ведь мы рассчитывали, что он что-то посмотрит, что-то посоветует и в чем-то окажет помощь. Ничего этого не было. Одним словом, от этой поездки у меня лично осталось удручающее впечатление и не только у меня. У народа осталось скверное мнение о Воронове как о гастролере, бездельнике и т.д.» [8, с. 115-117].

О том, что было сказано выше относительно хозрасчета и иных прогрессивных начинаний в сельхозпроизводстве республики, и о многом другом довольно подробно поведал автору этих строк Василий Родионович во время двух необычных встреч с ним в мае 1982 г. и сентябре 1983 г. Первая из них состоялась после партийного собрания в БСХИ, на котором мне довелось присутствовать как представителю отдела науки и учебных заведений Бурятского обкома КПСС. А начало этой неожиданной встрече было положено тем, что я крепко поддержал Василия Родионовича за руку в тот момент, когда тот тяжело спускался по ступеням институтской лестницы. Он, поблагодарив меня, стал расспрашивать у меня в духе «кто есть кто». Когда же я ему напомнил насчет его приезда и яркого выступления в сельском клубе Эгиты в январе 1962 г., он вовсе расположился ко мне как к желанному собеседнику. Так мы, выйдя из здания БСХИ, медленными шажками пошли вниз, до трамвайной остановки. По пути до нее он, ни на минуту не прерывая разговор, рассказал много интересного о делах, так сказать, минувших лет. Прихода трамвая ждали минут 10–12. Все это время Василий Родионович продолжал свой увлеченный рассказ. Тогда у меня возникла мысль (очень верная!) сесть вместе с ним в трамвай и проводить его до дома. Когда я попросился на это, Василий Родионович не стал возражать. Мне тогда показалось или, во всяком случае, я испытал такое ощущение, что Василия Родионовича где-то изнутри обуревало сильное желание выговориться. Видимо, ему страстно хотелось выдать «свою правду» именно мне по той простой причине, что в моем лице ему представлялось новое поколение бурят. Тем самым как бы становилась возможной межпоколенная передача исторической истины.

Тот разговор с В.Р. Филипповым, длившийся около часа, запомнился мне на всю жизнь. Я успел тогда услышать от него немало ценной информации о былых его деяниях.

бурятский язык через произведения писателей, особенно Хоца Намсареева. Василий Родионович настолько увлекся этим, что с той поры взял за норму при выступлениях перед чисто бурятской либо перед смешанной наполовину (или около того) по национальному составу аудиторией не менее четверти, а то и трети положенного времени говорить только на бурятском.

Вторая незабываемая встреча у меня с Василием Родионовичем состоялась через год, осенью 1983 г., в самом начале учебного года. Он говорил со мной словно со старым знакомым. Разговор опять был сосредоточен вокруг щепетильных проблем советской экономики. В самом его начале он в упор спросил меня, показав третий номер журнала «Коммунист» за 1983-й г.: «Вы читали в нем статью Ю.В. Андропова “Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР”?»». Затем продолжил: «Юрий Владимирович тысячу раз прав, когда цитирует Маркса: “Идея неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от интереса” [9, с. 89], когда дальше делает вывод из этого: “Отсюда одна из важнейших задач совершенствования нашего народнохозяйственного механизма в том и состоит, чтобы обеспечить точный учет этих интересов, добиться их оптимального сочетания с интересами общенародными и таким образом использовать их как движущую силу роста советской экономики...” [10]. Так вот я как последовательный сторонник применения хозрасчетных методов и принципов в нашей экономике считаю, что это (т.е. внедрение хозрасчета – В.А.) стало бы одним из важнейших экономических способов “сшивания” разрыва между идеей и интересом в производственных отношениях, а значит, реальным фактором последующего роста экономики и жизненного уровня в нашей стране. Но я на этом настаивал более четверти века назад. Очень многое мы из-за этого потеряли и упустили».

Далее свои рассуждения Василий Родионович плавно перенес на КНР, на осуществляемые там под руководством Дэн Сяопина экономические реформы: «Великий наш сосед во главе с мудрым Дэн Сяопином уже пятый год успешно проводит свои реформы в экономике. Они на практике подтвердили великую жизненную силу умелого сочетания планового и рыночного хозяйств. Опыт Китая очень поучителен. И нам нечего бояться внедрения в перспективе в нашей стране социалистических рыночных отношений. Но нам не нужен капиталистический стихийный рынок. Мы нуждаемся в социалистических, т.е.

в разумно регулируемых, рыночных отношениях. Правильное, экономически грамотное сочетание планирования развития народного хозяйства и регулирования через социалистический рынок обязательно нам даст большой эффект. Но к этой цели постепенно, всесторонне взвешенно следует идти уже с сегодняшнего дня. Иначе можем безнадежно отстать от мировой цивилизации». К сказанному, как говорится, нечего добавить или убавить. Все это тогда из уст Василия Родионовича прозвучало как-то внушительно и по-особому убедительно.

После ухода с высшего партийного поста республики Василий Родионович вновь возглавил свой родной институт – БСХИ. За новый – второй – период ректорской работы в институте, длившийся 7 лет, он сумел превратить его в общепризнанный и солидный многопрофильный сельскохозяйственный вуз на востоке страны.

За указанное время на базе пяти факультетов, в совокупности представлявших становой хребет БСХИ, было организовано немало новых кафедр, которые позволили заметно расширить и углубить в институте учебно-предметную направленность по специальным дисциплинам, усилить его научно-исследовательский потенциал. В неразрывной связи с этим процессом удалось существенно увеличить набор студентов. Достаточно сказать: уже, например, к 1963 г. контингент студентов БСХИ составлял 2 750 чел. (против 389 чел. в 1952 г.). При этом география их представительства охватывала более 25 краев, областей и республик СССР.

Одновременно в эти годы планомерно продолжалось дальнейшее укрепление материально-технической базы БСХИ. Были построены морфологический корпус, ветеринарные клиники, виварий, механические мастерские, студенческая столовая, полигон для сельхозтехники в учхозе. В соответствии с требованиями времени в БСХИ расширялся парк тракторов, автомашин, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, предназначенных для приобретения студентами в процессе обучения практически-производственных навыков. Также в этот период большое внимание уделялось оснащению факультетов, кафедр и лабораторий института современной мебелью, необходимым оборудованием и приборами.

В 1960-е гг. в БСХИ успешно развивалась аспирантура. Важным событием в научной жизни не только сельхозинститута, республики, но и всего региона стало открытие в 1964 г. в БСХИ советов по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов сельскохозяйст-

венных, ветеринарных и экономических наук [11, с. 17]. Уже один этот факт явился ярким свидетельством доверия и признания со стороны ВАК СССР высокой теоретической квалификации научно-педагогического коллектива сельхозинститута, как вполне соответствующей требуемому тогда уровню и профилю работы диссертационных советов. Благодаря открытию диссоветов, институт начал успешно решать на месте многие вопросы, связанные с подготовкой и обеспечением остепененными научно-педагогическими кадрами.

Не менее значимым явлением в работе БСХИ в тот период стала организация в институте факультета повышения квалификации (ФПК). В соответствии с этим, начиная с 1966 г., на Бурятский сельхозинститут была возложена важная миссия по подготовке и переподготовке руководящих сельских кадров (председателей колхозов, директоров совхозов и их заводов) и по повышению квалификации специалистов сельского хозяйства по восьми профилям. За годы деятельности ФПК на нем повысили квалификацию около 12,5 тыс. человек, представлявших специалистов не одной только Бурятии, а Тувы, Якутии, Читинской, Иркутской и Тюменской областей. По просьбе правительства Монголии курсы на ФПК прошли многие руководители и специалисты госхозов и сельхозобъединений МНР [11, с. 21]. Все это, несомненно, говорило о географической широте спроса, о большой профессионально-практической востребованности и нужности данного ФПК.

Таким образом, второй период (1962–1969) ректорской деятельности Василия Родионовича ознаменован был бесспорными успехами, весомыми достижениями трудового коллектива института. Вклад его как ректора в поступательное движение БСХИ в указанные годы трудно переоценить. Во всех позитивных делах БСХИ той «семилетки» зримо чувствуется, более того, реально видится воплощенная явь глубокой, по-настоящему созидательной мысли и громадной, неумемной энергии В.Р. Филиппова.

В 1969 г. на жизненном пути Василия Родионовича Филиппова наступил переломный момент. У него начинается новый этап, связанный с переводом его как признанного организатора науки на другое место работы, на более крупный и ответственный пост. В сентябре того года постановлением Президиума Сибирского отделения АН СССР он был назначен, а затем избран председателем Президиума Бурятского филиала СО АН СССР и одновременно директором Института естественных наук БФ. На этих высоких должностях он успешно трудился до 1975 г.

Прийдя туда, Василий Родионович, как ему всегда было свойственно, засучив рукава, самоотверженно взялся за новую и довольно-таки сложную работу. То были трудные годы становления Бурятского филиала как научно-академического центра в республике.

Как отмечают И.В. Гордиенко, Б.В. Базаров, А.П. Семенов, «за 7 лет Василием Родионовичем была проведена большая организационная работа по формированию новых научных направлений, совершенствованию структуры академических научных учреждений. Так, в 1970 г. был создан отдел экономических исследований, в 1972 г. в составе института естественных наук были организованы отдел биологически активных веществ и две лаборатории в области химических наук, а в 1973 г. при его активном содействии был открыт геологический институт на основе существующего отдела геологии» [12, с. 11].

В период руководства В.Р. Филиппова Бурятским филиалом СО АН СССР новый импульс к дальнейшему развитию получили научные направления по проблемам охраны и рационального использования природных ресурсов в бассейне оз. Байкал, биохимии высокопродуктивных животных, гельминтологии, индо-тибетской медицины, монголоведения и в целом востоковедения. Особое внимание уделялось росту научных кадров. В результате с 1970 г. до 1974 гг. двукратно увеличилось число докторов наук (с 6 до 12). Почти во столько же раз возросло количество кандидатов наук (с 69 до 130).

Будучи реалистически мыслящим, далеко видящим руководителем, Василий Родионович явился инициатором и организатором проведения в Бурятии многих крупных научно-практических мероприятий межрегионального и всесоюзного уровня, нацеленных на реализацию комплексных научных (фундаментальных и прикладных) проблем в неразрывном единстве с задачами народного хозяйства. Эти мероприятия способствовали повышению статуса и авторитета академической науки в республике. В их числе следует назвать выездное заседание Президиума Сибирского отделения АН СССР под эгидой председателя СО АН СССР, вице-президента АН СССР академика М.А. Лаврентьева, которое состоялось в июне 1973 г. в Улан-Удэ и в котором, наряду с представителями академической и вузовской науки, приняли участие руководители республики. Другим событийным явлением в этом ряду стало проведение в 1974 г. в Улан-Удэ Всесоюзной научно-практической конференции по развитию производительных сил Бурятии. «На этой конференции в докладе

В.Р. Филиппова были определены задачи научного потенциала Бурятии в разработке проблемы рационального использования природных ресурсов территории около озера Байкал. В дальнейшем эти задачи стали основой для развития самостоятельного научного направления и выработки экологических требований к размещению промышленных предприятий в акватории оз. Байкал» [12, с. 12].

За годы руководства Бурятским филиалом СО АН СССР Василий Родионович серьезно занимался укреплением его материальной базы. Так, в течение 1971–1974 гг. были построены и сданы в эксплуатацию здание Института общественных наук БФ СО АН СССР, два 80-квартирных жилых дома для сотрудников филиала, комплекс детского сада.

Наряду с большой и напряженной научно-организаторской и общественной деятельностью, Василий Родионович ни на один день не оставлял область собственных научных исследований. «Им исследовалась биохимия крови и молока у высокопродуктивных коров, биохимия крови и тканей плодов телят в эмбриональном и постэмбриональном онтогенезе. В лаборатории биохимии и физиологии животных БФ СО АН СССР под руководством Филиппова были разработаны меры профилактики эндемических заболеваний животных и диспепсии телят, изготовлен препарат полигаммоглобулин. Результаты научных исследований профессора Филиппова используются специалистами сельского хозяйства в широких масштабах.

При активном участии В.Р. Филиппова были созданы в зоне Восточной Сибири и Дальнего Востока три научных направления: иммунобиологическое; возрастной биохимии обмена веществ у животных; гибридизации и промышленного скрещивания животных» [5, с. 271].

За заслуги в научно-исследовательской работе, в развитии вузовской и академической науки Василию Родионовичу Филиппову в 1973 г. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

После 1975 г. Василий Родионович вновь вернулся в родной сельхозинститут и до 1988 г. трудился профессором кафедры нормальной и патофизиологии. Умер в 1993 г.

Несмотря на колоссальную занятость управленческой, партийно-хозяйственной, научно-организационной работой, большую загруженность общественной деятельностью, он всегда умел находить нужное время для реального руководства своими аспирантами, соискателями и докторантами. Им были подготовлены 15 кан-

дидатов биологических, ветеринарных, сельскохозяйственных наук, два доктора наук.

В.Р. Филиппов избирался депутатом Верховного Совета СССР, Верховного Совета Бурятской АССР, кандидатом в члены ЦК КПСС, членом Бурятского обкома КПСС. За заслуги перед Родиной он был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, «Знак Почета», многими медалями. Его имя заслуженно присвоено Бурятской сельскохозяйственной академии.

Василию Родионовичу были присущи огромное трудолюбие, выдающиеся организаторские способности, широкий научный кругозор, высокая политическая культура, личное обаяние.

Василий Родионович отличался неординарным, творческим, я бы сказал, перспективным мышлением, обладал умением видеть будущее. Он опережал свое время.

Фигура В.Р. Филиппова выступала ярким знаково-именным явлением на политическом и научном небосклоне Республики Бурятия второй половины XX-го столетия. Поэтому высокий нравственный и гражданский долг каждого, кто знал его по жизни, по работе, кто учился у него в прямом и переносном смысле, – донести это имя через эстафету поколений до современной молодежи. Такую же благородную задачу должны ставить перед собой нынешние исследователи биографии, жизни и творчества В.Р. Филиппова.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФП. 1. Оп. 2. Д. 5229. Л. 3.
2. Зайцева Л.А. Его имя носит академия / Гордость академии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2006. – С. 6.
3. Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад. 2001. – С. 146.
4. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 2. Д. 5229. Л. 3,8.
5. Барнаков Н.В., Игнатев Р.Р. Василий Филиппов / Выдающиеся бурятские деятели: в 3 т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2009. – Т. 1. – С. 271.
6. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 2. Д. 5229. Л. 1.
7. Филиппов В.Р. Хозрасчетные комплексные бригады в колхозах и совхозах Бурятии. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1961. – 172 с.
8. Раднаев Д. Память о Еравне свята // Край голубых озер. – Улан-Удэ: Журн. изд-во «Байкал», 1997. – С. 104.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – Т. 12. – С. 89.
10. Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. – 1983. – №3.
11. Попов А.П., Зайцева Л.А. Вклад В.Р. Филиппова в развитие сельскохозяйственного образования в регионе / Гордость академии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2006. – С. 17.

12. Гордиенко И.В., Базаров Б.В., Семенов А.П. Роль профессора В.Р. Филиппова в развитии академической науки в Республике Бурятия / Гордость академии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2006. – С. 11.

Антонов Владимир Иосифович, доктор философских наук, профессор Восточно-Сибирского государ-

ственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: wlanto@rambler.ru.

Antonov Vladimir Iosifovich, doctor of philosophical sciences, professor, Eastern-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: wlan-to@rambler.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Осинский И.И.</i> Вестнику 15 лет.....	3
---	---

ФИЛОСОФИЯ

<i>Орлов А.Д., Сафонов А.Л.</i> Социальная природа этнической и национальной идентичности в условиях глобализации.....	5
<i>Сабадуха А.В.</i> Дискурсивно-коммуникативные практики как механизм формирования социального капитала в современном мире.....	9
<i>Мантатов В.В., Мантатова Л.В.</i> Синергичные стратегии для человеческого развития и окружающей среды...	14
<i>Пилецкий С.Г.</i> Этологическое видение человеческой агрессивности.....	20
<i>Сабадуха В.А.</i> Я-концепция ученого в контексте мировоззренческо-методологических установок научной деятельности.....	25
<i>Сафонов А.Л.</i> Глобализация: конец истории или конец эры прогресса?.....	32
<i>Никулина О.В.</i> Трансцендентальный плюрализм Б.В. Яковенко.....	38
<i>Мацкевич И.В.</i> Толкотт Парсонс и развитие теории организации.....	42
<i>Ковров А.Э., Ковров Э.Л.</i> Гарри Франкфурт и принцип альтернативных возможностей.....	46
<i>Манжуева О.М.</i> Информационная этика Норберта Винера.....	53
<i>Бурханов А.Р.</i> Мартин Хайдеггер об экзистенции и экзистенциалах человеческого бытия.....	57

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Махиянова А.В.</i> Методика диагностики дисбаланса интернализации как механизма социализации на макроуровне.....	62
<i>Фельдман В.Р.</i> Идеология в традиционном обществе: сущность, содержание, функции.....	68
<i>Бубеев А.С.</i> Понятие «этнос» и «этничество».....	71
<i>Бубеев А.С.</i> Проблема этнополитических процессов в социологии.....	74
<i>Будаева Д.Ц.</i> Оценка населением и экспертами роли СМИ в формировании общественного мнения о межэтнических отношениях народов Бурятии.....	77
<i>Винокурова А.В.</i> Трансформация семейных ценностей в контексте общественных преобразований (на примере российских и монгольских семей).....	81
<i>Жалсанова В.Г.</i> Сельское население Бурятии в начале XXI в.: проблемы и перспективы развития.....	86
<i>Уханаева Л.И.</i> Многодетная семья в современных условиях (на примере Республики Бурятия).....	90
<i>Иванова В.С., Древаль А.Н.</i> Влияние Интернета на студенческую молодежь: оценки первокурсников.....	94
<i>Баирова Т.Б.</i> Зависимость кадрового пополнения органов внутренних дел от социально-экономических тенденций в обществе.....	100

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Будаева Д.Ц., Черкун Е.Ю.</i> Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры.....	105
<i>Фельдман В.Р., Абаев Н.В.</i> Идеология в социально-политической динамике.....	109
<i>Очирова В.М.</i> Динамика развития социальной сферы России в оценке политических элит.....	113
<i>Гармаев Б.Б.</i> Природа патриотизма и формы его проявления.....	120
<i>Халбашкеев А.В.</i> «Политическая культура» как научная категория.....	124
<i>Анахин Т.В.</i> Институциональный дизайн России: эволюция общественной системы и социальная трансформация.....	129

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Абаев Н.В.</i> Влияние тэнгрианской идеологии на социальную организацию и государственность в империях хунну и монголов: некоторые методологические аспекты.....	134
<i>Хабдаева А.К.</i> Буддизм и конфуцианство в духовной культуре Китая: проблемы диалога двух традиций....	142
<i>Абаева Л.Л.</i> Несторианские раннехристианские традиции в этнокультурной истории народов Центральной Азии на основе монографии « <i>Early Christian remains of Inner Mongolia: discovery, reconstructions and appropriation</i> » by Tjalling H.F. Halbertsma (издана в серии « <i>Sinica Leidensia</i> », Volume 88, edited by Barend J. ter Haar, 2008, 359 p.).....	146
<i>Будаева З.А.</i> Бурятские народные праздники в контексте теории аккультурации.....	150
<i>Дашиева С.З.</i> Символика цвета в структуре буддийской танки.....	154
<i>Нимаева О.Э.</i> Феномен архетипов и архетипических образов в традиционной культуре бурят.....	156
<i>Гудина А.В.</i> Художественное оформление Свято-Троицкого Селенгинского монастыря (конец XVII – начало XX вв.).....	160

<i>Метляева Т.В., Коноплева Н.А.</i> Теоретико-методологические основания использования игровых методов в практике современного личностного имиджмейкинга.....	164
<i>Шиженский Р.В.</i> Дагна как религиозная категория современных литовских язычников.....	171

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Антонов В.И.</i> Неординарный лидер республики, крупный организатор науки, талантливый ученый (к 100-летию со дня рождения В.Р. Филиппова).....	175
--	-----

CONTENTS

<i>Osinskiy I.I.</i> The fifteenth anniversary of Vestnik.....	3
--	---

PHILOSOPHY

<i>Orlov A.D., Safonov A.L.</i> Social nature of the ethnical identity in the globalization context.....	5
<i>Sabadukha A.V.</i> Discursive and communicative practices as a mechanism of development of social capital in a modern world.....	9
<i>Mantatov V.V., Mantatova L.V.</i> Synergic strategies for the mankind development and environment.....	14
<i>Piletsky S.G.</i> Ethological vision of human aggressiveness.....	20
<i>Sabadukha V.A.</i> Self-concept of a scientist in the world outlook and methodological purpose of scientific activity.....	25
<i>Safonov A.L.</i> Globalisation: the end of the history or the end of the progress era?.....	32
<i>Nikulina O.V.</i> Transcendental pluralism of B.V. Yakovenko.....	38
<i>Matskevich I.V.</i> Talcott Parsons and the development of the theory of organization.....	42
<i>Kovrov A.E., Kovrov E.L.</i> Harry Frankfurt and the principle of alternate possibilities.....	46
<i>Manzhueva O.M.</i> Norbert Weiner's information ethics.....	53
<i>Burkhanov A.R.</i> Martin Heidegger on existence and existentials of human being.....	57

SOCIOLOGY

<i>Makhiyanova A.V.</i> A technique of internalization imbalance diagnosis as a mechanism of socialization at macro stage.....	62
<i>Feldman V.R.</i> Ideology in traditional society: nature, content, functions.....	68
<i>Bubeev A.S.</i> The concept of «ethnos» and «ethnicity».....	71
<i>Bubeev A.S.</i> A problem of ethnic and political processes in sociology.....	74
<i>Budaeva D.Ts.</i> Evaluation by population and experts the role of mass media in shaping public opinion concerning inter-ethnic relations of the peoples of Buryatia.....	77
<i>Vinokurova A.V.</i> Transformation of family values in the context of social changes (on the example of Russian and Mongolian families).....	81
<i>Zhalsanova V.G.</i> Rural population of Buryatia in the beginning of the XXI century: problems and perspectives of development.....	86
<i>Ukhanaeva L.I.</i> Large family in modern conditions (on the example of the Republic of Buryatia).....	90
<i>Ivanova V.S., Dreval A.N.</i> The Internet influence on students youth: freshmen evaluations.....	94
<i>Bairova T.B.</i> Dependence of personnel recruitment of the ministry of home affairs from the socio-economic trends in society.....	100

POLITICAL SCIENCE

<i>Budaeva D.Ts., Cherkun E.Yu.</i> Electol behavior and electoral preferences as elements of political culture.....	105
<i>Feldman V.R., Abaev N.V.</i> The ideology in socio-political dynamics.....	109
<i>Ochirova V.M.</i> Dynamics of development of social sphere of Russia in political elite estimation.....	113
<i>Garmaev B.B.</i> The nature of patriotism and forms of its manifestation.....	120
<i>Khalbashkeev A.V.</i> «Political culture» as a scientific category.....	124
<i>Anakhin T.V.</i> Issues of Russis's institutional design: evolutions of public system and social transformation.....	129

CULTURAL STUDIES

<i>Abaev N.V.</i> Influence of Tengrian ideology on the social organization and statehood of Hunnu and Mongol empire: some methodological aspects.....	134
<i>Khabdaeva A.K.</i> Buddhism and Confucianism in the spiritual culture of China: problems of two traditions dialogue.....	142
<i>Abaeva L.L.</i> Nestorian early Christian traditions in the ethnic and cultural history of the peoples of central Asia on the basis of the monograph «Early Christian remains of Inner Mongolia: discovery, reconstructions and appropriation» by Tjalling H.F. Halbertsma (published in the series «Sinica Leidensia», Volume 88, edited by Barend J. ter Haar, 2008, 359 p.).....	146
<i>Budaeva Z.A.</i> Buryat national holydays in the context of the theory of acculturation.....	150
<i>Dashieva S.Z.</i> Symbology of color in the structure of Buddhist thanka.....	154
<i>Nimaeva O.E.</i> The phenomenon of archetypes and archetypical images in traditional culture of the Buryats.....	156
<i>Gudina A.V.</i> The decoration of the holy trinity Selenginsky monastery on the river (late XVII-th – beginning of the XX-th century).....	160

<i>Metlyayeva T.V., Konopleva N.A.</i> Theoretical and methodological bases of role play methods use in practice of modern personal imagemaking.....	164
<i>Shizhenskiy R.V.</i> Darna as a religious category of the contemporary Lithuanian pagans.....	171

PUBLICISM

<i>Antonov V.I.</i> The extraordinary leader of Republic, talented scientist and organizer of science (to the 100th anniversary of V.R. Filippov's birth).....	175
--	-----

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2013 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95
эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Бадмаева Мария Валентиновна – тел. 21-37-44
эл. адрес: feu-bsu@mail.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58
эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48
эл. адрес: vestnik_biology@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49
эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62
эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митулов Константин Батомункич – тел. 21-64-47
эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22
эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57
эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имихелова Светлана Степановна – тел. 21-05-91
эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98
эл. адрес: kpr@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55
эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89
эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62
эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57
эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производится редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.
• Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректуре авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.
• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.
• Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.

Научное издание

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 6

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-36 152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редактор Н.Н. Балданова

Компьютерная верстка А.В. Доржиевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 26.04.2013. Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 22,55. Уч.-изд. л. 20,70. Тираж 1000. Заказ 468.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
riobsu@gmail.com